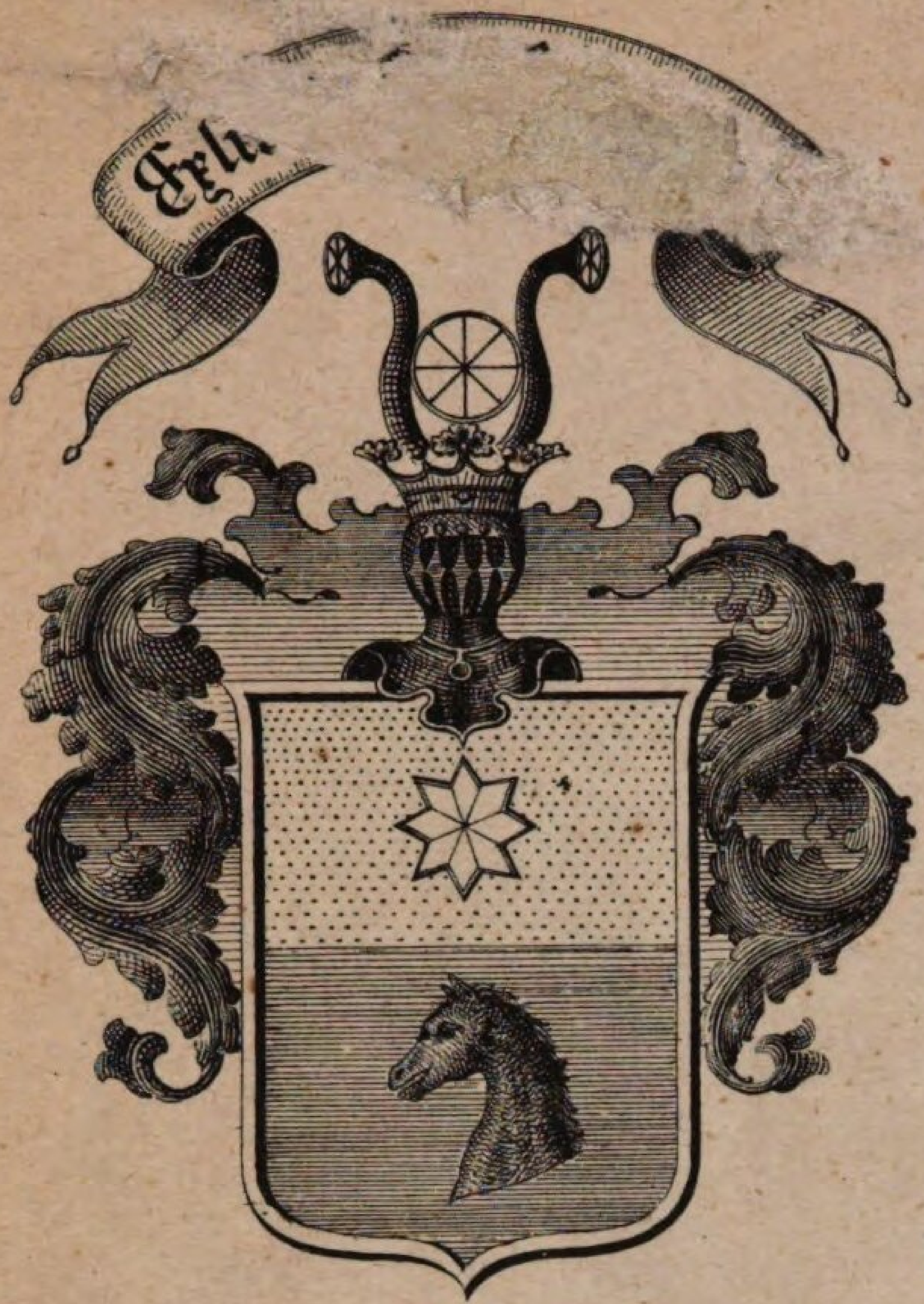
P. o. russ. 64 u (3

A. Русская литература
N. 1613
N 54

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ПАНАЕВА.

78|4515

731.

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ПАНАЕВА

ИЗДАНІЕ

ГР. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО

ТОМЪ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

1860

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 15 Сентября 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
M

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ ХЛЫЩЪ.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ ХЛЫЩЪ.

ГЛАВА I.

ДАГЕРОТИПЪ СЪ АРТИСТИЧЕСКАГО СЕМЕЙСТВА И О ТОМЪ, КАКЪ ПРІЯТНО ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ ВЪ ТАКИХЪ СЕМЕЙСТВАХЪ.

Я знаю лѣтъ двадцат Грибановыхъ. Отличнѣйшее семейство, и притомъ съ артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляютъ жизнь этого семейства. Оно совсѣмъ погружено въ изящное. Всякій артистъ, какой бы маленькій талантикъ ни имѣлъ, въ какой бы крошечной сферѣ ни дѣйствовалъ, хотя бы только искусно игралъ на балалайкѣ, навѣрно будетъ принятъ въ этомъ почтенномъ семействѣ съ распростертыми объятіями. Литераторъ бѣжитъ туда читать свое новое произведеніе, еще не оконченное; художникъ показать свои эскизы, только-что набросанные небрежно карандашемъ, и въ которыхъ ровно ничего разобрат нельзя—и тотъ и другой увѣрены, что найдутъ глубочайшее сочув-

ствіе. Хозяинъ дома, съ большимъ искусствомъ вырѣзывающій изъ бумаги силуэты; его свояченица, замѣнившая въ домѣ умершую хозяйку, превосходно лѣпящая цвѣты изъ воска; сынъ, пишущій стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой, — всѣ ахаютъ и восхищаются, слушая новое произведеніе литератора и разсматривая новые эскизы художника, и потомъ повторяютъ своимъ знакомымъ въ-теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца, каждому по очереди: «Ахъ, какую повѣсть читалъ намъ N.N.!... «Ахъ, какіе эскизы показывалъ намъ Д.Д.!...» Ахъ, сколько у нихъ таланта!...» и проч. Доброта этихъ людей простирается до того, что они приходятъ въ восторгъ отъ всякаго даже плохаго произведенія, если только оно въ первый разъ прочитано, или показано въ ихъ домѣ. Правда, о произведеніяхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ, которыя не были имъ читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вслѣдствіе искренняго убѣжденья, что ни одно замѣчательное произведеніе не можетъ не быть предварительно имъ извѣстно, что всѣ художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, пѣвцы и пѣвицы, знакомые имъ — люди, непремѣнно обладающіе высокими талантами, и что тѣ, которые не имѣютъ этой чести, едва ли могутъ имѣть и дарованіе. Нѣжная привязанность другъ къ другу, соединяющая членовъ этого семейства, по истинѣ замѣчательна. Отецъ обожаетъ своихъ дѣтей, дѣти обожаютъ отца, тетка обожаетъ племянника, племянникъ тетку... Въ этомъ домѣ всѣ обожаютъ другъ друга. Если отецъ вырѣжетъ какой нибудь новенькій силуэтикъ, сынъ

немедля приходитъ отъ него въ восхищеніе и бѣжитъ къ теткѣ.

— Посмотрите, говоритъ онъ: — какую удивительную вещицу вырѣзалъ папенька, съ какимъ вкусомъ, съ какимъ изяществомъ, это просто художественно!

— Ахъ, какая прелесть! восклицаетъ восхищенная тетка.

Если сынъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его отцу и теткѣ, отецъ, пожимая плечами отъ удивленья, со слезой на ресницѣ восклицаетъ:

— У, какъ это хорошо! Какой стихъ! Какая мысль! Я никогда ничего не слыхалъ лучше этого!

И при этомъ голосъ отца задребежитъ, умиленный, какъ порванная струна.

— Это маленькій **chef d'oeuvre**! вскрикнетъ тетка, всплеснувъ руками.

Затѣмъ оба они, и отецъ и тетка, закричатъ:

— Палагея Петровна! Палагея Петровна! Палагея Петровна!

Проживалка, въ родѣ ключницы, прибѣжитъ на этотъ крикъ, запыхавшись, но съ пріятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лицѣ ея и которая не оставляетъ ее даже въ самыя горькія минуты ея жизни.

— Что прикажете-съ?

— Послушайте-ка, матушка, скажетъ отецъ, прищолкнувъ языкомъ:—какіе новые стихи написалъ Иванъ.... лучше ничего не было написано на русскомъ!

— Ахъ, какіе стихи! повторитъ тетка.—Пожалуйста, другъ мой, не полѣнись, прочти еще разъ.

И она нѣжно взглянетъ на племянника. Пле-

мянникъ мгновенно повинуется и начнетъ читать; отецъ между тѣмъ качаетъ въ тактъ головой во время чтенія и, смотря на Палагею Петровну, говоритъ:

— Слушайте, слушайте! (хотя та и безъ того благоговѣйно слушаетъ, даже розиня ротъ отъ излишняго вниманія). — Каковъ стихъ-то! Каковъ стихъ-то. Замѣчаете, а?

И ударитъ по плечу Палагею Петровну, а самъ такъ и зальется слезами, хотя бы стихи были комическаго содержанія.

Вечеромъ, когда явятся гости, сначала проживалка, разливая чай, шепнетъ непремѣнно каждому на ушко: «Иванъ Алексѣичъ написалъ новое безподобное стихотвореніе!» Потомъ отецъ, не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ проживалки, барабаня по столу, не утерпитъ, вдругъ брякнетъ среди разговора вовсе не кстати:

— Что, Иванъ ничего вамъ не показывалъ?

— Нѣтъ-съ, отвѣтитъ гость.

— Заставьте его прочесть, онъ написалъ новое стихотвореніе... Это вещь капитальная, необыкновенно хорошо! Изъ него вырабатывается что-то очень серьёзное!

И открытое добродушное лицо старика выразитъ столько счастія при мысли, что онъ произвелъ на свѣтъ такое геніальное дитя, что и гость, даже самый нечувствительный, невольно разчувствуется.

Тетка въ свою очередь, съ свойственною ей любезностію и пріятностію занимая гостей, не упуститъ ввернуть словцо:

— Я знаю, Mr. такой-то, что вы любите поэ-

зію, или интересуетесь литературой (что нибудь въ родѣ этого). — Ахъ! если бы вы знали, какое Иванъ Алексѣичъ написалъ стихотвореніе! Мнѣ какъ родной совѣстно хвалить, но вы сами услышите. Погодите, я его упрошу прочесть.

И она начнетъ искать глазами племянника. Но племянникъ вдругъ какъ изъ-подъ полу выскочитъ передъ теткой, сладко улыбнется гостямъ; посмотритъ на нихъ заискивающими глазами и скажетъ:

— Нѣтъ, тетушка, это право не стоитъ того, довольно слабая вещица, когда нибудь послѣ, не теперь.

Но тогда гости начинаютъ приставать къ нему:

— Пожалуйста прочтите, сдѣлайте одолженіе, мы такъ много слышали....

— Ну прочти же, братецъ, прочти, вскрикнетъ вдругъ откуда-то появившійся отецъ.

Около поэта составится кружокъ, и онъ начнетъ декламировать, изрѣдка прерываемый восклицаніями: «Превосходно, прекрасно!» Послѣ декламаціи, тетка отведетъ одного или двухъ гостей въ сторону и произнесетъ шопотомъ: «Не правда ли, какой талантъ?» На что гостямъ ничего болѣе не остается какъ отвѣчать: «О, удивительный!»

Иногда сынъ потащитъ гостей въ кабинетъ отца и скажетъ имъ:

— Позвольте-ка, господа, я вамъ покажу чудную вещицу. Папенька вырѣзалъ недавно цѣлый пейзажъ.

И входя въ кабинетъ, онъ начнетъ рыться въ портфелѣ отца, приговаривая:

— Куда это старикъ зарылъ его? Не любитъ, чтобы смотрѣли... Чудакъ!... да мы отъищемъ...

погодите... Вотъ, вотъ, вотъ!... Взгляните, какъ хорошо задумано, разсмотрите эту фигуру, сколько въ ней выраженія, а это дерево? вѣдь это дубъ, настоящій дубъ!... вглядитесь хорошенько... Какое искусство!

И гости разсматриваютъ и удивляются. Въ такія минуты всегда нечаянно входитъ отецъ:

— Иванъ, Иванъ, говоритъ онъ, грозя ему пальцемъ:—что это, полно, братецъ, ну стоитъ ли это смотрѣть... Это такъ я шалю на старости, отъ нечего дѣлать.

— Помилуйте! восклицаютъ гости: — какая это шалость! Это чистѣйшее искусство!

— Оно таки точно недурно, замѣтитъ старикъ, постепенно увлекаясь, и продолжаетъ уже голосомъ дрожащимъ отъ умиленія: — вотъ обратите вниманіе особенно на эту коровку, что наклонилась къ водопою .. Поль-потеровская, коровка-то! Сколько жизни въ этомъ движеніи, замѣтьте, замѣтьте.... Ахъ, кабы не лѣта, глаза ужь служить отказываются, не то бы я еще сдѣлалъ!

И у старика закапаютъ слезы....

Въ квартирѣ Грибановыхъ, за исключеніемъ будуара и гостинной, устройствомъ которыхъ занимается Лидія Ивановна (такъ зовутъ тетку), совершенный артистическій безпорядокъ: на столахъ валяются старыя рукописи, исписанныя стихами, клочки бумаги съ различными вырѣзками, краски, книги, рисунки, и все это покрыто постоянно слоемъ пыли; но за то будуаръ и гостинная, это, такъ сказать, небольшіе храмы изящнаго: зановѣсочки, этажерочки, куколки, дѣланный и настоящій плющъ, гравированныя картинки, коврики, вышитыя по-

душки съ кисточками, цвѣтные фонарики, пресъ-папье, бронзовыя ручки, ножи для разрѣзыванія книгъ, печатки—все это размѣщенно съ замѣчательнымъ искусствомъ на весьма маломъ пространствѣ. Въ одномъ только углу будуара груда воску и краски; этотъ уголъ Лидія Ивановна называетъ своимъ *ателье*. Лидіи Ивановнѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, но при вечернемъ освѣщеніи она кажется несравненно моложе своихъ лѣтъ, чему не мало способствуютъ различныя украшенія ея туалета: пукольки, бантики, кружевца, цвѣточки, употребляемые ею въ большомъ количествѣ. Она говоритъ обыкновенно голосомъ тихимъ, болѣе подходящимъ на шопотъ, и недосказанное или недослышанное договариваетъ глазами, на которые кажется, значительно разсчитываетъ, потому что эти глаза, по замѣчанію старожиловъ, производили большое впечатлѣніе... Въ выраженіи лица и во всѣхъ ея движеніяхъ необыкновенная мягкость, которую только злые языки называютъ лицемѣрною сладостью.

Алексѣй Аѳанасьичъ (такъ зовутъ г. Грибанова) отличается простотою обращенія, искренностію въ рѣчахъ и въ манерахъ, совершенною безцеремонностью, способностью отъ всего умиляться и постоянно слезящимися глазами. Онъ весь на распашку для всѣхъ, вхожихъ въ его домъ... Ему и въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ дурной, насмѣшливый или подозрительный могъ перешагнуть черезъ порогъ его квартиры. Со всѣми одинаково простудушенъ и привѣтливъ, — онъ при всѣхъ, даже при постороннихъ дамахъ, является всегда по домашнему: въ затасканномъ сюртукѣ и въ старыхъ плисовыхъ туфляхъ, съ листомъ бу-

маги и съ ножницами. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ; но онъ кажется старѣе своихъ лѣтъ, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія бодриться и молодиться. Въ чертахъ его лица много пріятности, которая невольно располагаетъ къ нему съ перваго взгляда. Онъ не вмѣшивается ни во что въ домѣ, и если у него о чемъ-нибудь спрашиваютъ, то обыкновенно отвѣчаетъ: «Я не знаю, спросите у Лидіи Ивановны.». Онъ не распоряжается ничѣмъ, не располагаетъ ни одною копѣйкою; все, что пріобрѣтаетъ, онъ несетъ къ Лидіи Ивановнѣ. Состояніе ихъ маленькое; но чтобы «прилично поддерживать себя», какъ выражается Лидія Ивановна, Алексѣй Аѳанасьичъ очень усердно трудится и служитъ, не имѣя ни малѣйшаго расположенія къ службѣ и труду. Будь онъ одинъ, онъ и не подумалъ бы о службѣ; зимой лежалъ бы себѣ цѣлый день на боку да вырѣзывалъ бы свои силуэтики, а лѣтомъ бродилъ бы по лѣсу за грибами. Свои служебныя занятія онъ считаетъ пустяками, а дѣломъ вырѣзываніе фигурокъ изъ бумаги, и хотя служебныя занятія очень тяготятъ его, но онъ никогда на это не жалуется и никому не говоритъ, какъ это ему не посердцу, для того чтобы не огорчить Лидію Ивановну. Развѣ иногда только, когда ужь придется не въ мочь, когда его завалятъ дѣлами, онъ вздохнетъ и промолвится пріятелю: «Ахъ, если бы по больше средствъ, бросилъ бы все это и посвятилъ бы себя исключительно одному искусству. Вѣдь у меня всѣ наклонности артистическія, вѣдь я рожденъ артистомъ!»

Для Алексѣя Аѳанасьича всѣ знакомые равны:

у Лидіи Ивановны есть фавориты между знакомыми и между домашней прислугой: она не можетъ существовать безъ фаворитовъ.

Сыну Алексѣя Аѳанасьича, Ивану Алексѣичу, двадцать-четыре года, но ему кажется лѣтъ подъ тридцать. Онъ не заботится о своей внѣшности, потому что весь погруженъ въ свой внутренній міръ, весь проникнутъ своимъ призваніемъ. И Лидія Ивановна, вовсе не пренебрегающая внѣшностію, не только прощаетъ ему его небрежность, но находитъ, что въ немъ это иначе и быть не можетъ, потому что всѣ люди высшихъ талантовъ, какъ извѣстно, мало занимались своимъ туалетомъ... Она въ этомъ случаѣ совершенно справедливо разсуждаетъ про племянника: «онъ чудакъ, потому что всѣ поэты немножко чудаки!» и при этомъ съ чувствомъ родственной гордости прибавляетъ: «повѣрите ли, онъ и галстуха даже повязать не умѣетъ, я всегда сама ему повязываю галстухъ.»

На этомъ молодомъ стихотворцѣ, не умѣющемъ повязывать галстухъ, основано все счастіе, всѣ надежды, вся гордость артистическаго семейства. Это блестящій талантъ, разливающій свой блескъ на все его окружающее; центръ, около котораго группируются остальные семейные талантики. Онъ даетъ тонъ и направленіе всему семейству... Отецъ и тетка, замѣнившая мать, только отражаютъ и распространяютъ его мысли. Тѣ изъ знакомыхъ, которые не безусловно раздѣляютъ этотъ образъ мыслей и имѣютъ неосторожность обнаружить нѣкоторое противорѣчіе, утрачиваютъ обыкновено доброе расположеніе почтеннаго семейства и причисляются къ людямъ остановившимся, неспособнымъ

идти впередъ—просто къ отсталымъ. Чтобы пользоваться его постоянною благосклонностію и радушіемъ, чтобы прослыть въ семействѣ за человѣка замѣчательнаго и умнаго, необходимо въ каждый данный моментъ стоять въ уровень съ Иваномъ Алексѣичемъ: останавливаться вмѣстѣ съ нимъ, идти впередъ или отодвигаться назадъ. Но и отодвигаясь назадъ, увѣрять и себя и другихъ, что двигаешься впередъ и что тѣ, которые въ самомъ дѣлѣ идутъ впередъ, останавливаются или отодвигаются назадъ.

Приговоръ сына есть приговоръ окончательный для отца и для тетки. Онъ рѣшилъ, что у сестры Наденьки недостаетъ чувства (можетъ быть, потому что она не такъ восторгается его стихами, какъ остальные члены семейства), и они безусловно приняли этотъ строгій приговоръ, и никакіе факты не разувѣрятъ ихъ въ противномъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ въ первый разъ, глубоко огорчился... «Ахъ, жаль — думалъ онъ — Наденька моя дѣвочка славная и добрая, если бы у нея только чувства-то побольше, вотъ ея недостатокъ!» — «Но отчего же недостаетъ у нея чувства? — робко въ то же время шепталъ ему внутренній голосъ — «когда ты, напримѣръ, боленъ, она и днемъ и ночью ни на шагъ не отходитъ отъ твоей постели, она такъ заботливо ухаживаетъ за тобою....» Старикъ задумывается. У него слезы навертываются на глазахъ при вспоминаніи о томъ, что шепнулъ ему внутренній голосъ. «Нѣтъ, что̀ бы не говорили, а у нея много чувства!» продолжаетъ смѣлѣе внутренній голосъ. Старику очень хочется повѣрить внутреннему голосу; но въ эту минуту, какъ

нарочно, подвертывается сынъ и начинаетъ съ большимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностію доказывать, *что такое чувство* и почему именно у сестры недостаетъ его. Старикъ мгновенно-колеблется, слушая эти краснорѣчивыя рѣчи; онъ заглушаетъ внутренній голосъ и снова повторяетъ про себя: «Жаль мнѣ, очень жаль бѣдную Наденьку!»

Наденькѣ девятнадцать лѣтъ. Въ лицѣ ея много пріятности и много выраженія въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ. У нея есть голосокъ, и она недурно поетъ различные романсы, какъ-то: *Я видѣлъ дѣву на скалѣ, Цвѣтокъ, Сто красавицъ черноокихъ, Любила я,* и проч. Она хорошо сложена и отличается отъ всѣхъ своихъ подругъ простотою обращенія и совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ *прекрасныхъ манеръ,* которыя въ сущности ни что иное, какъ жеманство и ломанье....

Все это я говорю въ настоящемъ, хотя этому прошло много лѣтъ, но я какъ будто теперь вижу передъ собою девятнадцати-лѣтнюю Наденьку въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ клѣтчатымъ шотландскимъ поясомъ, безпечную и веселую, срисовывающую букетъ цвѣтовъ съ натуры, а противъ нея облокотившагося на столъ молодаго человѣка очень пріятной наружности, внимательно слѣдящаго за движеніемъ ея кисти. Она повременамъ взглядываетъ на него улыбаясь, и въ эти минуты лицо молодаго человѣка сіяетъ счастіемъ. Мнѣ всегда казалось, глядя на нихъ, что они созданы другъ для друга....

Я ѣзжалъ въ домъ Грибановыхъ раза два въ мѣсяцъ по четвергамъ. Это были ихъ дни. По четвергамъ сходились къ нимъ самыя близкія ихъ

знакомые, по большей части артисты и литераторы. Невозможно передать, какое радушіе и гостепріимство царствовало въ этомъ домѣ, сколько искренности расточалось со стороны хозяина, сколько любезности со стороны хозяйки, сколько предупредительности, глубокомыслія и сладкихъ улыбокъ со стороны сына. На этихъ четвергахъ всякій этикетъ былъ изгнанъ; каждый чувствовалъ себя какъ бы дома: гости являлись запросто въ сюртукахъ, приводили съ собой своихъ знакомыхъ, не предупреждая даже объ этомъ хозяевъ, и вновь представленные не болѣе какъ черезъ полчаса, ощущали будто они вѣкъ знакомы въ домѣ... Всѣ засядутъ бывало за круглый столъ, на которомъ дымится исполинскій самоваръ, закурятъ трубки и папиросы и пойдутъ толки объ искусствахъ и литературѣ. Кто нибудь изъ присутствующихъ коснется поэзіи, и при этомъ знатокъ русской словестности и отчасти литераторъ, по фамиліи Пруденскій, имѣвшій въ семействѣ репутацію отличнаго декламатора, вскочитъ со стула и съ угрожающимъ жестомъ и густымъ басомъ продекламируетъ новое стихотвореніе Ивана Алексѣича, къ несказанному удовольствію его папеньки и тетеньки, и окончивъ декламацію, съ тупою улыбкою обведетъ глазами собраніе, сядетъ, и вслѣдъ за тѣмъ посыплется градъ восклицаній: «Превосходно! чудо! какіе стихи и какъ вы декламируете!»

— Удивительно! замѣтитъ Лидія Ивановна, подкатывая глазки подъ лобъ:—а вотъ нашъ Иванъ Алексѣичъ совсѣмъ не умѣетъ читать своихъ стиховъ.

— Нечего сказать таки не мастеръ, возразитъ Иванъ Алексѣичъ пріятно усмѣхаясь.

— За то ужь писать мастеръ! прибавитъ непремѣнно Пруденскій.

— Пишетъ-то недурно, нечего сказать, недурно, промолвитъ съ самодовольствіемъ отецъ, взглянувъ на сына съ чувствомъ, и потреплетъ его по плечу.

А между тѣмъ проживалка Палагея Петровна то-и-дѣло что наливаетъ стаканъ за стаканомъ, такъ-что потъ градомъ льется изъ-подъ чепца ея; паръ отъ самовара и дымъ отъ трубокъ и сигаръ гуще и гуше разстилаются по комнатѣ, и въ этомъ чаду трудно уже наконецъ разбирать лица. Между чаемъ и ужиномъ Наденька сядетъ за фортепьяно, пропоетъ: «Сто красавицъ черноокихъ», а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, станетъ сзади ея стула и дрожащей рукой начнетъ перевертывать ноты. Когда она кончитъ, Лидія Ивановна скажетъ ей бывало: «ну, довольно» кивнетъ головой и обратится къ одной изъ постоянныхъ посѣтительницъ этихъ вечеровъ, барынѣ лѣтъ подъ тридцать, одѣтой съ необыкновенной изысканностію и безпрестанно поводящей плечами и передергивающейся.

— Аменаида Александровна, душечка, спойте намъ что-нибудь... У васъ такой прелестный голосъ. Je vous prie...

— Pour rien au monde, ma chère, я не въ голосѣ, обыкновенно возразитъ на это Аменаида Александровна: — я не могу.

— Полноте, полноте, матушка, вы всегда въ голосѣ, замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ: — садитесь-ка, садитесь-ка, что тутъ много толковать...

— Я вамъ говорю, что я не могу. Comme c'est drôle!...

Тогда сынъ подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ и начнетъ упрашивать ее... Наконецъ барыня рѣшится, встанетъ, сброситъ съ себя мантилью, обнажитъ свои плечи, обдернется и подойдетъ къ фортепьяно. Здѣсь, впрочемъ, начнется опять: «ей Богу я не могу, у меня болитъ горло; я не знаю, сколько времени я не пѣла» и тому подобное... Но дѣло всегда кончится тѣмъ, что барыня затянетъ:

Цвѣтокъ засохшій, безуханной...

Или:

Коварный другъ, но сердцу милый, и проч.

И съ послѣдней ноткой обратится къ гостямъ: «Вотъ видите ли, я совсѣмъ не могу пѣть!», и коснется рукою до горла, какъ будто желая показать, что ей тамъ мѣшаетъ что-то.—«Браво, браво!» воскликнетъ Алексѣй Аѳанасьичъ и захлопаетъ въ ладоши, посматривая на гостей и поощряя ихъ къ тому же. Тогда раздастся громъ рукоплесканій, послѣ которыхъ Лидія Ивановна подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ, промолвитъ: «Восхитительно, ma chère!» и поцалуетъ ее.

Время между тѣмъ движется по немногу. Вотъ ужь и половина двѣнадцатаго.

— А что, замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ, потирая свой желудокъ и поглядывая на Лидію Ивановну:—не пора ли и закусить, что-то ѣсть смертельно захотѣлось.

— Ну чтожъ? прикажите, замѣтитъ Лидія Ивановна.

И тогда послышится гармоническій для гостей стукъ тарелокъ и ножей. На кругломъ столѣ, на которомъ за три часа передъ тѣмъ дымился чу-

довищный самоваръ, появится добрый кусокъ солонины, сыръ, масло, груда варенаго кортофеля, а на другомъ столикѣ водка и тарелка съ солеными грибами.

— Ну-ка, господа! водочки... безъ этого нельзя, да закусите грибкомъ-то, чудные грибки! Я самъ собиралъ ихъ! воскликнетъ добродушный Алексѣй Аѳанасьичъ, наливая себѣ рюмку водки. — Садитесь, господа, садитесь... чѣмъ Богъ послалъ, не взыщите...

И всѣ размѣстятся, тѣснясь другъ къ другу за столомъ: дамы и болѣе почетные изъ мужчинъ ближе къ тому краю, гдѣ Лидія Ивановна, а остальные около Алексѣя Аѳанасьича.

— Ахъ, какая солонина-то! непремѣнно замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ, приступая къ ея разрѣзыванію: — посмотрите, посмотрите, сокъ такъ и льетъ, а жиръ-то какой, настоящій янтарь!

— Изъ *міра фантазій* перейдемте-ка, господа, къ *дѣйствительности, къ существенному*, замѣтитъ Иванъ Алексѣичъ, глядя съ пріятностью на гостей, указывая съ жадностью на солонину и кладя себѣ на тарелку два огромныхъ куска.

И въ отвѣтъ на это домашнее остроуміе всегда бывало раздастся добродушный смѣхъ.

Всякій четвергъ почти повторялось то же самое съ небольшими измѣненіями. Иногда только вдругъ, ненарокомъ появится какая нибудь неслыханная пѣвица и прокричитъ какую нибудь итальянскую арію, или невиданный дотолѣ сочинитель съ какою нибудь ассирійскою драмою...

Но раза три или четыре въ годъ у Грибановыхъ бывали большія собранія въ день чьихъ ни-

будь именинъ или рожденья. Тогда зажигались лишнія лампы, гости мужескаго пола надѣвали фраки, наѣзжало большое количество дѣвицъ и дамъ, одѣтыхъ по бальному; также показывались два штатскихъ генерала со звѣздами и одинъ военный. Въ эти торжественные вечера, на которыхъ даже самъ хозяинъ являлся не въ туфляхъ, а въ сапогахъ, артистическія занятія отлагались въ сторону: молодежь танцовала подъ фортепьяно, а люди пожилые и чиновные и толстыя барыни въ беретахъ садились за карточные столы... Но и тутъ не обходилось безъ поэзіи. Въ какой нибудь дальней комнатѣ, въ концѣ корридора, куда танцоры изрѣдка забѣгали затянуться, Иванъ Алексѣичъ собиралъ вокругъ себя небольшой кружокъ молодыхъ людей не танцующихъ, самыхъ горячихъ любителей искусства, и декламировалъ имъ свои стихи. Молодые люди благоговѣйно слушали его и, если въ комнату входилъ лакей Макаръ съ подносомъ или забѣгала за чѣмъ нибудь горничная, скрыпя башмаками и дверью, молодые люди махали на нихъ обыкновенно руками, шикали и потомъ на ключъ запирали двери, чтобы уже никто не могъ помѣшать ихъ эстетическимъ наслажденіямъ.

На этихъ вечерахъ разносили обыкновенно мороженое, конфекты, яблоки и варенья, и увеселенія оканчивались праздничнымъ ужиномъ. Ужинъ приготовлялся человѣкъ на тридцать, но гостей обыкновенно являлось человѣкъ пятьдесятъ. Добрые и гостепріимные хозяева приходили въ нѣкоторое безпокойство и все надѣялись, не уйдетъ ли авось кто либо изъ *бездѣйствовавшихъ* кавалеровъ до ужина, но эти кавалеры упорно держались въ

своихъ позиціяхъ и на лицахъ ихъ можно было прочитать, что они именнó только и ожидаютъ ужина, что они явились единственно для ужина, что они въ тоскѣ по ужинѣ и внутренно проклинаютъ эту нескончаемую мазурку, мучимые страшнымъ аппетитомъ.

Дѣло оканчивалось, однако, всегда благополучно, и всѣ возвращались домой накушавшись до сыта. Этому немало способствовала закуска передъ ужиномъ. Въ небольшей комнаткѣ, примыкавшей къ столовой, ставились минутъ за десять до ужина на двухъ ломберныхъ столахъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, водка и закуска, состоявшая изъ грудъ нарѣзанной икры, ветчины и сыра. Когда мазурка оканчивалась, всѣ кавалеры подъ предводительствомъ отца и сына, съ нѣкоторою дикостію бросались обыкновенно въ эту комнату и разомъ осаждали столъ съ закуской. Натискъ былъ такъ силенъ, что многимъ въ эту минуту отдавливали ноги или зашибали руки, и три перемѣны этихъ грудъ икры, ветчины и сыра каждый разъ, при новомъ натискѣ, исчезали въ одно мгновеніе ока. Успокоенные такимъ образомъ кавалеры приступали къ ужину уже съ гораздо мѐньшею алчностію.

Я чуть было не забылъ еще замѣчательный фактъ. Грибановыхъ нерѣдко посѣщалъ между прочими одинъ знаменитый литературный авторитетъ, которому все семейство изъявляло подобострастное уваженіе. Авторитетъ поощрялъ стихотворныя занятія Ивана Алексѣича, признавая въ немъ *несомнѣнный* талантъ. И въ благодарность за это авторитета сейчасъ же нарекли въ семействѣ высочайшимъ геніемъ, и горе было тому, кто осмѣливался об-

наружить сомнѣніе въ томъ, что онъ ниже Шекспира или Гомера. На такого смѣльчака смотрѣли какъ на слабоумнаго, или сумасшедшаго. Если авторитетъ обѣдалъ въ семействѣ, передъ его приборомъ ставили граненый хрусталь розоваго цвѣта и большія мягкія кресла; ему подавали особыя кушанья. Когда онъ дѣлалъ видъ, что желаетъ заговорить, все смолкало, а когда послѣ обѣда онъ закрывалъ глаза, развалившись въ покойныхъ креслахъ, то мухѣ не позволялось пролетѣть мимо него: всѣ на цыпочкахъ выходили вонъ, и сынъ, махая рукой отцу, имѣвшему иногда привычку напѣвать себѣ подъ носъ: «*Том-торромтомъ-томъ*», или что-нибудь въ родѣ этого, шепталъ съ сердцемъ:

— Тсс! Папенька, Бога ради не шумите. Вѣдь Григорій Петровичъ начинаетъ засыпать.

— Ай-яй-яй! прошепчетъ, бывало, старикъ: — виноватъ, виноватъ!

И, затаивъ дыханіе, едва касаясь носкомъ своихъ туфлей пола, удалится по стѣнкѣ въ свой кабинетъ.

У Лидіи Ивановны всякій разъ, когда она взглядывала на авторитетъ, захватывало дыханіе, и что̀ бы ни сказалъ онъ, хотя бы просто: «какая сегодня скверная погода!» или что-нибудь подобное, члены семейства значительно переглядывались между собою, какъ бы желая сказать этимъ взглядомъ: «У! какъ глубоко!»

Такъ, впрочемъ, всегда въ жизни: сто̀итъ только разъ пріобрѣсти себѣ репутацію геніальнаго, необыкновенно умнаго, ученаго или остроумнаго господина и потомъ смѣло, хоть цѣлый вѣкъ говорить дичь,— всѣ будутъ слушать эту дичь, розиня ротъ, подозрѣ-

вая, что подъ нею кроется что-нибудь необыкновенно глубокое. Въ одномъ домѣ, очень средней руки, какой-то тупоумный шутъ прослылъ почему-то за остроумнѣйшаго господина, и я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, какъ онъ, вбѣгая въ гостинную, закричалъ хозяйкѣ дома: «холодновато холодновато, чайку бы, сударыня, чайку бы выпить», и все общество, къ моему величайшему изумленію, такъ и покатилось отъ смѣха; а хозяинъ дома, ухвативъ себя за бока, закричалъ ему: «полно, братецъ, полно! Бога ради не смѣши!», и продолжалъ заливаться самымъ искреннимъ, самымъ непринужденнымъ смѣхомъ.

Надъ подобострастнымъ уваженіемъ семейства Грибановыхъ передъ авторитетомъ многіе подтрунивали, но мнѣ всегда казалось, что авторитетъ, допускавшій съ собою такое обращеніе, былъ гораздо смѣшнѣе самого семейства.

Грибановыхъ нельзя было не любить. Ихъ добродушіе и гостепріимство дѣйствовало на всѣхъ обаятельно. Бывало часто становится смѣшно, глядя на нихъ, но въ ту же минуту внутренно говоришь себѣ: «Однако, все-таки какіе добрые и славные люди!»

Это былъ общій голосъ.

— Элейное семейство! прибавлялъ обыкновенно Пруденскій, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей Грибановыхъ, отличавшійся особенною ловкостью и смѣлостью при осадахъ на закуски въ именинные дни.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ ХЛЫЩИ ПУСКАЮТЪ ПЫЛЬ ВЪ ГЛАЗА ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ ПРОСТЫМИ, И КАКЪ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ РОБѢЮТЪ И ДѢЛАЮТСЯ НЕЛОВКИМИ ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОСВѢТСКИМИ ХЛЫЩАМИ.

Вечеромъ въ одинъ изъ четверговъ я проѣзжалъ мимо квартиры Грибановыхъ и замѣтилъ въ ихъ окнахъ необыкновенное освѣщеніе. «Что бы это могло значить — подумалъ я — сегодня, кажется, нѣтъ ни именинъ, ни рожденья». Эти огни подстрекнули мое любопытство, и я велѣлъ кучеру остановиться у подъѣзда. Вхожу на лѣсницу— лѣстница освѣщена двумя стеариновыми свѣчами въ фонаряхъ; это озадачило меня еще болѣе, потому что даже въ торжественные дни рожденья и именинъ въ этихъ фонаряхъ обыкновенно горѣли сальныя свѣчи. Звоню съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Двери отворяются тотчасъ, что также случалось весьма рѣдко. Въ передней поражаетъ меня лампа, вмѣсто свѣчки, и сильное благовоніе отъ герковскихъ бумажекъ. «Эге! да тутъ въ самомъ дѣлѣ совершается что-нибудь необыкновенное,» подумалъ я. Удивленіе и любопытство мое возрастали съ каждымъ шагомъ впередъ. Въ залѣ, вмѣсто одной, зажжено было четыре лампы; въ гостинной сіялъ карсель, зажигавшійся разъ въ годъ и служившій болѣе для украшенія, нежели для освѣщенія комнаты; въ будуарѣ теплились всѣ фонарики, разливая красноватый и непріятный полусвѣтъ, и во

всѣхъ комнатахъ было такъ накурено духами, что дѣлалась даже небольшая тошнота и головокруженіе. Лидія Ивановна была вся усыпана цвѣточками, бантиками и пукольками; цвѣтъ лица ея былъ необыкновенно ярокъ; дочка была одѣта также по праздничному; сынъ все улыбался и ходилъ потирая себѣ руки; но, что всего удивительнѣе, на хозяинѣ дома были—сапоги; волосы его, постоянно растрепанные, были приглажены, новый атласный галстухъ подпиралъ его подбородокъ. Онъ видимо чувствовалъ какое-то безпокойство и неловкость, два раза хотѣлъ закурить сигару и, поднося къ свѣчкѣ, бросалъ ее и морщился.

— Да что съ вами, Алексѣй Аѳанасьичъ? спросилъ я его, осматриваясь кругомъ и не замѣчая въ числѣ гостей никакой особенности, ни даже авторитета: — вы какъ будто ждете, что ли, кого нибудь? У васъ что-то сегодня необыкновенное....

— Ужь не говорите! возразилъ онъ, махнувъ рукой и улыбнувшись: — я не знаю собственно, для чего все это (онъ указалъ головою на лампы), и меня заставили прифрантиться, какъ видите. Къ намъ хотѣлъ сегодня пріѣхать баронъ Щелкаловъ.... вы, я думаю, слыхали про него? Ну, прекрасно.... да чтожь онъ за такая важная птица, чтобы для него и сапоги натягивать и галстухъ новый надѣвать, да и сигары наконецъ не кури! Что мнѣ за дѣло тамъ, что онъ принадлежитъ къ высшему кругу, вѣдь не я къ нему лѣзу, а онъ ко мнѣ, слѣдовательно онъ долженъ соображаться съ моими привычками... Ну, да женщины, знаете, онѣ на это смотрятъ иначе... А мы съ вами все-таки сигарочку выкуримъ.... я васъ

угощу отличной сигарочкой, по случаю досталъ, пойдемте-ка ко мнѣ.

Мы хотѣли уже идти, какъ вдругъ раздался голосъ Лидіи Ивановны.

— Куда это, Алексѣй Аѳанасьичъ, полноте, останьтесь, послѣ накуритесь сколько угодно. Баронъ скоро пріѣдетъ, вѣдь вы хозяинъ дома.... кто же его встрѣтитъ?

Въ мягкомъ голосѣ, съ которымъ произнесены были эти слова, звучала, однако, какая-то пискливая и раздражительная нота. Алексѣй Аѳанасьичъ едва замѣтно поморщился, но вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же пріятно улыбнулся, взглянувъ на Лидію Ивановну, и произнесъ:

— Ну извольте, манушка, извольте. Быть по вашему, никуда не уйду отсюда.

И потомъ, обратясь ко мнѣ, замѣтилъ шопотомъ:

— Дѣлать нечего.... будемъ сидѣть у моря и ждать погоды.

Начался общій разговоръ, но онъ какъ-то не клеился. Лидія Ивановна и Иванъ Алексѣичъ слушали разсѣянно, безпрестанно посматривая на часы. Лидія Ивановна нѣсколько даже вздрагивала при звонкѣ, и когда въ комнату входилъ обыкновенный четверговый гость, она съ равнодушіемъ кивала ему головой, протягивала руку и говорила: «А-а-а! Это вы? Здраствуйте».

Стѣсненіе и неловкость сообщились отъ хозяевъ къ гостямъ, которымъ къ тому же хотѣлось ужасно курнуть, и въ душахъ многихъ изъ нихъ, постоянно воспѣвавшихъ Лидіи Ивановнѣ гимны и мадригалы, зашевелились въ эту минуту на ея счетъ ядовитыя эпиграммы, а самолюбіе еще под-

стрекало къ этимъ эпиграммамъ, нашептывая: «да чѣмъ же вы хуже г. Щелкалова? Отчего же для г. Щелкалова вы должны себя подвергать стѣсненіямъ и лишеніямъ? Вамъ-то что за дѣло до него?.... Пусть Лидія Ивановна, если угодно, ходитъ передъ нимъ хоть на четверенькахъ, да не стѣсняетъ для него васъ....» и тому подобное.

Пруденскій, наклонясь къ своему сосѣду и поправляя глубокомысленно золотые очки, шепнулъ ему съ выраженіемъ глубочайшей ироніи:

— Что же этотъ *достолюбезный* гость заставляетъ такъ долго ждать себя! И зачѣмъ насъ не предупредили. Мы ужъ облеклись бы въ мундиры и съ треуголками пошли бы къ нему во срѣтеніе.

Внутренній ропотъ и неудовольствіе противъ хозяевъ накипали въ груди гостей съ каждой минутой, а къ барону Щелкалову они начинали чувствовать просто непріязненное расположеніе и ожидали его, какъ врага.

Уже было половина десятаго, но никакихъ признаковъ приготовленій къ чаю. Палагея Петровна, въ чепцѣ съ голубыми бантами, повременамъ появлялась на минуту въ залу, взглянуть на часы, и потомъ снова исчезала.

Одинъ изъ гостей поймалъ проживалку.

— Послушайте, Палагея Петровна, сказалъ онъ: — ужасно пить хочется. Что у васъ будетъ нынче чай, или нѣтъ?

— Ужь не говорите! отвѣчала Палагея Петровна: — помилуйте, два часа все приготовлено. Самоваръ ужь давно кипитъ, да вотъ вишь ждутъ этого князя что-ли, какого. Слыхано ли въ самомъ дѣлѣ, до десятаго часа эдакъ маяться безъ чаю!

— Да гдѣ же приготовлено, возразилъ гость: — еще и круглый столъ не поставленъ.

— Нынче у насъ все вѣдь по модѣ, такъ какъ въ знатныхъ домахъ, замѣтила не безъ ироніи Палагея Петровна: — чай будутъ разносить на подносѣ, а я разливаю въ задней комнатѣ.

Палагея Петровна полагала, что въ знатныхъ домахъ наливаютъ всегда чай въ заднихъ комнатахъ.

Прошло еще четверть часа мучительныхъ для хозяевъ ожиданій. Вдругъ въ исходѣ десятаго часа, въ ту минуту, какъ Лидія Ивановна смотрѣла на часы, стоявшіе на каминѣ, раздался изъ передней рѣзкій звонокъ. Она быстро взглянула въ зеркало, поправила свои пукольки, прищурила нѣсколько глаза и, обратившись къ Алексѣю Аѳанасьичу, сдѣлала ему головой значительный знакъ, указывая на переднюю.

Старикъ пошелъ на встрѣчу новоприбывшему.

Пруденскій, глубокомысленно поправляя золотые очки, и другіе гости, въ томъ числѣ и я, съ любопытствомъ обратились къ двери, которая вела изъ залы въ переднюю.

Въ этихъ дверяхъ сначала показался господинъ лѣтъ за сорокъ, одѣтый щегольски, съ большими туго накрахмаленными воротничками и съ развязными манерами, — *литературный диллетантъ*, по фамиліи Веретенниковъ, изрѣдка появлявшійся по четвергамъ и болѣе или менѣе уже знакомый всѣмъ намъ.

Онъ принадлежалъ къ тому петербургскому кружку, который немного повыше средняго и очень пониже высшаго. Двоюродная сестра этого господина

была замужемъ за какимъ-то княземъ, двоюроднымъ братомъ одного значительнаго лица. Это было извѣстно всѣмъ, кому хоть сколько нибудь былъ извѣстенъ Веретенниковъ, безпрестанно употреблявшій въ разговорѣ такія фразы: *ma cousine princesse N**, *мой зять князь N*; графъ С* — двоюродный братъ моего зятя князя N**, и такъ далѣе.

Желая чѣмъ-нибудь обратить на себя особенное вниманіе своего кружка, Веретенниковъ пустился въ литературу, написалъ небольшой разсказъ изъ свѣтской жизни и прочелъ его въ одномъ салонѣ средней руки. Разсказъ былъ найденъ дамами *прелестнымъ*, и онѣ въ особенности были поражены тѣмъ, что на русскомъ языкѣ можно дѣлать недурные каламбуры: у Веретенникова было нѣсколько довольно удачныхъ. Разсказъ этотъ появился впослѣдствіи въ какомъ-то журналѣ, послѣ чего Веретенниковъ уже вообразилъ, что русская литература безъ него обойдтись никакъ не можетъ, и что деньги такъ и посыплются къ нему. Ободренный этой фантазіей, онъ началъ замышлять романъ, приступилъ къ дѣлу и черезъ нѣсколько времени явился съ началомъ романа къ журналисту съ тѣмъ, чтобы запродать свое произведеніе за какую-то баснословную сумму, замѣтивъ впрочемъ, что эта сумма назначается имъ въ помощь одному бѣдному семейству, а что самъ онъ вовсе не нуждается въ деньгахъ, что ему нѣтъ необходимости жить собственными трудами, и проч. Начало оказалось впрочемъ такъ плохо, что его и даромъ напечатать не было никакой возможности. Съ этихъ поръ диллетантъ нѣсколько охладѣлъ къ литературѣ, не писалъ ничего болѣе, а на вопро-

сы своихъ пріятелей: «Чтожь, братецъ, твой романъ-то? скоро ли онъ будетъ печататься?» отвѣчалъ обыкновенно: «Я, право не знаю, мнѣ не хочется связываться съ этими журналистами.... я напечатаю его отдѣльно.... у нихъ тамъ свои какія-то партіи.... я хочу какъ можно подальше держать себя отъ *этого міра.* Вѣдь не литераторомъ же сдѣлаться мнѣ въ самомъ дѣлѣ!...»

Знакомство его съ Грибановыми совпадаетъ съ эпохою печатанія его знаменитаго разсказа. Много лѣтъ прошло послѣ того; всѣ, разумѣется, давно забыли о его существованіи, а Веретенниковъ до сей минуты еще повторяетъ при всякомъ случаѣ: *въ моей повѣсти, моя повѣсть....* и проч.

Литераторы не любятъ Веретенникова, потому что передъ ними онъ корчитъ свѣтскаго человѣка и все толкуетъ о своихъ пріятеляхъ князьяхъ, графахъ и баронахъ; а свѣтская молодежь смѣется надъ нимъ, потому что въ кругу ея онъ корчитъ литератора.

— Имѣю честь представить.... Баронъ Щелкаловъ! сказалъ Веретенниковъ хозяину дома, указавъ на господина слѣдовавшаго за нимъ, поправивъ свои воротнички и выставивъ одну ножку въ лакированномъ сапогѣ впередъ....

Щелкалову казалось лѣтъ подъ тридцать. Онъ былъ высокаго роста и недуренъ собой: черные и волнистые густые волосы, черные довольно выразительные глаза, небольшой немного приподнятый кверху носъ и въ глазу стеклышко, съ которымъ онъ какъ будто бы родился. Одѣтъ онъ былъ съ тою щегольскою небрежностью, къ которой тщетно стремятся нѣкоторые франты всю жизнь

и такъ и умираютъ, не достигая ея; сложенъ былъ очень недурно, но держался странно, какъ будто бы всѣ члены его ослабли, завяли или развинтились: голова, казалось, едва держалась на плечахъ, руки болтались, опущенныя, спина была нѣсколько сгорблена. Съ перваго раза можно, пожалуй, было принять его за больнаго, но стоило только попристальнѣе взглянуть на него, чтобы совершенно разубѣдиться въ этомъ. Смуглое лицо его выражало, напротивъ, цвѣтущее здоровье и несомнѣнную силу. Человѣкъ простой призадумался бы при этомъ странномъ явленіи, а для человѣка свѣтскаго, оно не казалось нисколько страннымъ и объяснялось очень легко и просто довольно страннымъ словомъ — *шикъ* (du chic). Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость, завялость или развинченность, какъ хотите, была—*шикъ*.

Веретенниковъ сіялъ отъ удовольствія, представляя барона Шелкалова. Во глубинѣ своей онъ благоговѣлъ передъ Щелкаловымъ и смотрѣлъ на него какъ низшій на высшаго, потому что Щелкаловъ посѣщалъ такіе дома, которые были недосягаемы для Веретенникова, и говорилъ свободно, зѣвая, заложивъ пальцы за жилетъ съ такими дамами, при одной мысли о которыхъ у Веретенникова захватывало дыханіе; но свое благоговѣніе, свою внутреннюю подчиненность передъ Щелкаловымъ онъ скрывалъ усильно: смертельно боялся, чтобы какой нибудь наблюдательный глазъ не подмѣтилъ ее, и поэтому обращался съ нимъ неестественно фамильярно.

Хозяинъ дома крѣпко пожалъ руку Веретенникова и протянулъ ее къ барону, не безъ чувства

Баронъ слегка и разсѣяно пожалъ ее и началъ смотрѣть на стѣны въ свое стеклышко.

— Милости просимъ, пожалуйте въ гостиную, говорилъ старикъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ:— сдѣлайте одолженіе.

— Что это? спросилъ Щелкаловъ, не слушая приглашеній старика и остановя свое стеклышко на картинѣ, изображавшей какую-то дѣтскую головку. — Копія съ Грёза что ли?

— Съ Грёза̀, воскликнулъ обрадованный старикъ. — Вѣдь прекрасная вещь, не правда ли?

Онъ растрогался и началъ смотрѣть на картину слезящими глазами.

— Недурная копія, продолжалъ Щелкаловъ съ видомъ знатока, закладывая руку за жилетъ и слегка искрививъ въ сторону нижнюю губу, какъ бы желая зѣвнуть. — Вы охотникъ что-ли до картинъ?... Заходите когда нибудь ко мнѣ. У меня есть настоящій Грёзъ... Ты знаешь, Веретенниковъ, князь Чамбаровъ мнѣ давалъ за женскую головку три тысячи рублей, но я ее не отдамъ и за десять.

Лидія Ивановна, выглядывавшая изъ дверей гостиной, слѣдила съ любопытствомъ за движеніями гостя и прислушивалась къ его рѣчамъ, стараясь, впрочемъ, скрыть это отъ другихъ гостей и казаться совершенно равнодушной.

— У моего пріятеля есть настоящій портретъ Грёза̀, писанный имъ самимъ... Удивительный портретъ... Ты знаешь, Веретенниковъ — у Лёвушки?

Проговоривъ это, какъ будто бы кто нибудь заставлялъ говорить его насильно, Щелкаловъ, лѣ-

ниво волоча ноги, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился въ самыхъ дверяхъ гостиной.

Веретенниковъ юркнулъ впередъ и представилъ его Лидіи Ивановнѣ.

Щелкаловъ, не выпуская изъ глазъ стеклышка, слегка наклонилъ голову въ отвѣтъ на ея французское привѣтствіе.

— Вотъ, баронъ, моя дочь, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ:—а вотъ и сынъ, вы съ нимъ, кажется, ужь знакомы; милости прошу садиться; и старикъ подставилъ ему кресла.—Теперь пора бы и чайку, продолжалъ онъ, взглянувъ на Лидію Ивановну.

Лидія Ивановна бросила косвенный взглядъ на Алексѣя Аѳанасьича и чуть-чуть пожала плечами, какъ бы желая сказать этимъ: «да когда же вы будете умѣть себя вести при чужихъ, какъ слѣдуетъ?»

Между тѣмъ Щелкаловъ протянулъ руку сыну и заговорилъ, не обращаясь, впрочемъ, ни къ кому и все посматривая на потолокъ въ свое стеклышко, хотя потолокъ не представлялъ ничего особеннаго.

— Какъ же... мы старые знакомые... Ну что, батюшка, не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?... У васъ славный стихъ!

Стеклышко барона съ потолка перешло на хозяевъ и потомъ на гостей... Онъ началъ всѣхъ насъ разсматривать съ такою беззастѣнчивостію, съ какою обыкновенно разсматриваютъ неодушевленные предметы. Въ это время Веретенниковъ заливался, какъ соловей: разсказывалъ анекдоты, цитировалъ извѣстныя рукописныя эпиграммы и

вообще блисталъ любезностію и свѣтскостію. Зашла между прочимъ рѣчь о странностяхъ покойнаго Крылова. Лидія Ивановна ловко этимъ воспользовалась, обратилась къ барону съ пріятнѣйшею улыбкою и сказала по французски:

— Я слышала, баронъ, что вы также занимаетесь поэзіей?

— Да, такъ иногда, отъ нечего дѣлать, отвѣчалъ баронъ по русски.—У меня есть маленькая способность писать стихи.... вашъ сынъ находитъ тоже.

Щелкаловъ писалъ стихи въ альбомы разнымъ дамамъ и былъ, говорятъ, совершенно убѣжденъ, что ему стоило только небольшое усиліе, маленькій трудъ для того, чтобы стать на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Этимъ отчасти объяснялось его внезапное появленіе въ литературномъ и артистическомъ семействѣ Грибановыхъ.

— Я надѣюсь, баронъ, что вы будете такъ добры, прочтете намъ что-нибудь, продолжала Лидія Ивановна, заигравъ глазами, какъ во время оно, и устремляя ихъ на Щелкалова.

— Пожалуй, произнесъ небрежно Щелкаловъ; не смотря на нее и закинувъ голову назадъ, продолжалъ, какъ будто про себя: — У меня много стиховъ.... что̀ бы вамъ прочесть?... постойте.... постойте...

— Прочти, братецъ, возразилъ Веретенниковъ:— послѣдніе твои стихи въ альбомѣ графини Воротынцевой.... c'est *charmant! charmant!*

— Да, какъ бишь они начинаются?... У меня такая плохая память...

Я вамъ скажу, я вамъ скажу...

— О, нѣтъ, не такъ, перебилъ Веретенниковъ:— ты врешь.

«Сказать, графиня, что вы милы....

— Ахъ, да, да, да!

Сказать, графиня, что вы милы,
Что вами *нашъ* гордится кругъ;
Что вы какъ солнце; что свѣтилы
Всѣ остальные меркнутъ вдругъ,
Поглощены огнемъ и свѣтомъ
Чудесной вашей красоты;
Что ароматомъ вы и цвѣтомъ
Затмили лучшіе цвѣты, —
Цвѣтокъ роскошный и прелестный!
Но это всѣмъ давно извѣстно.
Нѣтъ! лучше это позабыть
И съ безмятежностію чинной
Любовью кроткой и невинной,
Любовью братской васъ любить!

Продекламировавъ эти стихи съ сильными удареніями и съ нѣкоторою торжественностію, Щелкаловъ обвелъ взоромъ все собраніе съ такимъ самодовольствіемъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Вѣдь вотъ вы здѣсь вѣрно все литераторы, ну, а попробуйте написать такъ!»

— Ахъ, какъ это граціозно! воскликнула Лидія Ивановна, обращаясь ко всѣмъ намъ.

Иванъ Алексѣичъ смотрѣлъ въ глаза Щелкалову во время декламаціи съ большою пріятностью, покачивая въ тактъ головою, что не помѣшало ему однакоже замѣтить сосѣду шопотомъ:

— Пошлые стищонки.... И вѣдь вотъ чѣмъ за-

бавны эти господа: напишутъ какой нибудь мадригальчикъ, думаютъ, что сдѣлали дѣло и счастливы.

Всѣ мы за исключеніемъ Веретенникова и дамъ, присутствовавшихъ тутъ, раздѣляли, кажется, о стихахъ Щелкалова мнѣніе, сообщенное намъ на ушко Иваномъ Алексѣичемъ. Всѣ мы съ нѣкоторымъ внутреннимъ негодованіемъ и отчасти даже съ злобою, смотря на него думали: «Вотъ пустѣйшій-то господинъ!» но если Щелкаловъ обращался во время разговора къ кому нибудь изъ насъ, онъ встрѣчалъ и привѣтливый отвѣтъ и привлекательную улыбку... Признаться, мы нѣсколько завидовали его смѣлости. Мы, которые были чуть не съ дѣтства знакомы въ домѣ, чувствовали себя несовсѣмъ свободными съ Надеждой Алексѣевной и даже иногда не находили предмета для разговора съ нею; а онъ, въ первый разъ въ жизни видѣвшій ее, уже сидѣлъ возлѣ нея, наклонясь къ самому ея плечу, принявъ живописно небрежную позу и такъ свободно разговаривалъ, какъ будто бы вѣкъ былъ знакомъ съ нею, такъ смѣло и дерзко глядѣлъ на нее, что бѣдная дѣвушка должна была даже вспыхивать и потуплять глаза.

— У васъ, говорятъ, очень пріятный голосъ. Правда это? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, отвѣчала Наденька:—я пою дурно.

— О! Будто?... Ну спойте что-нибудь; я вамъ скажу правду.

— Ни зачто.

— Вы капризничаете. А вотъ я пожалуюсь на васъ папенькѣ, или тетенькѣ... Это ваша тетень-

ка?... Что̀! вы, я думаю, боитесь ее?... хотите, я буду вамъ акомпанировать?

И Щелкаловъ подошелъ къ ройялю, взялъ нѣсколько аккордовъ, самъ что-то такое промурлыкалъ и между тѣмъ смотрѣлъ на Наденьку, какъ бы вызывая ее.

Лидія Ивановна начала упрашивать барона, чтобы онъ спѣлъ, говоря, что она очень много наслышана объ его удивительномъ голосѣ; Алексѣй Аѳанасьичъ присоединилъ къ этому свою просьбу.

— Пожалуй, но съ условіемъ, возразилъ Щелкаловъ, обратясь къ старику:—чтобы потомъ намъ спѣла что-нибудь ваша дочь... Иначе я не пою.

— Слышишь, Наденька? сказалъ старикъ, обращаясь къ ней съ улыбкою...

— Я надѣюсь, Nadine, что ты исполнишь просьбу барона? прибавила Лидія Ивановна.

Наденька была въ замѣшательствѣ и молчала.

— Она будетъ пѣть, я вамъ даю за нее слово, произнесла Лидія Ивановна.

— Ну, въ такомъ случаѣ, хорошо... Видите ли я не такъ капризенъ, какъ вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ, и пробѣжавъ руками по клавишамъ, запѣлъ:

Я видѣлъ дѣву на скалѣ...

У Щелкалова былъ не столько пріятный, сколько сильный голосъ — и пропѣлъ онъ не безъ эффекта.

Какъ водится раздался громъ рукоплесканій, когда онъ кончилъ, и даже Пруденскій, все время искоса смотрѣвшій на него въ свои очки, воскликнулъ: «Превосходно!» и замѣтилъ мнѣ шопотомъ

«Хотя пустой человѣкъ, но несомнѣнно обладающій свѣтскими талантами....» и при этомъ глубокомысленно поправилъ свои золотые очки.

Наденька пропѣла какой-то романсикъ дрожащимъ голосомъ, Щелкаловъ перевертывалъ ноты и говорилъ ей вполголоса одобрительнымъ тономъ: «Bravo! Bravo! Charmant!... только посмѣлѣе!» А молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, стоялъ какъ убитый, прислонившись къ печкѣ, и отъ времени до времени бросалъ сердитые взгляды на Щелкалова. Другой романсъ Наденька спѣла уже гораздо лучше. Щелкаловъ торжественно объявилъ, что у нея голосъ превосходный, чистѣйшій *soprano* и что ему не достаетъ только методы и обработки... Въ заключеніе онъ спѣлъ съ ней дуэтъ, не помню, изъ какой-то итальянской оперы и сказалъ, пристально взглянувъ на нее въ свое стеклышко, взявъ ея руку и крѣпко пожавъ ее:

— Право, недурно!.... Учитесь, продолжалъ Щелкаловъ:—у васъ отличныя музыкальныя способности. Хотите взять меня въ учители? прибавилъ онъ, улыбаясь и ни мало не обращая вниманія на ея замѣшательство.

Лидія Ивановна была въ восторгѣ отъ барона; онъ былъ героемъ этого вечера; Веретенниковъ его наперстникомъ, а всѣ мы остальные — статистами.

Этотъ вечеръ живо врѣзался мнѣ въ память со всѣми мелкими подробностями. У меня какъ теперь передъ глазами Макаръ, единственный лакей Грибановыхъ, — рослый, неуклюжій, нечистый, всегда ходившій въ длинномъ сюртукѣ и съ голыми руками,—вдругъ появившійся во фракѣ, въ

нитяныхъ перчаткахъ, съ серебрянымъ подносомъ и съ особенною торжественностью на лицѣ, прямо направлявшій шаги свои мимо дамъ къ Щелкалову, и невиданный до тѣхъ поръ въ домѣ казачекъ также въ нитяныхъ огромнѣйшихъ перчаткахъ, слѣдовавшій за Макаромъ съ другимъ подносомъ, усыпаннымъ различными хитрыми сухариками, крендельками и печеньями. Я никогда не забуду удивленія Макара, когда Щелкаловъ отказался отъ чая, и его вопросительныхъ взглядовъ, переходившихъ отъ барона къ Лидіи Ивановнѣ и обратно; трехъ безмолвныхъ барышень, сидѣвшихъ рядомъ и какъ двѣ капли воды похожихъ одна на другую, переглядывавшихся между собою при каждомъ словѣ и движеніи Щелкалова, и четвертую постарше первыхъ трехъ, пребойкую особу съ двойнымъ золотымъ лорнетомъ на цѣпочкѣ, съ взбитыми спереди и закинутыми назадъ волосами, которая послѣ *Дѣвы на скалѣ,* пропѣтой Щелкаловымъ, шепнула первымъ тремъ, такъ что я могъ ясно слышать: «Ахъ, mesdames, просто чудо, душка!...»

Щелкаловъ, разлегшись въ креслахъ, началъ что-то разсказывать, и всѣ слушали его, затаивъ дыханіе; потомъ онъ всталъ, разсѣянно подошелъ опять къ ройялю, заигралъ польку и вдругъ остановился, не кончивъ ея; сталъ посреди залы, осмотрѣлъ барышень въ свое стеклышко съ ногъ до головы и обращаясь къ Лидіи Ивановнѣ сказалъ:

— А что изъ нихъ кто нибудь полькируетъ?

Всѣ мы были поражены этимъ страннымъ вопросомъ, особенно тономъ, съ которымъ онъ былъ

предложенъ, а Пруденскій, поправивъ свои очки, замѣтилъ:

— Это уже, кажется, переходитъ за ту черту, которая раздѣляетъ свѣткость отъ наглости... И при этомъ прибавилъ съ иронической улыбкою: — Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ.

Даже восхищенные Щелкаловымъ барышни, по видимому, нѣсколько оскорбились этимъ вопросомъ, и бойкая барышня, съ двойнымъ лорнетомъ, ловко играя имъ, замѣтила по французски, нѣсколько прищуривъ глаза и не обращаясь къ барону:

— Да чтожь за новость танцовать польку? (Хотя полька надобно замѣтить, была точно въ то время еще новостью).

— А вы танцуете? спросилъ Щелкаловъ, обратясь къ ней.

Барышня засмѣялась громко и не безъ аффектаціи обвела взоромъ все собраніе, какъ бы желая обратить вниманіе на свою смѣлость, и сказала очень рѣзкимъ тономъ:

— Ну, дà. Что же изъ этого?

— Ничего особеннаго, возразилъ Щелкаловъ: — кромѣ того, что въ такомъ случаѣ я желалъ бы сдѣлать съ вами одинъ туръ.

И онъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, обвилъ одною рукою станъ барышни и, повернувъ голову назадъ, спросилъ:

— Ктожь будетъ играть?

— Nadine, съиграй ты! воскликнула Лидія Ивановна.

Наденька сѣла за ройяль. Всѣ отодвинули свои стулья къ стѣнѣ. Раздались звуки польки, и Щелкаловъ, не выбрасывая изъ глаза стеклышко, на-

чалъ извиваться по комнатѣ съ своею дамою. Это продолжалось довольно долго, потомъ онъ нѣсколько разъ перевернулъ ее и почти бросилъ на стулъ.

— Съ вами полькировать очень ловко, сказалъ онъ: — послѣ графини Высоцкой вы полькируете лучше всѣхъ, съ кѣмъ я танцовалъ.

Бойкая барышня замерла отъ восторга при этомъ замѣчаніи. Она подошла къ своимъ безмолвнымъ и робкимъ подругамъ и что-то шепнула имъ, закативъ зрачки подъ лобъ отъ умиленія, и потомъ, нахмурила брови, и съ презрительной гримасой кивнула головой въ нашу сторону.

Я угадалъ этотъ шопотъ.

Барышня шептала:

«Отъ него (т. е. отъ барона) можно съума сойдти, это ужь не то, что ваши неуклюжіе-то ученые (т. е. мы).»

Часу въ первомъ въ исходѣ, въ то время, когда уже въ залѣ накрывали на столъ и Палагея Петровна бѣгала въ попыхахъ за кулисами, бранясь съ Макаромъ и подирая за уши казачка, Щелкаловъ взялся было за шляпу. У Лидіи Ивановны выступилъ холодный потъ ужаса.

— Баронъ, что это вы? куда вы? воскликнула она. — Сейчасъ подадутъ ужинъ... Не угодно ли вамъ будетъ чего-нибудь закусить, такъ, за просто, по домашнему?

— Я никогда не ужинаю, отвѣчалъ баронъ: — и къ тому же, что-то нехорошо себя чувствую... да и пора ужь.

Баронъ взглянулъ на часы и зѣвнулъ.

— Я прошу васъ, останьтесь, баронъ, продолжала Лидія Ивановна: — можетъ быть, вамъ при-

детъ аппетитъ, и вы чего нибудь скушаете. Mr. Веретенниковъ, я васъ ни за что не пущу.

И Лидія Ивановна съ любезностію отняла у него шляпу.

— Попросите барона, чтобы онъ остался, прибавила она самымъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

— Послушай, сказалъ Веретенниковъ барону, отведя его нѣсколько въ сторону:—въ самомъ дѣлѣ останься, неловко... Они вѣдь для тебя, я думаю, состряпали неслыханный ужинъ, раззорились!... Ты если не хочешь ѣсть, то хоть посмотри на него. Все же имъ будетъ легче... Зачѣмъ этихъ бѣдныхъ людей приводить въ отчаяніе?... Останься..

— Ты думаешь? возразилъ Щелкаловъ, зѣвая:— пожалуй.

И онъ бросилъ свою шляпу, къ несказанному удовольствію Лидіи Ивановны.

— А знаете, произнесъ Пруденскій, обращаясь къ сидѣвшимъ возлѣ него, въ томъ числѣ и ко мнѣ, и понюхивая табакъ съ разстановкой и глубокомысленно, потому что Пруденскій дѣлалъ все, даже и нюхалъ табакъ, глубокомысленно:—знаете, что нѣтъ худа безъ добра. Пословицы всегда вѣрны, это практическіе выводы народной жизни. Если бы здѣсь не было сегодня этого ловкаго, свѣтскаго ѳата, мы не имѣли бы такого ужина, который насъ ожидаетъ. Я предвижу, что это будетъ нѣчто въ родѣ ѳестеня.

Ужинъ былъ дѣйствительно не обыкновенный: четыре блюда подъ различными, весьма хитрыми украшеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя представляли видъ бастіоновъ, а другія походили на готическія башни; нога ветчины была завернута въ

султанъ, искусно вырѣзанный изъ цвѣтной бумаги, а желе было иллюминовано стеариновымъ огаркомъ, вставленнымъ внутрь его дрожащихъ стѣнокъ. Поваръ обнаружилъ, если не поварской, то по крайней мѣрѣ архитектурный талантъ. Первое почетное мѣсто по правую руку отъ Лидіи Ивановны приготовлено было для барона. Лидія Ивановна указала ему рукой на это мѣсто, приглашая его сѣсть; но онъ искусно отдѣлался отъ этого, посадивъ вмѣсто себя Веретенникова, а самъ сѣлъ между Наденькой и смѣлой барышней съ двойнымъ лорнетомъ. Онъ не ѣлъ почти ничего и даже не снималъ салфетки съ своего прибора, къ великому огорченію Лидіи Ивановны, которая безпрестанно обращалась къ нему.

— Отвѣдайте этого, баронъ;—вотъ это блюдо самое легкое,—выкушайте вотъ этого вина, и прочее.

Но баронъ не слушалъ этихъ любезныхъ приглашеній; онъ что-то такое нашептывалъ въ это время своимъ сосѣдкамъ, изъ которыхъ одна все краснѣла, а другая все фыркала отъ смѣха. Несмотря на это, Лидія Ивановна безпрестанно мигала Алексѣю Афанасьичу, чтобы тотъ наливалъ вино барону. Всѣ рюмки и стаканы, стоявшіе передъ Щелкаловымъ, уже были полны, и Алексѣй Афанасьичъ принужденъ былъ наливать ему въ стаканы барышень.

— Что это за батарея? вдругъ воскликнулъ Щелкаловъ улыбаясь, и взглянувъ въ свое стеклышко на стоявшіе передъ нимъ стаканы и рюмки, наполненные разноцвѣтнымъ виномъ:—это все мнѣ?... вы полагаете, что я все это выпью?

— Отвѣдайте вотъ хоть красненькаго, отличный

лафитецъ, отвѣчалъ добродушно Алексѣй Аѳанасьичъ:—тончайшее винцо!

И какъ бы соблазняя барона, старикъ отпилъ изъ своего стакана, чмокая губами.

Щелкаловъ поднесъ свой стаканъ ко рту и только помочилъ губы... За то Пруденскій, не угощаемый ни кѣмъ особенно, ѣлъ и пилъ съ величайшимъ аппетитомъ, придерживаясь изъ винъ въ особенности мадеры.

«Это вино здоровое, укрѣпляющее, полезное для желудка—замѣчалъ онъ—способствующее пищеваренію», хотя укрѣплять Пруденскаго и способствовать пищеваренію его желудка было совершенно излишне, потому что этотъ желудокъ могъ переварить камни.

Къ концу ужина Лидія Ивановна значительно взглянула на Макара; Макаръ утвердительно кивнулъ ей головой въ отвѣтъ и явился черезъ минуту съ бутылкой, обернутой въ салфетку. Ему было настрого приказано отъ Лидіи Ивановны откупорить бутылку безъ шума, но Макаръ не выдержалъ искушенія: пробка выстрѣлила и взлетѣла къ потолку съ такимъ эффектомъ, что всѣ гости, не исключая даже Пруденскаго, вздрогнули, а Лидія Ивановна помертвѣла, бросивъ глубоко значительный взглядъ на Алексѣя Аѳанасьича и пожавъ плечами.

Щелкаловъ чокнулся своимъ бокаломъ съ бокаломъ Наденьки, а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, сидѣвшій напротивъ и слѣдившій за малѣйшимъ ея движеніемъ, безпрестанно измѣнялся въ лицѣ отъ внутренней тревоги. Онъ видѣлъ,

что Наденька перестала дичиться Щелкалова, что она свободно и непринужденно разговариваетъ съ нимъ, что его общество даже пріятно ей. Онъ видѣлъ что Щелкаловъ особенно ухаживаетъ за Наденькой; но онъ не видѣлъ того, что въ добавленіе всего этого, видѣлъ я, хладнокровный наблюдатель: досады, выражавшейся на лицѣ смѣлой барышни съ двойнымъ лорнетомъ, оттого, что Щелкаловъ болѣе оказывалъ вниманія Наденькѣ, нежели ей, и тѣхъ ироническихъ взлядовъ, которые барышня иногда бросала на Наденьку.

Послѣ ужина Щелкаловъ, съ шляпой въ рукѣ, вдругъ сказалъ, обращаясь къ Наденькѣ:

— Ахъ, да! я вамъ говорилъ давича о романсѣ, который я положилъ на музыку. Хотите имѣть понятіе о моемъ музыкальномъ дарованіи?

И не дожидая отвѣта, снялъ перчатку, бросилъ шляпу, сѣлъ къ ройялю, остановился на минуту, задумался и запѣлъ:

Любилъ твой голосъ кроткій, нѣжный,
Задумчивый, туманный взглядъ,
Твой локонъ, вившійся небрежно,
И твой обдуманный нарядъ,
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ я слушать твои рѣчи,
Твои движенья подмѣчать,
Смотрѣть на станъ твой и на плечи
И взглядъ твой пламенный встрѣчать...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ, когда въ разгарѣ бала,
По скользкимъ лаковымъ поламъ,

Ты, упоенная, летала,
Взглядъ посылая гордый намъ...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ, когда въ уединеньи,
Въ таинственный полночи часъ,
Ты говорила мнѣ въ смятеньи:—
«Скажи, кто счастливѣе насъ?»
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Всегда, вездѣ—и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ
И на яву и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ!

При послѣднемъ повтореніи: *тебя любилъ!* голосъ Щелкалова обратился въ неистовый крикъ и вопль, который однако произвелъ невообразимое впечатлѣніе на слушателей.

— **Bravo**! **bravo**! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— **Ravissant**! шепнула бойкая барышня съ лорнетомъ.

— **Bravissimo**! прибавилъ многозначительно Пруденскій. — И въ словахъ много страсти. Позвольте, это ваши собственныя слова? сказалъ онъ, обратясь къ Щелкалову.

Щелкаловъ не замѣтилъ этого вопроса.

— Этотъ романсъ, произнесъ онъ какъ будто про себя: — напоминаетъ мнѣ очень многое!

И онъ провелъ рукою по лицу, всталъ со стула, схватилъ шляпу, съ нетерпѣливымъ волненіемъ началъ натягивать перчатку, разорвалъ ее и бросилъ, взглянулъ на часы, проговорилъ себѣ подъ носъ: «Пора!», раскланялся Лидіи Ивановнѣ, пожалъ руку Наденькѣ и, кивнувъ остальнымъ головою, обратился къ Веретенникову:

— Ѣдемъ... Ты вѣдь меня везешь въ своемъ экипажѣ?

— Я надѣюсь, баронъ, что это не въ послѣднiй разъ, сдѣлайте одолженiе, мы всегда рады, раздавалось вслѣдъ за нимъ.

Алексѣй Аѳанасьичъ, проводивъ почетныхъ гостей, возвратился изъ передней, неся въ рукѣ галстухъ и дыша какъ будто свободнѣе. Намъ всѣмъ также стало полегче.

Наступила минута молчанiя.

— Вотъ нападаютъ на свѣтскихъ людей, произнесла наконецъ Лидiя Ивановна въ раздумьи:— а нельзя не сознаться, что въ нихъ много ума и талантовъ!

— Да, это правда, возразилъ Алексѣй Аѳанасьичъ: — только все таки эти господа хороши изрѣдка.

— Это почему? спросила Лидiя Ивановна недовольнымъ голосомъ.

— Потому, матушка, что хорошенькаго понемножку, отвѣчалъ онъ улыбнувшись.

ГЛАВА III.

БIОГРАФИЧЕСКIЙ ОЧЕРКЪ БАРОНА ЩЕЛКАЛОВА, ИЗЪ КОТОРАГО НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТЪ ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО ТАКОЕ ПОДРАЗУМѢВАЕТСЯ ПОДЪ СЛОВОМЪ—ХЛЫЩЪ.

У меня есть знакомый—человѣкъ очень богатый, свѣтскiй и умный. Въ свѣтѣ его не любятъ, и говорятъ, что у него злой языкъ, но свѣтъ за нимъ ухаживаетъ именно потому, что онъ богатъ и золъ.

Свѣтъ его боится. Имѣетъ ли онъ злой языкъ дѣйствительно, — я не знаю; онъ просто видитъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, владѣетъ юморомъ и высказываетъ свое мнѣніе обо всѣмъ и обо всѣхъ прямо, не входя ни въ какія соображенія и разсчеты.

Черезъ нѣсколько времени, послѣ знаменитаго вечера у Грибановыхъ, я встрѣтился у него съ барономъ Щелкаловымъ. Это было утромъ.

Щелкаловъ лежалъ, развалясь въ креслахъ, съ сигарой въ зубахъ и съ стеклышкомъ въ глазу. Хозяинъ дома назвалъ насъ другъ другу по имени.

Баронъ слегка приподнялся, сдѣлалъ движеніе головою и потомъ снова упалъ въ кресло и началъ меня разсматривать въ свое стеклышко съ ногъ до головы.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ недавно, сказалъ я.

Онъ сначала вопросительно и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ сказалъ сквозь зубы:

— Очень можетъ быть... гдѣ же это?

— У Грибановыхъ, продолжалъ я.

Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто припоминаетъ, *что это такое* Грибановы.

— Ахъ, да, проговорилъ онъ черезъ минуту:— я былъ тамъ.

Въ этотъ разъ Щелкаловъ показался мнѣ проще. Онъ ломался несравненно менѣе; все, что говорилъ, говорилъ неглупо, но хотя разговоръ былъ общій, онъ рѣдко обращался ко мнѣ, и то всякій разъ какъ будто нехотя.

Въ третій разъ я почти нечаянно натолкнулся на него въ театрѣ, въ тѣснотѣ, во время антракта

и поклонился. Онъ едва кивнулъ мнѣ въ отвѣтъ головой, потомъ взглянулъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ спросить:

«Что ты за человѣкъ и какимъ образомъ я могу быть знакомъ съ тобой? и зачѣмъ ты безпокоишь меня?»

Послѣ этого я часто встрѣчался съ нимъ въ театрѣ, на улицѣ, у нашего общаго знакомаго, но я уже не кланялся ему и не говорилъ съ нимъ. Онъ также не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Такъ прошло мѣсяца два. Въ одинъ вечеръ, въ фойе Большаго театра, кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Я обернулся и увидѣлъ передъ собою Щелкалова.

— Ну что, какъ вы поживаете? Васъ что-то невидно... А вы любите музыку?

И прежде нежели я успѣлъ удивиться, онъ продѣлъ свою руку въ мою, потащилъ меня за собою по заламъ и началъ разсказывать мнѣ о частной жизни примадонны, которая производила тогда фуроръ въ Петербургѣ, объ ея умѣ, образованіи, о его дружбѣ съ нею, о томъ, какъ она цѣнитъ его музыкальныя познанія и какъ слушается его замѣчаній. Надобно замѣтить, что это было при самомъ началѣ антракта, когда въ залахъ почти еще не было никого. Вдругъ въ самомъ жару его разсказа появился въ концѣ залы какой-то молодой человѣкъ въ мундирѣ съ аксельбантами. Щелкаловъ, увидѣвъ его, остановился на полсловѣ, бросилъ мою руку, какъ будто испуганный чѣмъ-то, и пошелъ къ нему на встрѣчу, дѣлая привѣтливые знаки рукою.

Онъ прошелся съ нимъ раза два по залѣ, и когда молодой человѣкъ съ аксельбантами оставилъ его, Щелкаловъ, остановившись среди залы, обозрѣлъ ее кругомъ въ свое стеклышко, опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ужасно душно... пить хочется... у васъ есть мелочь, дайте мнѣ... я забылъ.

Я молча подалъ барону четвертакъ, и онъ направилъ шаги къ буфету.

Такое поведеніе барона Щелкалова казалось мнѣ въ то время, по неопытности, необъяснимымъ. Я мало тогда видалъ такого рода господъ, и его личность казалась мнѣ даже оригинальною. Впослѣдствіи я коротко уже познакомился съ этою личностью, въ разныхъ экземплярахъ.

Вотъ кое-какія свѣдѣнія, собранныя мною отъ разныхъ лицъ о Щелкаловѣ, перемѣшанныя съ тѣмъ, что я самъ видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

Какимъ образомъ, когда и почему къ фамиліи Щелкаловыхъ присоединено баронское титло, этого я не знаю; дѣло въ томъ, что его дѣдушка нажилъ вдругъ огромное состояніе. Говорятъ, большія богатства никогда не наживаютъ правдой; но это говорятъ тѣ, у которыхъ ничего нѣтъ. Отецъ Щелкалова прожилъ почти все, что нажилъ дѣдъ. Отецъ задавалъ неслыханные обѣды и ужины, съ персиками, сливами, землениками и клубниками, среди зимы, въ лѣсу изъ померанцовыхъ деревьевъ; миѳологическія празднества, о которыхъ до сихъ поръ разсказываютъ старики молодому поколѣнію какъ о седьмомъ чудѣ. Щелкаловъ былъ счастливъ мыслію, что ни одна изъ извѣстностей

и знаменитостей того времени не миновала его порога, что даже самъ князь N., не удостоившій посѣщать ни кого въ теченіе по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ, изволилъ посѣтить одинъ изъ его праздниковъ, ко всеобщему изумленію и уѣзжая, приложилъ руку къ губамъ, сказавъ ему:

— Прекрасно, очень хорошо: ты человѣкъ со вкусомъ.

При чемъ у Щелкалова брызнули слезы изъ глазъ... Въ городѣ въ теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца только и разговоровъ было, что о праздникѣ барона Щелкалова, на которомъ присутствовалъ самъ князь N., да о словахъ, сказанныхъ барону княземъ N. Баронъ послѣ этого началъ пользоваться еще бо̀льшимъ уваженіемъ: на него стали слаще глядѣть, ему стали крѣпче жать руку и говорили, значительно покачивая головою:

— Съ нимъ, батюшка, шутить нечего. Къ нему ѣздитъ самъ князь N.!

Баронъ до конца жизни съ умиленіемъ разсказывалъ объ этомъ необыкновенномъ событіи. Еле движущійся отъ паралича, въ долгахъ, полузабытый всѣми, старикъ повторялъ со вздохомъ:

— Ну, по крайней мѣрѣ пожилъ! самъ князь N. удостоилъ однажды мой праздникъ!

Единственный сынъ барона Щелкалова воспитанъ былъ, въ баловствѣ и роскоши. Изъ кружевовъ и изъ блондъ онъ ужь въ колыбели смотрѣлъ гордо. Съ четырехъ лѣтъ начали ему втолковывать нянюшки, мамушки, проживалки и дядьки, что отецъ его лицо необыкновенно важное, что къ нему ѣздитъ самъ князь N., что у нихъ несмѣтное богатство, что онъ единственный наслѣдникъ,

и прочее и прочее... Его предполагали воспитывать не иначе, какъ за границей; по крайней мѣрѣ баронесса-мать непремѣнно требовала этого. За границу поѣхали, но по прошествіи трехъ лѣтъ должны были воротиться въ отечество, потому что дѣла барона пришли въ разстройство. Въ это время малюткѣ было лѣтъ десять. Щелкаловы продолжали жить хотя не съ прежнею роскошью, но еще довольно открыто. Между тѣмъ имѣніе за имѣніемъ продавалось.

Десяти-лѣтній наслѣдникъ этихъ незамѣтно таявшихъ богатствъ былъ очень хорошенькій мальчикъ. Ему всякій день завивали волосы пуклями, которые спускались до плечь; водили его въ шелку въ батистѣ, въ бархатѣ, въ перьяхъ и въ соболяхъ по Невскому проспекту. Онъ обнаруживалъ притомъ значительные таланты: болталъ на нѣсколькихъ языкахъ, прекрасно танцовалъ и на дѣтскихъ балахъ производилъ фуроръ: влюблялся, волочился и во всемъ очень искусно передразнивалъ большихъ. Отъ него всѣ были въ восторгѣ.

Лѣтъ шестнадцати онъ поступилъ въ высшее учебное заведеніе; это было послѣ смерти его матери, которая, говорятъ, не могла перенести разстройство состоянія. Товарищи не полюбили барона, потому что онъ не умѣлъ обращаться ровно: то поддѣлывался къ нимъ неизвѣстно для чего, то вдругъ начиналъ важничать и принималъ гордыя позы. Средства у него въ то время были небольшія, но онъ всегда терся около тѣхъ, которые побогаче и позначительнѣе, и началъ прибѣгать къ займамъ у мелкихъ ростовщиковъ, за огромные проценты. Окончивъ воспитаніе, онъ появился въ

свѣтѣ и былъ замѣченъ. Нашли что онъ воспитанъ недурно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ по французски какъ французъ, игралъ на фортепьяно и пѣлъ, сочинялъ русскіе и французскіе стишки, отличался во всѣхъ *спортахъ:* ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, плавалъ; былъ вообще очень смѣлъ и развязенъ, умѣлъ одѣваться съ *шикомъ* и безъ гроша въ карманѣ казаться богачемъ. Всѣ эти достоинства и молодежь, которою онъ былъ окруженъ, доставили ему сначала кредитъ, который онъ первое время послѣ смерти отца нѣсколько поддерживалъ продажею пятисотъ заложенныхъ душъ изъ восьмисотъ, доставшихся ему.

Эта продажа дала ему еще возможность блеснуть въ Петербургѣ на короткое время — орловскими рысаками, англійской кобылой, гамбсовскими мебелями, своимъ стариннымъ серебромъ, лакеемъ въ ливреѣ съ гербами и въ плюшевыхъ красныхъ панталонахъ съ щиблетами.

Онъ носился по Невскому на рысакахъ, которые бросали молніи изъ подъ-копытъ, подпрыгивалъ на англійской кобылѣ какъ истый спортсманъ; игралъ на вечерахъ и въ клубѣ въ карты по *большой*, съ людьми значительными или съ извѣстными игроками, и велъ жизнь такого рода до тѣхъ поръ, покуда средства его почти совсѣмъ истощились. Тогда онъ началъ закладывать вещи.

Заложивъ свое старинное серебро и кубки, баронъ въ первый разъ встревожился, но его прежде всего обезпокоило то, что въ столовой опустѣли этажерки; онъ долго думалъ, чѣмъ бы установить ихъ, и отправился наконецъ къ Нигри, купилъ дюжину японскихъ тарелокъ, севрское блюдо и

нѣсколько китайскихъ куколъ на деньги, отложенныя для уплаты какого-то долга. На минуту позабавивъ себя этими игрушками и полюбовавшись эффектомъ, которое онѣ производили на этажеркахъ, Щелкаловъ повѣсилъ голову и призадумался о своемъ положеніи. Онъ думалъ довольно долго, потомъ вскочилъ со стула, махнулъ рукой и сказалъ самому себѣ:

— Э! да впрочемъ, чтожь такое? все какъ нибудь обойдется. Люди съ такими связями и съ такимъ именемъ, какъ у меня, не погибаютъ!

Несмотря однако на эту счастливую мысль, онъ рѣшился вести жизнь поразсчетливѣе и поумѣреннѣе, поддерживая, разумѣется, на сколько можно свое достоинство, то есть тѣ аксесуары, безъ которыхъ нельзя же существовать *порядочному человѣку*. Онъ далъ себѣ слово не играть въ карты и опредѣлилъ въ головѣ очень благоразумно не только вообще свой бюджетъ, но даже и свои дневныя издержки. Баронъ не держалъ у себя стола и почти постоянно обѣдалъ у Леграна, который тогда только-что появился. Осуществленіе своихъ экономическихъ плановъ онъ рѣшился тотчасъ же начать съ Леграна, и отправился обѣдать съ намѣреніемъ спросить обыкновенный обѣдъ съ полу-бутылкой столоваго вина.

Войдя въ первую комнату, баронъ пріостановился на минуту; не снимая шляпы, кивнулъ небрежно хозяину ресторана и, съ своимъ стеклышкомъ въ глазу, медленно и раскачиваясь направилъ шаги свои въ слѣдующую комнату, гдѣ обыкновенно обѣдалъ. Въ этой комнатѣ, какъ нарочно, сидѣли два господина, да еще знакомые ему. При видѣ ихъ

экономическіе планы барона разлетѣлись мгновенно, какъ дымъ. Щелкаловъ почувствовалъ неудержимое желаніе, во что бы то ни стало, блеснуть передъ этими господами и озадачить ихъ. Онъ прикинулся, будто бы не узнаетъ ихъ и, остановясь посреди комнаты и не снимая шляпы, сталъ разсматривать ихъ въ свое стеклышко; потомъ промычалъ длинное:—*Аа!* сбросилъ съ себя пальто и, все-таки еще не снимая шляпы, подсѣлъ къ ихъ столу.

— Я могу обѣдать за этимъ столомъ? произнесъ онъ небрежно и потягиваясь.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчали знакомые.

Человѣкъ поднесъ ему карту, но онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ ее и закричалъ:

— Позвать Леграна. Что ты мнѣ суешь карту?.. развѣ ты не знаешь, что я никогда не обѣдаю по этой глупой картѣ?

Легранъ явился передъ барономъ, съ несовсѣмъ, впрочемъ, довольной физіономіей.

— Ну что у васъ есть сегодня? спросилъ его Щелкаловъ по французски.

Легранъ началъ ему пересчитывать различныя блюда. Онъ слушалъ его разсѣянно, дѣлая повременамъ гримасы, а между тѣмъ глубокомысленно обдумывалъ обѣдъ. Это продолжалось по крайней мѣрѣ минутъ десять. Наконецъ, изобрѣтя обѣдъ идеальной тонкости, онъ велѣлъ подать лафитъ рублей въ восемь, поставить на ледъ бутылку шампанскаго, закричалъ на людей:

— Что съ вами? вы сегодня, какъ сумасшедшіе... Развѣ вы не знаете, что я не пью изъ этого стекла? Принести тонкое стекло.

И завернувъ рукава своего сюртука, изъ-за котораго выглядывало тончайше бѣлье, съ драгоцѣнными запанками, принялся кушать.

Встрѣча въ знакомыми обошлась ему рублей въ двадцать.... Когда послѣ ликера ему подали счетъ, онъ вынулъ изъ кармана своихъ понталонъ пукъ смятыхъ ассигнацій, бросилъ на столъ сторублевую бумажку и, наливая бокалы знакомымъ, сказалъ.

— Я здѣсь всегда плачу чистыми деньгами... Эти счеты преопасная вещь... Мнѣ разъ подали счетъ и приписали рублей пятьсотъ лишнихъ.

Когда барону принесли сдачи, онъ далъ человѣку цѣлковый на водку.

Потомъ, увидѣвъ другихъ знакомыхъ, болѣе пріятныхъ, т. е., болѣе значительныхъ, тѣхъ, которыхъ баронъ, обыкновенно звалъ уменьшительными именами, онъ отправился въ ихъ компанію, спросилъ еще бутылки двѣ шампанскаго, приказалъ эти уже записать на счетъ, потомъ заѣхалъ на минутку, по дорогѣ въ театръ, къ одному изъ нихъ, сѣлъ играть въ карты, и остался до глубокой ночи: проигрывалъ, бѣсился, проклиналъ свою слабость и продолжалъ играть, въ надеждѣ отыграться, забывъ всѣ свои благоразумные планы, оперу и все на свѣтѣ.

У Щелкалова были еще тогда абонированныя кресла во второмъ ряду. Я особенно любилъ его въ театрѣ. Онъ никогда не входилъ въ театральную залу прежде половины перваго акта. Съ своимъ вѣчнымъ стеклышкомъ, всегда во фракѣ, а иногда въ бѣломъ галстухѣ въ такіе вечера, когда были большіе балы,—онъ волочитъ бывало ноги,

нѣсколько раскачиваясь и посматриваетъ безпечно кругомъ на ложи и на кресла въ свое стеклышко. Дорогою поклонится какой нибудь великолѣпной дамѣ, дружески кивнетъ головой въ пухъ разряженной m-lle Камилль, улыбнется съ едва замѣтной гримасой также въ пухъ разряженной Дарьѣ Александровнѣ, скажетъ пріятелю, сидящему въ креслахъ, довольно громко, такъ чтобы всѣ слышали: «А ты сегодня на балѣ? Ѣдемъ отсюда вмѣстѣ...» И, довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, разляжется въ кресла. Во время спектакля онъ еще непремѣнно начнетъ разговоръ знаками съ m-lle Камилль или съ Дарьей Александровной, такъ что бы это всѣ замѣтили и всѣ видѣли его отношенія къ этимъ дамамъ. Щелкаловъ въ каждую данную минуту рисовался и усиливался обращать на себя вниманіе. У него было разсчитано каждое движеніе, каждое слово, каждый взглядъ; онъ какъ будто безпрестанно боялся, чтобы его хоть на мгновеніе не смѣшали со всѣми и, казалось, говорилъ толпѣ: «Между мною и вами нѣтъ ничего общаго. Не подходите ко мнѣ близко, но если хотите любуйтесь мною издали!» Онъ въ то же время добивался изъ всѣхъ силъ, чтобы казаться совершенно равнодушнымъ ко всему, и нѣсколько утомленнымъ жизнію, боялся обнаружить какое нибуоь внутренне движеніе или чему-нибудь удивиться... но увы! никакъ не могъ постоянно выдерживать такой роли и, сознавая это, мучительно завидовалъ одному тупому господину, который, вслѣдствіе неусыпнаго стремленія къ хорошему тону, достигъ наконецъ до того, что превратился въ совершенную куклу, въ автомата,

едва удостоившаго своимъ взглядомъ людей и природу, едва говорившаго, едва слушавшаго, недоступнаго ни къ какимъ человѣческимъ движеніямъ и ощущеніямъ и не позволившаго бы себѣ, изъ уваженія къ хорошему тону, моргнуть лишній разъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ міръ вдругъ сталъ разрушаться....

Щелкаловъ понималъ всю нелѣпость этого господина, весь его комизмъ, всю смѣшную сторону такъ называемаго хорошаго тона. Онъ очень остроумно смѣялся надъ свѣтомъ, надъ его обыкновеніями и приличіями, даже изрѣдка надъ самимъ собою и, между тѣмъ, боялся на шагъ отступить отъ этихъ условій, и безпрекословно подчинялся имъ: запутывался, раззорялся, лгалъ, обманывалъ, и все изъ одной мысли не быть смѣшнымъ въ глазахъ этого свѣта, надъ которымъ самъ смѣялся. Благоразумныя намѣренія его вести жизнь поскромнѣе и поумѣреннѣе, заняться какимъ нибудь дѣломъ, служить, откладывались со дня на день. Ни одинъ изъ его опытовъ не удавался. Одинъ разъ онъ болѣе мѣсяца занимался службой очень усердно.... это замѣтили и ему поручили какое-то дѣло, но какъ нарочно въ это самое время m-lle Камиллъ потребовала, сама не зная зачѣмъ, чтобъ онъ каждое утро непремѣнно являлся къ ней... Щелкаловъ бросилъ дѣло, и ѣздилъ къ ней каждое утро, самъ не зная зачѣмъ, хотя всѣмъ и каждому говорилъ, что эта Камилла до того надоѣла ему, что онъ не знаетъ куда отъ нея дѣваться. По мѣрѣ того какъ обстоятельства его дѣлались хуже и стѣснительнѣе, его манеры и тонъ становились важнѣе и нестерпимѣе. Они доходили даже до нѣкотораго цинизма и нагло-

сти, подъ которыми баронъ хотѣлъ скрыть свои плохія обстоятельства. Онъ продалъ своихъ лошадей и экипажи, говоря одному, что хочетъ ѣхать въ чужія краи, другому, что ѣдетъ въ свои деревни, третьему, что ему досталось имѣніе отъ какого-то небывалаго родственника и онъ отправляется за полученіемъ этого имѣнія. Онъ путался на каждомъ шагу и занималъ уже безъ всякой застѣнчивости и совѣсти у кого ни попало, по большей части у молодыхъ и богатыхъ людей, только-что вышедшихъ изъ-за школьной скамейки. Онъ промѣнялъ общество своихъ сверстниковъ, которые начинали смотрѣть на него не совсѣмъ привѣтливо, на ватагу шумной молодежи, которая приняла его съ распростертыми объятіями и передъ которой онъ хвасталъ и ломался немилосердо, не прибѣгая даже къ хитростямъ, для закрытія этого хвастовства. Онъ пріобрѣлъ между ними значительный авторитетъ, потому что представилъ ихъ ко всѣмъ возможнымъ Камилламъ и Дарьямъ Александровнамъ, гдѣ былъ какъ дома. Подъ тридцать лѣтъ сдѣлался для этихъ господъ театраломъ и не пропускалъ ни одного балета, неразлучно обѣдалъ и ужиналъ съ ними въ ресторанахъ и для укрѣпленія своего авторитета даже пилъ вмѣстѣ съ ними, хотя не чувствовалъ никогда къ вину ни малѣйшаго расположенія.

Иногда, во время обѣда или ужина, онъ вдругъ обращался къ пріятелямъ:

— Господа, нѣтъ ли у кого нибудь изъ васъ денегъ? Дайте мнѣ.

Пріятели никакъ не могли подозрѣвать, чтобы баронъ нуждался и чтобы онъ былъ способенъ

прибѣгать къ такимъ опошлившимся и устарѣлымъ продѣлкамъ, и наивно спрашивали:

— Сколько?

— Разумѣется, чѣмъ больше тѣмъ лучше. Давайте сколько у васъ есть, отвѣчалъ Щелкаловъ.— Мнѣ не хочется заѣзжать домой, а я вамъ послѣ скажу, на что мнѣ нужны деньги.

Всѣ бумажники вынимались и всякій наперерывъ спѣшилъ удовлетворить его желаніе. Щелкаловъ безъ церемоніи забиралъ деньги, съ величайшимъ презрѣніемъ и небрежностью засовывая ихъ въ карманъ, какъ будто какую нибудь дрянь, вовсе безполезную ему.

— Я сейчасъ съѣзжу только на минутку, говорилъ онъ:—а вы подождите меня здѣсь.

— Нѣтъ, не ѣзди.... Останься.... послѣ.... раздавалось со всѣхъ сторонъ.

И баронъ оставался, не возвращая, однако, взятыхъ имъ денегъ.

Потомъ мѣсяца два или три послѣ этого, онъ повторялъ имъ отъ времени до времени:

— Господа, я вамъ что-то долженъ, кажется?... сколько? пожалуйста напомните мнѣ когда нибудь у меня...

Сколько разъ бывало, это ужь я видѣлъ и слышалъ самъ: онъ въ маскарадахъ, не находя своей обычной компаніи, безъ гроша и безъ кредита, только съ однимъ аппетитомъ, шляется бывало на верху тамъ, гдѣ ужинаютъ, съ своимъ стеклышкомъ и высматриваетъ въ него знакомыхъ, тѣхъ, которые позастѣнчивѣе. Высмотритъ такихъ и подойдетъ къ ихъ столу.

— Что, господа, произнесетъ онъ съ необыкно-

венною важностію и еще искривитъ нѣсколько ротъ для улыбки:—кто изъ васъ хочетъ меня угостить ужиномъ? а?...

— Очень рады, баронъ, садитесь, отвѣтятъ ему нѣсколько застѣнчивыхъ голосовъ.

— Вѣдь я вамъ обойдусь дорого, господа, я предупреждаю... прибавитъ онъ съ обязательной и пріятной улыбкой, разсаживаясь важно, выбирая блюда по картѣ и морщась, какъ будто дѣлая одолженіе позволеніемъ себя угощать. А начавъ ѣсть, непремѣнно еще замѣтитъ:—какая гадость! здѣсь нельзя ужинать.... и чортъ знаетъ, что за вино!...

Въ общихъ обѣдахъ или пикникахъ Щелкаловъ участвовалъ постоянно, требовалъ еще обыкновенно увеличенія цѣны, а когда дѣло приближалось къ разсчету, уѣзжалъ, говоря, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, или обращаясь небрежно къ кому нибудь изъ присутствующихъ, говорилъ:

— Ѳедя, или Саша, или Коля (кто случится), заплати за меня. Я отдамъ послѣ.

Новички, робкіе и неопытные, были всегда у барона въ запасѣ.

Однажды онъ поймалъ одного изъ такихъ въ корридорѣ при разъѣздѣ изъ театра. Новичекъ, переставъ быть новичкомъ, самъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Саша, сказалъ онъ ему:—ты куда ѣдешь?

— Да я, право не знаю, отвѣчалъ новичекъ.

У барона постоянно былъ прекрасный аппетитъ. Онъ не ѣлъ изъ важности только у такихъ людей, какъ Грибановы.

— Поѣдемъ ужинать къ Леграну. Хочешь?

— Да мнѣ что-то ѣсть не хочется, сказалъ Саша.

— Вздоръ, братецъ, еще захочется, возразилъ Щелкаловъ увѣрительно:—я тебѣ дамъ самый тонкій ужинъ (и онъ приложилъ пальцы къ губамъ), чудо какой! ты увидишь. Ѣдемъ.

Молодые люди сговорчивы. Саша подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:

— Ну, пожалуй.

— У тебя есть здѣсь экипажъ?

— Есть.

— Ну такъ ѣдемъ вмѣстѣ.

Щелкаловъ сѣлъ съ Сашей въ его коляску и приказалъ кучеру ѣхать къ Леграну.

Баронъ заказалъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпный ужинъ: съ устрицами, съ трюфелями, съ замороженнымъ шампанскимъ, поилъ Сашу, разсказывалъ ему анекдоты, не умолкалъ ни на минуту и все становился любезнѣе и остроумнѣе. Былъ ужь часъ третій въ исходѣ. Сашѣ захотѣлось спать.

— Подай счетъ, что слѣдуетъ съ меня? сказалъ онъ лакею, полагая, что баронъ, пригласившій его, не допуститъ его платить, но Щелкаловъ молчалъ.

Счетъ былъ принесенъ. Сашѣ слѣдовало отдать за себя рублей около пятнадцати. Саша взглянулъ на счетъ, отдалъ его лакею и сказалъ, чтобъ этотъ ужинъ записали, потому что у него нѣтъ съ собой денегъ.

А баронъ все разсказывалъ какое-то презабавное происшествіе и вдругъ остановился въ ту минуту, когда Саша возвращалъ счетъ лакею, сказавъ очень спокойно:

— Вели и мой ужинъ записать на свой счетъ. Мы съ тобою послѣ сочтемся.

И тотчасъ же продолжалъ прерванный разсказъ, какъ ни въ чемъ не бывало....

Тотъ, кто не зналъ Щелкалова коротко, а видалъ его только въ обществахъ издали и слышалъ его разсужденія, ни за что не повѣрилъ бы всѣмъ этимъ фактамъ,—столько ненависти, столько жолчи, столько презрѣнія обнаруживалъ онъ, когда рѣчь шла о какомъ нибудь низкомъ поступкѣ.

Какъ понималъ онъ назначеніе человѣка и дворянина, какъ клеймилъ недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ родовъ, какъ превосходно разсуждалъ о томъ, въ какой чистотѣ и неприкосновенности должно хранить имя, переданное отъ предковъ! и прочее, и прочее.

Въ это время я уже довольно хорошо зналъ его, но, не смотря на это, онъ приводилъ меня иногда въ недоумѣніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о моихъ знакомствахъ съ различными господами, которыхъ онъ звалъ, какъ я уже замѣтилъ, уменьшительными именами, Щелкаловъ совершенно перемѣнился со мною, сдѣлался очень любезенъ и простъ. Разъ какъ-то я его встрѣтилъ на Невскомъ.

— Куда вы? пойдемте вмѣстѣ, сказалъ онъ, продѣвая свою руку въ мою.

Разсхаживая довольно долго рука объ руку, мы разговаривали о разныхъ предметахъ. Я не разъ сомнѣвался въ его умѣ, но въ этотъ разъ долженъ былъ сознаться, что мои сомнѣнія были несправедливы, что онъ точно уменъ; что у него только слово и дѣло были въ постоянномъ разладѣ—и даже не имѣли ничего общаго между собою. Баронъ остроумно и очень ядовито преслѣдовалъ иногда

въ другихъ то, чего самъ въ себѣ не видѣлъ или не умѣлъ видѣть и въ чемъ самого его можно было поймать на каждомъ шагу.

На встрѣчу намъ попался какой-то господинъ, полный, высокій, съ правильными чертами лица, съ орлинымъ носомъ, съ важною поступью, съ самодовольной улыбкой, по видимому, одинъ изъ самыхъ гордыхъ и недоступныхъ на видъ. Онъ сдѣлалъ Щелкалову на воздухѣ какіе-то знаки рукою и чуть чуть пошевельнулъ головою, слегка улыбнувшись.

Щелкаловъ спросилъ у меня, знаю ли я этого господина? Я сказалъ, что нѣтъ.

— Какъ, неужели? возразилъ онъ, лицо его подернулось ироніей. — Это, батюшка, лицо замѣчательное.... у насъ въ свѣтѣ, въ нашемъ муравейникѣ.... Это такой-то (онъ назвалъ мнѣ его имя со всѣми принадлежащими къ нему украшеніями), видите ли.... первое — *бельомъ*, второе — богатъ, третье—глупъ и скученъ,—совершенно въ равной степени. Отъ важности и довольства самимъ собою онъ какъ будто нейдетъ по землѣ, а плыветъ по воздуху. Онъ очень хитеръ на различныя изобрѣтенія; онъ долго занимался теоріей поклоновъ и дошелъ въ этомъ до высочайшей тонкости, надо сознаться. Онъ кланяется съ удивительнымъ разнообразіемъ, смотря по степени важности и значенія человѣка въ свѣтѣ. Въ Китаѣ онъ былъ бы великимъ человѣкомъ. Ему бы надо родиться въ Пекинѣ, а не въ Петербургѣ. Самымъ значительнымъ кланяется онъ, наклоня голову въ поясъ и потомъ медленно приподнимая ее и смотря имъ прямо въ глаза съ выраженіемъ въ зрачкѣ умиле-

нія, смѣшаннаго съ безграничною преданностью; передъ менѣе значительными онъ наклоняетъ голову до ложечки, а на лицѣ у него въ это время изображается улыбка, выражающая глубочайшее почтеніе; равнымъ себѣ онъ только трясетъ головою, пріятно улыбается и въ то же время прикладываетъ руку къ губамъ; для низшихъ и малозначительныхъ у него тысячи оттѣнковъ въ поклонѣ: инымъ онъ кланяется, прикасаясь рукою къ полямъ шляпы и сохраняя строгую важность въ физіономіи; другимъ только до половины приподнимая руку; а при встрѣчѣ съ самыми послѣдними, съ самыми маленькими, по его мнѣнію, онъ только дѣлаетъ видъ, что желаетъ пошевельнуть руку для поднесенія ее къ шляпѣ. У него, впрочемъ, еще больше этихъ подраздѣленій; я вамъ говорю только о самыхъ характеристическихъ! Мнѣ онъ поклонился какъ человѣку, котораго онъ знаетъ съ дѣтства, съ которымъ встрѣчается въ свѣтѣ—это выражается у него болтаньемъ руки на воздухѣ и легкой улыбкой. Хитрый вѣдь господинъ!... Не правда ли?

Произнеся это, баронъ вдругъ поднялъ голову и началъ смотрѣть на вывѣски.

— Зайдемте вотъ въ этотъ магазинъ на одну минуту, сказалъ онъ мнѣ, оставивъ мою руку и поднимаясь на ступеньки.

Я пошелъ за нимъ.

Простота Щелкалова и его умъ внезапно оставили его у порога магазина. Передо мною очутился уже совсѣмъ другой человѣкъ, или, вѣрнѣе, передо мною опять былъ настоящій баронъ, не имѣв-

шій ничего общаго съ тѣмъ человѣкомъ, который разговаривалъ со мною за минуту передъ тѣмъ.

Онъ началъ съ того, что толкнулъ дверь магазина ногою, такъ что она съ силой хлопнула о прилавокъ и чуть не разбила стекла ящика, за которымъ хранились вещи.

— Пару перчатокъ... мой номеръ! закричалъ онъ по французски и, засунувъ руку за жилетъ, началъ зѣвать принужденно и вслухъ, небрежно разсматривая разныя вещи въ свое стеклышко.

— Какого цвѣта перчатки, господинъ баронъ? спросилъ магазинщикъ.

— Gris-perle.... А вѣдь это не дурно! пробормоталъ онъ, обращаясь ко мнѣ и ткнувъ своей палкой какую-то черепаховую шкатулку съ бронзой.— Сколько стоитъ?

— Сто рублей серебромъ, господинъ баронъ отвѣчалъ магазинщикъ.

— Это дорого.... Ну чтожь перчатки?

— Вотъ, господинъ баронъ!

— И магазинщикъ подалъ ему перчатки, завернутыя въ бумажку.

Баронъ взялъ ихъ, положилъ къ себѣ въ карманъ, проговорилъ: «на счетъ», опять зѣвнулъ въ слухъ и, едва передвигая ноги, какъ-то еще особенно шаркая ногами, направился къ выходу, потомъ остановился, полуобернулся и сказалъ магазинщику, провожавшему его:

— На дняхъ.... я зайду.... меня просили... Я у васъ куплю рублей на пятьсотъ.

И съ этими словами вышелъ, захлопнувъ дверью и чуть не прихлопнувъ еще меня.

Когда баронъ пересталъ абонироваться на оперу, онъ сдѣлался въ театрѣ еще замѣтнѣе. Онъ не пропускалъ ни одного представленія, хотя ужь потомъ никогда не покупалъ креселъ. Онъ зналъ почти всѣ абонированныя кресла первыхъ рядовъ, потому что они всѣ принадлежали его знакомымъ; зналъ, кто изъ нихъ пріѣзжаетъ въ какое время, и по этому разсчету садился на чье нибудь кресло, а при появленіи его владѣтеля пересаживался на другое и, такимъ образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, наконецъ, успокоивался на какомъ нибудь пустомъ, никѣмъ не занятомъ креслѣ, потому что въ оперѣ въ первыхъ рядахъ бываетъ такихъ много. Если же театръ бывалъ полонъ, то онъ взойдетъ обыкновенно въ партеръ, обведетъ стеклышкомъ ложи; знакомыхъ окажется, разумѣется, довольно, и онъ въ продолженіе спектакля кочуетъ изъ ложи въ ложу.

Я сблизился съ Щелкаловымъ въ то время, когда у него уже не было ни креселъ въ театрѣ, ни лошадей на конюшнѣ, ни экипажей въ сараѣ, хотя одинъ изъ лакеевъ его все еще красовался въ красныхъ плюшевыхъ штанахъ и въ гербовой ливреѣ, которая, впрочемъ, была уже значительно поношена. Квартира его въ это время заключалась только въ трехъ небольшихъ пріемныхъ комнатахъ, въ которыхъ, впрочемъ, отъ мебели не было проходу. Тутъ была и мебель работы лучшихъ мастеровъ, за которую еще не были заплачены деньги, хотя матерія, ее покрывавшая, давно изтрепалась и изпачкалась, и старинная сборная мебель, до которой баронъ былъ большой охотникъ, купленная имъ на чистыя деньги въ разныхъ ла-

вочкахъ на толкучемъ, и старинныя бронзы, и фарфоры, и ковры, и драпри у дверей и оконъ.

Однажды я зашелъ къ нему. Ливрейный лакей, по обыкновенію, побѣжалъ докладывать. Баронъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу въ китайскомъ шелковомъ халатѣ съ цвѣтами и птицами и въ туфляхъ съ загнутыми носками. Онъ, шлепая туфлями, лѣниво передвигалъ ноги.

— Очень радъ, сказалъ онъ, взявъ меня за руку и пожавъ ее.—Извините, что я принимаю васъ въ такомъ костюмѣ (и баронъ распахнулъ свой халатъ и засмѣялся). Пойдемте ко мнѣ, въ мой кабинетъ: тамъ мы можемъ усѣсться покойнѣе.

(Это было мѣсяцевъ черезъ пять послѣ вечера у Грибановыхъ).

Онъ усадилъ меня въ покойное кресло, сѣлъ противъ меня и распахнулъ грудь, вѣроятно для того, чтобы обратить мое вниманіе на свое превосходное бѣлье; онъ ничего не дѣлалъ безъ намѣренія.

— Вы курите? спросилъ онъ меня.

Я кивнулъ утвердительно головою.

— Что, сигары или турецкій табакъ?

— Сигары, отвѣчалъ я.

— И прекрасно дѣлаете, возразилъ Щелкаловъ: — съ хорошей сигарой ничто въ свѣтѣ не сравнится, я вамъ дамъ отличнѣйшую. Они, правда, дороги, мнѣ обошлись рублей по двадцати за сотню; но вѣдь все хорошее, къ сожалѣнію, дорого!

Баронъ позвонилъ и, когда человѣкъ явился, онъ приказалъ ему придвинуть старинную шкатулку съ перламутовыми инкрюстаціями, въ которой лежало нѣсколько сигаръ.

— Вещь не дурная, замѣтьте, сказалъ онъ мнѣ,

указывая на шкатулку.—Этотъ ящикъ подаренъ моему отцу княземъ N, и достался ему отъ его бабушки графини Анны Петровны. Историческая вещь!

Баронъ открылъ ящикъ, вынулъ сигару, придвинулъ ко мнѣ свѣчу, и началъ разсказывать мнѣ о пирахъ и празднествахъ своего отца, о князѣ N., который ѣздилъ къ нему одному, былъ съ нимъ очень друженъ, и прочее, и прочее. Разсказъ его показался мнѣ очень интереснымъ, но впослѣдствіи онъ повторялся при мнѣ неоднократно и, какъ я замѣтилъ, съ различными прибавленіями и украшеніями, что заставило меня нѣсколько усомниться въ его исторической достовѣрности.

— У меня есть много любопытныхъ данныхъ, прибавилъ Щелкаловъ въ заключеніе, подойдя къ шкафу, открывъ дверцы и указавъ на какія-то бумаги, перевязанныя веревкой: — записки моего дѣда, отца, переписка его съ княземъ... Я когда нибудь на досугѣ примусь за этотъ хламъ, изъ всего этого можно составить интересную статью.... Ну а что, сигары хороши?

— Отличные, отвѣчалъ я.

Они въ самомъ дѣлѣ были таковы. Онъ самъ закурилъ пахитоску, выпустилъ тонкую струю дыма и вдругъ предложилъ мнѣ вопросъ совершенно неожиданный:

— А что, вы часто бываете у нашихъ *общихъ* знакомыхъ... у Грибановыхъ?

До этой минуты онъ не только ни слова не говорилъ о нихъ, даже, казалось, избѣгалъ и напоминанія.

— Бываю довольно часто, отвѣчалъ я: — они люди очень добрые.

— Да, кажется, возразилъ Щелкаловъ: — хотя надо признаться, что немного смѣшные, вѣдь правда? И барыня мнѣ эта не совсѣмъ нравится... тетка, что ли? Она ужь очень чувствительна и все говоритъ на французскомъ діалектѣ. Впрочемъ, у всѣхъ такого рода барынь слабость къ французскому діалекту.

Щелкаловъ помолчалъ съ минуту.

— А дочка... она вѣдь миленькая, кажется?

— Очень, отвѣчалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ?... И у нея такъ себѣ есть голосокъ для домашняго обихода... Да что про нее можно говорить? Вы не влюблены въ нее?...

— Нисколько, продолжайте смѣло.

— Да съ... ну а скажите пожалуйста, можно за нею эдакъ.... приволокнуться?

— То есть какъ, *эдакъ*? Это семейство очень честное и почтенное.

— О, да я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь! воскликнулъ Щелкаловъ: — я разумѣю волочиться самымъ невиннымъ образомъ... А то, пожалуй еще, эти тетеньки и папеньки, они будутъ косо смотрѣть на это, а? Вѣдь я мало знаю эти буржуазные нравы.

— Очень можетъ быть, сказалъ я, хотя подумалъ, что тетенька была бы отъ этого въ совершенномъ восторгѣ.

— Развѣ приволокнуться мнѣ, на старости лѣтъ! проговорилъ онъ черезъ минуту, зѣвнувъ и потянувшись:—потому что *это* ужь все надоѣло мнѣ.

Съ этимъ словомъ Щелкаловъ придвинулъ къ себѣ китайское блюдо, стоявшее на столѣ у него подъ рукою, и тотчасъ же оттолкнулъ его. На

этомъ блюдѣ была груда разноцвѣтныхъ записочекъ и писемъ: кружевныхъ, съ бордюрчиками, съ вензелями, съ именами, съ гербами, и прочее. До этой минуты я не обратилъ на него вниманія.

— А что это такое? спросилъ я нарочно.

— Это? возразилъ онъ съ принужденной улыбкой:—различныя мои воспоминанія, глупости, billets-doux; это матеріалы для моей біографіи, если я когда нибудь и за что-нибудь удостоюсь ея. Здѣсь есть, впрочемъ, много любопытнаго. Я иногда роюсь въ этихъ воспоминаніяхъ не безъ удовольствія... Лучше имѣть хоть какія нибудь воспоминанія, чѣмъ ничего; правда?

— Я думаю.

— Баронъ опять придвинулъ блюдо къ себѣ и началъ перебирать записки, не упуская случая подсовывать мнѣ подъ носъ, какъ будто нечаянно тѣ, на которыхъ красовались гербы и короны. Двѣ или три записки на французскомъ языкѣ безъ запятыхъ и точекъ онъ тутъ же бросилъ въ каминъ, показавъ мнѣ предварительно первыя строки.

Въ этихъ запискахъ Щелкалова называли: *mon petit Sacha,* и вслѣдъ за тѣмъ рѣчь начиналась о деньгахъ.—Это отъ Камишки, прибавилъ онъ съ улыбкою.

Я слышалъ что Щелкаловъ съ этой m-lle Камиллой имѣлъ какую-то непріятную исторію, что онъ будто взялъ у нея брилліанты для того, чтобы отвезти ихъ въ починку, заложилъ ихъ и проигралъ эти деньги, что-то въ родѣ этого; что она вездѣ объ этомъ кричала, но потомъ примирилась съ нимъ, потому что онъ не только выкупилъ эти брилліанты и возвратилъ ихъ ей, но еще въ

добавокъ поднесъ ей какой-то браслетъ довольно значительной цѣны.

— А вотъ письмо, сказалъ Щелкаловъ, выбравъ одно изъ груды и подавая его мнѣ:—прочтите, это стоитъ того.

Письмо это было написано самымъ изящнымъ французскимъ языкомъ и почеркомъ и было проникнуто самою безумною страстію.

— Ну что? каково? возразилъ онъ, когда я возвратилъ ему письмо: — и если бы вы знали, что̀ это была за женщина! Я не стоилъ ее, не зналъ ей цѣны. Мнѣ всякій разъ становится досадно и больно за себя...

— И онъ ударилъ кулакомъ по столу.

Въ этой женщинѣ было все—и красота, и умъ, и поэзія; отъ выраженія глазъ ея можно было съума сойдти: за нею волочились всѣ, все было безумно влюблено въ нее... Я, знаете, рѣдко могу чѣмъ-нибудь увлечься; но, говоря объ ней, вспоминая объ ней, вы видите, я не могу быть равнодушнымъ.

Щелкаловъ точно представлялъ видъ человѣка взволнованнаго.

— Вы ее не знали, продолжалъ онъ: — вамъ могу я показать это, не компрометируя ея памяти.

Онъ отворилъ столъ, вынулъ изъ стола коробку, а изъ коробки медальонъ и подалъ его мнѣ.

Въ этомъ медальонѣ былъ вдѣланъ портретъ женщины, красоты почти идеальной; по крайней мѣрѣ мнѣ не случалось встрѣчать такихъ женщинъ.

— Не правда ли, хороша? спросилъ Щелкаловъ.

— Даже невѣроятно, отвѣчалъ я.

— Именно невѣроятно... c' est le mot! Да, она была во всѣхъ отношеніяхъ *невѣроятна*.

Онъ взялъ отъ меня медальонъ, посмотрѣлъ на него, спряталъ въ столъ и задумался.

— А не правда ли? сказала онъ черезъ минуту: — мы живемъ глупою, изломанною, исковерканною жизнію?

— Да, это правда, отвѣчалъ я.

— Эге! вскрикнулъ вдругъ Щелкаловъ, взглянувъ на часы. — Да ужь половина втораго... Я въ это время всегда завтракаю. Не хотите ли вмѣстѣ со мною?

Я отвѣчалъ, что никогда не завтракаю, но баронъ позвонилъ, не обративъ вниманія на мой отвѣтъ.

— Дайте намъ чего-нибудь позавтракать, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ минуту на серебряномъ подносѣ принесенъ былъ только что початой страсбургскій пирогъ, различныя холодныя закуски на китайскихъ тарелкахъ и двѣ бутылки: одна съ лафитомъ, другая съ мадерой, также початыя.

Нашъ общій знакомый, господинъ съ злымъ языкомъ, увѣрялъ меня, что эти закуски, этотъ пирогъ и вина — все это театральное; что это не болѣе, какъ пуфъ, выставка серебрянаго подноса и китайскихъ тарелокъ, для поддержанія кредита.

Я самъ, впрочемъ, не могъ убѣдиться въ этомъ, потому что ни къ чему не прикасался, а баронъ тоже едва ковырнулъ только страсбургскій пирогъ и выпилъ менѣе полрюмки мадеры.

Когда я уходилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— А знаете ли; соберемся когда нибудь къ Грибановымъ... а?

— Пожалуй, отвѣчалъ я: — но они скоро переѣзжаютъ на дачу.

— Право? а куда?

— Къ выборгской заставѣ.

— А-а! это кстати, а я буду жить на Черной рѣчкѣ. Это недалеко. Я люблю ходить, и хожу очень много... Я буду заходить къ нимъ. Я надѣюсь, что мы будемъ тамъ видѣться.

И онъ пожалъ мою руку.

Но еще до переѣзда его на дачу мнѣ было суждено сойтись съ нимъ у нашего пріятеля, господина съ злымъ языкомъ.

Господинъ съ злымъ языкомъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ очень извѣстномъ намъ обоимъ промотавшемся лицѣ, которое имѣло привычку занимать деньги, бросаясь на колѣни и повторяя: «Семейство, дѣти, казенныя деньги затратилъ... Завтра ревизія... я погибъ!» Эта штука дѣйствовала на нѣкоторыхъ, и это лицо выползывало себѣ довольно значительныя суммы, на которыя потомъ задавало тону и блестѣло между своими пріятелями, соря деньгами.

Во время этого разсказа явился Щелкаловъ.

По шуму, съ которымъ онъ вошелъ, по его болѣе чѣмъ когда либо неприступнымъ замашкамъ, по его веселости — онъ напѣвалъ какую-то бравурную арію — надобно было предполагать, что онъ перехватилъ значительныя деньги у какого нибудь новичка.

Онъ разлегся въ кресло, посвистывая; началъ выбивать пыль изъ панталонъ своей палочкой и прислушиваться къ нашему разговору.

— А-а! да я знаю, о комъ идетъ рѣчь, перебилъ онъ. — Вотъ шутъ-то!...

— Такихъ шутовъ много, замѣтилъ нашъ прiятель.

— Да и то правда! возразилъ безпечно Щелкаловъ. — Ахъ, господа, продолжалъ онъ: — вы любители артистическихъ вещей и знатоки. Я вамъ покажу вещицу со вкусомъ.

Говоря это, онъ вытаскивалъ что-то изъ кармана своего пальто. Вытащивъ сафьянную коробочку, онъ открылъ ее, вынулъ изъ нея какую-то небольшую игрушку и показалъ намъ. Это была печать съ его гербомъ, ручка которой изображала фигуру превосходно вычеканенную изъ серебра.

— Не правда ли, артистически сдѣлано? прибавилъ онъ. — Какая тонкая работа! а? Бенвенуто-Челлини!

— Хорошо, хорошо! сказалъ хозяинъ дома, разсмотрѣвъ печатку и отдавая ее Щелкалову. — Ба! да это еще что у тебя за новое украшенiе?

Онъ взялъ его руку и началъ разсматривать перстни украшавшiя одинъ изъ его пальцевъ.

— Тутъ только одинъ новый, сказалъ Щелкаловъ и указалъ на отличнѣйшую жемчужину, обдѣланную въ золотѣ.

— Недурная вещь! а признайся, мой милый, вѣдь ты соришь деньгами въ родѣ того господина, о которомъ мы сейчасъ говорили?

— Какой вздоръ! воскликнулъ Щелкаловъ, сдѣлавъ гримасу и пожавъ плечами. — Чтожь тутъ общаго? Хорошо сравненiе!... Очень любезенъ, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ и смѣясь:—ставитъ меня на одну доску съ эдакимъ бариномъ!

— А чтожъ? онъ бросалъ деньги на однѣ глупости, ты бросаешь на другія. Оба вы занимаете. Или, можетъ быть, ты получилъ наслѣдство? Въ самомъ дѣлѣ откуда у тебя всѣ эти драгоцѣнности?

Щелкаловъ сдѣлалъ гримасу.

— Какое наслѣдство? что ты бредишь? что съ тобой сегодня?... Во-первыхъ, эти вещи мнѣ подарены, а во-вторыхъ, если бы я и купилъ ихъ, то это такая дрянь, такая бездѣлица, для пріобрѣтенія которой не нужно, кажется, получать наслѣдства.

— Ахъ, да я и забылъ, замѣтилъ съ улыбкою пріятель: — что ты необыкновенно счастливъ на женщинъ... Можетъ быть это сувениры?

Разговоръ принималъ для Щелкалова направленіе нѣсколько щекотливое и онъ вдругъ прервалъ его:

— Ну, полно вздоръ говорить... скажите-ка, господа, лучше, гдѣ вы завтра обѣдаете? вы не дали никому слова?

— Зачѣмъ тебѣ это? спросилъ хозяинъ дома.

— Затѣмъ, отвѣчалъ онъ: — что я зову васъ обоихъ передъ переѣздомъ на дачу отобѣдать со мной завтра, въ какомъ нибудь кабакѣ... Я васъ угощаю, разумѣется... Будетъ еще человѣка два нашихъ общихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, сказалъ хозяинъ дома рѣшительно:— я не буду, это пустяки.

— Почему! Что такое?...

— Разумѣется, пустяки, потому что ты деньги эти можешь употребить съ бо̀льшею пользою,—напримѣръ... уплатить ими какой нибудь изъ долговъ.

Баронъ весь вспыхнулъ.

— Я не прошу тебя входить въ мои дѣла и распоряжаться ими, я съумѣю это сдѣлать и безъ тебя. Если же тебѣ нужны деньги, которыя я у тебя взялъ, ты могъ бы сказать это прямо, не прибѣгая къ наставленіямъ и къ морали, которую я не терплю... Вотъ твои деньги.

Онъ вытащилъ пачку ассигнацій изъ кармана панталонъ, смялъ ихъ въ рукѣ и гордо бросилъ на столъ.

— Мнѣ деньги эти теперь вовсе ненужны, а тебѣ онѣ, вѣроятно, пригодятся; возьми ихъ назадъ и успокойся. Человѣку хорошаго тона ни въ какомъ случаѣ неприлично такъ выходить изъ себя.

— Но... началъ было баронъ мрачно.

И вдругъ остановился, захохоталъ громко и принужденно, схватилъ своего пріятеля за плечи и сквозь этотъ натянутый смѣхъ произнесъ, глядя на него пристально:

— Чудакъ! ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ сержусь? ты принялъ это серьёзно?

— Нѣтъ! Я знаю, что ты бросилъ эти деньги для того только, чтобы показать намъ, что у тебя есть деньги. Я тебя вижу насквозь, любезный!

— Что же удивительнаго?... и не одного меня, надѣюсь? возразилъ Щелкаловъ, улыбаясь принужденно. — Ты, братъ, видишь всѣхъ насквозь...

Онъ обратился ко мнѣ и продолжалъ какимъ-то торжественнымъ тономъ, указывая на нашего пріятеля:

— Да, батюшка, передъ нимъ всѣ мы мальчишки! Онъ имѣетъ полное право читать намъ мораль, потому что онъ смотритъ на жизнь просто и здраво; онъ не зараженъ этими предразсудками,

которые уродуютъ всѣхъ насъ; онъ не спутанъ ими, какъ мы... Вы знаете, что онъ всѣмъ высказываетъ въ глаза прежестокія истины; онъ безпощаденъ... Это бичь нашихъ слабостей, нашъ Ювеналъ.

— Эхъ, господа! перебилъ его хозяинъ дома:— Ювеналъ слишкомъ великъ для васъ, а вы слишкомъ мелки для него. Какіе вамъ Ювеналы! вы не стоите не только сатиры, даже мелкихъ эпиграмъ; васъ и порядочной эпиграммой нельзя прихлопнуть, такъ вы плоски! Вотъ хоть напримѣръ ты — у тебя сердце доброе, ты малый неглупый...

Баронъ иронически улыбнулся и поклонился.

— Я вѣдь говорю тебѣ теперь не шутя... ну на что ты похожъ, въ самомъ дѣлѣ, что ты изъ себя сдѣлалъ? Въ тебѣ вѣдь нѣтъ ни одного движенія, ни одного взгляда, ни одного слова искренняго и истиннаго; ты весь исковерканъ и изломанъ и наружно, и внутренно. Никакому порядочному человѣку въ голову не придетъ, чтобы подъ этой пошлой маской, которую ты носишь съ такимъ самодовольствіемъ, могли скрываться умъ, чувство или хоть что-нибудь человѣческое... А въ тебѣ еще есть слабые остатки и того и другого, но до нихъ добраться трудно.

Щелкаловъ, слушая это, ходилъ по комнатѣ, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ. Слова эти на него подѣйствовали. Онъ былъ взволнованъ, и волненіе это было непритворно, потому что онъ вдругъ сдѣлался простъ и натураленъ.

— Я тебѣ скажу, началъ онъ, все продолжая ходить, голосомъ, въ которомъ не слышалось уже ни одной фальшивой ноты, и какъ бы забывъ о

моемъ присутствіи. — Я тебѣ скажу болѣе: чортъ знаетъ, я иногда самъ въ себѣ не могу ни до чего добраться.... такая внутренняя путаница во мнѣ. Чтожь съ этимъ дѣлать?... Во мнѣ было, ей Богу, много порядочнаго, но воспитаніе и жизнь все, все изуродовали.

— Да не ломайся хоть передъ нами, возразилъ господинъ съ злымъ языкомъ. — Мы, продолжалъ онъ: — знаемъ всѣ эти штуки наизустъ.

И онъ мастерски очеркнулъ передъ Щелкаловымъ жизнь его и ему подобныхъ. Мнѣ даже стало жаль барона. Онъ высказывалъ ему такія горькія и ядовитыя истины, что мнѣ становилось неловко при этой дружеской бесѣдѣ. Я развернулъ какую-то книгу и уткнулъ въ нее носъ, однако не могъ удержаться, чтобы изъ-подъ книги не взглядывать на Щелкалова. Мнѣ показалось, что у него навертывались на глазахъ слезы.

— Ну, чтожь? все это правда, горькая правда! произнесъ онъ, когда тотъ кончилъ. — Слабость моего характера возмутительна... Я, братецъ, проклинаю себя за его ничтожность... Ну, вѣришь ли, прибавилъ онъ послѣ минуты молчанія уже въ самомъ дѣлѣ со слезами на глазахъ (я это видѣлъ ясно):—вѣришь ли, что я иногда бываю противенъ самому себѣ?

— Очень вѣрю, отвѣчалъ безпощадный пріятель.

Щелкаловъ опять началъ ходить по комнатѣ въ большой тревогѣ, не видя никого и ничего передъ собою и вдругъ почти наткнулся на меня, такъ-что я долженъ былъ отодвинуться. Лицо его какъ-то странно передернулось, когда его глаза встрѣтились съ моими, и онъ въ то же мгновеніе при-

нялъ великолѣпную позу и произнесъ, лѣниво растягивая слова, какъ будто у него вдругъ языкъ распухъ или что-нибудь мѣшало ему говорить:

— Что, батюшка, каково̀? а-а? Не правда ли, мнѣ задали порядочную баню? О, да вѣдь онъ ужасенъ! (Щелкаловъ указалъ головой на нашего прiятеля.) А вѣдь это время отъ времени, знаете, полезно.... а? Правда?... я къ нему иногда хожу какъ къ доктору; иногда самъ прошу, чтобы онъ хорошенько меня отдѣлалъ. Я чувствую, что это мнѣ нужно. И не меня одного, онъ всѣхъ насъ такъ обработываетъ!

Щелкаловъ дѣлалъ надъ собой явное усилiе, чтобы смѣяться, и былъ дѣйствительно жалокъ въ эту минуту.

— Однако, мнѣ пора, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы.—Я послѣ этой бани долженъ еще немного отдохнуть, а потомъ мнѣ надо сдѣлать коекакiе визиты... А чтожь, завтрашнiй обѣдъ? мнѣ не позволяется васъ угощать? а?... Ну такъ въ такомъ случаѣ ты, что ли, меня угощаешь?...

Онъ взялся за шляпу.

— Деньги-то возьми, сказалъ ему хозяинъ дома, улыбаясь и указывая на пачку смятыхъ ассигнацiй, брошенныхъ на столѣ.

— Ахъ, да!

Щелкаловъ взялъ преспокойно эту пачку, засунулъ ее въ карманъ, надѣлъ шляпу, пожалъ намъ руки и вышелъ, мурлыча ту же арiю, съ которой вошелъ.

— Каковъ!... сказалъ господинъ съ злымъ языкомъ, обращаясь ко мнѣ и смѣясь: — а вѣдь могъ бы быть порядочнымъ человѣкомъ, еслибъ его взять

въ хорошія руки, лѣтъ десять тому назадъ; теперь конечно поздно, онъ ужь никуда не годится.... и навѣрно кончитъ плохо....

— Вы его, однакожь, жестоко отдѣлали! замѣтилъ я.

— Да, что̀! ему это ни почемъ, съ него все какъ съ гуся вода; онъ сначала какъ будто тронулся немножко, а потомъ опять сталъ кобениться.... Я его знаю съ дѣтства, человѣкъ онъ въ самомъ дѣлѣ не глупый, но отъ пошлости и пустоты жизни у него уже начинаютъ тупѣть и слабѣть умственныя способности и, что всего хуже, стираться чувство чести. Онъ теперь не можетъ сосредоточить свои мысли ни на чемъ, ни надъ чѣмъ не въ состояніи задуматься серьёзно — хоть на четверть часа.... Рысакъ, кольцо, старая саксонская или китайская кукла, Дарья Александровна, мгновенно изгоняютъ изъ его головы всякую мысль. Сердце у него также доброе, но что въ этомъ сердце?... Съ нимъ часто бываетъ такъ, что у него одинъ цѣлковый въ карманѣ, встрѣтится нищій — и онъ отдастъ ему этотъ послѣдній цѣлковый... мнѣ это случилось видѣть неразъ, и отдастъ именно по влеченію сердца.... развѣ съ небольшею примѣсью другого ощущенія, никогда не оставляющаго его — желанія показать, что ему деньги нипо̀чемъ. А иногда у него набитъ карманъ деньгами вотъ какъ сегодня — занятыми, но это правда рѣдко, и онъ не дастъ гривенника человѣку, умирающему съ голоду; у него все случайно, все зависитъ отъ минуты. Передо мной онъ не скрываетъ своихъ плохихъ дѣлъ и на дняхъ меня ужасно разсмѣшилъ: говоритъ, что непремѣнно зай-

мется дѣломъ... какимъ бы вы думали? вы не угадаете ни за что... будетъ писать статьи для журналовъ, у него, видите ли, много историческихъ матеріаловъ, напечатаетъ свои стихи, и за все это получитъ довольно значительныя деньги! И онъ въ самомъ дѣлѣ отъ души вѣритъ что это возможно. Такія признанія онъ дѣлаетъ, впрочемъ, только мнѣ одному. Онъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы кто нибудь другой узналъ, что ему приходиться трудомъ добывать деньги. Ему за трудъ получить деньги — стыдно, а обмануть кого нибудь, занять и не отдать — ничего. Хороша среда, которая вырабатываетъ такого рода господъ!...

ГЛАВА IV.

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ПРЕЛЕСТЬ ДАЧНОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ, ДАЧНАЯ ПРИРОДА И ДАЧНЫЯ ПРЕПРОВОЖДЕНІЯ ВРЕМЕНИ И УВЕСЕЛЕНІЯ.

Семейство Грибановыхъ переѣхало на дачу въ концѣ мая... Кстати о петербургскихъ дачахъ. Вотъ какъ характеризуетъ эти дачи одинъ мой пріятель въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ сочиненій.... Этотъ отрывокъ я беру *съ его дозволенія*. У насъ, впрочемъ, бывали примѣры, что пріятельскія сочиненія брали безъ дозволенія и, измѣнивъ нѣсколько словъ, подписывали подъ ними свое имя. Я нахожу, что это неделикатно.

«.... Большая проѣзжая дорога, надъ которой поднимается бѣловатое облако пыли, разносимое вѣтромъ то направо, то налѣво, а во время дождей непроходимая грязь. По сторонамъ этой

дороги деревянные домики съ зубцами и башенками: подражаніе готическимъ средневѣковымъ зàмкамъ, болѣе, впрочемъ, похожіе на высокіе пироги изъ миндальнаго тѣста. Домики эти имѣютъ также сходство съ балаганами, которые въ Петербургѣ строятся на Адмиралтейской площади, а въ Москвѣ подъ Новинскимъ, тѣмъ болѣе, что они сколочены также изъ досокъ и барочнаго лѣса. Передъ ними палисаднички, обнесенные рѣшетками и заборами. Въ каждомъ палисадничкѣ тощая березка или липка съ засохшей вершинкой, кусты какой-нибудь зелени, прижженные солнцемъ и напудренные пылью, и цвѣтничекъ также съ напудренными цвѣтами, не издающими ни малѣйшаго аромата. Сзади небольшой прудъ, подернутый плѣсенью и всегда плоское поле съ мохомъ и кочками, или просто болото. Палисадникъ возлѣ палисадника, балаганъ возлѣ балагана, почти стѣна объ стѣну, или, правильнѣе, доска объ доску, такъ-что, если, напримѣръ, въ одномъ балаганѣ дама чихнетъ отъ пыли или отъ сырости, изъ другого балагана кавалеръ на это чиханье можетъ пожелать ей громко здоровья... Часовъ въ восемь вечера все это плоское пространство покрывается болотными испареніями, бѣловатымъ туманомъ, изъ котораго только торчатъ зубцы и башенки. Когда луна поднимется изъ этихъ испареній и освѣтитъ это пространство, оно издали покажется моремъ, а башенки мачтами барокъ, и если дама въ пріятномъ сообществѣ неосторожно засидится на своемъ балконѣ при этомъ лунномъ освѣщеніи, то ея пышно накрахмаленный кисейный капотъ превратится непремѣнно въ мокрую тряпку...

«Но не всѣ петербургскія дачи построены на болотистыхъ пространствахъ, и тотъ, кто полагаетъ, что кругомъ Петербурга нѣтъ ничего кромѣ воды и болота, находится въ совершенномъ заблужденіи. Близь Петербурга есть и возвышенности, и на этихъ возвышенностяхъ торчатъ также миндальныя башенки. Въ какую бы, впрочемъ, сторону не выѣхать за черту Петербурга — башенки будутъ преслѣдовать повсюду. Петербургскій житель не можетъ никакъ лѣтомъ обойдтись безъ башенокъ, въ которыхъ вѣтеръ продуваетъ его насквозь, а дождь сквозь щели крышъ льетъ ему на голову. Любители сухаго воздуха отыскали себѣ близь самаго города сухой оазисъ, гдѣ нѣтъ ни капли воды: гдѣ только песокъ и сосны— сосны и песокъ; гдѣ нога тонетъ по колѣно въ пескѣ или скользитъ на сосновыхъ иглахъ, или спотыкается на сосновыхъ шишкахъ; гдѣ нѣтъ ни однаго сочнаго, свѣжаго и свѣтлаго листка, и гдѣ природа вся колется какъ ежъ. Здѣсь тѣ же башенки и зубчики, и тѣ же палисадники, выходящіе на пыльныя улицы, но отъ этой пыли ужь не чихаешь... это не шоссейная пыль, превращенная въ мелкій порошокъ и ядовитая, какъ табакъ, — это массивная и густая пыль, тяжело висящая въ воздухѣ, отъ которой можно задохнуться... Въ полисадникахъ кромѣ сосны попадается иногда только-что пересаженная откуда-то рябина, липа или березка, тонкія и робкія, на которыя мрачно ощетинившаяся сосна, кажется, смотритъ враждебно, какъ на незаконно попавшихъ въ ея исключительное владѣніе, въ это царство песку, гдѣ она разростается и плодится самовластно.

«На этихъ-то пескахъ или на этихъ болотахъ проводятъ петербургскіе жители три мѣсяца въ своихъ миндальныхъ башенкахъ, выглядывая на природу по большой части изъ теплыхъ салоповъ и ваточныхъ пальто. Но когда петербургская природа улыбнется, когда солнце освѣтитъ эти башенки, все дачное народонаселеніе высыпаетъ на поля и на улицы наслаждаться природой.

«Барыни и барышни, затянутые и закованные въ корсеты, въ накрахмаленныхъ юбкахъ, въ кисеяхъ и въ батистахъ, въ прозрачныхъ шляпкахъ, подъ зонтиками и вуалями, чинно гуляютъ по пыльному шоссе, по песку или по мху и кочкамъ, въ сопровожденіи штатскихъ или военныхъ кавалеровъ, и наслаждаются природой, называя холмикъ — горою, прудъ, вырытый для поливки цвѣтовъ — озеромъ, группу деревъ — лѣсомъ, четыре дерева — рощею, и такъ далѣе. Иногда вдругъ барышнѣ вздумается побѣгать, на вольномъ воздухѣ, что весьма натурально... Она взглянетъ на маменьку и побѣжитъ, а кавалеръ, военный или штатскій, сейчасъ за нею — догонять ее. Онъ, разумѣется, тотчасъ же поймаетъ ее за талію, потому что она бѣжать не можетъ, барышня вскрикнетъ или взвизгнетъ: «ахъ!» и, запыхавшись и разкраснѣвшись, возвратится къ своей компаніи, которая встрѣтитъ ее веселымъ смѣхомъ. Пройдя такимъ образомъ извѣстное пространство, компанія повертываетъ домой. Барышни и барыни, возвратясь съ прогулки, стряхаютъ и смываютъ съ себя пыль, вытираются и притираются и возвращаются на балконъ или на террассу очаровывать своихъ кавалеровъ, которые любезничаютъ

и курятъ, курятъ и любезничаютъ... Зимой не дозволяется курить при дамахъ: это для мужчинъ также одно изъ дачныхъ наслажденій — барыни, барышни и папироски....

«За готическимъ домикомъ изъ барочнаго лѣса бываетъ иногда садикъ шаговъ во сто длины и шаговъ пятьдесятъ ширины. Семейство пьетъ чай или обѣдаетъ въ этомъ садикѣ на свѣжемъ воздухѣ, хотя свѣжій воздухъ пахнетъ конюшней, гнилью и еще чѣмъ-то болѣе непріятнымъ, потому что съ одной стороны къ садику прилегаетъ зданіе конюшень, а съ другой какія-то развалившіяся домашнія строенія. Верстахъ въ полуторахъ бываетъ обыкновенно какой нибудь большой садъ съ паркомъ, съ прудами, гдѣ водятся караси; съ бесѣдками, стѣны которыхъ исписаны различными остроумными русскими и нѣмецкими надписями карандашемъ, мѣломъ и углемъ и изрѣзаны ножемъ; съ памятниками, съ мостиками, съ парнасами и съ другими барскими затѣями. Это—любимое мѣсто для прогулокъ окрестныхъ дачныхъ обитателей, и у каждой дачной барышни и барыни есть непремѣнно любимое мѣсто въ этомъ саду: скамейка, съ которой видъ на поле, или уединенная бесѣдка въ тѣни акацій и липъ, драгоцѣнныя ей по какимъ нибудь воспоминаніямъ... Здѣсь на скамейкѣ, на деревѣ или на колоннѣ, украдкой ото всѣхъ, барышня вырѣзала начальную букву имени *его,* иногда годъ, число и мѣсяцъ, незабвенный для нея мѣсяцъ и еще болѣе незабвенное число. Здѣсь есть горка, съ которой обыкновенно любуются закатомъ солнца; аллея, въ которой гуляютъ при лунѣ, — и на горкахъ,

въ аллеяхъ, въ бесѣдкахъ, вездѣ звуки нѣмецкаго языка, неизбѣжнаго на всѣхъ лѣтнихъ публичныхъ гуляньяхъ.

«На петербургскихъ дачахъ, — гдѣ бы ни были эти дачи, въ болотѣ или на пескѣ, на высохшей рѣчки, черезъ которую куры переходятъ въ бродъ, или у моря за сорокъ верстъ отъ города, гдѣ дачная жизнь принимаетъ уже широкіе размѣры, гдѣ вѣетъ запахомъ полей, гдѣ въ лѣсахъ, рощахъ и паркахъ встрѣчаются столѣтнія деревья, — на одно русское семейство непремѣнно десять нѣмецкихъ. Самый бѣдный нѣмецъ не можетъ обойдтись безъ дачи; лѣтомъ его такъ и тянетъ *in's Grüne*. Гдѣ есть только подозрѣніе природы, слабый намекъ на зелень, какія нибудь три избушки и одна береза, одну изъ этихъ избушекъ нѣмецъ непремѣнно превратитъ въ дачу: оклеитъ ее дешевенькими обоями, привѣситъ къ окнамъ кисейныя занавѣсочки, поставитъ на подоконники ерань и лимонъ, который посадила въ замуравленный горшокъ сама его Шарлотта; передъ окномъ избы выкопаетъ клумбочку, насадитъ бархатцовъ и ноготочковъ... и устроитъ свое маленькое хозяйство такъ аккуратно и такъ уютно, какъ будто лѣто должно продолжаться вѣчность. Тогда какъ иной русскій и съ деньгами найметъ себѣ огромную и дорогую дачу, да и живетъ цѣлое лѣто настежь, на распашку, какъ ни попало, безъ занавѣсокъ, безъ сторъ, въ крайнемъ случаѣ защищаясь отъ солнца салфеткой, которую прикрѣпитъ къ окну чѣмъ ни попало, хоть вилкой, если вилка попадется подъ руку. «Что—думаетъ онъ—стоитъ ли устраиваться: вѣдь лѣто-то коротко. Не увидишь

какъ и пройдетъ. Авось проживемъ какъ нибудь и такъ.»

«Именины или рожденья на дачахъ празднуются обыкновенно съ большимъ шумомъ и блескомъ, особенно нѣмцами: въ эти торжественные семейные дни балконы убираются гирляндами цвѣтовъ, а вечеромъ вся дача освѣщается разноцвѣтными фонариками; знакомые привозятъ иногда съ собой сюрпризы въ видѣ карманныхъ фейерверковъ. Эти же знакомые лазятъ по лѣстницамъ и развѣшиваютъ цвѣтные фонари, подъ главнымъ надзоромъ какого нибудь друга дома Адама Карлыча, и когда все готово, выводятъ хозяина и именинницу хозяйку, полюбоваться этими сюпризами, которые повторяются лѣтъ двадцать сряду. Тогда начинаются крики «браво!»; кричатъ гости, дѣти, младенцы, все кричитъ и радуется, и вдругъ изъ этой толпы раздастся одинъ какой нибудь голосъ: «качать Адама Карлыча!» Другіе голоса подхватятъ: «качать, качать его!» Смущенный Адамъ Карлычъ обращается въ бѣгство, его преслѣдуютъ, его ловятъ, его догоняютъ, его наконецъ качаютъ, при усилившемся крикѣ и смѣхѣ, а за полисадникомъ на улицѣ тоже хохотня и пискъ.

«Такъ веселятся на петербургскихъ дачахъ средней руки, но около Петербурга есть другаго рода дачи—съ цѣльными стеклами до пола, съ террассами, съ галлереями, съ балконами, уставленными деревьями и цвѣтами, съ удивительными фонарями; съ садами, въ которыхъ дорожки усыпаны краснымъ пескомъ, а травка подкошена и подчищена, гдѣ вмѣсто заборовъ подстриженный кустарникъ, красивѣе ширмъ, гдѣ мраморныя вазы, ван-

ны и бассейны, гдѣ не только нельзя лечь на траву, но не рѣшишься даже плюнуть на дорожку, гдѣ просто ходить опасно по дорожкамъ, ибо на этомъ красномъ пескѣ, красиво и искусно подметенномъ, нѣтъ ни одного слѣда человѣческаго. Хозяинъ и хозяйка этой великолѣпной обстановки, этой изящной декораціи, называющейся дачею, много что раза два въ лѣто пройдутся по этому саду. Они ходятъ мало, они природой любуются свысока, изъ своихъ экипажей, съ сѣделъ своихъ верховыхъ англійскихъ лошадей, или съ своихъ великолѣпныхъ балконовъ и террассъ...»

Мой пріятель, какъ замѣтилъ уже, вѣроятно, читатель, смотритъ на петербургскія дачи съ юмористической точки зрѣнія. Я этой точки не люблю, я смотрю на дачи очень серьёзно и нахожу, что онѣ составляютъ существенную потребность въ жизни петербургскаго жителя; но дѣло не въ томъ. Дача, которую нанимали Грибановы, одна изъ ближайшихъ дачъ за выборгской заставой, по дорогѣ, ведущей къ Парголову, была построена безъ особенныхъ затѣй. На ней не торчали миндальныя башенки и не было видно ни одного зубчика: это былъ просто домикъ съ мезониномъ, съ обыкновенной крышей и съ крылечкомъ, выходившимъ въ палисадникъ. Такая простота нѣсколько смущала Лидію Ивановну, которая, смотря на этотъ домъ, обыкновенно говорила: «Что это за постройка! это совсѣмъ непохоже на дачу, точно какъ будто домъ въ уѣздномъ городѣ... никакой архитектуры!» За то ей чрезвычайно нравилась дача, которая была почти напротивъ ихъ, принадлежавшая какому-то золотопромышленнику, въ которой

готизмъ доведенъ былъ до невѣроятнаго. Къ дому приклеены были семь небольшихъ башенокъ и восьмая большая, съ часами, у которыхъ бой былъ съ музыкой... Кромѣ того вся она была изукрашена зубчиками и фестончиками, а кругомъ ея были вырыты рвы и черезъ нихъ устроены подъемные мостики. Садъ, окружавшій ее на маломъ пространствѣ, представлялъ множество разнообразнѣйшихъ и затѣйтливѣйшихъ выдумокъ: фонтанчики, гроты, пруды съ островками, паромы и прочее. Лидія Ивановна говорила, что этотъ садъ и дача — маленькій эрмитажъ, но не Алексѣй Аѳанасьичъ, не Иванъ Алексѣичъ не раздѣляли въ этомъ случаѣ ея мнѣнія. Алексѣй Аѳанасьичъ называлъ эту дачу вербной игрушкой, а Иванъ Алексѣичъ приходилъ отъ нея даже въ негодованіе:

— Такъ искажать, говорилъ онъ съ важностію:— и обезображивать природу, и превращать архитектуру въ кандитерское издѣліе—непозволительно.

По поводу этой дачи возникали даже въ этомъ образцовомъ семействѣ споры, доходившіе иногда до размолвокъ.

— Кажется, болѣе меня ужь никто не любитъ природы, замѣчала Лидія Ивановна:—но я восхищаюсь равно и природой, и искусствомъ, и дикимъ мѣстоположеніемъ, и обдѣланною и украшенною мѣстностію. Все хорошо въ своемъ родѣ.

— Помилуйте, какое тутъ искусство! возражалъ Иванъ Алексѣичъ:—это не искусство, а оскорбленіе искусства, пародія на искусство. Рыцарскія зàмки изъ барочныхъ досокъ, разкрашенные и вымаѳанные сусальнымъ золотомъ!...

— Ну, стало быть, я ничего не понимаю, перебивала Лидія Ивановна:—стало быть я не умѣю цѣнить искусства?

Алексѣй Аѳанасьичъ приходилъ при этомъ въ безпокойство и вступался въ разговоръ.

— Нѣтъ, не то, матушка, говорилъ онъ самымъ мягкимъ и примирительнымъ голосомъ:—вы очень хорошо понимаете искусство, Иванъ это знаетъ; но у васъ есть страстишка къ игрушкамъ, это вамъ и нравится какъ игрушка.

— Какія игрушки! что за *страстишка!* какія у васъ выраженія! вскрикивала Лидія Ивановна: — развѣ я ребенокъ, чтобы мнѣ нравились игрушки? и прочее.

Но когда раздражительность Лидіи Ивановны стихала, когда она успокоивалась и принималась лѣпить свои цвѣточки, а Иванъ Алексѣичъ принимался декламировать свое новое стихотвореніе и когда потомъ они принимались восхищаться произведеніями другъ друга, тогда Алексѣй Аѳанасьичъ чувствовалъ то внутреннее умиленіе, отъ котораго на глазахъ у него, обыкновенно, проступали слезы.

Все семейство, постоянно восхищавшееся природой, предавалось съ увлеченіемъ различнымъ дачнымъ наслажденіямъ. Алексѣй Аѳанасьичъ всѣ свободныя свои минуты проводилъ въ окружныхъ лѣсахъ, отыскивая грибы, и для грибовъ забывалъ даже свои силуэтики. Сынъ, какъ поэтъ, бродилъ со стихомъ и риѳмой на устахъ по окрестнымъ полямъ и рощамъ. Лидія Ивановна занималась уже болѣе настоящими, нежели восковыми цвѣтами. Она устроивала клумбы въ своемъ полисадникѣ, са-

дила цвѣты, ухаживала за ними, поливала ихъ — и *изучала*, по ея собственному выраженію. Наденька, обыкновенно, помогала ей въ этомъ занятіи; а Палагея Петровна все собирала васильки во ржи: наберетъ цѣлую охапку васильковъ и начнетъ, бывало, плесть изъ нихъ вѣнки, сплететъ вѣнокъ и украситъ имъ соломенную шляпку Лидіи Ивановны, которая непремѣнно замѣтитъ ей, съ пріятной улыбкой:

— Mercі, милая, но только, право, мнѣ это не по лѣтамъ.

Когда Алексѣй Аѳанасьичъ возвращался изъ лѣса, и когда походъ его былъ удаченъ, онъ сзывалъ всѣхъ домашнихъ, улыбался и потиралъ руки, а вслѣдъ за нимъ приносили обыкновенно корзину съ грибами.

— Посмотрите, говорилъ онъ, тая отъ умиленія: — какіе березовики-то... молоденькіе, бѣленькіе... а подосиновичекъ-то! каковъ?... а бѣлый-то грибочекъ, посмотрите, Палагея Петровна, какой махонькій!... Вотъ это вы велите изжарить, да со сметаной... Чудное будетъ блюдо!... А эти вотъ отобрать да посолить.

И когда на столѣ являлась сковорода съ его грибами, плававшими въ сметанѣ, Алексѣй Аѳанасьичъ, смакуя ихъ, обращался поочередно ко всѣмъ.

— Каковы грибки-то! восклицалъ онъ въ умиленіи.

И при этомъ глаза его немного увлаживались.

На дачѣ Алексѣй Аѳанасьичъ становился обыкновенно еще болѣе мягкосердеченъ и чувствите-

ленъ. Это должно было приписать дѣйствію природы.

Когда я бывало пріѣду къ нимъ на дачу, онъ встрѣтитъ меня первый, обниметъ, разцалуетъ...

— Ну, очень радъ, очень радъ, непремѣнно скажетъ онъ:—и прекрасно сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Что въ городѣ-то задыхаться отъ пыли и жара! Видишь, какое здѣсь раздолье, какой воздухъ!.... а погода-то какая стоитъ — чудо!... посмотрите на небо, ни одного облачка... Да ты бы къ намъ на нѣсколько дней, погостилъ бы у насъ, мы вмѣстѣ пошли бы за грибками... и прочее.

Потомъ онъ также непремѣнно прибавитъ:

— Какой цвѣтничекъ развела Лидія Ивановна, посмотри, вѣдь это просто прелесть. Не правда ли?...

Покажетъ на высокую и кудрявую ольху, которая росла у нихъ за домомъ, хотя я ужь двадцать разъ видѣлъ ее и воскликнетъ:

— Какая здѣсь растительность-то, необыкновенная! гдѣ ты подъ Петербургомъ найдешь такое дерево? Да вѣдь здѣсь и воздухъ какой!... Нигдѣ въ окрестностяхъ нѣтъ такого воздуха!... Повѣрь мнѣ... это я и на себѣ чувствую, да вотъ Лидія Ивановна и дѣти находятъ то же.

Если польетъ дождь, Алексѣй Аѳанасьичъ и отъ дождя приходитъ въ восхищеніе.

— Какъ хорошо, говоритъ:—теперь цвѣточкамъ-то и зелени! Они обмоются, освѣжатся.

Старикъ всегда и всѣмъ былъ доволенъ, его только не много смущали и тяготили церемонныя знакомства, и когда Щелкаловъ въ первый разъ появился у нихъ на дачѣ, никѣмъ нежданный, въ расплохъ, Алексѣй Аѳанасьичъ, лежавшій въ эту

минуту на травѣ подъ деревомъ, безъ галстуха и въ туфляхъ, наморщился, почесалъ затылокъ и произнесъ въ полголоса:

— Ахъ! зачѣмъ это его принесла нелегкая!

Потомъ онъ улыбнулся и обратился ко мнѣ, приподнимаясь неохотно.

— Что, дѣлать нечего, видно придется натягивать сапоги и галстухъ.

Дамы, сидѣвшія на крылечкѣ, первыя увидали Щелкалова, вскрикнули и бросились въ домъ, для того, чтобы принарядиться. Я остался одинъ въ палисадникѣ и пошелъ на встрѣчу нечаянному гостю.

Онъ стоялъ у калитки, посматривая кругомъ въ свое стеклышко.

— А, здравствуйте! закричалъ онъ, отталкивая ногой калитку. — Да у кого вы здѣсь? Тутъ, что ли, живутъ Грибановы? Я ихъ ищу.

— Тутъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ это очень кстати, что я васъ нахожу здѣсь... Однакожь, это довольно далеко. Я, любезнѣйшій, пѣшкомъ съ своей дачи!... а? порядочное путешествіе!...

Говоря это, баронъ вошелъ въ палисадникъ, осмотрѣлъ все кругомъ въ свое стеклышко, бросился на скамейку, стоявшую у калитки и, чертя на пескѣ тросточкой, сказалъ:

— Ну-съ, а гдѣ же хозяева?

— Они дома. Мы подождемъ ихъ тутъ; они сейчасъ придутъ.

Я боялся Щелкалова пустить въ домъ, гдѣ должна была, по моимъ догадкамъ, происходить суматоха.

— А что, вы знаете толкъ въ англійскихъ лошадяхъ? вдругъ спросилъ меня Щелкаловъ, приподнявъ немного голову и потомъ снова опустивъ ее, и продолжая чертить на пескѣ.

— Ни малѣйшаго, отвѣчалъ я.

— Неужто?

Баронъ опять приподнялъ голову и взглянулъ на меня, улыбнувшись, съ выраженіемъ сожалѣнія. Я зналъ, что по мнѣнію его, первымъ признакомъ *порядочнаго* человѣка, *настоящаго* джентльмена, была страсть къ лошадямъ и охотѣ, къ этимъ двумъ важнѣйшимъ отраслямъ *спорта,*—единственная, впрочемъ, страсть допускавшаяся джентльмену. Говоря объ лошадяхъ и объ охотѣ, джентльменъ могъ даже выходить изъ себя. Онъ непремѣнно обязанъ былъ хоть прикидываться лошадиннымъ знатокомъ, и знать наизустъ всѣхъ лошадей извѣстной породы, внесенныхъ въ знаменитую *Stud-Book*. Я не разъ слышалъ барона, краснорѣчиво развивавшаго цѣлыя теоріи о лошадяхъ, выученныя имъ наизустъ изъ *Bel's Life*, англійскаго спортсменскаго журнала. И хотя вопросъ Щелкалова, не смотря на его неожиданность, не удивилъ меня, потому что онъ часто предлагалъ вопросы еще неожиданнѣе и еще страннѣе, я однако спросилъ его:

— Съ какой точки зрѣнія васъ можетъ интересовать, знаю ли я толкъ въ лошадяхъ или нѣтъ?

— Такъ, отвѣчалъ онъ:—если бы вы знали въ нихъ толкъ, я показалъ бы вамъ удивительную англійскую лошадь, которую я теперь торгую,—породистую лошадь, кровную... чудо лошадь! Немного дорогонько просятъ, впрочемъ, я думаю, придется раззориться.

Разговоръ объ лошади, ни мало не интересовавшій меня, къ моему счастію, прекратился появленіемъ Лидіи Ивановны и Наденьки, а вслѣдъ за ними и Алексѣя Аѳанасьича въ сапогахъ и въ галстухѣ. Увидѣвъ ихъ, Щелкаловъ лѣниво приподнялся со скамейки, небрежно поклонился дамамъ, сказалъ Алексѣю Аѳанасьичу: «Здравствуйте», и протянулъ ему два пальца.

— А знаете, какъ я къ вамъ сюда явился? угадайте?...

Всѣ молчали, не зная, что на это отвѣчать.

— Пѣшкомъ-съ, продолжалъ баронъ, смѣясь:— съ своей дачи. Это по крайней мѣрѣ верстъ пять.... какъ вамъ это нравится, а?

И Щелкаловъ посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы ожидая знаковъ удивленія.

— Неужели? воскликнула Лидія Ивановна первая:—возможно ли это?

Она была точно поражена этимъ. По ея мнѣнію, ноги такой особы могли только прикасаться къ паркету, или къ обдѣланнымъ дорожкамъ, усыпаннымъ толченымъ кирпичемъ.

— Вы устали, баронъ? продолжала Лидія Ивановна съ безпокойствомъ: — пожалуйста, садитесь. Да, скажите, что эта за фантазія пришла вамъ — пѣшкомъ?

Щелкаловъ засмѣялся.

— Я могу отвѣчать вамъ на это: *у всякаго барона своя фантазія*. Мнѣ такъ вздумалось; я хотѣлъ сдѣлать опытъ; но, я думаю, въ другой разъ я не повторю этого... Ну, что, какъ *наша* музыка? прибавилъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

Наденька вспыхнула и улыбнулась. Въ этой улыбкѣ было видно, что ей очень пріятно вниманіе Щелкалова.

— Лѣтомъ я совершенно свободенъ, я буду заѣзжать къ вамъ часто, и мы будемъ съ вами заниматься музыкой. Хотите?

Наденька покраснѣла еще больше и отвѣчала на это только пріятнымъ наклоненіемъ головы.

— Музыка и природа, хоть съ иглами, а все-таки природа! замѣтилъ Щелкаловъ, указывая на сосну, торчавшую передъ крыльцомъ. — Лѣтомъ нѣтъ другихъ развлеченій.... А гдѣ вашъ сынъ?

Баронъ при послѣднихъ словахъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ Алексѣй Аѳанасьичъ.

— Да Богъ его знаетъ, отвѣчалъ старикъ:—онъ иногда пропадаетъ по цѣлымъ днямъ. Вѣдь онъ артистъ, поэтъ, бродитъ себѣ по полямъ, по лѣсамъ; говоритъ, будто бы лѣтомъ онъ всегда живетъ растительною жизнію; да это не правда, тутъ-то у него и зараждаются различные поэтическіе планы... Я подозрѣваю, что онъ теперь пишетъ какую-то большую вещь; отъ насъ это онъ еще держитъ въ секретѣ. Вывѣдайте-ка его, баронъ, когда вы увидитесь съ нимъ. Онъ вамъ вѣрно проговорится..

Старикъ оживился, говоря это. Голосъ его уже дребезжалъ, и слеза блестѣла на рѣсницѣ.

Баронъ остался довольно долго, любезничалъ съ Наденькой, акомпанировалъ ей и пѣлъ вмѣстѣ съ нею. Палагея Петровна разливала, разумѣется, чай въ задней комнатѣ, а Макаръ, въ нитяныхъ перчаткахъ, разносилъ его на серебряномъ подно-

сѣ. Часовъ въ двѣнадцать, среди общаго разговора, Щелкаловъ обратился ко мнѣ:

— А что, у васъ здѣсь есть какая нибудь колымага? вы меня довезете?

— Пожалуй, отвѣчалъ я.

Дорогой Щелкаловъ больше дремалъ. Когда ужь мы подъѣхали къ его дачѣ, онъ зѣвнулъ, потянулся и сказалъ:

— А, право, эта дѣвочка премиленькая! а?... Какъ она сложена славно! Если бы дать ей манеры, воспитать въ хорошемъ домѣ, она произвела бы эффектъ въ свѣтѣ? Не правда ли?

Я не счелъ нужнымъ что-нибудь отвѣчать на это, да къ тому же въ эту минуту мы подъѣхали къ дачѣ, и Щелкаловъ закричалъ моему кучеру:

— Стой!

Выскочилъ изъ коляски, сдѣлавъ мнѣ привѣтливый знакъ рукою, и сказалъ, кивнувъ головой:

— Благодарствуйте...

Послѣ этого я не былъ мѣсяца полтора у Грибановыхъ. Съ Щелкаловымъ въ это время я также нигдѣ не видѣлся. Разъ на какомъ-то загородномъ гуляньѣ я встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, влюбленнымъ въ Наденьку.

— Ну, что, какъ поживаютъ Грибановы? спросилъ я его.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ сухо.

— Какъ! вы не знаете? Полноте, а Надежда-то Алексѣевна? возразилъ я.

— Чтожь мнѣ такое Надежда Алексѣевна?

— Какъ что? вѣдь вы влюблены въ нее? И она въ васъ. Полноте, не скрывайтесь. Я вѣдь все знаю.

— Плохо же вы знаете! отвѣчалъ молодой человѣкъ съ раздраженіемъ: — влюблена она не въ меня, да мнѣ и не нужно ея любви... Она съ ума сходитъ отъ этого франта, отъ этого барона, который, приволакивается за нею не на шутку.

— Будто? да развѣ онъ часто бываетъ у нихъ?

— Чуть не всякій день. Вы можете постоянно найдти его тамъ. Ужь онъ сдѣлался у нихъ совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ: Палагея Петровна и чай разливаетъ при немъ, даже иногда дѣло обходится и безъ серебрянаго подноса, и Макаръ ужь начинаетъ появляться безъ перчатокъ, какъ бывало при насъ, запросто. Лидія Ивановна, натурально, въ восторгѣ, что такой аристократъ сдѣлался у нихъ въ домѣ своимъ, и у нея только и на языкѣ, что баронъ:—баронъ сдѣлалъ то-то, баронъ сказалъ то-то, баронъ купилъ то-то, а этотъ баронъ лжетъ передъ ними и ломается. Даже и этотъ добрый Алексѣй Аѳанасьичъ доволенъ, кажется, обществомъ барона; ему позволяется теперь снимать галстухъ въ его присутствіи, и старикъ разсказываетъ о немъ уже со слезами на глазахъ отъ умиленія.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я.

— Я васъ могу увѣрить, продолжалъ молодой человѣкъ, одушевляясь.—И этотъ баронъ еще привозитъ съ собою своего друга, этого противнаго господина Веретенникова, который ему необходимъ, потому что онъ занимаетъ Лидію Ивановну и Алексѣя Аѳанасьича въ то время, какъ тотъ занимаетъ Надежду Алексѣевну...

— Полноте, вамъ это все такъ кажется? возразилъ я.

Bayerische Staatsbibliothek München

— Нѣтъ, не кажется, а все это такъ есть... спросите хоть у Пруденскаго. Но всѣхъ противнѣе это ужь, конечно, Иванъ Алексѣичъ. Онъ очень хорошо видитъ, что тотъ волочится за его сестрою, очень хорошо знаетъ, что это волокитство ни къ чему не поведетъ, что баронъ вѣдь не жениться же на ней; а способствуетъ еще ихъ сближенію, льститъ ему, а намъ всѣмъ ругаетъ его, говоритъ, что онъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ людей презираетъ... И знаете ли, изъ-за чего это онъ льститъ барону и потакаетъ своей сестрѣ? Какъ бы вы думали? Изъ-за того, что тотъ выслушиваетъ его стихи, восхищается ими, кричитъ о нихъ, обѣщаетъ ему устроить чтеніе въ какомъ-то аристократическомъ домѣ, познакомилъ его съ какимъ-то княземъ. Иванъ Алексѣичъ такъ и разтаялъ отъ всего этого, а намъ не хочетъ, разумѣется, показать этого и говоритъ, что онъ все это дѣлаетъ не для себя, а единственно для того только, чтобы заинтересовать аристократическій кругъ русской литературой. Комедія да и только!

— Вотъ какъ! а я этого ничего не зналъ. Я ужь у Грибановыхъ не былъ больше мѣсяца.

— Я тоже не былъ у нихъ дней десять, перебилъ молодой человѣкъ:—да тамъ просто противно бывать теперь, и они оба—и баронъ, и Веретенниковъ смотрятъ на насъ свысока, едва говорятъ, едва удостоиваютъ взгляда. Пруденскій все навязывается къ нимъ съ своими разговорами, а они чуть не отворачиваются отъ него. Охота же ему! Я не понимаю этихъ людей, а еще все толкуютъ о чувствѣ собственнаго достоинства и о томъ, что

никому не позволятъ себѣ наступить на ногу, ни передъ кѣмъ ни уронятъ себя!...

Я на другой же день отправился къ Грибановымъ. Мнѣ, признаюсь, любопытно было повѣрить все это собственными глазами.

Я пріѣхалъ къ нимъ на дачу часовъ въ восемь. Это было уже въ августѣ мѣсяцѣ; солнце садилось. Вечеръ былъ ясный, съ небольшимъ холодкомъ. Я нашелъ все общество въ гостиной. Лидія Ивановна сидѣла на диванѣ передъ круглымъ столомъ, на которомъ стояла уже зажженная лампа, потому что въ комнатѣ было темно отъ деревьевъ. Лидія Ивановна находилась, по видимому, очень въ пріятномъ расположеніи, и одѣта была очень пестро и нарядно. На Алексѣ Аѳанасьичѣ были галстухъ и сапоги. Лицо его было все подернуто умиленіемъ, а глаза слезой; значитъ онъ былъ совершенно доволенъ собой и окружающими. Иванъ Алексѣичъ просто сіялъ и какъ-то все сладко улыбался. Постороннихъ было четверо: Веретенниковъ, Пруденскій, влюбленный въ Наденьку молодой человѣкъ и бойкая барышня. Послѣ обыкновенныхъ любезностей: — Что вы подѣлываете? — Какъ давно васъ не видно. — Вы насъ забыли... и тому подобнаго, я сѣлъ и, осмотрясь кругомъ, спросилъ:

— А что, Надежда Алексѣевна? Здорова ли она?

— Слава Богу, покорно васъ благодарю, отвѣчала Лидія Ивановна: — она поѣхала кататься съ барономъ, въ его англійскомъ экипажѣ; они, я думаю, скоро вернутся. Какой прелестный экипажъ у барона,—вы не видали этого экипажа? Совершенно

какъ игрушка... И какая лошадь! Удивляться, впрочемъ, нечего, у барона столько вкуса!

Во время этихъ восклицанiй, влюбленный молодой человѣкъ, разговаривая съ бойкой барышней, все посматривалъ на Лидiю Ивановну, иронически улыбаясь.

— Да! другаго такого экипажа нѣтъ въ Петербургѣ, замѣтилъ Веретенниковъ, и потомъ обратился ко мнѣ, поправляя свои воротнички: — А я вчера былъ у графа Петра Николаича... Какъ онъ, батюшка, перемѣнился, исхудалъ — ужасъ!... однако, теперь ему, слава Богу, гораздо лучше.

Кто такой былъ этотъ графъ Петръ Николаичъ и почему Веретенниковъ полагалъ, что его здоровье можетъ интересовать меня, я рѣшительно не зналъ, но спросилъ:

— Чѣмъ же онъ былъ боленъ?

— Какъ! развѣ вы не слыхали? Страшное воспаленiе въ горлѣ. Онъ не могъ ничего глотать, его жизнь была въ опасности. Съ мѣсяцъ тому назадъ, мы были вмѣстѣ на дачѣ у графини Вѣры Васильевны. Вечеръ былъ неслыханно хорошъ. Графиня вздумала кататься на лодкѣ, а ужь графъ чувствовалъ себя не очень хорошо. Я ему и говорю: «Петруша, ты, братецъ, не ѣзди, ты можешь простудиться, все-таки сыро... особенно на водѣ...»

Веретенниковъ, кажется, хотѣлъ пуститься въ длинную исторiю. Я предупредилъ его:

— Да о комъ это вы говорите? Кто же это такой графъ Петръ Николаичъ?..

— Графъ Красногорскiй! возразилъ Веретенниковъ: — двоюродный братъ моего зятя князя Пет-

ра... да развѣ вы его не знаете?... Pardon! а мнѣ казалось, что я васъ встрѣчалъ у него...

И онъ отъ меня обратился къ Лидіи Ивановнѣ и продолжалъ ей досказывать, вѣроятно, прерванный моимъ приходомъ разсказъ, который такъ и кишилъ аристократическими именами.

Я подошелъ къ Алексѣю Аѳанасьичу.

— Сколько времени носу не показываешь! какже не стыдно! сказалъ онъ мнѣ съ упрекомъ.

Алексѣй Аѳанасьичъ мнѣ и другимъ своимъ короткимъ знакомымъ говорилъ иногда *ты,* когда ужь былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа.

— А мы, братецъ, продолжалъ онъ: — превесело проводимъ время; у насъ всякій день кто нибудь изъ добрыхъ пріятелей.

Алексѣй Аѳанасьичъ всталъ, взялъ меня за руку и вывелъ на крыльцо.

— Ты знаешь, началъ онъ: — баронъ-то вѣдь почти своимъ человѣкомъ сдѣлался у насъ, какъ ты, ей Богу... И вѣдь онъ прекрасный и предобрый человѣкъ, простой такой! Это онъ съ виду только кажется такимъ гордымъ; ну, да въ ихъ кругу у нихъ у всѣхъ такія манеры, а я тебѣ говорю, что онъ прерадушный, пребезподобный человѣкъ! какъ онъ смѣшитъ насъ! Мастеръ разсказывать... въ немъ бездна юмора, это совершенно справедливо замѣчаетъ Иванъ.

Не трудно было догадаться, что мнѣніе о Щелкаловѣ было внушено отцу сыномъ.

— Ахъ, я братецъ, главнаго-то тебѣ не сообщилъ! (Старикъ вдругъ весь встрепенулся.) Ты не знаешь новость объ Иванѣ-то?

— Нѣтъ, что такое?

— Вѣдь онъ читалъ свое сочиненіе на вечерѣ у княгини Воротынской! Вѣдь нарочно для него былъ устроенъ литературный вечеръ! Вся знать была, рѣшительно вся! Эффектъ былъ такой произведенъ, что и разсказать нельзя. Всѣ были въ восторгѣ, жали ему руки, не вѣрили, чтобы на русскомъ языкѣ можно было такъ хорошо писать стихи... Княгиня-то умнѣйшая дама и съ величайшимъ вкусомъ. Иванъ говоритъ, что это просто замѣчательнѣйшая женщина, что ея салонъ напоминаетъ историческіе салоны, о которыхъ дошли до насъ извѣстія... вотъ, какъ напримѣръ, Рамбулье, что ли? Иванъ такъ обласканъ княгинею, она такъ полюбила его!...

У старика закапали слезы.

— Ты вѣдь знаешь Ивана, онъ съ характеромъ, онъ достоинства своего не уронитъ ни передъ кѣмъ — нѣтъ! Заискивать ни въ комъ не станетъ; онъ гордъ; онъ нисколько не увлекается этимъ, и теперь говоритъ, что ни за что не поѣхалъ бы въ большой свѣтъ, даже къ такой женщинѣ, какъ княгиня, если бы не предвидѣлъ отъ этого пользы для русской литературы... Это онъ приноситъ жертву литературѣ. И точно, надобно теперь сближать, братецъ, общество съ литературой, объ этомъ должно заботиться прежде всего... это главное.

Алексѣй Аѳанасьичъ разгорячился, говоря это, и размахивалъ руками. Мнѣ было нѣсколько и смѣшно, и тяжело слушать эти нашептанныя ему фразы, значеніе которыхъ онъ едва ли могъ ясно растолковать себѣ.

— Баронъ говоритъ, продолжалъ старикъ все со слезами на глазахъ:—что Иванъ всѣмъ очень по-

нравился; нашли, что онъ, кромѣ таланта, чрезвычайно благовоспитанный молодой человѣкъ, умѣетъ держать себя въ обществѣ... Ну, слава Богу! это меня радуетъ, наши старанія о немъ были по крайней мѣрѣ не даромъ. Да это все, впрочемъ, вздоръ, главное-то талантъ, это ужъ отъ Бога! А какой талантъ-то! Что онъ написалъ третьяго дня! Онъ прочтетъ тебѣ... Лучше этого ничего еще онъ не писывалъ, по моему мнѣнію; такъ вотъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, какъ слушаешь... Ходитъ да бродитъ по полямъ да по лѣсамъ, да вотъ и выходитъ этакое стихотвореніе:... Княгиня-то живетъ на дачѣ, онъ былъ у нея тамъ. Какіе, говоритъ, у нея бананы, цвѣты, бронзы! роскошь неслыханная! Знаешь ли, сколько у нея дохода-то? Около милліона! Намъ съ тобой хоть бы десятую долю этого и тѣмъ были бы довольны! Ей Богу такъ.

И старикъ сквозь слезы залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, ударивъ меня по плечу.

Когда я возвратился въ гостиную, Лидія Ивановна встрѣтила меня вопросомъ:

— А вы слышали, какой успѣхъ имѣлъ нашъ Иванъ Алексѣичъ въ большемъ свѣтѣ?

Иванъ Алексѣичъ какъ бы съ упрекомъ посмотрѣлъ на тетушку и, наклонясь ко мнѣ и взглянувъ на Пруденскаго, сказалъ въ полголоса съ своею вкрадчивою и сладкою улыбкою:

— Всѣ похвалы и восторги этихъ господъ я, право, сейчасъ промѣняю на одно умное и дѣльное замѣчаніе добраго пріятеля, потому что эти великолѣпные господа не понимаютъ и не могутъ понимать и цѣнитъ искусства, такъ какъ мы простые люди понимаемъ его и цѣнимъ.

— «Dixi!» произнесъ Пруденскій, поправивъ свои золотыя очки.

Скоро послѣ этого Щелкаловъ и Наденька возвратились съ прогулки. Въ Наденькѣ я нашелъ большую перемѣну: мнѣ показалось, что она похорошѣла, и что въ ея лицѣ было гораздо болѣе живости и одушевленія. Щелкаловъ не измѣнился ни на волосъ. Онъ вошелъ въ комнату, напѣвая, бросился на стулъ, положилъ нога на ногу, такъ-что носокъ его сапога коснулся края круглаго стола, за которымъ сидѣла Лидія Ивановна, осмотрѣлся въ свое стеклышко, увидѣлъ меня, промычалъ свое длинное — А-а-а! и протянулъ мнѣ руку черезъ голову, а я думалъ: откуда это у тебя, любезный другъ, снова англійскіе-то экипажи и лошади?—Но въ послѣдствіи оказалось, что все это не принадлежало Щелкалову, а было взято имъ у пріятеля, и что Щелкаловъ бросалъ пыль въ глаза, какъ и всегда, на чужой счетъ.

— Ваша Надежда Алексѣвна, началъ Щелкаловъ:—большая трусиха; она боится, если лошадь побѣжитъ рысью; а моя *Бьютти* смирна какъ ягненокъ и выѣзжена такъ, что ею можетъ управлять не только такой взрослый и пожилой человѣкъ, какъ я (баронъ улыбнулся), но восьмилѣтній ребенокъ; къ тому же Надежда Алексѣвна увѣряетъ, что у нея голова кружится, потому что она не привыкла сидѣть на высотѣ.

Щелкаловъ обернулся къ Наденькѣ и посмотрѣлъ на нее насмѣшливо.

— Конечно! возразила, улыбаясь, Наденька:— вы не повѣрите, ma tante, какъ это страшно сидѣть такъ высоко!

Я замѣтилъ во первыхъ, что Наденька кокетничала съ Щелкаловымъ и, во вторыхъ, что дѣйствительно присутствіе его ни мало уже не стѣсняло остальныхъ членовъ семейства. Щелкаловъ за чаемъ даже съ высока подтрунивалъ надъ Палагей Петровной, какъ надъ извѣстнымъ уже ему лицомъ; а Палагея Петровна безъ малѣйшей застѣнчивости, какъ знакомаго, угощала его кренделями и сухарями, да и Макаръ поглядывалъ уже на него очень фамильярно, почти какъ на всѣхъ насъ.

За чаемъ Щелкаловъ вдругъ шуточнымъ тономъ произнесъ, обращаясь къ намъ:

— Знаете, мнѣ вдругъ пришла въ голову блестящая мысль! Ее надо будетъ осуществить непремѣнно, а осуществленіе ея будетъ зависѣть отъ всѣхъ васъ, милостивые государи и милостивыя государыни!

Всѣ посмотрѣли на него, а Лидія Ивановна прибавила:

— Говорите, говорите, баронъ; вы мастеръ на выдумки. Мы заранѣе согласны подчиниться вашей фантазіи.

Когда Щелкаловъ заговорилъ, мнѣ показалось, что Наденька вспыхнула.

— Да-съ.... ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Надобно, какъ можно, разнообразить *лѣтнія* удовольствія. Противъ этого, я надѣюсь, вы спорить не будете?...

— Нисколько, произнесъ съ сладкой улыбкой Иванъ Алексѣичъ.

— *Тѣмъ болѣе,* замѣтилъ Щелкаловъ:—*что уже теперь осень.*

Пруденскій и Иванъ Алексѣичъ захохотали этой остротѣ.

— Я предлагаю устроить пикникъ, продолжалъ Щелкаловъ:—мѣсто для это пикника назначается превосходное — *Дубовая Роща*, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ: тамъ парки, сады, цѣлые лѣса, озера, отличная поляна и, наконецъ, весь домъ, если хотите, къ вашимъ услугамъ, потому что его хозяинъ—мой другъ.

— И мой! перебилъ Веретенниковъ.

— А управляющій знаетъ меня чуть не съ дѣтства, продолжалъ Щелкаловъ.—Мы тамъ охотимся всякую осень; къ тому же это недалеко отсюда.... не болѣе пятнадцати верстъ, кажется. Ну-съ, какъ вы объ этомъ думаете?

Мысль эта въ самомъ дѣлѣ, кажется, улыбнулась всѣмъ, потому что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули—прекрасно! исключая молодаго человѣка, влюбленнаго въ Наденьку, который при этомъ предложеніи поблѣднѣлъ, такъ-что бойкая барышня начала махать ему въ лицо вѣеромъ, сложеннымъ изъ бумаги, и, засмѣявшись, сказала довольно громко:

— Что съ вами? вамъ дурно?

Щелкаловъ, не обращая вниманія на эти эпизоды, продолжалъ:

— Итакъ, вамъ эта мысль нравится, судя по вашему одобрительному восклицанію? Теперь остается дѣло за назначеніемъ дня и за устройствомъ всего. Устройство я беру на себя, и обѣщаю вамъ, господа, что будетъ все устроено недурно.

— Можно ли въ этомъ сомнѣваться! воскликнула Лидія Ивановна.

— Ай-да баронъ! Ей Богу, молодецъ! воскликнулъ добродушно Алексѣй Аѳанасьичъ и потеръ себѣ руки отъ удовольствія, прибавивъ: — а тамъ въ лѣску я еще поохочусь за грибками!

— Назначайте же день, сказалъ Щелкаловъ.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, возразилъ Пруденскій:—вы теперь, баронъ, какъ гомеровъ Девкалидъ и про васъ можно сказать:

«Такъ говорилъ онъ; и всѣ устремившися съ духомъ единымъ,
Стали кругомъ Девкалида, щиты къ раменамъ преклонивши...»

Цитата пропала даромъ, потому что Щелкаловъ даже зрачкомъ глазъ не повелъ въ ту сторону, гдѣ былъ Пруденскій.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ: во вторникъ, въ среду, четвергъ, когда хотите.

— Въ четвергъ? сказала Лидія Ивановна, обращаясь ко всѣмъ намъ.—Угодно вамъ?

Мы всѣ, кромѣ влюбленнаго молодаго человѣка, изъявили согласіе наклоненіемъ головъ.

— Прекрасно! Теперь обратимся къ существенному — къ деньгамъ. Это не касается до дамъ, господа, это ужь наше дѣло. Охотниковъ изъ вашихъ знакомыхъ вѣрно наберется довольно. Я полагаю, двадцать рублей съ человѣка будетъ достаточно. Какъ ты думаешь, Веретенниковъ?

— Я думаю, довольно.

— За двадцать рублей я васъ такъ накормлю и напою, что, надѣюсь, вы скажите мнѣ спасибо. Я пошлю къ управляющему наканунѣ моего пова-

ра, вина, фрукты и прочее. Ну, подавай-ка деньги, Веретенниковъ,—я начинаю съ тебя.

Веретенниковъ вынулъ двадцать рублей и подалъ ихъ Щелкалову. Щелкаловъ разложилъ ихъ на столѣ, пригладилъ рукою и посмотрѣлъ на насъ.

— Вы согласны. Вы изъ *нашихъ?* спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

— Да, отвѣчалъ я, подавая ему деньги.

Пруденскій, услыхавъ о цѣнѣ, наморщился въ первую минуту, однако отошелъ въ сторону, вынулъ деньги, отсчиталъ двадцать рублей, помуслилъ палецъ и потеръ одну депозитку, которая ему показалась потолще другихъ, полагая, не склеились ли какъ нибудь двѣ, и потомъ, снова пересчитавъ, подалъ деньги Щелкалову.

— Камни для фундамента уже есть, замѣтилъ Щелкаловъ, продолжая складывать депозитки одна на другую и потомъ разглаживая ихъ рукою.

— А ты-то, братецъ? что же? сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ влюбленному молодому человѣку:—если у тебя нѣтъ съ собой денегъ, хочешь, я за тебя отдамъ?

— Нѣтъ я не поѣду, я не расположенъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ сухо, замѣтивъ радость на лицѣ Наденьки, что все такъ скоро устроилось.

— Вздоръ, теперь поздно, вѣдь ты не протестовалъ противъ этого, когда говорили.

— Ѳедоръ Васильичъ? отчего же? сладко произнесъ Иванъ Алексѣичъ, гладя по плечу молодаго человѣка:—зачѣмъ же отставать отъ друзей?

Бойкая барышня взглянула на молодаго человѣка такъ нѣжно, какъ бы умоляла его согласить-

ся. Онъ нѣсколько минутъ колебался, и, наконецъ, рѣшился.

— На сколько же можно разсчитывать? спросилъ Щелкаловъ:—это мнѣ нужно знать заранѣе. Насъ здѣсь семь человѣкъ.

— Еще за пять, я вамъ смѣло отвѣчаю, сказала Лидія Ивановна. — Мы, знаете, кого можемъ пригласить между прочимъ? (Лидія Ивановна обратилась къ Алексѣю Аѳанасьичу)... Астрабатова?... Не правда ли?

— Почему же нѣтъ? Онъ еще возьметъ съ собою, гитару, и безподобно!

— Семь и пять—двѣнадцать продолжалъ Щелкаловъ: — ну чтожь, и довольно; а коли найдете еще кого нибудь, тѣмъ лучше. Итакъ, дѣло въ шляпѣ. Щелкаловъ сунулъ деньги въ карманъ и прибавилъ, оборотившись къ намъ: — разумѣется, господа, каждый въ своемъ экипажѣ... собираются здѣсь.... въ четвергъ, ровно въ одиннадцать часовъ..., такъ ли? не рано ли?

Щелкаловъ посмотрѣлъ на Лидію Ивановну,

— О нѣтъ баронъ: даже еще пораньше не мѣшало бы, отвѣчала она.

— Только во всякомъ случаѣ не позже одиннадцати, прибавилъ онъ.

Мы всѣ согласились на это....

— Посмотрите, какая прелесть—луна-то, луна-то! вскрикнулъ сзади меня Алексѣй Аѳанасьичъ, указывая на луну, которая глядѣла въ окно сквозь вѣтви сосны:—пойдемте господа, на крылечко.

И онъ всѣхъ насъ вытащилъ на крыльцо, за исключеніемъ Щелкалова и Веретенникова, которые остались съ дамами.

— А знаете ли что, Иванъ Алексѣичъ, сказалъ Пруденскій въ то время, какъ Алексѣй Аѳанасьичъ восхищался луной:—мысль пикника безъ сомнѣнія прекрасна, это не подлежитъ спору; но цѣна дороговата, какъ хотите! Эти господа привыкли швырять деньгами, такъ имъ двадцать рублей не почемъ, а нашему брату, воля ваша, это чувствительно.

— Правда, правда, подтвердилъ Иванъ Алексѣичъ, почесывая въ затылкѣ и поморщиваясь, но потомъ, сладко улыбнувшись, прибавилъ:—ну ужь куда, впрочемъ не шло! вы не будете послѣ жалѣть объ этихъ деньгахъ. Вы посмотрите, какъ это все будетъ устроено; повѣрьте, баронъ на это мастеръ.

— Предполагать должно, но вѣдь и то сказать двадцать рублей съ брата!

— Вы увидите, что этотъ пикникъ не удастся, сказалъ мнѣ молодой человѣкъ, влюбленный въ Наденьку:—всѣ будутъ женированы, согласія не будетъ ни малѣйшаго; эти господа, по обыкновенію, станутъ ломаться; повѣрьте, пикники хороши только между своими, между очень близкими.

Молодой человѣкъ былъ не въ духѣ. Мы вмѣстѣ съ нимъ раньше всѣхъ отправились домой, тихонько отъ хозяевъ дома.

— Ну, что, сказалъ онъ въ волненіи, когда мы сѣли въ дрожки:—вы теперь собственными глазами убѣдились въ справедливости моихъ словъ?

— Да, почти, отвѣчалъ я.

— И какъ вамъ это нравится! отпускаютъ дѣвочку одну съ этимъ господиномъ? Ну, скажите, прилично ли это?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ я.

— А когда гуляютъ, такъ онъ всегда уйдетъ съ ней впередъ или отстанетъ отъ всѣхъ и, никто какъ будто не замѣчаетъ этого. Ольга Ивановна—вотъ эта барышня, что у нихъ гоститъ—говорила мнѣ, что Надежда Алексѣевна только и бредитъ этимъ барономъ....

Молодой человѣкъ, незамѣтно увлекаясь, признался мнѣ дорогою, что Надежда Алексѣевна ему точно очень нравилась, что и она, по видимому, была расположена къ нему и что онъ даже имѣлъ намѣреніе просить ея руки.

— Теперь я вижу, прибавилъ онъ въ заключеніе своихъ признаній: — что я сдѣлалъ бы ужаснѣйшую глупость. Она пустая, вѣтренная дѣвушка, которую увлекаетъ только одинъ внѣшній блескъ, она помѣшана на свѣткости. Этотъ баронъ подвернулся на мое спасеніе, чтобы открыть мнѣ глаза.

Молодой человѣкъ въ эту минуту былъ еще все влюбленъ въ Наденьку, потому что онъ говорилъ о ней съ раздраженіемъ и горячностью. Я было вступился за нее, но онъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Да что, скажите, перебилъ онъ меня:—что *онъ* богатъ, что ли? Вѣдь между этими господами трудно отличить богатаго отъ тароватаго.

— Это правда, отвѣчалъ я: — но у Щелкалова едва ли есть что-нибудь.

— То-то и мнѣ кажется. Вы знаете, что съ мѣсяцъ назадъ тому онъ занялъ у Алексѣя Аѳанасьича двѣ тысячи?

— Кто же это вамъ сказалъ?

— Мнѣ сказала Палагея Петровна, это навѣрно. Алексѣй Аѳанасьичъ воображаетъ, что у него груды золота. И точно, если судить по его манерамъ да по разсказамъ, такъ съ дуру примешь его пожалуй за милліонера. Но я боюсь, что бѣдный Алексѣй Аѳанасьичъ не только капитала, да и процентовъ-то не увидитъ!...

— Не мудрено, возразилъ я.

На другой день я обѣдалъ въ ресторанѣ. Въ одной со мною комнатѣ сидѣли два господина— военный и штатскій. Они разговаривали такъ откровенно и громко, какъ будто были одни въ комнатѣ. Рѣчь сначала шла о какомъ-то Колѣ и о Дарьѣ Александровнѣ. Военный находилъ, что Дарья Александровна одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Петербургѣ. Штатскій перебилъ его.

— Нѣтъ, любезный другъ, сказалъ онъ:—я недавно видѣлъ дѣвочку, такъ вотъ дѣвочка! Удивительная, прелесть что такое! передъ ней твоя Дарья Акександровна просто дрянь... Ты знаешь Щелкалова?

— Еще бы! отвѣчалъ военный:—ну такъ чтожь?

— Я его раза два встрѣтилъ по парголовской дорогѣ съ этою госпожею. Прежде я рѣшительно никогда и нигдѣ не видалъ ее. Третьяго дня онъ попадается мнѣ на Невскомъ, я и вцѣпился въ него: «Кто это братецъ, такая хорошенькая, съ которой я тебя встрѣтилъ?—«Гдѣ? когда?» Онъ,

знаешь прикинулся, какъ будто не догадался. «На парголовской дорогѣ», я говорю. Тутъ онъ промычалъ «а-а!» остановился на минуту и говоритъ: «Это одна моя знакомая». Я къ нему присталъ, ну и онъ, разумѣется, мнѣ во всемъ признался; но кто она такая и гдѣ онъ скрываетъ ее, это неизвѣстно; ужь какъ я къ нему не приставалъ, онъ ни за что не говоритъ, а чудо что за дѣвочка!

— Каковъ Щелкаловъ-то! воскликнулъ военный.

— Да не глупъ! прибавилъ штатскій.

Дальнѣйшаго разговора я не слышалъ и не желалъ слышать. Въ эту минуту я кончилъ свой обѣдъ и вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА V.

ИЗЪ КОТОРОЙ ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ УСМОТРИТЪ МНОГОЕ, ВО ПЕРВЫХЪ: ЧТО ХЛЫЩИ БЫВАЮТЪ РАЗЛИЧНЫХЪ РОДОВЪ; ВО ВТОРЫХЪ, ЧТО ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ ХЛЫЩИ ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ РОБѢЮТЪ И ИНОГДА ДѢЛАЮТСЯ НЕЛОВКИМИ, И ВЪ ТРЕТЬИХЪ: ЧТО ОНИ РАЗОБЛАЧАЮТСЯ И ОБНАРУЖИВАЮТЪ СЕБЯ ВДРУГЪ, СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННО ДАЖЕ ДЛЯ САМИХЪ СЕБЯ, ПРИ ЧЕМЪ ТАКЖЕ ВПОЛНѢ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ЧИТАТЕЛЮ ЗНАЧЕНІЕ НЕ ВСѢМИ УПОТРЕБЛЯЕМАГО, НО ПРІЯТНАГО ДЛЯ СЛУХА СЛОВА ХЛЫЩЪ.

Въ четвергъ ровно въ одинадцать часовъ я уже былъ у Грибановыхъ, и нашелъ тамъ довольно многочисленную компанію. Весь дворъ былъ заставленъ экипажами. Почти всѣ были въ сборѣ за исключеніемъ Щелкалова и Веретенникова. День былъ прекрасный, даже довольно жаркій для осе-

ни. На небѣ ни однаго облака... Я засталъ мужчинъ и дамъ въ разныхъ комнатахъ: мужчинъ въ залѣ, а дамъ въ гостиной въ ожиданіи минуты отъѣзда.

Въ залѣ ораторствовалъ господинъ небольшаго роста коренастый и уже непервой молодости, завитой, весь въ перстняхъ и въ цѣпяхъ. Это былъ Астрабатовъ. Я вошелъ тихо и остановился, никѣмъ не замѣченный, потому что все вниманіе въ эту минуту было обращено на Астрабатова.

— Главное — въ душѣ, говорилъ онъ: — остальное все вздоръ и вниманія не стоитъ. Когда вотъ эдакъ, какъ мы, соберемся по душѣ, когда все люди подходящіе, такъ натурально и весело, и ѣсть будешь лучше и пить больше... Вѣдь вотъ хоть бы этотъ старикъ-то...

Астрабатовъ съ хитрою улыбкою направилъ свой указательный палецъ, плоскій, широкій и четвероугольной формы, украшенный перстнемъ съ бриллiантовымъ солитеромъ, на Алексѣя Аѳанасьича.

— Это рѣдчайшій души старикъ, первый сортъ, это человѣкъ со вздохомъ, у него все на чистоту, все на ладони, безъ задоринки; а вѣдь иной эдакъ и вылощенъ съ виду-то, комъ-ильфо, а попробуй погладить, такъ и занозишься!..

Астрабатовь повелъ головою кругомъ и вдругъ остановился на мнѣ.

— Вотъ этотъ (онъ пальцемъ указалъ на меня), этотъ тоже подходящій къ намъ.

Я зналъ Астрабатова давно, хотя со всѣмъ не коротко и встрѣчался съ нимъ рѣдко. Онъ говорилъ мнѣ какъ и всѣмъ *ты*, потому что принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые, черезъ

полчаса послѣ знакомства съ человѣкомъ, говорятъ уже ему непремѣнно *ты*...

— Здраствуйте, душенька, продолжалъ онъ, приближаясь ко мнѣ съ намѣреніемъ заключить меня въ объятія:—то есть, разутѣшилъ, что пріѣхалъ, ей Богу! Ну чмокнемся, братецъ.... Сто лѣтъ не видалъ тебя.

И онъ обнялъ меня.

— Чортъ его знаетъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и ударяя меня по плечу: — самъ не знаю, за что люблю его... Вотъ здѣсь-то у него, правда, горячо, такъ и пышетъ!

И онъ приложилъ свою широкую ладонь къ моему лѣвому боку.

Освободясь отъ Астрабатова, я поздоровался съ хозяевами дома и съ остальными гостями.

— Ну теперь только дѣло за барономъ, замѣтилъ Алексѣй Аѳанасьичъ: — мы всѣ, кажется, въ сборѣ; вѣдь ужь четверть двѣнадцатаго... никакъ не можетъ не опоздать!... А пора бы ужь и въ путь.

Щелкаловъ съ Веретенниковымъ пріѣхали около двѣнадцати.

— Баронъ, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ, встрѣчая его. — Не стыдно ли, а еще самъ все толковалъ, чтобы собраться ровно къ одиннадцати.

— Что такое? развѣ я опоздалъ? развѣ теперь больше одиннадцати? возразилъ онъ разсѣянно, важно кивнувъ намъ всѣмъ головою и проходя въ гостиную, гдѣ были дамы.

Астрабатовъ подошелъ ко мнѣ и, указавъ головою на Щелкалова, сказалъ вслѣдъ ему:

— Не узнаетъ! Вишь какъ голову-то загнулъ

Да насъ братъ, этимъ не удивишь! Мы видали и почище тебя! На плечахъ-то шелкъ, а въ карманѣ щолкъ!... Ахъ, душа моя! продолжалъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо:—чортъ ли въ человѣкѣ, когда у него теплоты нѣтъ. Терпѣть не могу эдакихъ...

Веретенниковъ пожавъ мнѣ руку и какъ бы не замѣтивъ Астрабатова, стоявшаго возлѣ меня, хотѣлъ отправиться вслѣдъ за Щелкаловымъ въ гостиную. Но Астрабатовъ схватилъ его за фалду сюртука.

— Кудà! сказалъ онъ ему: — нѣтъ, братъ, постой. Что у тебя темная вода въ глазахъ, что ли, что ты не видишь старыхъ знакомыхъ?

Веретенниковъ съ едва замѣтной, но иронической улыбкой измѣрилъ Астрабатова.

— А-а! здраствуй, произнесъ онъ довольно сухо: — ты какъ попалъ сюда?

— Я, братъ, вездѣ, гдѣ хорошіе люди съ теплотой!... Охъ, ужь вы мнѣ бонтоны! Туда же шпильки подпускаютъ, да нѣтъ, вѣдь меня не оцарапаешь, нетаковской! Я этихъ загвоздокъ терпѣть не могу, душа моя; по моему, коли дѣйствуй, такъ дѣйствуй на чистоту.

— Оригиналъ! воскликнулъ Веретенниковъ, обратясь ко мнѣ, поправивъ свои воротнички и принуждено засмѣявшись: — не правда ли?... и съ этимъ словомъ ускользнулъ въ гостиную.

Астрабатовъ проводилъ его глазами, покачалъ головой и произнесъ:

— Положимъ, что оригиналъ, да не накрахмаленная обезьяна, какъ ты!

Онъ скорчилъ гримасу и вздохнулъ, потомъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Пойдемъ, душа моя, туда за ними, посмотримъ на этихъ бонтоновъ-то, какъ они тамъ ломаются передъ барынями и отпускаютъ имъ закорючки на розовомъ маслѣ. Мы братецъ, люди несвѣтскіе; надо поучиться у нихъ толочь лоделаванъ въ ступѣ. Мы напрямикъ; коли заговорило здѣсь (Астрабатовъ указалъ на сердце), такъ, не думая долго, бухъ на колѣни... и безъ всякой эдакой реторики: «У меня-де сердце на ладони, сударыня; я человѣкъ со вздохомъ», и мы по опыту знаемъ, душа моя, что это дѣйстуетъ на барынь вѣрнѣе. Какъ ты думаешь?

Онъ прищолкнулъ языкомъ, зажмурилъ правой глазъ, схватилъ меня за руку и потащилъ въ гостиную.

Тамъ Щелкаловъ, лежа въ волтеровскомъ креслѣ, съ розаномъ въ бутоньеркѣ и съ пахитоской въ зубахъ, расказывалъ что-то дамамъ, которыя окружили его кресло.

Мы застали его на слѣдующихъ словахъ:

— Это была минута ужасная, говорилъ онъ: — лошадь закусила удила и мчала графиню прямо къ рѣкѣ; берегъ этой рѣчки крутой и почти отвѣсной; она была уже не болѣе, какъ шагахъ въ пятидесяти отъ берега, но въ это мгновеніе я пускаю свою лошадь за нею во весь карьеръ, не сознавая ничего, нисколько не думая объ опасности... Передняя нога ея лошади ужъ висѣла надъ бездной въ ту минуту, какъ я поравнялся съ нею. Я схватилъ графиню одною рукою за талію, перебросилъ ее къ себѣ на сѣдло и въ то же мгновеніе другой рукою съ такой силой осадилъ свою лошадь, что она совсѣмъ грянулась на

заднія ноги. Я соскочилъ съ нея и положилъ графиню на землю. Она была, разумѣется, безъ памяти... Ну въ это время къ намъ подоспѣли остальные: мою лошадь схватили, а лошадь графини рухнулась въ рѣку и тутъ же пала, разбившись грудью о камни....

Щелкаловъ, произнеся послѣднее слово, вставилъ въ глазъ, свое стеклышко и обозрѣлъ своихъ слушательницъ. Лидія Ивановна; барыня, поводящая глазами и передергивающая плечами, по имени Аменаида Александровна; бойкая барышня съ двойнымъ золотымъ лорнетомъ; Наденька и другія барыни и барышни — всѣ въ одинъ голосъ невольно ахнули съ послѣднимъ словомъ Щелкалова: такъ поразилъ ихъ его геройскій подвигъ; а Астрабатовъ, наклонясь къ моему уху, шепнулъ:

— Да это онъ, братецъ ты мой, кажется лупитъ чистаганомъ изъ *не люба не слушай*...

— Ахъ ты Малекъ-Адель эдакой! воскликнулъ онъ громко, глядя на Щелкалова, и потомъ продолжалъ, обратясь къ дамамъ: — то есть ухъ! какой тонкости, я вамъ доложу, человѣкъ, по амурному отдѣленію, — бѣда! Слава Богу, десять лѣтъ его знаю, не десять дней...

— Послушай, баронъ (онъ снова поглядѣлъ на Щелкалова), а помнишь ли третьягоднишнюю лебедянскую сказку? Забылъ, что ли?

Въ голосѣ Астрабатова послышалось внутреннее раздраженіе.

— Тогда безъ Астрабатова не обходился никто... обѣдъ ли, ужинъ ли, или что-нибудь эдакое— подавай сюда Астрабатова! Астрабатова обнимали, качали; Астрабатовъ, моншеръ, душу свою отда-

валъ вамъ безъ залога и безъ процентовъ... Астрабатовъ, сдѣлай-то; Астрабатовъ, дай это (онъ указалъ на карманъ); Астрабатовъ, съѣзди туда; Астрабатовъ, спой. Астрабатовъ все дѣлалъ для васъ — и ѣздилъ, и хлопоталъ, и пѣлъ... Какъ заговоритъ бывало тутъ въ лѣвомъ боку, сейчасъ гитару въ руки, щипнулъ два-три аккорда со слезой, да какъ потомъ зальешся эдакъ задушевно, изнутри; такъ, я думаю, ты самъ помнишь,— люди, у которыхъ были нервы изъ везиги — и тѣ, душа моя, рыдали, потому-что хоть методы нѣтъ, да душа есть, а въ душѣ — главное... Астрабатовъ — это всѣмъ извѣстно — въ пять дней пять тысячь рублей серебромъ просадилъ. Да! вотъ каковъ Астрабатовъ-то!

Онъ вынулъ изъ кармана огромный сафьяный бумажникъ и хлопнулъ по немъ рукою.

— Пять тысячъ, моншеръ, вотъ изъ этого бумажника вынулъ, какъ одну копѣйку, въ пять дней! потомъ, вздохнувъ, прибавилъ: — Въ немъ таки перебывало порядочно деньжонокъ! И нынче благодаря Бога, водятся... А въ Петербургѣ Астрабатова на улицѣ или въ гостяхъ встрѣчаютъ: не узнаютъ. Здѣсь Астрабатовъ не нуженъ, потому что здѣсь фаетоны да бонтоны, здѣсь вытанцовываютъ па-де-дё на столичныхъ деликатностяхъ въ вершокъ ширины; а задушевности, моншеръ, вотъ отсюда-то идущаго, изъ глубины, теплоты-то этой,—этого не нужно! Все Фребеліусы да Гамбсы, а о чувствѣ не спрашивай... А въ сущности все это помпадурство, по моему, самое пустое дѣло.

Астрабатовъ пріостановился на минуту, посмотрѣлъ, нѣсколько прищурясь, на дамъ, удивлен-

ныхъ его импровизаціею, вынулъ изъ кармана пестрый раздушенный фуляръ, высморкнулся и сказалъ, улыбаясь:

— Pardon, mesdames, я человѣкъ со вздохомъ, люблю попросту, безъ всякихъ эдакихъ закорючекъ, сердечно высказать все, когда закипитъ внутри; а тамъ, знаешь, каждый получай по адресу...

Щелкаловъ въ первую минуту, когда Астрабатовъ заговорилъ, обернулся на этотъ голосъ, взглянулъ на него и потомъ въ продолженіи всей его рѣчи измѣрялъ его съ ногъ до головы въ свое стеклышко съ презрительной улыбкой. Когда же Астрабатовъ кончилъ, баронъ захохоталъ, всталъ съ кресла, протянулъ ему руку, какъ бы удостоивая его особенной чести, и сказалъ, не глядя впрочемъ на него:

— Здравствуй...Ну, что все такой же, какъ всегда?... особенный, свой языкъ, какъ ни у кого? оригинально... очень! и потомъ, обратясь къ Лидіи Ивановнѣ, прибавилъ: — большой чудакъ! Не правда ли? А я и не зналъ, что вы съ нимъ знакомы...

Астрабатовъ значительно посмотрѣлъ на него.

— Полно, душенька, эръ-фиксы-то выпускать, произнесъ онъ-—съ старыми-то пріятелями эдакъ не встрѣчаются. Вотъ лучше-ка по душѣ, запросто безъ закорючекъ, обнимемся и поцалуемся.

Онъ безцеремонно обнялъ Щелкалова и протянулъ къ нему свои губы. Щелкаловъ поморщился, несовсѣмъ охотно позволилъ поцаловать себя и потомъ, отойдя отъ него, сказалъ мнѣ:

— Вотъ, батюшка, типъ-то! Не правда ли? Ка-

ковъ молодчикъ?... Но какъ же можно пускать этакого господина въ домъ?...

Вскорѣ послѣ этого экипажи были поданы, и всѣ начали собираться въ путь. Передъ самымъ отъѣздомъ Астрабатовъ схватилъ за руку Ивана Алексѣича, который бѣжалъ къ коляскѣ съ какимъ-то узломъ.

— Постой, душа моя, сказалъ онъ ему:—ты вѣдь меня знаешь, и мы, кажется, понимаемъ другъ друга. Ты поэтъ; а я, братецъ, хоть и не пишу стиховъ, но здѣсь у меня въ груди кипитъ паэзія: и слеза, и вздохъ, и пѣсня—все тутъ! Такъ ли? скажи...

— Еще бы! возразилъ Иванъ Алексѣичъ, крѣпко пожавъ руку Астрабатова съ свойственнымъ ему сладкимъ выраженіемъ: — я знаю, что ты поэтъ въ душѣ; но пора, братецъ, ѣхать; мы и безъ того ужъ опоздали... Надо вотъ еще уложить этотъ узелъ...

— Нѣтъ, погоди, братъ, погоди! перебилъ его Астрабатовъ:—тебѣ извѣстно, что я дѣйствую на чистоту на прямки, *этикеты* только уважаю на бутылкахъ, а церемоній терпѣть не могу; такъ вели-ка ты, душенька, на дорогу-то подать мнѣ бальзамчику, да кусочикъ чернаго хлѣба съ солью. Какъ на бальзамируешь эдакъ слегка желудокъ передъ обѣдомъ, такъ и аппетитъ лучше, и на душѣ покойнѣе, да и отъ сырости предохранишь себя. Нельзя безъ этого. Вѣдь въ воздухѣ нынче эпидеміи такъ и хлещутъ!

Астрабатовъ выпилъ двѣ большія рюмки водки, крякнулъ, закусилъ чернымъ хлѣбомъ и произнесъ:

— Ну вотъ, теперь хоть на край свѣта!

Въ это время происходила страшная суматоха. Дамы въ шляпахъ и бурнусахъ толпились на крыльцѣ и на дорожкѣ палисадника, которая вела къ калиткѣ; мужчины—одни кричали своихъ кучеровъ, другіе отыскивали свои пальто и шляпы; Макаръ, въ ливреѣ травянаго цвѣта съ галунами, о чемъ-то очень хлопоталъ и суетился съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ; горничныя совались безъ толку изъ угла въ уголъ....

Коляска Щелкалова, запряженная четвернею въ рядъ, которою управлялъ кучеръ страшной толщины съ огромною крашеною бородою, подъѣхала первая къ калиткѣ. Щелкаловъ предложилъ садиться Лидіи Ивановнѣ и Наденькѣ и сѣлъ напротивъ нихъ самъ съ Веретенниковымъ. Его ливрейный лакей, въ красныхъ плюшевыхъ штанахъ, ловко захлопнулъ дверцы коляски, оттолкнулъ Макара, который подсунулся было ему подъ руку, вскочилъ на козлы, гордо сѣлъ, подбоченясь лѣвой рукой, и закричалъ: «Пошелъ!» Когда коляска двинулась, бойкая барышня съ лорнетомъ шепнула что-то влюбленному въ Наденьку молодому человѣку, который измѣнился въ лицѣ и хоть улыбнулся, но очень печально. Затѣмъ всѣ начали разсаживаться въ свои экипажи.

Мнѣ пришлось ѣхать съ бойкой барышней и съ влюбленнымъ молодымъ человѣкомъ. Дорогою я замѣтилъ, что между ними происходило что-то особенное. Она какъ-то необыкновенно выводила глазами, глядя на него, и кокетничала немилосердо, играя своимъ двойнымъ лорнетомъ.

Когда мы проѣхали уже верстъ пять, сзади насъ послышался звонъ бубенчиковъ и страшный крикъ

«Правѣе! правѣе! Эй вы, соколики, голубчики! вытягивай дружно... Правѣе!» И вслѣдъ за тѣмъ пронесся мимо насъ, чуть не задѣвъ колесомъ о наше колесо, небольшой охотничій тарантасъ, запряженый тройкой съ бубенчиками, и съ разными балаболками на сбруѣ. Этой тройкой правилъ стоя молодой ямщикъ въ плисовой поддёвкѣ, въ плоской шляпѣ почти безъ полей, набекрень, украшенной вѣнкомъ разноцвѣнтыхъ георгинъ. Въ этомъ тарантасѣ сидѣли Аменаида Александровна съ Астрабатовымъ.

Астрабатовъ, поравнявшись съ нами, вскочилъ на ноги, снялъ свою бархатную фуражку и, помахивая ею въ воздухѣ, закричалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Что, душа моя, какова троечка-то? У меня, братецъ, русская душа. Вотъ она наша паэзія-то!...

Мы пріѣхали въ «Дубовую Рощу» въ началѣ третьяго часа. Первое лицо, попавшееся намъ, былъ Астрабатовъ, который у подъѣзда флигеля, гдѣ были приготовлены для насъ комнаты, расхаживалъ съ кнутомъ въ рукѣ, всѣхъ встрѣчая и хвастая своей троечкой и своей русской душой.

Щелкаловъ по знакомству съ хозяиномъ и управляющимъ «Дубовою Рощею» устроилъ все съ величайшимъ эффектомъ и комфортомъ. Намъ отданъ былъ въ распоряженіе цѣлый флигель, съ пятью комнатами. Въ первой большой комнатѣ, украшенной дубовыми гирляндами, былъ накрытъ длинный столъ, установленный хрусталемъ, фруктами и цвѣтами; направо двѣ небольшія комнаты, также всѣ въ цвѣтахъ, назначались для дамскихъ уборныхъ; комната налѣво для мужчинъ; а въ стеклянной галлереѣ за этой комнатой помѣщался буфетъ.

Лидія Ивановна, Наденька, а за ними всѣ остальныя дамы поочередно приходили въ восторгъ отъ вкуса барона и осыпали его благодарностями и похвалами. Щелкаловъ принималъ эти изъявленія довольно равнодушно, гордо прохаживался съ своимъ стеклышкомъ, кричалъ на людей и дружески трепалъ по плечу толстаго управляющаго съ печатками на животѣ, который явился къ нему узнать, доволенъ ли онъ его распоряженіями. Я замѣтилъ въ то же время, что этотъ управляющій посматривалъ на всѣхъ насъ остальныхъ: на дамъ и на мужчинъ, съ какой-то подозрительной гримасой недоумѣнія, которую можно было растолковать такъ: «Да откуда же это такихъ господъ и госпожъ навезъ съ собою баронъ? Я такихъ съ роду не видывалъ.»

Иванъ Алексѣичъ подходилъ ко всѣмъ съ своей сладкой улыбкой и съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «Каковъ баронъ-то? Я вѣдь говорилъ, что онъ все съумѣетъ устроить, какъ никто. Оно хотя дороговато, да вѣдь зато, посмотрите, какъ все хорошо.»

И затѣмъ одному онъ указывалъ облизовыя губы, на огромную грушу, другому на вазу со сливами, третьяго приводилъ въ буфетъ, гдѣ былъ выставленъ строй бутылокъ, и такъ далѣе.

У Пруденскаго разгорались на все глаза, и казалось, онъ совершенно начиналъ забывать потраченныя имъ двадцать рублей: поправляя очки, онъ разглядывалъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ и ананасъ и персикъ; читалъ на бутылкахъ ерлыки; бралъ бутылку въ руку, разсматривая ее со всѣхъ сторонъ, и улыбался про себя.

Поваренки, бѣгавшіе по двору, также немало занимали его.

— Вишь, замѣтилъ онъ съ удовольствіемъ: — плуты, бѣгаютъ, и сколько ихъ! Видно работы-то много! Полагать должно по всему, что намъ предстоитъ недурной обѣдецъ, а возліятельная часть въ наилучшемъ устройствѣ. Лафитъ и сотернъ подъ золотыми и серебряными печатями! и потомъ продолжалъ, пародируя Гомера: — Мы будемъ за пиршествомъ —

Мирно бесѣду вести; посреди насъ цвѣтущая Геба —

(Онъ указалъ на проходившую въ эту мпнуту Наденьку).

Нектаръ кругомъ разольетъ... и кубки пріемля златыя,
Чествовать будемъ другъ друга, на лугъ сей зеленый
взирая...

(При этомъ онъ указалъ пальцемъ въ окно и осклабился самою довольною улыбкою).

Астрабатовъ ударилъ его своей широкой ладонью по спинѣ и сказалъ:

— Полно ораторствовать-то! вѣдь ты здѣсь не въ школѣ, а вотъ выпьемъ-ка лучше бальзамчику. Слышишь? Я уже хватилъ дважды передъ отъѣздомъ и одинъ разъ послѣ пріѣзда, да чувствую потребность еще: что-то щемитъ подъ ложечкой. Хватимъ-ка, дружище по рюмочкѣ.

Пруденскій очень поморщился при словѣ школа, но потомъ однако улыбнулся и отвѣчалъ съ юмористическимъ выраженіемъ по малороссійски:

— Добрѐ...

Когда дамы поправили свои туалеты послѣ до-

роги, всѣ отправились гулять въ паркъ. Баронъ подъ руку съ Наденькой; молодой человѣкъ влюбленный въ нее, съ бойкой барышней; Астрабатовъ съ Аменаидой Александровной; остальные въ разсыпную, въ томъ числѣ и я. Когда въ глубинѣ парка мы очутились съ обѣихъ сторонъ среди густаго березника и когда Алексѣй Аѳанасьичъ увидалъ грибъ, у него такъ и загорѣлись глаза. Онъ бросился къ нему, дрожащей рукой оторвалъ его отъ корня, съ восторгомъ вскрикнулъ: «О, да здѣсь, я вижу, должно быть пропасть грибовъ! Господа, кто хочетъ со мной на охоту?» И перепрыгивая съ кочки на кочку, какъ молодой человѣкъ, онъ въ минуту скрылся отъ насъ въ чащѣ лѣса. За нимъ послѣдовали Пруденскій, Иванъ Алексѣичъ и еще два мнѣ неизвѣстные господина, а мы отправились далѣе по дорогѣ парка.

Дорога все шла подъ гору, и когда мы спустились съ горы, направо передъ нами открылось озеро, замыкавшееся съ одной стороны крутымъ и лѣсистымъ берегомъ, а съ другой болотистымъ пространствомъ, поросшимъ частымъ, высоко вытянувшимся, но тощимъ березнякомъ и осиною. Почти по срединѣ озера возвышался небольшой островъ, густо заросшій мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, въ зелени котораго виднѣлась бесѣдка сложенная изъ березы. У самаго спуска къ озеру, кўда мы подошли, къ периламъ небольшой пристани привязана была лодочка, и здѣсь по распоряженію предупредительнаго управляющаго ожидалъ насъ мужикъ съ багромъ и веслами, въ случаѣ если бы кому нибудь изъ насъ захотѣлось покататься на озерѣ.

Мы остановились здѣсь, потому что дамы заахали отъ восхищенія, когда передъ ними сюрпризомъ открылось озеро.

— Ахъ! и лодочка! воскликнула Наденька.

— А вы не боитесь кататься на лодкѣ? спросилъ ее Щелкаловъ.

— Отчего же? если такъ тихо, какъ теперь...

— Ну такъ поѣдемте.

— А кто же будетъ грѣсть?...

— Гресть буду я.

— Да развѣ вы умѣете?

— А вотъ вы увидите. Хотите, что ли?

Наденька въ нерѣшительности посмотрѣла на Лидію Ивановну.

— Поѣзжай мой другъ, отчего же? возразила Лидія Ивановна—вѣрно кто нибудь еще изъ дамъ пожелаетъ покататься.

И она обратилась къ дамамъ съ пріятной улыбкой.

— Ахъ, нѣтъ, какъ можно! страшно на такой маленькой лодочкѣ! воскликнуло въ одинъ голосъ нѣсколько дамъ.

Щелкаловъ не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на Лидію Ивановну, ни на этихъ дамъ, велѣлъ отцѣпить лодку, вскочилъ на нее, взялъ отъ мужика багоръ и весла и протянулъ руку Наденькѣ.

— Ну прыгайте, сказалъ онъ: — докажите, что вы не трусиха и имѣете довѣренность къ гребцу.

Наденька колебалась съ минуту и наконецъ прыгнула въ лодку.

— Больше никого взять нельзя, сказалъ Щелкаловъ рѣшительно: — опасно, потому что лодка очень мала. Мы проѣдемся немного, я выпущу

Надежду Алексѣевну, и потомъ если кто нибудь захочетъ....

Щелкаловъ пробормоталъ послѣднія слова, упираясь багромъ о пристань и отталкивая лодку отъ берега, и не докончивъ фразу, бросилъ багоръ въ лодку, снялъ съ себя шляпу, сѣлъ, тряхнулъ головой, взмахнулъ веслами, которыя блеснули на солнцѣ,—и легкая лодочка, разсѣкая синеватую и гладкую поверхность воды, понеслась быстро по направленію къ острову. Все это совершилось въ одно мгновеніе, такъ-что никто изъ насъ не успѣлъ опомниться.

Для молодаго человѣка, влюбленнаго въ Наденьку, это была, кажется, рѣшительная минута, потому что онъ съ этихъ поръ почти пересталъ говорить съ нею и началъ, вѣроятно въ отмщеніе ей, уже совершенно явно ухаживать за бойкою барышнею съ лорнетомъ.

Мы всѣ остались на берегу за исключеніемъ Аменаиды Александровны и Астрабатова, которые или отстали отъ насъ, или ушли впередъ.

Бѣлыя облака, густыми грядами тѣснясь другъ къ другу, тянулись по небу; солнце вскорѣ скрылось за ними; синева постепенно пропадала съ поверхности озера, и оно принимало свинцовый оттѣнокъ. Сѣроватое небо, сѣроватая вода и мелкій болотистый обрѣдѣвшій лѣсъ, со всѣхъ сторонъ окружавшій насъ, все это было нѣсколько печально. Говоръ вдругъ смолкъ, порывистый вѣтеръ повременамъ сильно качалъ вершинами деревъ, съ которыхъ слетали пожелтѣвшія листья, и пробѣгалъ рябью по поверхности озера.

Мы молча слѣдили за движеніемъ лодочки, и

мнѣ, я самъ не зналъ отчего, вдругъ стало жаль Наденьку.

Лодка причалила къ острову. Мы видѣли, какъ Щелкаловъ выпрыгнулъ изъ нея и протягивалъ руку Наденькѣ, какъ Наденька соскочила на землю, какъ потомъ Щелкаловъ привязывалъ лодку къ дереву и какъ они отправились наконецъ въ глубину острова и скрылись за деревьями.

Это даже подѣйствовало не совсѣмъ пріятно и на Лидію Ивановну, потому что она сказала очень серьёзно и съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ:

— Какія глупости! къ чему это они вышли на берегъ?

И начала кричать: «Наденька! Наденька!»

Но крикъ этотъ пропадалъ напрасно.

Прошло четверть часа ожиданія, но ни Щелкалова, ни Наденьки не показывалось. Потерявъ терпѣніе, всѣ разбрелись по парку; остались только на берегу Лидія Ивановна, Веретенниковъ и я. Это происшествіе разстроило прогулку: дамы нѣсколько надулись на Лидію Ивановну, Лидія Ивановна чувствовала также какую-то неловкость, и когда прошло еще четверть часа, она не могла уже долѣе скрывать своего волненія.

— Однако, это ни на что не похоже, сказала она, обращаясь къ намъ.—**Peut-on faire des choses comme-ça?** Я непремѣнно Наденькѣ вымою голову. Ну можно ли, что изъ-за нея все гулянье разстроилось?

Мы начали успокоивать Лидію Ивановну, какъ умѣли. Наконецъ лодочка, къ нашему удовольствію, снова пришла въ движеніе, но подвигалась къ намъ

очень лѣниво; гребецъ едва шевелилъ веслами. Мы ужь начали махать платками и кричать:

— Скорѣй! Скорѣй!

Лидія Ивановна встрѣтила Наденьку очень мрачно. Она обратилась къ Щелкалову хотя и съ пріятною улыбкою, но не безъ ироніи:

— Вы видите, баронъ, изъ пятнадцати насъ осталось только трое — это самые терпѣливые; мы таки дождались васъ...

— Что такое? возразилъ Щелкаловъ: — развѣ мы ѣздили такъ долго? Я показывалъ Надеждѣ Алексѣевнѣ бесѣдку на островѣ. Тамъ такая дичь что мы на силу добрались до этой бесѣдки... Да развѣ ужь такъ поздно? Мы опоздали, что ли, куда нибудь?

— Нѣтъ, но это разстроило немного нашу прогулку.

— Отчего? сказалъ Щелкаловъ:—что за вздоръ! пусть они тамъ гуляютъ, гдѣ хотятъ; что намъ за дѣло до нихъ, мы будемъ гулять сами по себѣ. Не правда ли?

Онъ засмѣялся, поглядѣлъ на всѣхъ насъ, предложилъ свою руку Лидіи Ивановнѣ и отправился съ ней впередъ, значительно смягчивъ этимъ поступкомъ ея неудовольствіе.

Мы пошли за ними. Я взглянулъ на Наденьку. Она была въ большомъ замѣшательствѣ и едва отвѣчала на мои вопросы.

Обѣдать было назначено въ четыре часа; оставалось до обѣда еще три четверти часа, и мы возвратились, по предложенію Щелкалова, назадъ осмотрѣть комнаты большаго дома, гдѣ, по словамъ его, было нѣсколько недурныхъ картинъ.

Взглянувъ на эти картины, очень, впрочемъ, сомнительнаго достоинства, и пройдя по комнатамъ, которыя были меблированы въ новѣйшемъ вкусѣ и не представляли ничего особенно любопытнаго мы возвратились въ нашъ флигель.

Щелкаловъ отправился въ столовую осматривать, все ли въ порядкѣ. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Онъ съ видомъ знатока бросилъ взглядъ на столъ въ свое стеклышко, потомъ обозрѣлъ кругомъ всю комнату, крикнулъ раза два на лакеевъ, велѣлъ позвать къ себѣ француза-повара и началъ о чемъ-то его распрашивать, качаясь на стулѣ и не смотря на него, но внутренно наслаждаясь тѣми знаками благоговѣнія, которые оказывали ему поваръ и вся прислуга.

Въ столовой давно уже прохаживались Пруденскій съ Иваномъ Алексѣичемъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда.

Пруденскій подошелъ ко мнѣ и, показывая часы, сказалъ:

— На моихъ безъ пяти минутъ четыре. Пора бы уже приступить и къ трапезѣ, да, кажется, еще не всѣ въ сборѣ. Посмотрите, Алексѣй Аѳанасьичъ непремѣнно проморитъ насъ, я увѣренъ. Онъ, чего добраго, до ночи проходитъ за своими грибами и забудетъ обо всѣхъ насъ. Мы съ Иваномъ Алексѣичемъ аукали его, аукали, такъ и не дозвались. Пожалуй еще заблудится въ лѣсу. Чего добраго? Ужь его ждать невозможно, какъ хотите: семеро одного не ждутъ. Сама народная мудрость, выражающаяся въ этой пословицѣ, послужитъ для насъ достаточнымъ оправданіемъ въ такомъ случаѣ.

— Разумѣется, папеньку ждать нечего, возра-

зилъ Иванъ Алексѣичъ, прохаживаясь около стола, уставленнаго разнообразнѣйшими закусками и бросая на нихъ жадные взгляды:—старикъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ проходить до вечера; отъ него это легко станется, онъ для грибовъ точно забываетъ часто обѣдъ и все на свѣтѣ. Посмотрите, Пруденскій, какая жирная и бѣлая селедка-то, а съ балыка такъ и каплетъ! Удивительный балыкъ! Эдакихъ я и не видывалъ здѣсь.

— Кажется, все будетъ хорошо, сказалъ Щелкаловъ, подходя къ Ивану Алексѣичу.

— У, баронъ! что и говорить, перебилъ Иванъ Алексѣичъ, придерживая барона за талію обѣими руками и бросая на него совсѣмъ сахарный взглядъ:—мастеръ, мастеръ все устроитъ.

— Такимъ тонкимъ знатокамъ въ гастрономіи, замѣтилъ Пруденскій:—позавидовалъ бы и древній Римъ. Вы воскрешаете для насъ, баронъ, лукулловскія времена... А ужь, признаться, пора бы, совершивъ омовеніе и возложивъ на главы вѣнки, возвлечь за пиршественный столъ.

Щелкаловъ вкось взглянулъ на Пруденскаго, удержавшись отъ улыбки, потому что онъ не хотѣлъ удостоивать его даже и улыбки.

— Да! вѣдь ужь почти четыре часа, вкрадчиво произнесъ Иванъ Алексѣичъ.

— Обѣдъ черезъ четверть часа будетъ готовъ, мнѣ сейчасъ сказалъ Дюбо.

— А этотъ Дюбо долженъ быть художникъ въ своемъ дѣлѣ! опять ввернулъ свое словцо Пруденскій.

— Да вѣдь, кажется, еще не всѣ собрались? спросилъ Щелкаловъ, по обыкновенію не замѣчая

Пруденскаго и обращаясь къ намъ съ Иваномъ Алексѣичемъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ Иванъ Алексѣичъ:— но во всякомъ случаѣ отца ждать нечего; онъ будетъ даже очень доволенъ, что его не ждали, я ужь знаю его натуру...

Щелкаловъ не дослушалъ Ивана Алексѣича и, напѣвая себѣ что-то подъ носъ, направилъ шаги въ комнату передъ буфетомъ, сдѣлавъ знакъ лакею, чтобы слѣдовалъ за нимъ.

— Надо пойдти узнать, всѣ ли возвратились, сказалъ Иванъ Алексѣичъ:—и объявить, что обѣдъ сейчасъ будетъ готовъ. Ужасно ѣсть хочется, у меня сегодня кромѣ чашки кофею ничего во рту не было.

Иванъ Алексѣичъ обратился ко мнѣ съ своею улыбкою.

— Я, знаете, нарочно ничего не завтракалъ, имѣя въ виду такой обѣдъ.

— И благоразумно поступили, воскликнулъ Пруденскій:—а я такъ нарочно по этому случаю два дня діэту держалъ. Мнѣ-то еще больше вашего ѣсть хочется.

И точно Пруденскій долженъ былъ чувствовать сильный голодъ, потому что, ходя по комнатѣ и разговаривая со мною, онъ не могъ отвести своихъ очковъ отъ стола съ закусками.

Мало по малу начинали собираться въ столовую, по приглашенію Ивана Алексѣича. Въ комнату же, назначенную для мужчинъ, по распоряженію Щелкалова, до обѣда не велѣно было никого впускать. Для этого былъ поставленъ даже лакей у двери.

— Да пусти же, братецъ, хоть на минутку, я

забылъ тамъ сигарочницу, говорилъ влюбленный молодой человѣкъ лакею, стоявшему у дверей.

— Никакъ нельзя-съ, отвѣчалъ лакей.

— Это отчего?

— Баронъ не приказали никого впускать.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Убирайся ты къ чорту съ твоимъ барономъ, закричалъ онъ, оттолкнувъ лакея, и хотѣлъ взяться за ручку замка.

Но лакей сталъ поперегъ двери и произнесъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Воля ваша, сударь, никакъ нельзя.

Молодой человѣкъ началъ было горячиться, но мы всѣ бросились его успокоивать.

— Да чтожь такое тамъ дѣлается? спросило нѣсколько голосовъ у лакея.

— Не могу знать-съ.

— Вѣдь ты врешь, дуракъ, ты знаешь, говори же, закричалъ кто-то.

Лакей глупо улыбнулся и отвѣчалъ:

— Не могу знать-съ.

Шумъ увеличивался.

Въ эту минуту вошелъ Щелкаловъ. Всѣ обратились къ нему.

— Господа, сказалъ онъ:—ваши вещи, которыя въ той комнатѣ, вамъ сейчасъ принесутъ, но туда не войдетъ ни одинъ изъ васъ до обѣда. Вы меня выбрали распорядителемъ, слѣдовательно должны мнѣ повиноваться и вѣрить, что я все устроиваю къ вашему же удовольствію.

И произнеся это съ необычайною важностію, онъ отправился далѣе.

— Вѣрно какой нибудь сюрпризъ готовится,

сказалъ Иванъ Алексѣичъ, провожая пріятною улыбкою барона и въ то же время близясь къ столу съ закусками.

Онъ взялъ кусочикъ селедки, положилъ его въ ротъ и, какъ будто желая скрыть отъ другихъ такой преждевременный поступокъ, началъ смотрѣть въ окно, напѣвая что-то; потомъ, проглотивъ кусочикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ намъ, осмотрѣлъ всѣхъ и сказалъ:

— Чтожь? Мы теперь, кажется, всѣ на лицо кромѣ папеньки?

— Астрабатова нѣтъ, замѣтилъ съ безпокойствомъ Пруденскій.

Иванъ Алексѣичъ поморщился, но Астрабатовъ въ эту же минуту вошелъ въ столовую.

— Вотъ легокъ-то на поминѣ! закричали ему Пруденскій и Иванъ Алексѣичъ.

— А что?

— Да уж и обѣдать пора, отвѣчалъ Иванъ Алексѣичъ:—пятый часъ въ началѣ...

— Обѣдать? возразилъ Астрабатовъ, потирая подбородокъ:—почему жь? это дѣло подходящее... Ну, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, вполголоса:—какую мы съ этой барыней учинили прогулку, то есть я тебѣ скажу! Она, знаешь, пѣвица, я вѣдь то же пѣвецъ, такъ мы тамъ подъ березками такой дуэтецъ пропѣли, что любо дорого, безъ фальшу, братецъ, чудо какъ согласно! Она было, знаешь, «да я не могу, да я не въ голосѣ», а я ей на прямикъ: «Полноте, сударыня, я терпѣть не могу этихъ закорючекъ. Попробуемъ: споемся — такъ хорошо, нѣтъ — ну на нѣтъ и суда нѣтъ...» Ужь зато какже и спѣлись, душенька!

Астрабатовъ приложилъ пальцы къ губамъ, чмокнулъ, прищурилъ лѣвый глазъ и прибавилъ:

— Теперь, братецъ ты мой, надо пропустить внутрь укрѣпительной.

За обѣдъ сѣли въ половинѣ пятаго, не дождавшись Алексѣя Аѳанасьича. Въ ту минуту, когда дамы вошли въ столовую, дверь, охранявшаяся лакеемъ, отворилась, и хоръ полковыхъ музыкантовъ грянулъ увертюру изъ «Сомнанбулы». Дамы пришли въ неописанный восторгъ отъ этого сюрприза, да и кавалеры остались очень довольными. Тайна охраняемой двери была для насъ разгадана.

Иванъ Алексѣичъ съ салфеткою въ рукѣ и съ замаслянными губами, потому что у него весь ротъ былъ набитъ сардинками, бросился въ порывѣ неудержимаго чувства къ Щелкалову, съ намѣреніемъ, кажется обнять его, но тотъ ловко отклонилъ угрожавшій его поцалуй, и порывъ окончился только крѣпкимъ пожатіемъ рукъ и сладкимъ взглядомъ со стороны Ивана Алексѣича. Обѣдъ и вина были превосходные. Все это вмѣстѣ съ музыкой привело присутствующихъ въ самое веселое расположеніе духа, а нѣкоторыхъ болѣе нежели въ веселое. Еще обѣдъ не дошелъ до половины, какъ Пруденскій началъ уже обниматься съ своими сосѣдями, а Астрабатовъ отпускать невѣроятныя любезности сидѣвшимъ противъ него дамамъ, къ счастію, заглушавшіяся громомъ музыки.

Щелкаловъ очень неблагосклонно посматривалъ повременамъ въ свое стеклышко на тотъ конецъ стола, гдѣ сидѣли Пруденскій и Астрабатовъ. Онъ обратился къ Веретенникову и ко мнѣ и, скорчивъ гримасу, произнесъ:

— Нельзя сказать, чтобы мы находились въ очень избранномъ обществѣ. Какъ вы думаете, господа?

— Да! чортъ знаетъ что такое! возразилъ Веретенниковъ, охорашиваясь и поправляя свои воротнички.

Между тѣмъ Иванъ Алексѣичъ, удовлетворивъ свой аппетитъ нѣсколькими блюдами, которые онъ накладывалъ въ значительномъ количествѣ на тарелку, и заливъ ихъ виномъ, изъявилъ безпокойство объ отсутствіи папеньки. Лидія Ивановна начала также приходить отъ этого въ нѣкоторое смущеніе, а Наденька съ самаго начала обѣда все съ безпокойствомъ посматривала на двери. Наконецъ въ половинѣ обѣда, къ общему удовольствію, старикъ появился съ двумя огромнѣйшими котомками, наполненными грибами, весь въ паутинѣ.

— Уфъ! произнесъ онъ, складывая котомки на стулъ:—какъ ни торопился, а все-таки опоздалъ, за то вотъ вамъ еще лишнее блюдо.

И онъ указалъ на свои грибы.

— Мы никакъ бы не сѣли безъ васъ, замѣтилъ Щелкаловъ: если бы не вашъ сынъ и не Лидія Ивановна.

— И прекрасно сдѣлали, что не ждали меня, я этого терпѣть не могу; а вотъ я теперь вымоюсь да выпью потомъ водочки, да и догоню васъ. Вѣдь вы еще не съѣли всего? Вѣдь для меня что-нибудь осталось?... Да мнѣ пожалуй, вашихъ-то утонченныхъ блюдъ и не нужно. У меня есть свое блюдо.

Старикъ улыбнулся и потомъ обратился къ Щелкалову:

— А вотъ ты окажи-ка мнѣ услугу, баронъ: такъ какъ ужь ты распорядитель, вели-ка повару-то хорошенько изжарить намъ на сковородкѣ эти грибки со сметаной. Грибки всѣ какъ на подборъ молоденькіе, свѣженькіе. Это блюдо будетъ лучше всѣхъ вашихъ заморскихъ блюдъ-то, и вы мнѣ за него скажите спасибо, я знаю.

— Превосходная мысль! воскликнулъ Щелкаловъ:—Дюбо жаритъ грибы удивительно... Послать сюда повара.

Дюбо, низенькій и полный, въ пышной бѣлой фуражкѣ и въ курткѣ снѣжной бѣлизны, съ огромнѣйшимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, во вкусѣ Астрабатова, вошелъ въ столовую и расшаркался передъ барономъ.

— Что прикажете, господинъ баронъ? сказалъ онъ по французски.

— Приготовте намъ сейчасъ эти грибы, сказалъ Щелкаловъ, указавъ на котомки съ грибами: — какъ слѣдуетъ по русски со сметаной, на сковородѣ, помните, такъ, какъ вы подали ихъ намъ въ прошломъ году на обѣдѣ, который давалъ графъ Красносельскій?

— Очень хорошо, господинъ баронъ будетъ доволенъ.

— Мусье Дюбо, сметанка-то чтобы была эдакъ поджарена, понимаете, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ на русскомъ языкѣ, поглаживая Дюбо по плечу:— а грибки-то были бы въ соку, чтобы не слишкомъ были засушены.

Дюбо посмотрѣлъ съ любопытствомъ на Алексѣя Аѳанасьича и пробормоталъ:

— Корошо, корошо.

— Вы не безпокойтесь, онъ знаетъ свое дѣло, замѣтилъ Щелкаловъ, которому вмѣшательство Алексѣя Аѳанасьича было не совсѣмъ пріятно.

Дюбо отправился къ тому мѣсту, гдѣ лежали грибы, но на полдорогѣ былъ остановленъ Пруденскимъ, который обтеревъ губы салфеткою, всталъ и счелъ необходимымъ, пожавъ руку повара крѣпко и съ чувствомъ, сказать ему по французски латинскимъ произношеніемъ:

— **Vous êtes un véritable artiste**, мусье Дюбо!

— **Fichtre! je crois b'en, m'sieur**, отвѣчалъ Дюбо съ достоинствомъ.

— **C'est mon ami**! воскликнулъ Астрабатовъ, указывая на Дюбо и погрозивъ ему пальцемъ, прибавилъ:—ахъ, ты, плутъ, французъ!

— **Ah! bon jour, m'sieur Astrabat**, закричалъ Дюбо, протянувъ безъ церемоніи руку Астрабатову.

Алексѣй Аѳанасьичъ между тѣмъ обчистился, вымылся и приступилъ къ обѣду. Грибы были приготовлены, къ совершенному его удовольствію, отлично, и всѣ, кушая ихъ, обращались съ похвалами къ нему, а онъ кивалъ головой и улыбался самой счастливой улыбкой, приговаривая:

— Нѣтъ, ей Богу, этотъ Дюбо молодецъ! Я никакъ не ожидалъ, чтобы французъ умѣлъ такъ хорошо приготовлять грибы!

Когда розлили шампанское, Иванъ Алексѣичъ всталъ, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ и началъ импровизоровать слѣдующія стихи:

Здѣсь дружба насъ соединила,
И пиръ нашъ весело кипитъ:
Въ немъ есть и блескъ, и шумъ и сила....

Онъ на минуту остановился, и обратясь къ Щелкалову, съ пріятнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ продолжалъ:

Хвала тебѣ нашъ, сибаритъ!
Твои — и мысль, и исполненье...
И пиръ ты создалъ какъ поэтъ!...
Тебѣ отъ насъ благодаренье!
Тебѣ нашъ дружескій привѣтъ!
Друзья! съ поклономъ поднимите
Бокалы полные вина,
И въ честь барона осушите,
Вы молодецки ихъ—до дна!

Послѣднему стиху Иванъ Алексѣичъ придалъ особенную торжественность, выпилъ свой бокалъ до дна и съ такою силою поставилъ его настолъ, что тотъ разлетѣлся въ дребезги.

У Алексѣя Аѳанасьича при стихахъ сына, разумѣется, тотчасъ же закапали слезы изъ глазъ.

— Браво! раздалось со всѣхъ сторонъ. — Здоровье барона!

— Браво! закричалъ громче всѣхъ Пруденскій, немилосердо стуча ножемъ о столъ.—Музыканты, тушъ!

Тушъ заиграли.

Щелкаловъ поклонился всѣмъ, всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Ивану Алексѣичу, пожалъ ему руку и, обратясь къ намъ, произнесъ важно:

— Господа! позвольте мнѣ въ свою очередь предложить вамъ тостъ.... я заранѣе увѣренъ въ этомъ, онъ будетъ принятъ вами единодушно: за здоровье того, господа, который оживляетъ и украшаетъ въ настоящую минуту своими произведеніями русскую поэзію.... за здоровье того,—чье имя должно быть

дорого всѣмъ, кому близко къ сердцу родное слово... Я не назову вамъ этого имени, господа, потому что каждый изъ васъ внутренно назвалъ его въ сію минуту...

— За здоровье Ивана Алексѣича! подхватилъ Пруденскій.

И всѣ бокалы съ криками: «Тушъ! здоровье Ивана Алексѣича!» устремились къ бокалу разстроганнаго поэта.

Въ эту минуту Алексѣй Аѳанасьичъ всхлипывалъ и вмѣсто платка утиралъ слезы салфеткой.

Затѣмъ начались тосты въ честь дамъ, въ честь Алексѣя Аѳанасьича, какіе-то отдѣльные тосты и даже потомъ тостъ въ честь повара.

Когда вышли изъ-за стола, многіе, и въ томъ числѣ Иванъ Алексѣичъ первый, пристали къ Астрабатову съ просьбою, чтобы онъ спѣлъ что-нибудь.

Астрабатовъ обвелъ всѣхъ глазами и, положивъ руку на плечо Ивана Алексѣича, сказалъ:

— Изволь, душа моя, для тебя спою, ты понимаешь паэзію, у тебя тамъ кипитъ внутри-то, какъ и у меня же, я знаю; у насъ тамъ, братецъ ты мой, внутренняя гармоника... ну вели подать мою гитару.

Гитара была принесена.

Астрабатовъ взялъ ее, щипнулъ пальцами струны и обвелъ глазами мужчинъ и дамъ.

Въ ту минуту когда мы столпились около Астрабатова, управляющій, приходившій за чѣмъ-то, остановился и началъ взглядывать на него съ любопытствомъ изъ-за плеча Пруденскаго. Астраба-

товъ тотчасъ замѣтилъ это и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ, поведя на управляющаго глазомъ:

— Это моншеръ, что такое за энциклопедія?

Когда я ему объяснилъ, кто это, онъ взглянулъ на управляющаго еще разъ, положилъ гитару на столъ, почесалъ въ затылкѣ, отодвинулъ въ сторону Пруденскаго, вытащилъ изумленнаго и сконфуженнаго управляющаго впередъ и закричалъ:

— Вина!

Потомъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, какъ бы любуясь имъ, погладилъ его съ нѣжностію по лысинѣ и сказалъ, все продолжая разсматривать его:

— Просто, душка! (и приложилъ пальцы къ губамъ). Мы съ нимъ чокнемся и выпьемъ въ знакъ дружбы.

Управляющій началъ кланяться, благодарить и увѣрять, что не пьетъ.

— Эти, братъ, закорючки ты оставь, я терпѣть не могу, возразилъ Астрабатовъ. — Вотъ тебѣ бокалъ.

Онъ подалъ ему бокалъ.

— Ну, пей, пей!... Вотъ такъ, смотри.

И онъ залпомъ выпилъ свой бокалъ.

Управляющій на минуту призадумался и потомъ послѣдовалъ его примѣру.

Астрабатовъ поцаловалъ его.

— Ну, теперь мы друзья, я къ тебѣ еще пріѣду, душенька, въ вашу «Дубовую-то Рощу» поохотиться. Теперь, кажется, постороннихъ никого нѣтъ. Такъ слушайте, если хотите, я спою вамъ.

Онъ взялъ гитару, задумался на мгновеніе, от-

кинулъ назадъ свои кудрявые волосы, въ которыхъ проглядывала уже сѣдина, посмотрѣлъ на потолокъ, какъ бы ища вдохновенія, ударилъ по струнамъ и запѣлъ обратившись къ дамамъ и закативъ глаза:

«На зарѣ ты ее не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ,
Утро дышетъ у ней на груди...»

Теноръ Астрабатова не отличался ни свѣжестью, ни чистотою, но онъ былъ не безъ пріятности; въ немъ было что-то раздражающее, производившее сильное впечатлѣніе на тѣхъ, которые не были слишкомъ взыскательны въ музыкѣ и предпочитали Моцарту и Бетховену всякую русскую заунывную или цыганскую плясовую пѣсни.

И потому, когда Астрабатовъ кончилъ, раздались самыя искреннія «браво» и рукоплесканія; въ особенности Пруденскій и управляющій были сильно разстроганы. Даже и Щелкаловъ съ Веретенниковымъ воскликнули:

— Браво! прекрасно!

Астрабатовъ взглянулъ на нихъ, покачалъ головою и сказалъ:

— Да что вы тамъ не толкуйте, а у Астрабатова есть внутри и слеза и вздохъ; онъ вашей ученой музыки не понимаетъ; онъ не учился тамъ этимъ разнымъ пунктамъ да контрапунктамъ вашимъ, онъ самоучка и дѣйствуетъ не на голову, а на сердце. Не такъ ли, mesdames?

Астрабатовъ немного прищурилъ одинъ глазъ, ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

«Горныя вершины
Спятъ во тмѣ ночной,

Тихія долины
Полны свѣжей мглой...»

— Ну, теперь, братцы, хоровую, да дружно! вскрикнулъ онъ, становясь въ позицію знаменитаго Ильюшки:—mesdames, je vous prie.

Онъ взмахнулъ гитарой и запѣлъ:

«Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,—
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ...
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И цыганы, молодцы,
Ни о чемъ не тужатъ...»

При этомъ остановился, повелъ плечами, выставилъ правую ногу, обвелъ глазами поющихъ мужчинъ и дамъ, тряхнулъ головою, поднялъ гитару. махнулъ ею, и хоръ грянулъ:

«Гей цыганы! гей цыганки!
Живо, веселѣе!...»

Хоръ этотъ составляли Щелкаловъ, Веретенниковъ, Надежда Алексѣевна и Аменаида Александровна: остальные, кажется, только шевелили губами, да правда Пруденскій еще подтягивалъ густымъ басомъ.

— Лихо! Ай да барыни! сказалъ онъ, кладя гитару:—да за это вамъ надо непремѣнно рученьки разцаловать. Дайте-ка приложиться.

Онъ поцаловалъ руку Надежды Алексѣевны и Аменаиды Александровны и обратился къ намъ:

— А я вамъ скажу, что пѣвцу-то слѣдуетъ теперь горло промочить. Пойдемъ-ка друзья, къ этому *моншеру* въ гости.

Онъ указалъ пальцемъ на проходившаго буфетчика, взялъ за руки меня и Щелкалова и потащилъ насъ, говоря Щелкалову:

— Ну-ка, распорядитель, распорядись, чтобъ бутылку раскупорили.

Пруденскій послѣдовалъ за нами и, хватая сзади Астрабатова за плечо, кричалъ:

— Мы, carissime, выпьемъ за твое здоровье.

Когда бутылка была подана, Астрабатовъ налилъ четыре стакана. Пруденскій, поправивъ очки, взялъ свой и воскликнулъ:

— Отъ души пью твое здоровье! У тебя дивный голосъ, проникающій до глубины.

И опорожнилъ свой бокалъ разомъ.

Мы также чокнулись своими стаканами со стаканомъ Астрабатова и отпили немного.

Астрабатовъ, выпивъ свой стаканъ, снова налилъ себѣ и Пруденскому и, остановившись съ бутылкой надъ нашими стаканами, сказалъ:

— Что же? Ну, допивайте же.

Но ни Щелкаловъ, ни я не могли болѣе пить и объявили объ этомъ на-отрѣзъ Астрабатову.

Онъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на насъ съ выраженіемъ глубочайшаго сожалѣнія.

— Ахъ, вы! (и махнулъ рукой). Ну, положимъ, вотъ этотъ (онъ указалъ на Щелкалова) все выѣзжаетъ на тонкостяхъ, на *экскюзе* да на *перметe*, а ты-то, душенька! Онъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ:—и ты туда же!... Чтожь, по вашему выпить эдакъ дружески, задушевно съ теплымъ человѣ-

комъ—это не комъ-иль-фо? Ну да чортъ съ вами, какъ хотите! Мы выпьемъ вотъ съ этимъ.... (Астрабатовъ указалъ на Пруденскаго). Онъ хоть эдакой *hic, haec, hoc,* а малый-то въ сущности съ теплотой. Ну, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь къ нему:—оставимъ ихъ, не нравится имъ вино, пусть пьютъ воду; **de gustibus non est disputandum**.... такъ, что ли, по вашему-то?

Щелкаловъ благосклонно улыбался, съ высоты посматривая на Астрабатова.

— Ваше сіятельство, сказалъ лакей (всѣ лакеи вездѣ величали почему-то Щелкалова сіятельнымъ, и онъ не противорѣчилъ этому), мусье Дюбо васъ проситъ.

— Что ему нужно? позвать его сюда.

Дюбо явился, съ извиненіями подошелъ къ барону и что-то шепнулъ ему.

Баронъ сдѣлалъ гримасу.

— Хорошо, сказалъ онъ:—сейчасъ!

И въ ту же минуту обратился къ Астрабатову.

— Астрабатовъ, нѣтъ ли у тебя пятидесяти рублей? Я тебѣ уже отдамъ. Ему вотъ нужны зачѣмъ-то сейчасъ эти деньги.

Онъ указалъ на повара.

Астрабатовъ украдкой взглянулъ на меня и кивнулъ головой на Щелкалова, прищуря глазъ, потомъ вынулъ свой огромный бумажникъ, положилъ его на столъ, разкрылъ, досталъ изъ него пачку ассигнацій, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ и сказалъ, обращаясь къ Щелкалову не безъ ироніи:

— Пятьдесятъ? Да ужь возьми, душа моя, лучше для круглаго счета, сто.

И онъ отложилъ двѣ пятидесяти-рублевыя бумажки.

Первое движенiе Щелкалова было взять эти деньги; онъ уже протянулъ къ нимъ руки, но вдругъ глаза его встрѣтились съ моими; что-то мелькнуло въ головѣ его, можетъ быть воспоминанiе разговора, при которомъ я присутствовалъ,— онъ нахмурилъ брови и сказалъ важно:

— Къ чему мнѣ твои сто рублей? Убирайся съ ними. Мнѣ нужно только пятьдесятъ, чтобы отдать ему.

Онъ взялъ со стола пятидесяти-рублевую бумажку и передалъ ее Дюбо.

— Я тебѣ отдамъ эти деньги черезъ полчаса. У меня нѣтъ мелкихъ, надо размѣнять.

— Да что у тебя серiи, что ли, или банковый билетъ? возразилъ Астрабатовъ.—Давай, моншеръ, я размѣняю.

Но Щелкаловъ не слыхалъ этого предложенiя. Онъ въ эту минуту заговорилъ съ кѣмъ-то и вышелъ изъ комнаты.

Астрабатовъ проводилъ его глазами, потеръ себѣ подбородокъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— А напрасно не взялъ ста, ей Богу, такъ бы ужь я и считалъ за нимъ ровно полторы тысячи. Онъ третьяго года проигралъ мнѣ въ Лебедянѣ тысячу четыреста, обѣщалъ отдать на другой день, да вотъ такъ и отдаетъ до сихъ поръ. Да мнѣ деньги — вздоръ! Я за деньгами не гонюсь, и эти пропадутъ, я знаю: пусть не отдаетъ, да будь вѣжливъ, носъ-то не задирай... Вѣдь этими эръфиксами нынче никого не удивишь! Мы ничѣмъ не хуже тебя, братъ, еще, пожалуй, посчитаемся родо-

словными-то. Мое происхожденіе-то идетъ отъ персидскихъ шаховъ, такъ мы еще чуть ли не почище тебя, душенька!

Астрабатовъ остановился и посмотрѣлъ кругомъ.

— А французъ-то ужь улизнулъ съ деньгами... Подавай-те его сюда. Дюбо! Дюбо!

— Monsieur? раздался голосъ изъ карридора.

— Сюда, мусье, сюда поскорѣй. Дайте-ка намъ еще бутылочку. Ну, мусье Дюбо, продолжалъ Астрабатовъ по русски, кладя свою ладонь на плечо француза: — мы съ тобой, душенька, выпьемъ. Слышишь? Ты ужь не отнѣкивайся. Вѣдь ты меня знаешь. Возьми стаканьчикъ-то.

Дюбо, улыбаясь, взялъ стаканъ и поглядѣлъ на насъ.

— Monsieur Astrabat шутъ-никъ... il est très gai.

— Ты вѣдь, душенька, артистъ, продолжалъ Астрабатовъ, прищелкнувъ языкомъ: — вѣдь ты не то, что какіе нибудь только фрикасе да финьзербы, нѣтъ! ты и пломъ-пудингъ англійскій и какіе нибудь россійскіе грибки со сметанкой на сквородкѣ представишь въ такомъ видѣ, что пальчики оближешь. Ну, chèr ami, поцалуемся и выпьемъ еще стаканчикъ. Вотъ такъ! Я вотъ какъ женюсь, такъ возьму тебя къ себѣ въ повара. Слышишь? Ужь мы съ тобой будемъ такіе банкеты задавать, то есть, *ексми*, вотъ какіе....

Астрабатовъ приложилъ пальцы къ губамъ и чмокнулъ.

— Весь городъ ахнетъ! Я тебѣ дамъ двѣсти цѣлкачей въ мѣсяцъ жалованья. Будешь доволенъ?

— Très-bien, très-bien, бормоталъ французъ, кивая головой.

— Ну, а теперь съ Богомъ, проваливай.

Когда Дюбо ушелъ, Астрабатовъ зѣвнулъ, почесалъ въ головѣ и потомъ вскрикнулъ:

— Хлопецъ! гитару... Что-то тамъ зашевелило внутри, прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ. — Погодите-ка я вамъ спою эдакую задушевную.

Онъ взялъ гитару и запѣлъ:

«Полюби меня, дѣва милая,
Радость дней моихъ, ненаглядная!
Еслибъ знала ты весь огонь любви,
Всю тоску души моей пламенной!...
Грустно въ мiрѣ жить одинокому,
Безъ любви твоей, дѣва милая!
Полюби меня, черноокая!
Ты звѣзда души беззакатная!
И любовь твоя обовьетъ меня
Своимъ пламенемъ упоительнымъ,
Я умру тогда смертью чудною,
И завидною даже рыцарямъ!»

Въ ту минуту, какъ Астрабатовъ смолкъ, Иванъ Алексѣичъ вбѣжалъ въ буфетную.

— Господа, сказалъ онъ: — васъ дамы приглашаютъ идти гулять, а въ залѣ, покуда мы гуляемъ, устроятъ что нужно для танцевъ.

Мы всѣ отправились за Иваномъ Алексѣичемъ, въ томъ числѣ и Астрабатовъ, уже нѣсколько покачиваясь.

Рѣшили пойдти въ ту часть сада, гдѣ мы еще не были — въ бесѣдку на горѣ, съ которой открывался видъ на окрестныя поля, болота и деревни и откуда была видна даже черта моря у самаго горизонта. Здѣсь, при закатѣ солнца, представлялась картина великолѣпная, и многiе нарочно дѣ-

лали parties de plaisir въ «Дубовую Рощу», чтобъ только посмотрѣть на закатъ солнца изъ этой бесѣдки.

Щелкаловъ взялъ опять подъ руку Наденьку. Онъ былъ послѣ обѣда въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, сдѣлался очень простъ и любезенъ со всѣми, въ разговорѣ относился даже къ Пруденскому и два раза предложилъ ему какой-то вопросъ. Мы всѣ шли вмѣстѣ толпой по широкой дорогѣ парка. Астрабатовъ рядомъ съ Наденькой. Онъ безпрестанно перебивалъ Щелкалова своимъ балагурствомъ, и баронъ нисколько не сердился за это и даже смѣялся отъ чистаго сердца, какъ и всѣ мы.

— Ахъ вы, моя барышня! говорилъ Астрабатовъ, прищуриваясь на Наденьку: — то есть просто первый сортъ, пышный розанчикъ въ густыхъ сливкахъ, эдакой bouquet de l'Impératrice тончайшаго аромата, чтобы нюхать только съ осторожностію на колѣняхъ, въ табельные дни... И вы вѣдь не знаете, продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ: — сколько тамъ въ этой внутренности заложено слезъ, вздоховъ, восторговъ, эдакихъ улыбобочекъ, отъ которыхъ у человѣка дѣлается боль въ сердцѣ и головокруженіе... какая у нея тамъ эдакая калифорнія съ музыкой въ сердцѣ....

Слушая разсказы Щелкалова, перемѣшанные съ балагурствомъ Астрабатова, мы незамѣтно дошли до подошвы горы, на которой была выстроена бесѣдка.

Вечеръ сдѣлался удивительный, даже ни одинъ осиновый листокъ не шелохнулся. Солнце, вы-

глянувъ изъ облаковъ, за которыми скрывалось, тихо спускалось къ безоблачному горизонту, обѣщая картину заката въ полномъ блескѣ. Было такъ сухо и тепло, какъ въ началѣ лѣта и только опредѣленность въ очертаніяхъ облаковъ, сухость въ тонахъ и рѣзкость въ колоритѣ заката, да кусты и деревья, мѣстами подернувшіяся золотомъ, пурпуромъ и темно-вишневымъ цвѣтомъ говорили о наступившей осени.

— Господа, сказалъ вдругъ Веретенниковъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, поправляя свои воротнички: — тамъ въ бесѣдкѣ на горѣ какое-то общество. Я вижу мужчинъ и дамъ.

— Чтожъ, очень можетъ быть, возразилъ Щелкаловъ: — кто нибудь съ сосѣднихъ дачъ, какіе нибудь нѣмцы прибыли въ чухонскихъ таратайкахъ наслаждаться закатомъ солнца. Въ хорошій вечеръ тутъ всегда можно найдти какихъ нибудь любителей природы.

— Да, это правда, пробормоталъ Веретенниковъ, успокоиваясь.

И мы начали подниматься въ гору со смѣхомъ, съ пѣснями и со стихами, которые декламировали Иванъ Алексѣичъ и Пруденскій.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ площадки горы намъ послышался довольно ясно французскій говоръ и можно было даже различить голоса, въ особенности одинъ мужскій, довольно громкій и рѣзкій голосъ.

Щелкаловъ вдругъ весь измѣнился въ лицѣ и остановился.

— Что съ вами? спросила его Наденька.

— Чтожь вы остановились? кричали имъ, опережая ихъ.

— Я немного усталъ, отвѣчалъ Щелкаловъ, нахмурясь и неохотно подвигаясь впередъ.

Я догадывался отчасти, въ чемъ дѣло, и убѣдился вполнѣ, что баронъ, не смотря на свою смѣлость и заносчивость, не имѣлъ ни малѣйшей способности владѣть собой и при всемъ своемъ желаніи никакъ не могъ скрывать своихъ ощущеній.

Мои догадки оправдались, когда, взойдя на гору, я увидѣлъ человѣкъ восемь мужчинъ и дамъ, — мужчинъ, между которыми красовался господинъ, изобрѣтшій теорію поклоновъ; дамъ, при видѣ которыхъ у Веретенникова захватывало дыханіе. Щелкаловъ долженъ былъ встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Они подъѣхали къ горѣ съ противоположной стороны парка, и экипажи ихъ, стоявшія за горою, не могли быть видимы нами.

Щелкаловъ взошелъ на гору, все еще держа Наденьку за руку, и очутился, какъ нарочно, прямо противъ одной блистательной дамы, которая изъ бесѣдки вышла на дорожку.

Я не спускалъ съ него глазъ, стоя въ сторонѣ.

Въ первое мгновеніе онъ помертвѣлъ; глаза его тупо остановились, стеклышко выпало изъ глаза, рука, державшая Наденьку, опустилась. Онъ походилъ на человѣка, внезапно захваченаго въ преступленіи, которое лишаетъ чести и добраго имени; это было, впрочемъ только мгновеніе, послѣ котораго онъ оправился, вставилъ въ глазъ стеклышко, приподнялъ шляпу и улыбнулся, но такой натянутой улыбкой, которая болѣе походила на гримасу.

— **Madame la comtesse**.... произнесъ онъ, сдѣлавъ шагъ къ великолѣпной дамѣ.

— **Est-ce vous, monsieur le Baron?** сказала графиня съ полуулыбкой, измѣривъ Наденьку съ ногъ до головы бѣглымъ взглядомъ и обведя всѣхъ насъ остальныхъ головою.

Болѣе я ничего не слыхалъ, потому что баронъ пошелъ рядомъ съ графиней, удаляясь отъ нась и разговаривая съ ней очень тихо. Они скоро присоединились къ своему обществу и я видѣлъ, какъ онъ, совершенно смущенный, началъ пожимать руки великолѣпныхъ мужчинъ и дамъ, которыя, какъ можно было догадаться, распрашивали его объ насъ, потому что въ то же время бросали косвенные взгляды въ нашу сторону.

Наденька нѣсколько минутъ какъ вкопаная стояла на мѣстѣ, оставленная своимъ кавалеромъ.

Веретенниковъ же только-что взошелъ на площадку, какъ тотчасъ попятился назадъ, побѣжалъ съ горы и скрылся.

Астрабатовъ показалъ мнѣ на него.

— И эта разкрахмаленная кукла туда же! сказалъ онъ, качая головой: — прячется въ кусты, тоны задаетъ, боится видишь ли, чтобы его не замѣтили съ нами; мы, душа моя, недостаточно комъ-иль-фо для него. А вѣдь я полагаю, что эдакого мухортика и не замѣтили бы эти Талейраны-то! (Онъ мигнулъ на великолѣпнаго господина, изобрѣтшаго теорію поклоновъ). Ну, а что касается до вонъ этихъ маркизъ, которыя кидаютъ на насъ эдакіе *косвенные* съ подходцемъ, такъ онѣ и во снѣ-то не видали, что такое мусье Веретенниковъ,

даромъ что его четвероюродный братъ женатъ на какой-то мамзелѣ, троюродная сестра которой жила въ компаньонкахъ у барыни, которая приходится въ седьмомъ колѣнѣ родственницей какой-то графинѣ.... Чегожь тутъ въ кусты-то прятаться?

Эта встрѣча вдругъ совершенно разстроила все общество; всѣ пришли въ какое-то замѣшательство, всѣмъ сдѣлалось неловко, всѣ притихли, всѣ оробѣли, сами, впрочемъ, не зная, отчего; наши дамы изподтишка съ подобострастіемъ начали пожирать глазами тѣхъ дамъ: ихъ шляпки, бурнусы, мантильи, движенія, взгляды, и прочее. Закатъ солнца былъ совершенно забытъ.

А между тѣмъ солнце уже только вполовину было видно изъ-за горизонта. Охвативъ часть лѣса своимъ красноватымъ огнемъ, оно быстро скрылось, но еще на облакахъ долго потомъ отражался закатъ его рѣзкими красноватыми полосами; и было что-то успокоительное въ тишинѣ синѣющей ночи, нарушавшейся звонкимъ трещаніемъ стрекозы, и въ необозримой дали, исчезавшей въ бѣловатыхъ парахъ.

Наденька все стояла одна, поодаль отъ всѣхъ, блѣдная и потерянная, и смотрѣла въ эту даль....

Щелкалова мы не видали болѣе; онъ не только не подходилъ ни къ кому изъ насъ, но какъ будто боялся даже взглянуть въ нашу сторону и отправился съ великолѣпнымъ обществомъ.

Мы возвратились въ нашъ флигель уже безъ стиховъ и пѣсенъ... Дорогою всѣхъ говорливѣе былъ Астрабатовъ, всѣхъ молчаливѣе Наденька и Лидія Ивановна.

У порога флигеля насъ встрѣтилъ Веретенниковъ.

— Что, душа моя, сказалъ ему Астрабатовъ:— ты такъ вдругъ какъ будто въ воду канулъ, а объ тебѣ тамъ всѣ эти княгини и графини очень безпокоились. Онѣ узнали, что ты съ нами, и все говорили: да гдѣ же это мусье Веретенниковъ? подавайте намъ мусье Веретенникова!

Астрабатовъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Ты, канашка, знаешь видно, гдѣ раки-то зимуютъ. Тебѣ подавай все эдакихъ въ амбре да въ валансьенскихъ кружевахъ!

Веретенниковъ поправилъ свои воротнички, приподнялъ голову, взглянулъ на Астрабатова и пробормоталъ сквозь зубы:

— Это остроуміе, что ли?

И потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы слышали, что Щелкаловъ уѣхалъ? говорятъ, графиня Софья Александровна увезла его съ собою.

— Это, я думаю, не совсѣмъ деликатно со стороны его, замѣтилъ я.

Въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ пять управляющій явился къ Лидіи Ивановнѣ и объявилъ ей, что «баронъ приказали-де очень извиниться передъ всѣми, что они должны были уѣхать съ ихъ сіятельствомъ графиней Софьей Александровной и что они-дескать просятъ г. Веретенникова вмѣсто нихъ распорядиться танцами и всѣмъ».

— Мг. Веретенниковъ, вы слышали? сказала Лидія Ивановна съ иронической улыбкой: — извольте же исполнить порученіе барона. Примите на себя всѣ распоряженія. Вѣрно ужь встрѣтилось

какое нибудь очень непредвидѣнное обстоятельство, что баронъ такъ неожиданно оставилъ насъ.

Лидія Ивановна въ высшей степени была оскорблена поступкомъ Щелкалова и едва могла скрывать это; Иванъ Алексѣичъ пришелъ отъ того также въ немалое замѣшательство, тѣмъ болѣе, что всѣ приставали къ нему съ барономъ.

— Я, господа, говорилъ онъ: — не отвѣчаю ни за кого, кромѣ самого себя. Что мнѣ тàкое баронъ? Я всегда зналъ, что онъ пустой человѣкъ и, какъ всѣ свѣтскіе люди, разсѣянный; онъ не можетъ отвѣчать за себя; но все-таки онъ имѣетъ свои достоинства. Притомъ, что ни говорите, онъ очень уменъ, господа!

И Иванъ Алексѣичъ значнтельно покачалъ головою.

Начались танцы, но они шли какъ-то вяло. Веретенниковъ не умѣлъ или не хотѣлъ дирежировать ими. Онъ важно расхаживалъ по залѣ, поправляя свои воротнички и повременамъ взглядывалъ на себя въ зеркало. На бѣдную Наденьку жалко было смотрѣть — она усиливалась казаться веселою и безпрестанно измѣняла себѣ. Ея волненіе и разстройство бросалось всѣмъ въ глаза. Только двѣ пары веселились отъ души и танцовали съ жаромъ—влюбленный молодой человѣкъ съ бойкой барышней, для которой онъ, казалось, уже совершенно забылъ Наденьку, и Аменаида Александровна съ Астрабатовымъ, который, танцуя, выдѣлывалъ различныя штуки: поводилъ плечами и глазами, дѣлалъ удивительныя антраша, прижималъ руку своей дамы къ своему сердцу, и даже становился передъ нею на колѣни.

Несмотря на это, все какъ-то не клеилось, и мы разъѣхались въ исходѣ одиннадцатаго часа....

Съ этого дня Богъ-знаетъ какіе слухи и сплетни начали распространять про бѣдную Наденьку.

Прошло двѣ недѣли послѣ этого пикника. Грибановы уже перебрались въ городъ. Я зашелъ къ нимъ и нашелъ все семейство въ разстройствѣ: Наденька была нездорова; Лидія Ивановна не имѣла той пріятности и предупредительности въ лицѣ, какъ обыкновенно; Иванъ Алексѣичъ былъ раздраженъ, и старикъ даже немного грустенъ....

Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ о здоровьѣ и о прочемъ, Лидія Ивановна съ довольно ядовитою усмѣшкою объявила мнѣ новость о томъ, что Ѳедоръ Васильичъ (молодой человѣкъ, влюбленный въ Наденьку) уже объявленъ формально женихомъ Ольги Ивановны (бойкой барышни) и что у него есть богатый дядя, который даетъ ему, говорятъ, сто тысячъ.

— Подцѣпила женишка хоть куда! прибавила въ заключеніе Лидія Ивановна-—и не мудрено. Ужь такая бойкая особа, что бѣда!

— А вы знаете, какую штуку сыгралъ съ нами этотъ баронъ-то? сказалъ Иванъ Алексѣичъ, ходя по комнатѣ и вдругъ остановившись передо мною

— То, что онъ тогда убѣжалъ-то отъ насъ?

— Чтò! это бы еще ничего! Нѣтъ, послушайте Вчерашній день является къ папенькѣ этотъ по-

варъ, французъ Дюбо. Папенька, натурально, удивился, зачѣмъ... Что же оказывается, какъ вы думаете? — Надобно вамъ сказать, что этотъ Дюбо теперь безъ мѣста: онъ въ продолженіе нынѣшняго лѣта бралъ на себя устройство пикниковъ, различныхъ загородныхъ parties de plaisir и прочее. Онъ давно извѣстенъ почти всей этой богатой молодежи и по ней знаетъ барона и, разумѣется, считаетъ его также богачемъ. Баронъ адресовался къ нему на счетъ нашего пикника, и Дюбо обязался устроить все самымъ лучшимъ образомъ, какъ и было, за пятьсотъ рублей. Баронъ далъ ему сто рублей задатку, да въ день самого пикника пятьдесятъ,—тѣмъ все и кончилось. За остальными триста-пятидесятью рублями онъ ходилъ къ нему ежедневно, и баронъ все говорилъ: «завтра», наконецъ объявилъ ему, что еще не собралъ деньги, что у него теперь нѣтъ своихъ, что будто бы... слышите? папенька взялся собирать и что онъ ждетъ этихъ денегъ съ часу на часъ, да на другой день и улизнулъ въ Москву. Дюбо, разумѣется, пришелъ къ папенькѣ, объяснилъ все: говоритъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что съ него требуютъ и погребщики и фруктовщики, что на него хотятъ подать жалобу, и прочее. Хорошо, что у папеньки случилось триста-пятьдесятъ рублей, онъ отдалъ послѣднія. Какъ вамъ это нравится?... Папенька сдѣлалъ еще неосторожность, прибавилъ Иванъ Алексѣичъ немного пріостановившись:—онъ далъ ему двѣ тысячи въ займы. Вотъ худо, если эти деньги пропадутъ, а послѣ всего, очень можетъ статься....

— Ну, полно, Иванъ! возразилъ старикъ, нѣ-

сколько нахмурясь и махнулъ рукой. — Богъ съ нимъ!... Нѣтъ, онъ отдастъ всѣ эти деньги.... я увѣренъ... немножко замотался, знаешь; да не съумѣлъ вывернуться вовремя. Это, конечно, нехорошо; но онъ поправитъ все, я увѣренъ. Вы, пожалуйста, только никому не разсказывайте этого, сказалъ мнѣ Алексѣй Аѳанасьичъ самымъ убѣдительнымъ голосомъ.

Но я, однако же, не выдержалъ и все разсказалъ господину съ злымъ языкомъ. Тотъ выслушалъ меня, улыбнулся и сказалъ:

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что онъ кончитъ дурно. Теперь еще какая-то Армансъ въ два дня вскружила ему голову, и онъ чортъ знаетъ зачѣмъ поѣхалъ съ нею въ Москву. Неисправимъ, батюшка, ничѣмъ неисправимъ.... Впрочемъ, вы успокойте этого господина Грибанова; его деньги не пропадутъ, я вамъ за нихъ отвѣчаю.

И, въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ по возвращеніи Щелкалова изъ Москвы и черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я видѣлся съ нашимъ пріятелемъ, Алексѣй Аѳанасьичъ получилъ триста-пятьдесятъ рублей, но при самомъ, впрочемъ, грубомъ письмѣ, да еще съ наставленіями.

«Я не привыкъ—писалъ ему Щелкаловъ—чтобы кто нибудь сомнѣвался въ моей чести—и никому не позволю этого. Вамъ не слѣдовало платить деньги Дюбо ни въ какомъ случаѣ и вмѣшиваться въ мои съ нимъ счеты: отвѣчалъ за все я; а отдавъ ему эти деньги, вы показали свое сомнѣніе въ отношеніи ко мнѣ.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ томъ, что я никогда не былъ и не буду несостоя-

тельнымъ должникомъ, въ чемъ вы убѣдитесь, получивъ аккуратно въ день срока деньги, которыми вы меня ссудили, съ причитающимися на нихъ процентами.

«Имѣю честь быть....» и прочее.

Алексѣй Аѳанасьичъ нисколько, впрочемъ, не оскорбился этимъ: онъ отдалъ намъ письмо, улыбаясь.

— Спрашивается, какъ же назвать такого молодца? спросилъ глубокомысленно Пруденскій, пробѣжавъ письмо черезъ свои очки и возвращая его Алексѣю Аѳанасьичу.

Въ числѣ присутствующихъ тутъ въ эту минуту находился одинъ господинъ, чрезвычайно веселый, юмористъ и славный разсказчикъ.

— Я знаю, какъ, возразилъ онъ. — Это *хлыщъ!* Такихъ господъ надобно непремѣнно звать *хлыщами*.

— Что такое? воскликнулъ Алексѣй Аѳанасьичъ; расхохотавшись: — какъ? какъ? повтори-ка еще.

— *Хлыщъ!*

— Да что̀ же такое это значитъ? Какое это слово? откуда оно? Я первый разъ его слышу.

— Ну, объ этимологіи его вы меня, пожалуйста, не спрашивайте. Я не знаю. Это слово сорвалось у меня съ языка; но мнѣ кажется, что оно совершенно характеризуетъ такого рода господъ, какъ, напримѣръ, вашъ баронъ.

Намъ всѣмъ очень понравилось это слово; мы приняли его безъ возраженій и пустили въ ходъ. Теперь оно, по нашей милости, начинаетъ распространяться.

— Ну, а Астрабатовъ—это что̀ такое? спросилъ Иванъ Алексѣичъ.

— Это также хлыщъ, отвѣчалъ веселый господинъ:—только баронъ — великосвѣтскій хлыщъ, а этотъ—трактирный. Вѣдь хлыщи бываютъ различныхъ родовъ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ХЛЫЩЪ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ХЛЫЩЪ.

I.

ДѢТСТВО.

Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда меня рѣшили отдать въ благородный пансіонъ. День отъѣзда моего изъ дома останется незабвеннымъ въ моей жизни. Карета уже была заложена и стояла у крыльца. Маменька, въ шляпкѣ съ цвѣтами, весело разговаривала съ проживалкой въ залѣ, гдѣ собралась вся наша дворня: лакеи, горничныя, казачки, судомойки, поломойки и проч., провожать меня. Я стоялъ, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, возлѣ моей старой няни, которая заливалась слезами и отъ времени до времени цаловала меня, произнося задыхающимся голосомъ: «Голубчикъ ты мой!» Сердце мое болѣзненно билось, слезы безпрестанно выступали на глаза. Мысль, что я раз-

стаюсь съ роднымъ кровомъ, совсѣмъ близкимъ мнѣ, съ моимъ добрымъ дѣдушкой, съ няней; что я не буду ночевать въ своей комнатѣ, на своей постели, подъ своимъ одѣяломъ, не увижу кота Ваньку, мурлыкающаго противъ на лежанкѣ—все это вмѣстѣ казалось мнѣ ужаснымъ, и я едва удерживался, чтобы не зарыдать вслухъ. Дверь изъ кабинета въ залу отворилась, и на порогѣ появился дѣдушка. На немъ былъ фракъ съ стоячимъ воротникомъ, бѣлый галстукъ, рубашка съ маншетами, панталоны, застегнутые у колѣнъ пряжками, и сверхъ бѣлыхъ чулковъ высокіе сапоги; волосы его были тщательно причесаны по старинной модѣ и напудрены. Свѣтлое лицо его, полное кротости, любви и доброты, было серьёзнѣе обыкновеннаго. Дѣдушка, какъ будто не замѣчая никого, прямо подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, крѣпко поцаловалъ, перекрестилъ и произнесъ: «Господь съ тобою! учись прилежно: этимъ ты утѣшишь свою мать и меня... Въ субботу я самъ за тобой пріѣду....» И онъ еще разъ поцаловалъ и перекрестилъ меня. Всѣ на минуту присѣли и потомъ поднялись. Няня начала укутывать меня, не выдержала и зарыдала. Всѣ люди смотрѣли на меня жалостливо. «Полно, няня, полно», говорилъ дѣдушка, «какъ тебѣ не стыдно. Вѣдь я черезъ шесть дней привезу его тебѣ... О чемъ плакать?» Но голосъ дѣдушки нѣсколько дрожалъ, на глазахъ его также показались слезы, хотя онъ старался удерживать ихъ и улыбался своей привлекательной, симпатической улыбкой... Я цаловалъ руку дѣдушки и какъ ни крѣпился, а мои слезы крупными каплями падали на его морщинистую руку.

— Ну, поѣдемъ, мой другъ! сказала маменька, вытирая глаза платкомъ. — Простись со всѣми людьми.

Я кланялся имъ, всхлипывая; они кланялись мнѣ; нѣкоторыя изъ женщинъ плакали; появился и котъ Ванька, который также смотрѣлъ на меня какъ-то жалостливо. «Простись съ Ванькой-то, батюшка!» сказала мнѣ няня, утирая слезы.... Я наклонился къ Ванькѣ, погладилъ и его и поцаловалъ. Дѣдушка надѣлъ шубу и шапку и вышелъ провожать меня на крыльцо; за нимъ двинулась вся дворня. Няня не выпускала моей руки до той минуты, когда я занесъ ногу на ступеньку кареты.

— Няня, няня! кричалъ дѣдушка: — поди въ комнату. Ты простудишься: ты въ одномъ платьѣ.

Но няня не слышала ничего. Съ выбившимися изъ-подъ платка сѣдыми волосами, съ глазами, распухшими отъ слезъ, она не спускала глазъ съ окна кареты, въ которое глядѣлъ я, дѣлала мнѣ различные привѣтливые знаки, крестила меня и кричала мнѣ:

— Шейку-то закрой, батюшка, шейку-то! у тебя шейка открыта.

Дѣдушка также все смотрѣлъ на меня, улыбался и кивалъ мнѣ головой.

Карета двинулась... Я въ послѣдній разъ высунулся изъ окна. Людей уже никого не было. На крыльцѣ оставались только дѣдушка и няня, — дѣдушка осѣнявшій меня крестнымъ знаменіемъ, няня—кричавшая мнѣ въ совершенномъ отчаяніи: «Прощай, голубчикъ ты мой! прощай, родной ты мой!»

У меня замерло сердце, и я упалъ головою къ колѣнамъ, зарыдавъ и залившись слезами:

На полдорогѣ, когда я пришелъ въ себя и вытеръ глаза, маменька поцаловала меня и сказала:

— Ну, перестань! полно... хорошо ли, пріѣдешь въ пансіонъ съ распухшими глазами? Вѣдь надъ тобой всѣ будутъ смѣяться. И о чемъ такъ плакать, я не понимаю! Вѣдь не вѣчно же тебѣ сидѣть съ дѣдушкой и нянькой... Тебѣ ужь, кажется, пора отвыкать отъ няньки. И тебя отдаютъ не въ какую нибудь народную школу: ты вступаешь въ пансіонъ, гдѣ все дѣти богатыхъ и знатныхъ отцовъ, все генеральскія, графскія и княжескія дѣти; тебѣ должно быть пріятно имѣть такихъ товарищей. Эта мысль должна утѣшать тебя. Старайся понравится товарищамъ, заслужить ихъ любовь. Это можетъ быть тебѣ полезно со временемъ.

Маменька вздохнула и прибавила, какъ будто про себя:

— Въ жизни главное — хорошія знакомства и связи!

Когда мы вышли изъ кареты и всходили на лѣстницу къ директору, съ семействомъ котораго маменька уже предварительно познакомилась, съ лѣстницы навстрѣчу къ намъ сбѣгалъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, мой будущій товарищъ, съ бѣлымъ, румянымъ и круглымъ лицомъ, съ карими масляными глазками, съ волосами, густо напомаженными и тщательно приглаженными, въ форменномъ собственномъ сюртукѣ очень тонкаго сукна, съ перетянутой таліей.

Маменька остановила его вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, миленькій, господинъ директоръ дома?

Мальчикъ очень ловко раскланялся и отвѣчалъ:

— Дома-съ; я сейчасъ только отъ него.

— А я вамъ привезла новаго товарища, продолжала маменька съ любезною улыбкою: — это сынъ мой. Полюбите его.

Мальчикъ взглянулъ на меня, наклонилъ голову, улыбнулся, вынулъ изъ кармана тонкій платокъ, который пахнулъ духами, поднесъ его къ носу, пробормоталъ: «очень радъ-съ», еще разъ раскланялся маменькѣ и побѣжалъ.

— Какой прелестный мальчикъ! замѣтила маменька:—и какія у него манеры! Вотъ тебѣ образецъ. Сейчасъ видно, что это благовоспитанное дитя, изъ хорошаго дома.

Мальчикъ, дѣйствительно, въ первое время моего пребыванія въ пансіонѣ былъ для меня образцомъ, къ удовольствію моей доброй маменьки.

Фамилія его была Летищевъ — фамилія не совсѣмъ аристократическая, но онъ имѣлъ довольно важное, хотя отдаленное родство съ материной стороны. Маменька его причиталась троюродной сестрой одному графу, занимавшему значительную должность при дворѣ, котораго она называла всегда *кузеномъ*. Отецъ Летищева умеръ въ чинѣ гвардіи полковника, за нѣсколько лѣтъ до вступленія сына въ пансіонъ, оставивъ въ наслѣдство женѣ и сыну огромные долги. Г-жа Летищева, по смерти мужа, не смотря на затруднительныя обстоятельства, не стѣсняла образа своей жизни. Когда, говорятъ, одинъ изъ родственниковъ ея мужа, вошедшій въ ея дѣла по ея просьбѣ, рѣшился

деликатно замѣтить ей, «что если все опять пойдетъ такъ, то можетъ кончиться худо», она захохотала, измѣрила его съ ногъ до головы и сказала:

— Напримѣръ? что вы разумѣете—худо?

— Да векселя будутъ представлены ко взысканію, имѣніе продано съ аукціоннаго торга, вы останетесь ни съ чѣмъ, и, можетъ быть....

— Что же можетъ быть?

— Вы меня извините, но можетъ кончиться тѣмъ, что васъ посадятъ въ тюрьму.

— Меня? въ тюрьму? воскликнула она. — Это мнѣ нравится! Во-первыхъ, кто же сажаетъ порядочныхъ женщинъ въ тюрьмы? Сажаютъ бродягъ.... вонъ что ходятъ по улицѣ. А къ тому же я—вы, вѣрно, не взяли этого въ соображеніе—по рожденію графиня Каленская... Александръ Ѳедорычъ мой... cousin.

— Все это я знаю, возразилъ родственникъ: — все это очень хорошо, но только законъ не беретъ ничего этого въ соображеніе.

— Какой законъ! Что такое? Богъ знаетъ, что̀ вы говорите! Позвольте мнѣ вамъ сказать, что всѣ порядочные люди въ долгу, какъ въ шелку, однакожь, всѣ, слава Богу, живутъ, даютъ балы, выѣзжаютъ, и никого не сажаютъ въ тюрьмы....

Послѣ такихъ убѣдительныхъ возраженій, разсуждать было нечего: родственнику оставалось только раскланяться родственницѣ и оставить ее въ покоѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Все это я узналъ впослѣдствіи. Въ пансіонѣ же мы считали Летищева страшнымъ богачемъ, потому что онъ уѣзжалъ изъ пансіона и пріѣзжалъ въ пансіонъ въ каретѣ четверней на выносъ, привозилъ изъ дому

множество конфектъ и разныхъ сластей, разсказывалъ о томъ, какой у маменьки бываетъ пріѣздъ, сколько у дяденьки-графа орденовъ, звѣздъ и комнатъ, какъ дяденька его любитъ, и проч., при чемъ прибавлялъ, что у дяденьки нѣтъ наслѣдниковъ и что маменька говоритъ, что онъ будетъ дяденькинымъ наслѣдникомъ. Нѣкоторые товарищи не совсѣмъ довѣряли Колѣ Летищеву, особенно касательно его дяденьки, зная привычку Коли все нѣсколько преувеличивать и пускать пыль въ глаза; но когда однажды самъ дяденька, во всемъ блескѣ и во всѣхъ украшеніяхъ, явился въ пансіонъ, произведя величайшее смущеніе и суматоху, и, потрепавъ племянника по щекѣ, отдалъ ему, въ присутствіи директора и столпившихся кругомъ учениковъ, билетъ въ ложу и произнесъ:

— Вотъ тебѣ, Ѳедя, ложа въ театръ. Пригласи своихъ товарищей. Г. директоръ отпускаетъ васъ на сегодняшній спекталь, по моей просьбѣ.

Послѣ этого никто уже въ пансіонѣ, начиная съ директора до послѣдняго сторожа, не сомнѣвался, что Летищевъ его наслѣдникъ, и не только начальство, даже многіе изъ товарищей начали поглядывать на Летищева какъ-то иначе, гораздо привѣтливѣе, а сторожа обнаруживать передъ нимъ бо̀льшую угодливость и вѣжливость.

Коля, послѣ дяденькинаго визита, возмечталъ о себѣ ужасно; его смущало только одно, что графъ назвалъ его при всѣхъ Ѳедей, вмѣсто Коли, и далъ поводъ нѣкоторымъ товарищамъ подтрунивать надъ тѣмъ, что дядя не знаетъ его имени, что онъ вѣрно, видитъ его въ первый разъ въ жизни, и тому подобное.

Впрочемъ, къ Колѣ и приставали умѣренно. Всѣ—не то, чтобы любили его, а такъ чувствовали къ нему особое пріятное расположеніе, безсознательно образовавшееся вслѣдствіе четверни на выносъ, пріѣзжавшей за нимъ въ пансіонъ, его тонкаго собственнаго сюртука, стклянки духовъ и банки съ помадой, которыя лежали въ шкапчикѣ у его постели, вмѣстѣ съ щеткой изъ слоновой кости и знатнаго родственника съ украшеніями.

Коля не отличался ни особенными умственными способностями, ни большимъ прилежаніемъ; но онъ имѣлъ даръ показываться всегда на первомъ планѣ. Онъ вдругъ бралъ смѣлостію то, что другіе пріобрѣтали постепенно усиленными трудами. Онъ озадачивалъ и приводилъ въ совершенное смущеніе учителей. Когда доходила очередь до него, онъ вскакивалъ съ своей скамейки, съ самоувѣренностію отрѣзывалъ урокъ безъ остановки, не запнувшись ни на одномъ словѣ и, не давая учителю времени опомниться, садился на скамейку торжествующимъ. Учитель, послѣ минуты сомнѣнія, покачивалъ обыкновенно головою и ставилъ ему хорошіе балы. Послѣ классовъ, Коля умѣлъ очень ловко вступать въ разговоръ съ учителемъ и вставлять въ этотъ разговоръ имя дяденьки-графа. Вслѣдствіе всего этого, Коля, плохо учившись, умѣлъ прослыть прилежнымъ ученикомъ, и его ставили въ примѣръ товарищамъ, которые были во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше его. Директоръ звалъ его не иначе, какъ Николаемъ Андреичемъ, а директорша, величайшая охотница до танцевъ, была отъ него въ восхищеніи, потому что на ея танцовальныхъ вечерахъ, которые бывали довольно часто,

Коля отличался, какъ большой, угождалъ ей и ея дочерямъ, любезничалъ съ дамами и танцовалъ, какъ никто....

— Что̀ это за чудный мальчикъ! хоромъ твердили обыкновенно гости директорши, жены учителей, гувернеровъ и инспекторовъ. — Нельзя налюбоваться имъ.

— О, да! и притомъ говоритъ по французски, какъ французъ! Онъ пойдетъ далеко, замѣчала директорша:—и не мудрено: онъ родной племянникъ и наслѣдникъ графа Каленскаго.... Притомъ, онъ одинъ сынъ у матери, которая обожаетъ его. Ахъ, какая она милая дама и, притомъ, съ какимъ богатствомъ, съ какимъ вкусомъ одѣвается!... Что̀ мудренаго: она ѣздитъ ко двору, она была фрейлиной.... У насъ много княжескихъ и графскихъ дѣтей, но Колю Летищева ведутъ такъ, что онъ ни въ чемъ не уступитъ ни графскимъ, ни княжескимъ дѣтямъ. Его еще лучше держатъ.

— Онъ, замѣчала при этомъ инспекторша: — я слышала, отъ ихнiй компаньонки, Луизы Ивановны, дома носитъ не иначе, какъ батистовое бѣлье....

Колю не жаловали только тѣ, очень, впрочемъ, немногiе изъ товарищей, которые на аристократовъ поглядывали вообще мрачно. Эти немногiе причисляли къ аристократамъ вообще всѣхъ тѣхъ, которые хорошо говорили по французски, занимались своимъ туалетомъ и имѣли, какъ говорится, хорошiя манеры. Одинъ изъ этихъ преслѣдователей аристократiи, молодой человѣкъ, коренастый и косой, которому на видъ можно было дать лѣтъ двадцать, ужасно перепугалъ однажды

колину маменьку. Онъ былъ въ пріемной комнатѣ въ ту минуту, когда она пріѣхала и прямо вошла въ эту комнату, вся въ соболяхъ и въ бархатахъ.

— Вызовите мнѣ пожалуйста, моего сына, произнесла она по французски, обращаясь къ нему.

Ученикъ, ненавистникъ аристократовъ, взглянулъ изъ подлобья своими косыми глазами на барыню въ соболяхъ и бархатахъ, сжалъ свои кулаки, что̀ онъ дѣлалъ только въ минуты совершеннаго замѣшательства, и произнесъ густымъ басомъ:

— Кё?

Барыня чуть не упала въ обморокъ при этомъ *Ке́* и при этихъ кулакахъ; но къ счастію, въ эту минуту вбѣжалъ директоръ, узнавшій о ея пріѣздѣ. Директоръ, грознымъ голосомъ и страшно нахмурясь, закричалъ на косаго ученика:

— Что̀ вы здѣсь дѣлаете? Подите вонъ!...

И бросился, съ низкими поклонами и пріятнѣйшими улыбками, къ барынѣ, мгновенно измѣнивъ свой грубый голосъ въ самый мягкій и вкрадчивый.

— **Quelle horeur**! произнесла колина маменька, приходя въ себя: — какъ онъ меня перепугалъ! Неужели это вашъ воспитанникъ—товарищъ моего сына?...

— Да-съ, что̀ дѣлать! Къ сожалѣнію, отвѣчалъ директоръ съ глубокимъ вздохомъ: — это какой-то Митрофанъ, прямо привезенный къ намъ изъ деревни.

— Ты, пожалуйста, мой милый, повторяла она потомъ своему сыну: — держи себѣ подальше отъ этого страшнаго вашего ученика, который гово-

ритъ: *Кё*.... Это какое-то чудовище.... И какой онъ ученикъ? ему пора жениться.

Колѣ, впрочомъ, не для чего было дѣлать эти наставленія, потому что Коля и безъ того держался въ кругу самомъ избранномъ, т. е., между товарищами съ именами и съ деньгами. Что же касается до косаго ученика, произнесшаго *кё*, то онъ вовсе не былъ такъ страшенъ, какъ полагала колина маменька: кроткій, трудолюбивый, прямой и честный по натурѣ, онъ не могъ выносить только одного;—когда видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ его товарищей ухаживали за аристократами, льнули къ нимъ, сіяли счастіемъ, прохаживаясь съ ними подъ руку по корридорамъ, въ виду всѣхъ. При такомъ зрѣлищѣ, косой ученикъ всегда плевалъ и произносилъ:

«— Ахъ, подлипалы поганые, сволочь!»

Большая часть товарищей смотрѣли на него, какъ на юродиваго. Ученики низшихъ классовъ бѣгали за нимъ и дразнили его: показывали ему языки, корчили гримасы, дергали его за фалды, и тогда, выведенный изъ терпѣнія, онъ схватывалъ перваго попавшагося ему подъ руки и начиналъ его такъ ломать, что у бѣднаго только кости хрустѣли. Оттого онъ получилъ прозваніе *костолома;* но у этого костолома было самое мягкое и нѣжное сердце: разъ, когда, играя въ лапту, онъ нечаянно хватилъ палкой по носу одного ученика и чуть не проломилъ ему кости на носу, онъ притворился больнымъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти въ больницу; втеченіе мѣсяца не отходилъ отъ его постели, ухаживалъ за нимъ, какъ сидѣлка, измѣнился, похудѣлъ и чуть самъ не слегъ въ постель, успо-

коясь только тогда, когда подбитый имъ товарищъ началъ выздоравливать.

Однажды, во время гулянья—это было въ половинѣ августа — послѣ каникулъ, воспитанники играли, бѣгали и ходили по широкому двору, усыпанному пескомъ и обнесенному липовой аллеей. На этомъ дворѣ, между двухъ выдавшихся флигелей, расположенъ былъ небольшой садикъ съ клумбами цвѣтовъ — фантазія инспектора, имѣвшаго большія наклонности къ садоводству. Косой ненавистникъ аристократовъ, Скуляковъ, котораго, кромѣ костолома, товарищи звали также Кулаковымъ, занимался копаніемъ грядки: земляная работа была его страсть. Нѣкоторые изъ его враговъ аристократовъ и между ними Коля прогуливались подъ руку по дорожкамъ садика. Коля нечаянно, а можетъ быть и съ намѣреніемъ, проходя мимо Скулякова, толкнулъ его и, не обращая на него вниманія, прошелъ дальше. Скуляковъ воткнулъ лопатку въ землю, скосилъ глаза болѣе обыкновеннаго и закричалъ Колѣ:

— Эй вы, послушайте! что вы толкаетесь-то?

Коля продолжалъ идти, не удостоивъ даже обернуться на эти слова.

Скуляковъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу и остановился прямо передъ нимъ. Коля взглянулъ на него, измѣнился въ лицѣ, но старался принять на себя видъ беззаботный и равнодушный.

— Я вамъ говорю, какъ вы смѣете толкаться! повторилъ Скуляковъ.

— Извините! пробормоталъ Коля небрежно, взглянувъ съ улыбкою на товарища, съ которымъ про-

гуливался: — я нечаянно, я васъ вовсе не замѣтилъ, — и сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы продолжать свой путь.

Скуляковъ загородилъ ему дорогу.

— Вы думаете, продолжалъ онъ: — что у васъ тонкій сюртукъ, что вы душитесь и помадитесь, да височки прилизываете, да хвастаетесь своимъ дядей, да по французски болтаете, такъ вы можете толкаться, не извиняясь... а это на что̀? — Скуляковъ засучилъ рукавъ своего сюртука, сжалъ посинѣвшій отъ синяго казеннаго сукна свой огромный кулакъ и подставилъ его передъ глазами Коли. — Видите?

На эту сцену сбѣжалось нѣсколько любопытныхъ, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ.

Коля сказалъ:

— Что жь, вы воображаете, что испугаете меня, что ли, вашимъ кулакомъ?

— Да ужь я тамъ не знаю, а я вотъ только что̀ вамъ скажу... вотъ всѣ будутъ свидѣтелями. — И Скуляковъ обвелъ своими косыми глазами собравшихся. — Если только вы когда нибудь посмѣете сдѣлать мнѣ какую нибудь грубость, то я вамъ кости переломаю.... слышите? Недаромъ же вы зовѐте меня костоломомъ.... Помните же!

Произнеся это, Скуляковъ обернулся назадъ, очень спокойно возвратился къ своей грядкѣ, взялъ лопатку и продолжалъ свою работу.

Коля былъ нѣсколько минутъ послѣ этого въ страшномъ волненіи. Онъ вышелъ изъ садика, сопровождаемый двусмысленными улыбками свидѣтелей этой сцены; видѣлъ эти улыбки, и само-

любіе его было страшно уязвлено, тѣмъ болѣе, что Скуляковъ, не смотря на свои лѣта, былъ ниже его классомъ. Коля выходилъ изъ себя, ужасно горячился и черезъ минуту послѣ этого, въ своемъ классѣ, ударивъ рукою по столу, закричалъ:

— Съ этимъ мужикомъ я не могъ ничего сдѣлать.... Вѣдь нельзя же мнѣ связываться съ нимъ, когда онъ лѣзетъ съ кулаками.... Если бы у меня была шпага или пистолетъ—это другое дѣло. Но это ему не пройдетъ даромъ: я вамъ даю честное слово, господа, что послѣ выпуска я буду съ нимъ стрѣляться.

И Коля, говоря это, расхаживалъ по классу пѣтушкомъ, вздиралъ голову кверху, гордо улыбался и корчилъ совершеннаго героя. Воображеніе успокоило нѣсколько его самолюбіе. Однако, послѣ этого онъ вообще старался избѣгать встрѣчъ съ Скуляковымъ, а при неизбѣжныхъ встрѣчахъ очень осторожно обходилъ его и при этомъ даже нѣсколько смягчалъ выраженіе своего лица. Послѣ этой сцены Коля, впрочемъ, нѣсколько понизился во мнѣніи товарищей, а на Скулякова даже и нѣкоторые изъ аристократовъ начали посматривать иначе и вели себя въ отношеніи къ нему гораздо осторожнѣе.

Ко мнѣ Коля чувствовалъ расположеніе, хотя посматривалъ на меня свысока, какъ воспитанники старшихъ классовъ обыкновенно смотрятъ на младшихъ. Онъ протежировалъ меня, вѣроятно, потому, что видѣлъ мои усилія подражать его манерамъ, походкѣ и прическѣ. Коля былъ только двумя годами старше меня; но эти два года неизмѣримо раздѣляли насъ. Ему было уже шестнад-

цать лѣтъ, и онъ подбривалъ пушокъ, едва показывавшійся на его усахъ, когда разъ въ субботу, передъ роспускомъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Если васъ отпустятъ завтра изъ дому, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать. У меня обѣдаютъ наши— князь Броницынъ и еще кое-кто.... Отпроситесь изъ дому. Я васъ познакомлю съ маменькой.

Я отвѣчалъ:

— Непремѣнно буду.

Непремѣнно я не могъ сказать, потому что еще не совсѣмъ былъ увѣренъ, отпустятъ ли меня; но это слово невольно сорвалось у меня съ языка, потому что я хотѣлъ показать, что уже не ребенокъ и пользуюсь нѣкоторою независимостью.

Отправляясь домой, я все мечталъ о слѣдующемъ днѣ; но при мысли быть представленнымъ колинькиной маменькѣ, которая на видъ была такая гордая, робость овладѣла мной, и желаніе быть у Коли начало бороться во мнѣ съ этою робостью.

Я объявилъ дѣдушкѣ и маменькѣ о полученномъ мною приглашеніи, упомянувъ, между прочимъ, имя князя Броницына.

Дѣдушка, выслушавъ меня, посмотрѣлъ на меня очень пристально, и, когда я кончилъ просьбою отпустить меня, онъ произнесъ своимъ мягкимъ голосомъ, потрепавъ меня по плечу:

— Если тебѣ очень хочется, дружочикъ, пожалуй, но ты лучше сдѣлалъ бы, если бы остался съ своимъ старикомъ-дѣдушкой.

— Нѣтъ.... почему же не ѣхать? отпустите его, папенька! возразила маменька:—надо же привыкать

ему быть въ хорошемъ обществѣ, пріобрѣтать манеры, развязность....

Дѣдушка едва замѣтно нахмурился.

— Какія манеры, матушка? перебилъ онъ:—ему надобно прежде всего думать объ ученьѣ, а не о манерахъ. Какія это манеры у васъ, я не понимаю!

Маменька замолчала, но, какъ мнѣ показалось, нѣсколько иронически взглянула на дѣдушку и улыбнулась.

Однако, маменька поставила на своемъ, потому что дѣдушка, на другой день утромъ, когда я съ нимъ поздоровался, поцаловалъ меня и объявилъ, что я могу ѣхать обѣдать къ товарищу.

Маменька, вообще мало занимавшаяся мной, передъ отъѣздомъ сама одѣвала меня съ величайшею заботливостью, входила въ мельчайшія подробности моего туалета: завивала, помадила и разсчесывала мнѣ волосы и даже дала мнѣ свой батистовый платокъ и надушила его своими духами, чего прежде никогда не случалось.

— Смотри же, сказала маменька, когда я былъ уже совсѣмъ готовъ: — веди себя хорошенько и будь какъ можно ласковѣе и предупредительнѣе со всѣми.

Я поцаловалъ ея ручку. Она пріятно улыбнулась и съ нѣкоторою гордостію осмотрѣла меня съ ногъ до головы.

Колинькина маменька жила, сколько я припоминаю, что называется, на барскую ногу: ковры, бронзы, рядъ комнатъ, люди въ ливреяхъ и проч.

Коля встрѣтилъ меня радушно и повелъ къ ней. Она, въ изысканномъ и нарядномъ туалетѣ, сидѣла въ угольной, небольшой комнатѣ, уставленной

цвѣтами и рѣшетками, обвитыми плющемъ. Окруженная плющемъ, на возвышеніи, въ большихъ готическихъ креслахъ съ рѣзной спинкой, она имѣла недоступность и торжественность, отъ которыхъ у меня сжалось сердце. Одна ея рука, вся въ кольцахъ, шевелила листами какой-то книжки въ раззолоченномъ переплетѣ, которая лежала передъ нею на маленькомъ столикѣ.

Коля подвелъ меня къ возвышенію и представилъ ей.

Она приподняла голову, взглянула на меня, обнаруживъ въ лицѣ движеніе въ родѣ улыбки и произнесла по французски:

— Мой сынъ мнѣ говорилъ объ васъ....

Потомъ обратилась къ Колѣ:

— Поди сюда, Коля!

Коля подошелъ къ ней.

Она посмотрѣла на сына въ лорнетъ.

— У тебя волосы дурно лежатъ, мой другъ!

И съ этими словами она пригладила ему височки и въ то же время шепнула что-то.

Коля сошелъ съ возвышенія и сѣлъ возлѣ меня.

Наступила минута молчанія, послѣ которой она повела на меня глазами и спросила:

— Ваши родители живутъ здѣсь, въ Петербургѣ?

— Здѣсь-съ.

— А!...

Послѣ этого «а!» опять послѣдовало молчаніе, скоро, впрочемъ, прерванное приходомъ какого-то адъютанта, который только и дѣлалъ потомъ, что побрякивалъ шпорами, крутилъ усы и смотрѣлъ, щуря глаза, въ висѣвшее противъ него зеркало. Повидимому, это былъ родственникъ или очень

близкій человѣкъ въ домѣ. Колинькина маменька звала его Пьеромъ.

— Какая это у васъ книга? спросилъ ее адъютантъ, входя на возвышеніе и садясь противъ нея.

— Это? (разговоръ былъ на французскомъ языкѣ). Что̀ за вопросъ? Развѣ вы не знаете, что это книжка, съ которой я никогда не разстаюсь: это мой милый Ламартинъ. Это поэтъ, какихъ немного! У него все — гармонія стиха, нравственныя мысли, и, къ тому же, читая его, чувствуешь, **que c'est un gentilhomme**!

— Это правда, замѣтилъ адъютантъ, крутя усы.

— Ну, а что̀ вашъ французскій учитель говоритъ вамъ о Ламартинѣ?

Она взглянула на сына.

— Да-съ, онъ упоминаетъ и о немъ, отвѣчалъ Коля: — но у насъ больше говорится въ исторіи литературы о Корнелѣ и о Расинѣ.

— О Корнелѣ? да, это прекрасно! По моему мнѣнію, молодые люди должны быть воспитаны непремѣнно на Корнелѣ и на Ламартинѣ: Корнель внушаетъ высокія понятія о чести, а Ламартинъ — религію... Не спа, Пьеръ?

Пьеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Я очень внимательно и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на колинькину маменьку, и она такъ сильно врѣзалась въ моей памяти, какъ будто теперь передо мною, хотя я видѣлъ ее потомъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ.

Ей было лѣтъ сорокъ; она была высока и стройна. Черты лица ея были некрупны и тонки: небольшой орлиный носъ, серенькіе глазки, брови

нѣсколько дугой. Она—я соображаю это теперь по воспоминаніямъ—должна была смолоду производить большія побѣды, и ей, видно, нелегко было разставаться съ молодостью, потому что слѣды разрушающаго времени она тщательно и очень искусно замазывала, закрашивала и затирала, подцвѣчая себя всевозможными косметическими средствами. Объ этомъ сообщилъ намъ Коля, который иногда, въ сердцахъ на маменьку за отказы въ деньгахъ, очень мѣтко подтрунивалъ надъ нею. Коля вообще не отличался скромностію. Чуть не всему пансіону было извѣстно, что его маменька сидитъ всякій день по три часа за туалетомъ и, кромѣ своихъ нарядовъ, ничѣмъ не занимается. Перечисляя насмѣшливо ея наряды, Коля, въ то же время имѣлъ и другую цѣль: прихвастнуть богатствомъ маменьки и ея роскошью.

Смотря на эту барыню, разговаривавшую съ адъютантомъ (я это живо помню), меня поразила, между прочимъ, ея странная и ненатуральная манера говорить и какое-то неловкое и принужденное выраженіе ея лица во время разговора. Причину этого мнѣ объяснилъ князь Броницынъ, который, не смотря на ея особенное вниманіе къ нему, отлично ее передразнивалъ: у г-жи Летищевой верхній рядъ зубовъ совсѣмъ сгнилъ и искрошился, и, чтобы не обнаружить этого, она, во время разговора, постоянно держала верхнюю губу неподвижной, шевеля только нижнею.

Въ то время, какъ рѣчь отъ Корнеля и Ламартина круто повернула къ городскимъ новостямъ и сплетнямъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги. Коля заглянулъ въ дверь.

— Вотъ и Броницынъ! сказалъ онъ, взглянувъ на меня и потомъ, обратясь къ матери, вскочилъ со стула.

— Maman, князь пріѣхалъ.

— Аа! произнесла она, слегка пошевеливъ головой.—Его товарищъ, князь Броницынъ, замѣтила она, обратясь къ адъютанту, который загнулъ голову назадъ, чтобы посмотрѣть на вошедшего.

Броницынъ былъ недуренъ собой, очень развязенъ и, также, какъ и Коля, корчилъ уже мóлодаго человѣка совершенныхъ лѣтъ. Сравнительно съ ними я чувствовалъ себя ребенкомъ, стыдился этого и завидовалъ имъ.

Г-жа Летищева пожала Броницыну руку, съ большою пріятностью улыбнулась ему, спросила его о здоровьи князя, его отца, княгини-матери, все время обнаруживала къ нему исключительное вниманіе и за обѣдомъ посадила возлѣ себя.

Разговоръ казался очень одушевленнымъ. Болѣе всѣхъ говорила сама хозяйка. Я слушалъ внимательно; но изъ всего, что̀ говорили, осталось у меня въ памяти только пять словъ: князь, балъ, графъ, графиня, княгиня.

Я во все время чувствовалъ страшное стѣсненіе и неловкость; два раза зацѣпился за коверъ и чуть не упалъ; отвѣчалъ на вопросы невпопадъ, боясь сдѣлать ошибку по французски, и внутренно завидовалъ развязности и смѣлости князя Броницына, который такъ и заливался на французскомъ языкѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда хозяйка дома исчезла и явилась только къ семи часамъ, въ другомъ туалетѣ, еще болѣе блистательномъ, съ прибавленіемъ новыхъ пуколекъ, брошекъ, кружевцовъ и браслетъ

и распространяя на нѣсколько шаговъ кругомъ себя благоуханіе лѣсной фіалки.

— Я ѣду въ театръ, сказала она, натягивая перчатку.—Je vous laisse, mes enfants, amusez-vous bien....

— Какой у васъ прекрасный туалетъ! перебилъ Броницынъ, глядя на нее:—и какъ онъ идетъ къ вамъ!

Она улыбнулась пріятно, нѣсколько прищуривъ глаза. Броницынъ поцаловалъ ея руку и, какъ мнѣ показалось, что-то шепнулъ ей. Она прикоснулась осторожно двумя пальчиками къ его уху, произнесла вопросительнымъ тономъ: «Paul?» еще разъ и еще пріятнѣе улыбнулась ему и потомъ погрозила пальцемъ.

Адъютантъ между тѣмъ, смотрѣлся въ зеркало и поправлялъ свои волосы. Школьникъ совершенно затмилъ въ этотъ день адъютанта своею любезностію и ловкостію, такъ что онъ только время отъ времени поглядывалъ на него иронически, покручивая усы. Въ нашемъ мнѣніи Броницынъ возвысился послѣ этого еще болѣе.

— Господа! ну, теперь ко мнѣ! закричалъ Коля, подпрыгнувъ, когда маменька уѣхала.

Кромѣ Броницына и меня у Коли обѣдали еще два или три нашихъ товарища изъ старшихъ классовъ.

Мы всѣ побѣжали въ колину комнату, и Броницынъ впереди всѣхъ, напѣвая:

Amis, il est une coquette
Dont je redoute ici les yeux,
Que sa vanité qui me guette,
Me trouve toujours plus joyeux.

Коля закричалъ:

— Вина!

Человѣкъ принесъ намъ бутылку мускатъ-люнеля и бисквиты, и школьная попойка началась. У меня отъ двухъ рюмокъ закружилась голова; но товарищи мои, которые пили очень усердно и потребовали другую бутылку, стали смѣяться надо мной, когда я отказался отъ третьей рюмки, и принудили меня пить, щеголяя другъ передъ другомъ, кто кого перепьетъ.

— Господа! сказалъ Броницынъ, поднимая свою рюмку: — за здоровье военныхъ....

— Браво! ура! закричали всѣ, и я вслѣдъ за другими.

— А знаете ли, что я скоро разстанусь съ вами, любезные друзья? продолжалъ Броницынъ: — я перехожу въ школу, въ кавалергарды. Стòитъ ли у насъ кончать курсъ, и для чего? Я ни за чтò не хочу быть рябчикомъ....

— Я тоже, я тоже! крикнулъ Коля: — ни за чтò! Я не разстанусь съ тобой, **Paul**: мы вмѣстѣ выйдемъ. Къ тому же и **maman** непремѣнно хочетъ, чтобы я вступилъ въ кавалергарды. Я прослужу нѣсколько времени въ полку, а потомъ мой дядя, графъ Каленскій, возьметъ меня въ адъютанты. Онъ ужь обѣщалъ **maman**.... Господа! я вамъ предлагаю тостъ за кавалергардовъ!

— **Très bien, bravo!** воскликнулъ Броницынъ.

И всѣ мы снова и сильнѣе прежняго стали кричать: «Браво! ура!...» и топать ногами.

Товарищи мои долго продолжали еще шумѣть, пѣть, кричать, болтать о лошадяхъ, о военныхъ формахъ и еще о чемъ-то. Все это мнѣ представ-

лялось неясно. Я сидѣлъ молча. У меня въ глазахъ было мутно и голова кружилась. Я чувствовалъ, что не могу стоять твердо на ногахъ, что не могу сдѣлать двухъ шаговъ не пошатнувшись... Обводя кругомъ комнату, я остановился на часахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ: намъ оставался только одинъ часъ до пансіона. Двѣ мысли: что̀, если бы меня увидалъ въ такомъ видѣ дѣдушка? и какъ я явлюсь къ директору? привели меня въ ужасъ. Сердце мое сильно забилось при этомъ; я вскочилъ со стула, попробовалъ пройдтись, чтобы удостовѣриться, могу ли я ходить, сдѣлалъ два шага, но меня откинуло въ сторону къ дивану, голова закружилась еще сильнѣе, и я не замѣтно упалъ на диванъ, вдругъ потерявъ всякое сознаніе.

Я очнулся отъ непріятнаго ощущенія холода и дрожи, почувствовавъ, что по лицу моему течетъ что-то.... я открылъ глаза. Товарищи, чтобы привести меня въ чувство, смѣясь, обливали мнѣ голову холодной водой....

Какъ мы отправились потомъ въ пансіонъ, какъ представились директору, этого я не помню; но какъ никто изъ насъ не былъ наказанъ, изъ этого я заключаю, что мы явились довольно въ приличномъ видѣ. Я одинъ только на другой день заплатилъ дань этой первой попойки, занемогъ и отправился въ больницу.

Летищевъ и князь Броницынъ, дѣйствительно, черезъ полгода вышли изъ пансіона. Послѣ этого я видѣлъ Летищева всего раза четыре. Онъ приходилъ къ намъ въ пансіонъ, разъ вмѣстѣ съ княземъ, а потомъ одинъ, въ мундирѣ, въ каскѣ, звеня шпорами и гремя палашомъ,—явно только для

того, чтобы щегольнуть собой передъ старыми товарищами. Мы всѣ съ любопытствомъ и участіемъ окружали его... Коля немного важничалъ и ломался передъ нами, разсказывая намъ, что его дядя даритъ ему лошадь въ шесть тысячъ (тогда еще считали на ассигнаціи), что мать даетъ ему двадцать тысячъ на первое обзаведеніе, что лошадь его будетъ одна изъ первыхъ въ полку и что даже у князя Броницына не будетъ такой лошади.

Мы слушали его разиня рты и любовались имъ, потому что румяный, плечистый и толстый Коля былъ, дѣйствительно, какъ будто созданъ для того, чтобы быть кирасиромъ.

Прошелъ еще годъ. Летищевъ не показывался. Онъ вѣроятно, забылъ о насъ. Мы забыли о немъ. Наступилъ день нашего выпуска, торжественный день въ жизни каждаго изъ насъ. Мы проснулись рано, потому что волненіе не давало намъ спать. Солнце ярко сіяло; изъ отворенныхъ оконъ нашего класса, куда мы собрались въ послѣдній разъ, неслось благоуханіе отъ инспекторскихъ левкоевъ и резеды, вмѣстѣ съ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ; голуби—охота одного изъ нашихъ гувернеровъ, расхаживавшіе по двору, ворковали звучнѣе обыкновеннаго; четыре липки, торчавшія передъ окнами въ садикѣ, на которыя мы никогда не обращали вниманія, ярко и весело зеленѣли, облитыя солнцемъ; всѣ начальники смотрѣли на насъ съ особенно привѣтливымъ выраженіемъ въ лицѣ; товарищи, оставшіеся въ пансіонѣ, окружали насъ съ зависистливымъ любопытствомъ и повторяли намъ: «Счастливые!» Сторожъ, котораго мы, обыкновепно, посылали украдкой за завтракомъ въ ме-

лочную лавку, при встрѣчѣ поклонился намъ съ такимъ уваженіемъ, какъ онъ кланялся только инспектору или директору, и потомъ все поглядывалъ на насъ съ заискивающею улыбкою, какъ бы ожидая чего-то. За утреннимъ чаемъ мы не прикасались ни къ чему, отдали свой чай и булки товарищамъ и разговаривали шумно, свободно и весело, не боясь замѣчаній и выговоровъ. Мысль, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ внѣ этихъ стѣнъ, на просторѣ, на волѣ, безъ всякаго надзора, что мы пойдемъ куда угодно, будемъ дѣлать все, что намъ вздумается, что передъ нами театры, гулянья, всевозможныя увеселенія, погружала насъ въ упоительное одурѣніе.... Все передъ нами казалось широко, свѣтло и безконечно. Сердца наши бились сильно, глаза сверкали счастіемъ, грудь переполненная ощущеніями, волновалась...Двери параднаго подъѣзда отворены были настежь, у подъѣзда стояли наши экипажи, на лѣстницѣ толпились ожидавшіе насъ люди.

— Господа! закричалъ одинъ изъ насъ:—мы теперь свободные люди! Ура!... Дѣлай что хочешь!

Онъ схватилъ первую попавшуюся ему подъ руку учебную книжку, разорвалъ ее пополамъ и бросилъ, потомъ схватилъ со стола чугунную чернилицу и съ какимъ-то ожесточеніемъ швырнулъ ее въ клумбу съ инспекторскими цвѣтами.

— Ура! раздалось вслѣдъ за нимъ, и чернильницы одна за другой полетѣли за окна, на цвѣты.

— Теперь долой эти платья! кричалъ другой:— прочь эту дерюгу!... Смотрите господа!...

И онъ разрывалъ пополамъ свой сюртукъ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ.

Послѣ первой минуты этихъ буйствъ и разрушенія, этого опьяненія радости, осмотрясь кругомъ, мы увидѣли Скулякова. Онъ сидѣлъ у стола, облокотясь на руку. Лицо его, и безъ того всегда блѣдное, имѣло въ эту минуту какой-то зеленоватый, болѣзненный оттѣнокъ, а его косые глаза неопредѣленно и грустно смотрѣли куда-то. Онъ, казалось, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что дѣлалось кругомъ него.

— Что жь ты сидишь? сказалъ ему кто-то изъ насъ:—вставай, братецъ: пора одѣваться.

— Зачѣмъ? проговорилъ онъ мрачно и въ полголоса.

— Какъ зачѣмъ? закричало нѣсколько голосовъ:—отправляться по домамъ.

— У меня нѣтъ дома, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукой:—съ Богомъ, отправляйтесь себѣ; мнѣ нѣкуда.

Шумная ватага разбѣжалась. Я остался съ нимъ одинъ; мнѣ стало жаль его. Я зналъ, что Скуляковъ бѣденъ, что у него не было никого, кромѣ старухи-матери, которая жила далеко отъ Петербурга въ своей деревенькѣ; что въ Петербургѣ у него былъ только одинъ знакомый, къ которому онъ ходилъ по праздникамъ, и то изрѣдка.

— Отчего же ты не пойдешь къ своему знакомому? спросилъ я.—Развѣ ты не можешь прожить у него до тѣхъ поръ, покуда пришлютъ за тобой изъ деревни?

— Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, отвѣчалъ Скуляковъ, видимо недовольный моими вопросами.

— Послушай, Скуляковъ, сказалъ я:—я прошу тебя, сдѣлай одолженіе, поѣдемъ ко мнѣ. Всѣ наши будутъ тебѣ рады.... Все-таки до отъѣзда въ

деревню тебѣ лучше и веселѣе будетъ прожить у насъ, чѣмъ оставаться здѣсь одному въ пансіонѣ.

И я съ горячностію протянулъ ему руку.

Скуляковъ пожалъ ее и взглянулъ на меня:

— Нѣтъ, спасибо, отвѣчалъ онъ: — я не хочу быть никому въ тягость.... я не могу, братъ...

Я не совсѣмъ тогда хорошо понималъ значеніе словъ: «быть въ тягость», и деликатность натуры этого человѣка, котораго звали «костоломомъ», казалась мнѣ только упрямствомъ. Я сталъ еще сильнѣе уговаривать его.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше и не говори, перебилъ онъ меня: — я не поѣду; я ужъ сказалъ, я останусь... Спасибо тебѣ. Прощай. Будь счастливъ....

Въ его голосѣ, обыкновенно грубомъ, было въ эту минуту столько мягкости и задушевности, что я не могъ удержаться отъ слезъ. Мнѣ вдругъ въ первый разъ стало совѣстно, что я во все время вмѣстѣ съ другими товарищами, и, можетъ быть болѣе другихъ, приставалъ къ нему и смѣялся надъ нимъ.

— Прости меня за прошлое, сказалъ я: — я виноватъ передъ тобою.

Скуляковъ вдругъ соскочилъ со скамейки, остановился на минуту въ недоумѣніи, какъ бы желая сказать мнѣ что-то, — и вдругъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня еще разъ и еще крѣпче пожалъ мнѣ руку и прошепталъ:

— Ну, прощай, прощай, братецъ!

Выходя изъ класса, я обернулся назадъ. Скуляковъ закрылъ лицо руками и прислонился къ краю стола. Мнѣ показалось, что онъ плакалъ....

Но черезъ десять минутъ, на дорогѣ изъ пансіона домой, я забылъ о Скуляковѣ и о всемъ на

свѣтѣ. Широкое и радостное чувство свободы эгоистически овладѣло мною; мнѣ казалось, что горе, несчастіе, и прочее — все это людскія выдумки, и что жизнь—вѣчный праздникъ.

Я не предчувствовалъ, что готовилось для меня впереди, и едва удерживалъ мое нетерпѣніе, завидѣвъ нашу дачу, нашъ старый домъ, окруженный столѣтними деревьями.... Я былъ увѣренъ, что скорѣе лошадей добѣгу до крыльца, и мнѣ хотѣлось выскочить изъ коляски, чтобы броситься на шею къ дѣдушкѣ.... Когда коляска остановилась, я едва могъ дышать отъ волненія. У крыльца стояли маменька, проживалки, лакеи и горничныя, въ ожиданіи меня, — всѣ, кромѣ моей няни, которой уже не было на свѣтѣ, и дѣдушки.

— Гдѣ же дѣдушка? было первое мое слово.

— Дѣдушка не здоровъ. Тише: онъ почиваетъ, отвѣчали мнѣ.

Эти слова болѣзненно отозвались у меня въ сердцѣ, и я вошелъ въ домъ на цыпочкахъ, понуря голову. Черезъ часъ меня позвали къ дѣдушкѣ. Онъ улыбнулся мнѣ, пожалъ мнѣ руку своей ослабѣвшей рукой и произнесъ съ усиліемъ:

— Ну, поздравляю тебя, поздравляю...

Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть къ себѣ на постель и сталъ смотрѣть на меня, держа меня за руку, съ такою любовью и съ такою грустью, что я зарыдалъ....

— Полно, голубчикъ! Богъ дастъ, я еще поправлюсь. Не плачь, дружечикъ! шепталъ мнѣ дѣдушка, самъ глотая слезы.

Но сердце мое говорило мнѣ, что все кончено. Я вышелъ отъ дѣдушки и упалъ на диванъ, захлебываясь слезами.

Къ вечеру дѣдушкѣ сдѣлалось хуже, вѣроятно, отъ волненія; а черезъ два дня послѣ этого онъ лежалъ на столѣ. Онъ какъ будто заснулъ на минуту: такъ лицо его было спокойно и свѣтло; ни одна черта его не была искажена страданіемъ, и на губахъ его замерла улыбка, — та симпатическая улыбка, съ которою онъ всегда встрѣчалъ меня.... Неужели это смерть?...

Я стоялъ пораженный этимъ явленіемъ, не спуская глазъ съ усопшаго. Мнѣ казалось невозможнымъ, что я уже никогда не увижу его кроткаго взгляда, никогда не услышу его голоса, звучавшаго любовью... Смерть! когда все кругомъ меня кипѣло жизнью, свѣтомъ, радостію....

Окна комнаты, въ которой дѣдушка былъ положенъ, выходили въ садъ.... Солнце бросало на все ослѣпительный блескъ, совсѣмъ поглощая свѣтъ погребальныхъ свѣчъ. Вѣтка шиповника въ полномъ цвѣту врывалась въ одно изъ оконъ, и однообразный, тихій голосъ чтеца заглушался звонкимъ пѣніемъ, свистомъ и чиликаніемъ птицъ.

II.

МОЛОДОСТЬ.

Прошелъ годъ. Я уже привыкъ къ моей свободѣ. Она мнѣ даже надоѣла немножко, потому что я не находилъ, какое употребленіе сдѣлать изъ нея. Летищева, который уже былъ офицеромъ, я видалъ довольно часто на Невскомъ: то въ коляскѣ, то въ дрожкахъ на рысакахъ, то верхомъ, то

на тротуарѣ, подъ руку съ другими офицерами. Онъ холодно кивалъ мнѣ головою при встрѣчахъ; я ему отвѣчалъ тѣмъ же. Мы нигдѣ не сходились. Я услышалъ стороною, что мать его давно умерла, что все оставшееся послѣ нея движимое и недвижимое имѣніе отдано было за долгъ, и что графъ Каленскій хотя былъ довольно внимателенъ къ нему, но денегъ не давалъ. Не смотря на это, Летищевъ, служившій въ самомъ дорогомъ полку, жилъ не хуже своихъ товарищей, которые получали большія деньги и имѣли въ виду огромныя состоянія. Говорили, будто онъ поддерживаетъ такое блестящее существованіе одними займами, распуская слухи, что онъ единственный наслѣдникъ графа, и занимаетъ 50 на 100, а иногда и капиталъ на капиталъ. До какой степени слухи эти были основательны, я не зналъ. Несомнѣнно было только то, что Летищевъ проживаетъ много, что онъ цвѣтетъ, толстѣетъ, сіяетъ самодовольствіемъ и отличается полною безпечностью.

Въ одно изъ представленій балета *Кіа-Кингъ*, во время антракта, когда всѣ поднялись, чья-то рука изъ перваго ряда креселъ упала на мое плечо — я сидѣлъ во второмъ — и знакомый звонкій, нѣсколько пронзительный голосъ произнесъ скороговоркою:

— Здравствуй, mon cher! какъ я радъ тебя видѣть! сколько времени мы не видались!... Гдѣ ты пропадаешь?

Это былъ Летищевъ. Я молча поклонился ему; онъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее.

— Да что̀ ты, не узнаешь меня, что ли?

— Нѣтъ, узнаю, отвѣчалъ я.

— А развѣ такъ встрѣчаются старые товарищи? Я тебя всегда очень любилъ и очень, очень радъ тебя видѣть.

Такую внезапную горячность ко мнѣ Летищева я не могъ разгадать вдругъ.

— Пойдемъ въ буфетъ, продолжалъ онъ: — мнѣ хочется и покурить и поговорить съ тобою... А ты ничего не мѣняешься: точно какъ былъ въ пансіонѣ.

Мы пришли въ буфетъ.

— Ну, несравненная madame Піацци! сказалъ онъ, обращаясь къ черноглазой и черноволосой дамѣ, стоявшей за буфетомъ: — велите-ка намъ подать бутылку клико, да похолоднѣе, и мою трубку съ янтаремъ (тогда еще папиросы не были въ употребленіи), въ маленькую комнату.... знаете.— Это мой другъ, прибавилъ онъ, указывая на хозяйку буфета: — у меня, братецъ, вездѣ друзья.... Это необходимо, безъ этого нельзя.... Скорѣе вина....

— Да къ чему? началъ было я.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты мнѣ ужь этого и не говори, перебилъ Летищевъ громко, обращаясь то ко мнѣ, то къ мадамъ Піацци: — мы должны выпить. Встрѣча съ тобою мнѣ такъ пріятна. А знаешь ли, сколько мы выпили вчера съ Ѳедей Рагузинскимъ и Броницынымъ (ты вѣдь его помнишь)? Ну, какъ ты думаешь?

— Я не знаю.

— Девять бутылокъ!.. по три на брата. Не глупо?

M-me Піацци съ пріятностію улыбалась, слушая Летищева, и покачивала головою.

Когда, въ отдѣльную комнату, мальчикъ принесъ трубки и шампанское, Летищевъ крикнулъ

ему: «Ну, косой, откупори, да безъ шуму, и убирайся вонъ!» и потомъ обратился ко мнѣ, потрепавъ меня по плечу, и сказалъ:

— Сколько съ того времени, **mon cher**, воды утекло, какъ мы разстались!... Ты знаешь, что мать моя умерла... Я теперь одинъ, вольный казакъ, проживаю тридцать тысячъ, у меня лучшая лошадь въ полку, десятитысячный жеребецъ.... Но это все вздоръ! Ты знаешь, что я сдѣлался театраломъ съ ногъ до головы, вся моя жизнь здѣсь, на Большомъ Театрѣ; я не нропускаю ни одного балета. Знаешь ли, сколько разъ я видѣлъ «Бронзоваго Коня»? — 54 раза! а послѣ-завтра 55-е представленіе... Общество театраловъ недавно поднесло мнѣ похвальный листъ, за подписью всѣхъ своихъ членовъ, и въ главѣ всѣхъ подписей имя нашего **doyen d'age** между театралами — князя Арбатова... Какой чудный человѣкъ! Чтȯ за душа! Ты не знаешь его? тебѣ, **mon cher**, непремѣнно надо сдѣлаться театраломъ... и всѣ наши... вѣдь это удивительные ребята!... Если бы ты посмотрѣлъ наши сходки: чудо!... Мы преслѣдуемъ, братецъ, и презираемъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ франтиковъ, паркетныхъ шаркуновъ... Изъ насъ никто ни ногой въ свѣтъ, хотя мы всѣ имѣемъ на это полное право.... Свѣтъ, эти всѣ дамы косятся на насъ, да чортъ съ ними!.. Чтȯ, напримѣръ, выше наслажденія провожать театральныя линіи, видѣть въ окно прелестное личико съ платкомъ на головѣ, которое высунулось для того, чтобы взглянуть на тебя.... понимаешь? Ты перекидываешься съ нею нѣсколькими словами, рискуя жизнію, рискуя попасть подъ

огромное колесище и быть расплющеннымъ... Впрочемъ, у меня кучеръ такъ наловчился подъѣзжать близко къ линіи, что полозъ моихъ саней совсѣмъ сходится вплоть съ обручемъ колеса.... и ничего, видишь, я до сихъ поръ живъ и здоровъ.... Одинъ разъ я чуть не попалъ, однако, подъ колесо: но зато чѣмъ же я и былъ вознагражденъ за это!... Изъ окна раздался голосокъ: «Васъ задавятъ.... ахъ, страсти!» И она упала, братецъ, въ обморокъ: ее безъ чувствъ привезли домой. Она любитъ меня до безумія; а я... я ужъ и говорить нечего.. я съ ума схожу... такой дѣвочки нѣтъ на свѣтѣ другой... Что̀ за глаза, что̀ за бюстъ, какая ножка!.. Царица между всѣми.... И посмотри, какая у насъ идетъ перестрѣлка во время представленія, замѣть.... Всѣ говорятъ, что она первая, и точно.... Какой талантъ!.. Не правда ли?..

—Да я не знаю, о комъ ты говоришь, возразилъ я.

— Какъ? Неужели? — Летищевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и недовѣрчивостію. — Будто ты ничего не слыхалъ? Ты не знаешь, за кѣмъ я ухаживаю? Да объ этомъ кричитъ весь городъ... И чортъ знаетъ, какъ все это узнаютъ, я не понимаю! Дамы въ обществѣ объ этомъ толкуютъ — вѣдь вотъ до чего дошло,—ей Богу!... Мнѣ это ужасно непріятно: дядя на меня злится.. ну, да пусть его злится... Если ты хоть разъ былъ въ балетѣ, хоть одинъ разъ въ жизни, ты долженъ знать Торкачеву...

— Понятія не имѣю, отвѣчалъ я.

Хотя Торкачева была одна изъ самыхъ хорошенькихъ молодыхъ танцовщицъ того времени, но мой глазъ не былъ такъ опытенъ, чтобы отли-

чать Торкачеву отъ Пряхиной, Бѣлоусову отъ Каростинской, и т. д.

— Чтò? съ ужасомъ воскликнулъ Летищевъ.— Ты не знаешь Торкачевой? Ахъ ты, варваръ!.. Послушай, ты лучше не признавайся въ этомъ: это нехорошо, просто стыдно. Не знать Торкачевой!.. **mais, mon cher, c'est impardonable, c'est un crime....** Четвертая корифейка съ края съ правой стороны.... средняго роста, съ такими огненными бирюзовыми глазками....

— А! такъ это она?...

— Она! она! вскрикнулъ Летищевъ:—да вотъ смотри!... Онъ растегнулъ мундиръ, потомъ рубашку, вытащилъ золотой медальонъ, висѣвшій на тоненькой цѣпочкѣ на его груди, открылъ его и показалъ мнѣ ея портретъ. — Не правда ли, прелесть? Не правда ли, отъ этакой дѣвочки простительно съ ума сойдти?... Вѣдь это, братецъ, счастье быть ею любимымъ?

И онъ съ жаромъ поцаловалъ портретъ, спряталъ его, застегнулся, взялъ стаканъ и прибавилъ:

— Ну, теперь выпьемъ же за ея здоровье, за здоровье моей чудной Кати! только, смотри, до капли...

Мы выпили.

— Я ее такъ устрою, продолжалъ Летищевъ:— чтобы всѣ ахнули: я ее окружу всевозможной роскошью, ничего не пожалѣю для нея, ухну все чтò имѣю.... чортъ возьми! А тамъ.... вѣдь дядя же мой не будетъ жить вѣчно.... тогда мнѣ ужь горевать будетъ не о чемъ: двѣсти тысячъ дохода, **un revenu nette**.. вѣдь изрядно?...

Летищевъ долженъ былъ знать, что у графа

Каленскаго есть ближайшіе родственники; что имѣніе графа по прямой линіи перейдетъ къ нимъ; что ему достанется что нибудь, и то невѣрно; но онъ до того нахвасталъ всѣмъ, что онъ его единственный наслѣдникъ, что наконецъ почти самъ сталъ вѣрить этому.

Когда Летищевъ высказалъ мнѣ все, что ему хотѣлось высказать, онъ вдругъ нѣсколько охладѣлъ ко мнѣ.

— Однако, пора; заболтался. Бѣда, если я пропущу ея выходъ: мнѣ за это достанется.... Пойдемъ.... M-me Піацци! запишите за мной бутылку.... Замѣть же... ты сидишь, кажется, сзади меня... какая пойдетъ перестрѣлка!... Смотри, ты поусерднѣй и погромче хлопай *нашимъ-то,* по старому товариществу.

Лишь только Торкачева съ компаніей появились на сцену, Летищевъ обратился ко мнѣ и показалъ мнѣ ее.

— Ну, что̀, какова? не правда ли, чудо? — Браво! браво! закричалъ онъ, отвернувшись отъ меня и захлопавъ.

Затѣмъ весь первый рядъ правой стороны началъ кричать въ полголоса: «браво, браво!» усиливая это браво постепенно и доведя его наконецъ до неистовыхъ криковъ, съ громовымъ акомпаниментомъ рукоплесканій: послѣ криковъ и хлопаній всѣ эти господа впились въ свои бинокли, и я замѣтилъ, что между Торкачевой и Летищевымъ точно существовали какіе-то телеграфическіе знаки и что послѣ каждаго пируэта она обращалась съ особенно значительной улыбкой къ тому креслу, на которомъ сидѣлъ онъ.

Когда Торкачева съ компаній скрылись за кулисами, Летищевъ опять обратился ко мнѣ.

— Перестрѣлку-то замѣтилъ?—Вотъ теперь появится Иванова, — такъ ужь ей надо хорошенько шикнуть: это нашъ смертельный врагъ...

— Отчего? спросилъ я: — она славная танцовщица.

— Какое! дрянь!... да все равно, хотя бы она была первый геній: ужь ей, по нашему, слѣдуетъ шикать....

И точно, при появленіи Ивановой въ первыхъ рядахъ раздалось шиканье. Это шиканье произвело въ публикѣ неудовольствіе, обнаружившееся громомъ рукоплесканій. Какъ люди въ своемъ дѣлѣ опытные, театралы смирились передъ бурей: когда же буря начала стихать, они воспользовались первой секундой затишья, чтобы шикнуть снова. Но снова ихъ шиканья были заглушены еще сильнѣйшимъ громомъ и сопровождались вызовомъ ненавистной имъ танцовщицы.

Несмотря на это, они выходили изъ театра очень довольные, съ полною увѣренностію, что уничтожили ее; а князь Арбатовъ, пропуская ихъ мимо себя, повторялъ каждому: «Славно, ребята!» и каждый отвѣчалъ на лестное одобреніе: «Ради стараться, ваше сіятельство!»

У театраловъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, были очень усердные помощники, исправлявшіе должность театраловъ изъ различныхъ побужденій и разсаженные въ разныхъ концахъ и углахъ залы. Они состояли, первое, изъ господъ, надсаживавшихъ горло и отбивавшихъ руки изъ того только, чтобы имѣть честь попасть въ кружокъ театра-

ловъ, потереться около аристократовъ; второе изъ нахлебниковъ этой молодежи, ихъ прихлебателей, и третье—просто изъ наемныхъ хлопальщиковъ и шикальщиковъ, которые, когда театралъ, ихъ патронъ, проходилъ мимо ихъ, обыкновенно выставляли впередъ свои подобострастныя фигуры и шептали съ почтительною улыбкою: «Ну, ужь мы сегодня похлопали, ваше сіятельство! во второмъ-то актѣ какой залпъ задали!»

Всѣ театралы и исправлявшіе должность театраловъ того времени, которое я описываю, были подъ командой князя Арбатова.

Князь Арбатовъ пользовался значительною извѣстностію въ Петербургѣ, и тѣ немногіе, которые не были съ нимъ знакомы, навѣрно знали о немъ хоть по наслышкѣ. Я принадлежалъ къ послѣднимъ. Еще когда я былъ школьникомъ, мнѣ указали на него однажды въ балетѣ. Князю казалось на видъ лѣтъ сорокъ слишкомъ. Онъ былъ мужчина довольно видный, полный, высокаго роста, съ круглымъ лицомъ, нижняя часть котораго выдавалась впередъ, съ большими карими глазами, съ маленькимъ лбомъ, съ рѣдкими подкрашенными волосами и съ короткими щетинистыми усами, также подкрашенными. Туалетъ его не отличался изысканностію: сюртукъ былъ почти всегда застегнуть на всѣ пуговицы, галстухъ высокій, на пряжкѣ сзади, съ торчащими изъ подъ-него маленькими воротничками отъ рубашки. По всему было замѣтно, что съ статскимъ платьемъ ему свыкнуться было нелегко, что оно было для него ново и что онъ презиралъ его. Плечи князя, гордо вздернутыя кверху, привыкшія къ большимъ и густымъ

эполетамъ, безпрестанно приподнимались и вздрагивали. Князь былъ въ театрахъ, какъ у себя дома: всѣ театральныя власти были его друзьями и пріятелями; всѣ сильфиды, амуры и граціи считали его за роднаго; бутафоры и ламповщики глядѣли на него съ чувствомъ; капельдинеры встрѣчали его при входѣ съ особенною торжественностію и почтительно отворяли передъ нимъ двери храма искусства, въ который онъ вступалъ повелителемъ, раздавателемъ сценической славы, непогрѣшительнымъ судьею—протекторомъ или карателемъ, передъ глазами котораго прошли десять поколѣній самой богатой и блестящей молодежи, по одному его мановенію рукоплескавшей и шикавшей,—десять поколѣній, имъ взлелѣянныхъ и воспитанныхъ.

Его давно уже нѣтъ на свѣтѣ, этого почтеннаго мужа; но до тѣхъ поръ, покуда будутъ существовать театралы, имя его, вѣроятно, будетъ благоговѣйно произноситься ими, начертанное неизгладимыми буквами въ ихъ лѣтописяхъ, и предпослѣднее поколѣніе, имѣвшее счастіе еще застать его, можетъ произнести о немъ, какъ Пушкинъ о Державинѣ:

Старикъ *Арбатовъ* насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ!

Старикъ! Но Арбатовъ никогда не былъ старикомъ: въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ онъ сошелъ въ могилу такимъ, какимъ былъ въ девятнадцать. Онъ былъ вѣренъ себѣ до послѣдней минуты и вѣчно-юнъ, несмотря на свои морщины, рѣдкіе подкрашенные волосы и вставные зубы. Время дѣйствовало нѣсколько тлетворно на его внѣш-

ность, не измѣняя ни въ чемъ его внутреннихъ убѣжденій, взглядовъ и понятій и нимало не охлаждая его пламенной любви къ театру вообще и балетному искусству въ особенности. За два дня передъ смертію, въ представленіи «Катарины — дочери разбойника», нѣжное и любящее сердце его такъ же горячо и сильно билось, при видѣ порхающихъ красавицъ-внучекъ, какъ оно билось при появленіи порхавшихъ нѣкогда красавицъ—ихъ бабушекъ въ «Корѣ и Алонзо», «Дѣвѣ Солнца», или въ «Пажахъ герцога Вандомскаго». Бабушкамъ и внучкамъ онъ рукоплескалъ съ равнымъ энтузіазмомъ и такъ же вѣрно зналъ имянины и рожденія бабушекъ, какъ имянины и рожденья внучекъ, съ одинаково теплымъ чувствомъ поздравляя тѣхъ и другихъ.

Летищевъ, который послѣ представленія «Кіа-Кинга» сталъ заѣзжать ко мнѣ изрѣдка, разсказывалъ мнѣ объ Арбатовѣ съ увлеченіемъ и посвятилъ меня во всѣ подробности театральства.

— Такой любви къ искусству, говорилъ онъ:— такого благороднаго жара ты не встрѣтишь ни въ комъ. Повѣришь ли, что въ каждомъ изъ насъ князь принимаетъ такое горячее участіе, какъ въ самыхъ близкихъ родныхъ. Да что̀ ему родные! Весь міръ его заключается въ насъ и въ *дѣвицахъ*. Онъ ихъ и насъ любитъ, какъ отецъ. Когда князь Броницынъ завелъ стрѣльбу съ Пряхиной, онъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ Арбатову... Мы ничего отъ него не скрываемъ: всѣ малѣйшія движенія наши извѣстны ему. «Я не знаю чего бы я не далъ, сказалъ ему Броницынъ:—если бы я гдѣ нибудь могъ съ нею видѣться!» Тогда Бро

ницынъ только что вышелъ изъ школы... Это было въ первые мѣсяцы нашего театральства... Мы тогда еще не знали, какъ приступиться, ходили какъ въ потьмахъ. Арбатовъ только что принялъ насъ подъ свое покровительство, и мы еще не были совершенно посвящены во всѣ тайны театральства; еще старые театралы смотрѣли на насъ, какъ на мальчишекъ.... Мы трепетали передъ Арбатовымъ, какъ передъ авторитетомъ. Что же, ты думаешь? — этого я никогда не забуду, это было при мнѣ: Арбатовъ крѣпко пожалъ ему руку и пристально взглянулъ на него, испытующимъ взглядомъ. «Вы ее очень любите, князь?» спросилъ онъ его. «До безумія», отвѣчалъ Броницынъ. Арбатовъ задумался на минуту. «Знаете ли, возразилъ онъ — и надобно было видѣть въ эту минуту серьёзное, даже нѣсколько строгое выраженіе лица его — «знаете ли, что это дѣвочка необыкновенная.... кроткая, скромная, милая.... Выборъ вашъ дѣлаетъ вамъ честь; но послушайте, князь, вы должны оцѣнить ее вполнѣ и сдѣлать счастливой...» «Я вамъ отвѣчаю за это», перебилъ съ горячностію Броницынъ. «И я вамъ отъ души вѣрю, князь! Уже одно ваше имя служитъ мнѣ ручательствомъ за то, что вы дорожите вашимъ словомъ. Къ сожалѣнію—и Арбатовъ вздохнулъ—я обманулся во многихъ въ теченіе моего театральнаго поприща, многіе, говоритъ, изъ театраловъ бросили тѣнь на это имя, которымъ мы должны всѣ дорожить, которое должны носить съ гордостью.» Мы были всѣ почти до слезъ тронуты этими словами и поклялись въ чистотѣ сохранять почетное имя театрала. Арбатовъ расцаловалъ насъ и сказалъ: «На дняхъ мы

окончательно посвятимъ васъ, и тогда (онъ обратился къ Броницыну) я займусь вашимъ дѣломъ.... soyez tranquille... мы все устроимъ: я переговорю сначала съ нею, а потомъ съ ея матерью серьёзно.»

Если кому нибудь изъ насъ дѣвица *не отвѣчала*, Арбатовъ былъ просто въ отчаяніи; онъ началъ ее усовѣщевать, уговаривать, выставлять передъ нею достоинства ея обожателя. «Поймите вы свою пользу — говорилъ онъ ей — я для васъ же хлопочу, васъ же хочу устроить. Повѣрьте мнѣ, вы созданы другъ для друга, — и достигалъ своей цѣли. Дѣвицы всегда хороши съ тѣми, съ кѣмъ онъ хорошъ. Надобно видѣть, братецъ, когда онъ между ними; всѣ при его появленіи одушевляются и большія и маленькія, и корифейки, и танцовщицы, и тѣ даже, которыя *пляшутъ у воды*,— всѣ подпрыгивая и хлопая ручонками, глядя на него кричатъ: «дядя, дядя!....» Онъ всѣхъ порядочныхъ людей вербуетъ въ театралы. Чуть у кого нибудь замѣтитъ маленькое влеченіе къ балету и подсядетъ сейчасъ къ нему. Вотъ онъ еще недавно завербовалъ намъ графа Красносельскаго, который мѣсяцъ назадъ бредилъ свѣтомъ, былъ самымъ упорнымъ паркетнымъ шаркуномъ. Арбатовъ подсѣлъ къ нему разъ въ балетѣ и говоритъ: «Смотрите-ка, какъ Бѣлокопытова-то стрѣляетъ въ васъ. Она только вами и бредитъ. Она недавно сказала мнѣ: «Я бы, кажется, съ ума сошла, если бы графъ *отвѣчалъ* мнѣ». Бѣдная дѣвочка! мнѣ жаль ее. А какое у нея сердце, если бы вы знали! и вѣдь красавица! Сколько за ней ухаживали, а она никому еще не *отвѣчала* до сихъ поръ. Вы первые тронули ее.... Vous fairez une bonne action если, обратите вни-

маніе на эту дѣвочку, и скажете мнѣ за нее потомъ спасибо.» Эти слова подѣйствовали на самолюбіе графа Красносельскаго; мало по малу онъ началъ увлекаться, завелъ съ нею телеграфическіе знаки; ну, а потомъ и пошло и пошло, и въ одинъ мѣсяцъ онъ сдѣлался самымъ отчаяннымъ театраломъ, совсѣмъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ, выдержалъ страшныя исторіи за это дома, перессорился со всѣми родными, и теперь для него ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ балета, а въ балетѣ—Дашеньки Бѣлокопытовой!... Вотъ каковъ Арбатовъ! Я тебѣ говорю, это необыкновенный, чудный человѣкъ, первый сортъ! И какъ ненавидятъ его всѣ маменьки и дяденьки! Да ему что̀? онъ гордится этою ненавистью.

Летищевъ открывалъ для меня новый міръ, и я слушалъ его съ любопытствомъ.

— Да что̀, продолжалъ Летищевъ, все съ бо̀льшимъ одушевленіемъ: — Красносельскій молодъ; насъ, у которыхъ кровь кипитъ, завлечь, mon cher, немудрено; а онъ завербовалъ недавно въ театралы семидесятилѣтняго старца, у котораго дѣти уже брѣютъ бороды лѣтъ десять или двѣнадцать....! Вотъ какія чудеса творитъ Арбатовъ!... У Прохоровой былъ вечеръ. Весь балетъ тамъ былъ и всѣ наши. Арбатовъ все обдумалъ заранѣе. Ему давно хотѣлось устроить Капылову. Она ужъ не первой молодости и собой-то не очень; но тѣло у нея чудесное и сложена отлично. Она такъ пропадала въ одиночествѣ и бѣдности, а дѣвица славная и добрая; всѣ наши ее ужасно любятъ: и Катя, и Пряхина, и Натарская, и Каростицкая,— всѣ, всѣ... Арбатовъ давно ей говорилъ: «Дайте

мнѣ срокъ, несравненная моя Наталья Ивановна,— и, знаешь, рукой ее этакъ по таліи—ужь я пристрою васъ, матушка, будьте покойны»; да и намекнулъ ей на старичка, а старичекъ богатъ и скупъ, какъ чортъ... «Это — говоритъ, ничего мы съумѣемъ порастрясти его карманы.» Онъ и привезъ его на вечеръ къ Прохоровой. Капылова разодѣлась въ пухъ и прахъ и давай стрѣлять въ старичка; а Арбатовъ толкаетъ его и говоритъ: «Смотрите, смотрите, Петръ Иванычъ, глазъ съ васъ не спускаетъ: побѣда, да еще какая! Поздравляю васъ, искренно поздравляю. Первая по сложенію въ балетѣ.» Старичекъ поднесъ, дрожа, лорнетъ къ глазамъ и началъ смотрѣть на нее. Глядь, черезъ часъ ужь онъ танцуетъ съ нею мазурку, со всѣми старинными затѣями: съ припрыжкой, съ усами; вертитъ ее, становится передъ ней на колѣни..... просто умора. Мы надрывались со смѣху. Съ тѣхъ поръ, братецъ, не пропускаетъ ни одного балета, сошелся со всѣми нами на *ты,* туда же телеграфическіе знаки дѣлаетъ, несмотря на то, что руки дрожатъ и всѣ въ морщинахъ, точно сплоены; въ венгеркѣ ѣздитъ верхомъ мимо ея оконъ, пудами посылаетъ ей конфекты и, въ довершеніе всего, сочиняетъ къ ней стихи. Я помню первые три стишка:

На Араратъ Наташу я поставлю
И весь міръ думать заставлю:
Вотъ та, которую люблю!

Дальше не помню, а недурно! Онъ мерзнетъ съ нами у театральнаго подъѣзда, пьетъ съ нами. На-

добно было видѣть, когда его посвящали въ театралы, когда его въ первый разъ привезли на нашу главную квартиру. Арбатовъ ввелъ его съ особенною торжественностію, въ сопровожденіи всѣхъ насъ, въ ту комнату, гдѣ хранятся всѣ наши атрибуты. У насъ, братецъ, все это устроено чудо какъ! Въ эту комнату никто не входитъ, кромѣ посвященныхъ или посвящаемыхъ. Тамъ, на возвышеніи, лежитъ шлемъ изъ «Возстанія въ Серали» и башмакъ Тальйони, который былъ на ея ногѣ въ первое представленіе, когда она танцовала на петербургской сценѣ. На столѣ передъ возвышеніемъ рядъ башмаковъ всѣхъ извѣстныхъ нашихъ танцовщицъ, книга съ нашими постановленіями, въ великолѣпномъ переплетѣ, и другая книга, въ которой внесены имянины и рожденія всѣхъ танцовщицъ, имена всѣхъ бывшихъ и настоящихъ театраловъ и всѣ важныя событія, случавшіяся въ различные періоды театральства; по сторонамъ двѣ доски на треножникѣ: одна красная на которой записаны имена всѣхъ нашихъ, тѣхъ, которыя отвѣчаютъ намъ: другая — черная, и на ней имена нашихъ враговъ, тѣхъ, которымъ мы шикаемъ. Старика подвели къ возвышенію, надѣли ему на голову шлемъ, заставили поцаловать башмакъ Тальйони. Онъ поклялся быть неизмѣнно вѣрнымъ всѣмъ правиламъ театральства, никогда не нарушать ихъ, во всемъ помогать товарищамъ, и проч., и, когда онъ говорилъ это, голосъ его дрожалъ и на глазахъ его показались слезы. Броницынъ, глядя на него язвительно улыбался, подтрунивалъ надъ нимъ и называлъ его шутомъ. У Броницына, между нами, нѣтъ сердца. Я съ нимъ

чуть не поругался за это. На меня эта сцена подѣйствовала совсѣмъ иначе: меня это тронуло. Повѣришь ли, я полюбилъ послѣ этого старика. Теперь его и узнать нельзя: онъ такъ измѣнился — о скупости и помину нѣтъ, онъ ведетъ себя молодцомъ, такъ держитъ себя, что чудо, и насчетъ подарковъ никому, братецъ, изъ насъ не уступаетъ. Сначала, покуда онъ ограничивался стишками и конфектами, всѣ театральные подшучивали надъ Капыловой. «Славнаго, Наталья Ивановна — говорили они ей — подтибрили вы себѣ обожателя!» И ей было какъ-то неловко и совѣстно; ну, а теперь, я тебѣ скажу, какъ увидали на ней тысячный салопъ, да браслеты съ изумрудами и яхонтами, да ея карету, которая подкатила къ подъѣзду послѣ репетиціи, такъ всѣ прикусили язычки. И она стала смотрѣть не такъ, да и на нее стали смотрѣть иначе. Старикъ души въ ней не чаетъ. «Я — говоритъ — теперь только начинаю жить; я — говоритъ — теперь только понялъ, что̀ такое любовь.» Разумѣется, онъ отчасти смѣшонъ, коли ты хочешь; но какъ бы то ни было, а это доказываетъ, что въ немъ есть жизнь, что въ немъ не совсѣмъ очерствѣло сердце, что онъ способенъ еще понимать изящное, и все это, однако, замѣть, пробудило въ немъ театральство! Арбатовъ отъ него въ восторгѣ; онъ не нарадуется, глядя на счастіе Натальи Ивановны, и нынѣшней зимой устроитъ у нея танцовальные вечера, куда будутъ съѣжаться всѣ балетныя и, разумѣется, *наши*, послѣ выпуска. Мы сходимся на нашей главной квартирѣ непремѣнно ужъ разъ въ недѣлю послѣ балета, и старичекъ всегда съ нами: мы къ нему

привыкли, безъ него какъ будто чего-то недостаетъ. На этихъ сходкахъ, у насъ — это ужь такъ положено — всѣ должны только говорить о театрѣ и о томъ, что̀ касается до театра; если же кто заговоритъ о чемъ нибудь постороннемъ, съ того берется штрафъ, — и, вообрази, нашъ старикъ еще ни разу не заплатилъ штрафа. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ строгихъ блюстителей нашихъ порядковъ. По моему, такъ его просто нельзя не уважать!

Затѣмъ Летищевъ перешолъ къ своей Катѣ, передавалъ мнѣ слова, которыя она бросала ему на лету, восторгался отъ ея ума, красоты, повторялъ какъ онъ ее любитъ и фантазировалъ о будущемъ.

Онъ привозилъ ко мнѣ различныя покупки, развертывалъ передо мною куски бархатовъ и шелковыхъ матерій, вынималъ изъ кармановъ сафьянныя коробки съ часами, брошками и браслетами, приставая ко мнѣ съ вопросами: «Не правда ли, это хорошо?... Не пра̀вда ли, это съ большимъ вкусомъ?... Какъ ты думаешь, что̀ это сто̀итъ?...» и прибавлялъ къ этому, что его подарки лучше подарковъ Броницына, и что ужь у него такой характеръ, что онъ никому и ни въ чемъ не позволитъ себя перещеголять.

Онъ объявилъ мнѣ, между прочимъ, что Катя переѣзжаетъ къ своей старшей сестрѣ; что онъ для того, чтобы жить съ Катей въ одной улицѣ, перемѣняетъ свою квартиру; что отыскать квартиру въ ея улицѣ стоило ему величайшихъ усилій; что онъ уговорилъ хозяина дома выжить какого-то жильца, заплатилъ за три скверныя комнаты, которыя занималъ этотъ жилецъ, тысячу пятьсотъ

рублей впередъ; что онъ отдѣлываетъ ихъ совершенно заново; что все это обойдется ему въ двадцать тысячъ; что онъ хочетъ, чтобы ни у кого изъ театральныхъ не было такихъ платьевъ, шляпокъ, браслетовъ и прочаго, какъ у его Кати. При этомъ онъ прыгалъ, хохоталъ, пѣлъ, обнималъ меня, цаловалъ и жалъ мнѣ руки. Послѣ этихъ неистовствъ, онъ стихалъ на минуту, прохаживался по комнатѣ и спрашивалъ меня:

— Ты мнѣ другъ? скажи — другъ? Ты, братецъ, понимаешь меня? не правда ли?

Я, по обыкновенію, молча кивалъ головою.

— Отъ тебя я ужь не могу скрывать ничего; только, Бога ради, это между нами: ты единственный человѣкъ, которому я это показываю.

И онъ, притворяя дверь, вынималъ изъ кармана письма къ нему Кати и читалъ ихъ. (Впослѣдствіи я узналъ, что вся петербургская молодежь почти наизустъ знала эти письма).

— Я даже еще Арбатову не показывалъ этого письма, замѣчалъ онъ каждый разъ: — даже Арбатову! понимаешь?...

Въ этихъ письмахъ Торкачева очень наивно и довольно безграмотно выражала ему свою любовь; но письма, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда, были проникнуты теплотою, обнаруживавшею сквозь безграмотныя и смѣшныя фразы неподдѣльное чувство.

Окончивъ чтеніе, онъ подносилъ обыкновенно эти письма къ моимъ глазамъ, потомъ складывалъ ихъ, цаловалъ и пряталъ въ карманъ.

— Это драгоцѣнности, говорилъ онъ:—съ которыми я никогда не разстанусь. Ихъ положатъ въ

гробъ со мною. Видишь ли, какъ она меня любитъ! Не правда ли, каждое слово дышетъ любовью?

— Да, возражалъ я:—такая любовь пріятна, но раззорительна.

Летищевъ хмурился.

— Какъ тебѣ не стыдно! кричалъ онъ:—денежные разсчеты,—какая гадость! Фи!... Я не стоилъ бы ея, если бы разсчитывалъ, какъ лавочникъ, по экономнѣй да по дешевле. Я не могъ бы перенести, если бы она была устроена бѣднѣе Пряхиной: мнѣ стыдно было бы тогда взглянуть въ глаза Броницыну.... Что̀ дѣлать! Noblesse oblige, mon cher.... Конечно, я не въ состояніи бросать столько денегъ, сколько Броницынъ, тягаться за нимъ; но не могу же я и уступить ему. Мои дѣла немного запутаются,—я не скрываю этого. Мнѣ будетъ немножко тяжело... Ну, а дядя-то? .. Мнѣ вѣрятъ наконецъ. Я имѣю кредитъ. Да здравствуетъ кредитъ! Съ кредитомъ можно жить отлично.

Послѣ такихъ разсужденій, Летищевъ насвистывалъ, обыкновенно, аріи изъ «Бронзоваго Коня», напѣвалъ вальсы и подъ свои звуки одинъ кружился по комнатѣ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей новой квартиры: окна его кабинета выходили прямо противъ оконъ комнаты Кати. Показывая мнѣ на эти окна, онъ говорилъ:

— Ты понимаешь, я могу теперь видѣть отсюда все, что она будетъ дѣлать, она можетъ видѣть все, что дѣлается у меня. Я вооружился телескопами, зрительными трубами....

Дней черезъ десять послѣ этого, онъ заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ:

— Ну, братецъ, я плаваю въ морѣ блаженства! Я былъ у нихъ. Сестра приняла меня отлично, а Катя—съ какимъ восторгомъ она меня встрѣтила, если бы ты видѣлъ! Какая перестрѣлка у насъ пошла черезъ улицу, часовъ по пяти сряду каждый день. Я подарилъ сестрѣ турецкую шаль.... Ахъ, Катя, Катя!... Ты непремѣнно долженъ видѣть ее; я тебѣ покажу ее.... ѣдемъ ко мнѣ....

Онъ привезъ меня къ себѣ.

— Она не должна подозрѣвать, сказалъ онъ; — что у меня кто нибудь есть: иначе все пропало, и мы ее не увидимъ. Становись у окна за этотъ занавѣсъ и смотри въ щелку, вотъ въ это пространство. Ты увидишь все, а тебя оттуда никто не увидитъ.

Я повиновался безмолвно, потому что мнѣ любопытно было посмотрѣть на эти продѣлки.

Летищевъ отворилъ окно, у занавѣса котораго я притаился, наставилъ свою зрительную трубу и припалъ къ ней глазомъ. День былъ весенній, ясный и теплый. Окно катиной комнаты было уставлено цвѣтами. Минуту спустя, черезъ зелень этихъ цвѣтовъ протянулась ручка: ея окно также отворилось, и въ этомъ окнѣ, между ѳіолями и розами, показалась прелестная женская головка съ темно-каштановыми густыми волосами, съ тонкими и необыкновенно привлекательными чертами лица, съ нѣсколько приподнятымъ кверху носикомъ и съ продолговатыми, синими глазками. Я въ первый разъ видѣлъ ее такъ близко. Она показалась мнѣ

въ эти минуты несравненно лучше, чѣмъ на сценѣ, несмотря на то, что лицо ея имѣло блѣдно-желтоватый колоритъ, что̀, впрочемъ, нисколько не портило ее; румянецъ менѣе бы шелъ къ этому лицу. Когда Летищевъ пересталъ смотрѣть въ свою трубу, она впилась своими синими, нѣсколько туманными глазками въ лоснившееся, полное и румяное лицо моего пріятеля, кивнула ему дружески головкой и вся просіяла улыбкой любви, довѣрія и счастія. Затѣмъ между ними начались какіе-то непонятные для меня переговоры руками. Когда все это кончилось и я отошелъ отъ занавѣси, Летищевъ обратился ко мнѣ:

— Что̀, братъ, какова? спросилъ онъ.

— Прелесть! я поздравляю тебя, отвѣчалъ я:— ты счастливецъ!...

Въ эту минуту я не шутя завидовалъ Летищеву, и мнѣ было какъ-то досадно смотрѣть на него: мнѣ показалось, что онъ не въ состояніи любить ее, что онъ вовсе не любитъ ее, и что имъ движутъ одна суетность, одно тщеславіе. Я не утерпѣлъ и замѣтилъ ему это. Замѣчанія мои, довольно рѣзкія, не произвели на него впечатлѣнія; онъ улыбался очень пріятно. Самолюбіе его было удовлетворено тѣмъ, что я съ такимъ жаромъ относился о Катѣ. Отъ него, вѣроятно, не скрылось, что я немного завидовалъ ему.

— А не правда ли, счастливецъ? говорилъ онъ, потирая руки и смѣясь:— и какую чепуху ты несешь, что я не могу любить! Съ чего ты это взялъ? Ну, клянусь тебѣ, что я люблю ее больше всего на свѣтѣ и готовъ всѣмъ пожертвовать для нея!...

Первый мѣсяцъ прошелъ и для нея и для Летищева въ чаду, въ упоительномъ одурѣніи. Онъ показывалъ ей себя ежедневно со всѣхъ сторонъ и во всевозможныхъ видахъ: верхомъ, въ ботфортахъ и въ каскѣ, въ колясвѣ, на рысакахъ, съ развѣвавшимся султаномъ, въ дрожкахъ въ одиночку и парой съ пристяжкой; въ окнѣ въ фантастическомъ домашнемъ костюмѣ. Она только и дѣлала дома, что подбѣгала къ окну, любоваться имъ, а отъ окна переходила къ его подаркамъ—любоваться ими. Она была засыпана букетами и конфектами, завалена бархатами, шелками, различными тканями и драгоцѣнными украшеніями. Ей было такъ весело! Она была вполнѣ увѣрена, глядя на все это и слушая самыя страстныя фразы, что она любима такъ, какъ ни одна женщина не была никогда любима; что этой любви, этимъ букетамъ, этимъ тканямъ, этимъ драгоцѣнностямъ, всѣмъ этимъ сюрпризамъ не будетъ конца.... А ко всему этому сестрица, также театральная дѣвица, извѣданная опытомъ жизни, безпрестанно нашептывала ей:

— Какъ онъ хорошъ! чудо! какой душка! какъ онъ богатъ и какой у него дядя—милліонеръ!.... Какіе у него рысаки!... ахъ, какіе рысаки! Какъ онъ тебя обожаетъ!.... Счастливица, Катя! ты въ сорочкѣ родилась!... Онъ на тебѣ непремѣнно женится!... Онамедни цалуетъ мою руку и говоритъ: «вѣдь вы сестрица моя? я васъ не иначе буду звать, какъ сестрицей, какъ хотите, говоритъ, сестрица...» Ты будешь, Катя, дворянкой, заживешь въ чертогахъ, станешь выѣзжать въ самые знатные дома, давать у себя балы! Ай да сестричка моя!...

И она ухаживала за Катей, льстила ей, целовала руки, называла красавицей и при этомъ выпрашивала у нея различныя вещи.

— Вотъ это матерія-то, сестрица, попроще, говорила она:—ты бы ее, голубчикъ, мнѣ подарила. У тебя и безъ того платьевъ будетъ столько, что некуда дѣвать.... Всѣ комоды ломятся отъ подарковъ....

Катя, впрочемъ, готова была, говорятъ, все отдать сестрѣ и раздарить подругамъ, и только мысль, что это *его* подарки, удерживала ее отъ этого.

Между тѣмъ, проходили мѣсяцы за мѣсяцами. Летищевъ становился какъ-то задумчивѣе. О немъ начинали носиться недобрые слухи; ко мнѣ онъ почти пересталъ ѣздить. Я гдѣ-то встрѣтился съ Броницынымъ. Броницынъ, скрывавшій страшную гордость подъ утонченною вѣжливостію съ своими старыми товарищами, съ которыми онъ встрѣчался рѣдко, обратился ко мнѣ первый.

— Что, Летищевъ? спросилъ я у него.

При этомъ имени на лицѣ Броницына показалась холодная и язвительная гримаса, замѣнявшая у него улыбку.

— Летищевъ? повторилъ онъ. — Онъ ищетъ ста тысячъ, которыя ему очень нужны. Онъ у васъ еще не просилъ?... Ему повѣрить можно: вѣдь онъ наслѣдникъ такого богатаго дяди! Если онъ не найдетъ ста тысячъ, то ему придется жениться. Я совѣтую ему жениться. Онъ будетъ отличный мужъ, право: у него нѣжное сердце!

— Какъ жениться? на комъ? спросилъ я.

— На предметѣ своей любви. Что жь? это будетъ бракъ по страсти. Я люблю такіе браки, тѣмъ болѣе, что въ наше время они рѣдки. Оно,

конечно, непріятно породнится съ какимъ нибудь поваромъ или съ какой нибудь дворничихой, да за то, батюшка, — любовь.

Броницынъ снова улыбнулся и разсказалъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ и очень подробно всѣ отношенія Летищева къ Торкачевой. По его словамъ, у нея оказалась какая-то тетка, которая объявила Летищеву наотрѣзъ, что если онъ желаетъ свободно видѣться съ ея племянницей, то обязанъ: или обезпечить ея участь, или жениться на ней, что въ противномъ случаѣ тетка будетъ на него жаловаться; что между теткой и племянницей происходятъ всякій день сцены; что старшая сестра Торкачевой перешла на сторону тетки, и прочее.

Разсказъ Броницына скоро подтвердился словами самого Летищева. Однажды вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ (я передъ этимъ не видалъ его мѣсяца два) въ страшномъ волненіи.

— Я къ тебѣ, братецъ, за совѣтомъ, сказалъ онъ: — въ тебѣ я найду участіе, въ этомъ я увѣренъ; послѣ князя Арбатова я тебя считаю лучшимъ другомъ.... Отъ другихъ нечего ждать: всѣ такіе эгоисты, что ужасъ; а Броницынъ — **entre nous soit dit** — совсѣмъ бездушное существо: онъ хочетъ, кажется, отдѣлаться отъ Пряхиной,—ужь я вижу, что къ тому идетъ. Онъ говоритъ, что у нея большія, красныя руки, а для него, видишь, руки главное въ женщинѣ.... Онъ ужь тайкомъ заводитъ перестрѣлку съ Прохоровой, у которой ручки выточены точно изъ слоновой кости.... Это просто гадко, нечестно!... Арбатовъ по этому случаю въ довольно холодныхъ отношеніяхъ съ нимъ.... И если бы ты зналъ, какимъ скаредомъ оказы-

вается Броницынъ! разсчитываетъ каждую копѣйку при своемъ богатствѣ... Да будь у меня такое состояніе, какъ у него, я еще, братецъ, не такъ бы показалъ себя. Обо мнѣ осталась бы страничка въ театральныхъ лѣтописяхъ! Ахъ, кабы мнѣ его деньги!

Летищевъ передалъ мнѣ о теткѣ Торкачевой почти то же, что̀ Броницынъ, и остановился на минуту въ отчаяніи, схватилъ себя за голову, бросился на диванъ, ломая себѣ руки, и потомъ продолжалъ:

— Этотъ аспидъ, эта подлая кухарка переѣхала къ нимъ. Она сторожитъ ее, не позволяетъ ей видѣться со мною, всячески терзаетъ, притѣсняетъ ее, пилитъ, мучитъ, не позволяетъ ей даже подходить къ окну.... Ну, откуда же мнѣ вдругъ взять сто тысячъ, согласись. Я предлагалъ вексель. Арбатовъ ходилъ къ старушонкѣ, уговаривалъ, усовѣщевалъ ее — ничего не беретъ; слышать, проклятая, не хочетъ, подавай ей или деньги или ломбардные билеты.... то есть у меня просто голова, братецъ, трещитъ, я не знаю, что̀ дѣлать! Я съ удовольствіемъ бы далъ заемное письмо въ 200,000, если бы кто нибудь далъ мнѣ теперь сто.... Мнѣ остается одинъ выходъ, если я не достану — жениться, потому что не могу же я оставаться въ такомъ глупомъ положеніи, по мѣсяцамъ не видать Катю и знать, что ее мучатъ— это ужасно! Я вчера съ Арбатовымъ имѣлъ серьёзное объясненіе. Онъ говоритъ, что дѣлать нечего— надо выйдти въ отставку и жениться.... Что̀ ты мнѣ скажешь на это?...

Летищевъ не безъ труда произнесъ послѣднія слова и съ безпокойствомъ взглянулъ на меня.

— Ты самъ, отвѣчалъ я: — можешь это рѣшить лучше, нежели кто нибудь. Если ты ее точно любишь, если не увлекаешься подражаніемъ или чѣмъ нибудь другимъ, то женись; а иначе лучше поступи откровенно, разомъ прерви все и уѣзжай навремя изъ Петербурга.

— Какое предложеніе! возразилъ Летищевъ, нѣсколько оскорбленный этимъ словомъ. — Я просто безъ нея пропалъ. Но дѣло не въ томъ: въ себѣ я не сомнѣваюсь.... а тутъ другое.... Будь она одна на свѣтѣ, безъ роду, безъ племени, безъ всякихъ этакихъ тетокъ, сестеръ, тогда бы я не задумался ни на минуту: а то.... породниться чортъ знаетъ съ кѣмъ! Конечно, если бы я женился, я не пустилъ бы этихъ сестеръ и тетокъ на порогъ моего дома.... Но все какъ-то неловко.... Согласись, вѣдь я ношу старинное дворянское имя, мой дядя — ты знаешь, какую роль играетъ, къ тому же онъ лишитъ меня наслѣдства — вотъ вѣдь что̀! Я знаю, напримѣръ, что Арбатовъ или ты, если я женюсь, будете уважать мою жену такъ же, какъ если бы она была урожденная какая нибудь княжна: вы люди порядочные, безъ предразсудковъ; я отъ этого ничего не потеряю въ вашихъ глазахъ.... Ну, а что̀ скажутъ какіе нибудь Красносельскіе, Броницыны и имъ подобные? какими глазами они бубутъ смотрѣть на меня?... Послушай, еслибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, скажи только откровенно, если бы ты любилъ, ты женился бы?

— Я думаю.. .

— Ты думаешь?... Гм!...

Онъ началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Я думаю тоже.... да оно какъ-то ... человѣкъ преглупо устроенъ.... Ахъ, я забылъ показать тебѣ ея письмо.... Я получилъ его вчера. Вотъ оно.... читай....

Я прочелъ:

«Господи если бы ты зналъ что со мной дѣлается, я просто сойду съ ума, значитъ ты меня не любишъ если такъ долго можешь со мной не видаться, а это зависитъ отъ тебя рѣши мою участь, тетенька говоритъ что если ты дашъ слово что женишься на мнѣ то можешь пріѣхать къ намъ хоть сегодня, она всю измучила меня говоритъ что ты меня обманывалъ и никогда не любилъ что она мнѣ желаетъ добра — если ты черезъ три дня не пріѣдешь къ намъ значитъ ты меня не любишь и я несчастная, тогда все кончено и я возвращу тебѣ всѣ твои подарки и ужь никогда не увидимся съ тобою—что будетъ сомной я не знаю, Богъ тебѣ судья, а я безъ тебя жить немогу, нѣтъ нельзя намъ такъ разстаться я дольше терпѣть немогу, все сердце изныло. Одинъ бы какой нибудь конецъ — мнѣ не нужно твоихъ подарковъ и денегъ я люблю тебя не изъ за этого и Богъ свидѣтель что я брошу все не посмотрю нинакого, и прибѣгу къ тебѣ если ты меня необманывалъ и точно любишь — дѣлай со мной что хочешь у меня есть свой характеръ, и я никого не послушаю только люби меня, мнѣ ничего ненужно — не томи меня больше.»

«Твоя до гроба

«Катя Торкачева.»

— Ну что? спросилъ Летищевъ, когда я отдалъ ему письмо.

— Она тебя любитъ, это видно.

— А я не люблю ее, что ли? Вотъ я докажу же тебѣ. Ты увидишь.... слушай.... ѣдемъ сейчасъ ужинать къ Фёльету, заѣдемъ за Арбатовымъ, возьмемъ его съ собою. И тамъ порѣшимъ все. Такъ и быть: пропадай все — и дяди и тетки, кузины и весь свѣтъ, со всѣми его глупостями и предразсудками! Катя будетъ моею, на зло всѣмъ имъ.

И Летищевъ снова просіялъ при этой мысли, началъ танцовать, напѣвать и прыгать.

— Ну, ѣдемъ. Одѣвайся.

Когда мы сходили съ лѣстницы, онъ взглянулъ на меня, улыбаясь.

— Такъ ты во мнѣ сомнѣваешься? — и запѣлъ изъ Роберта: «Обидное сомнѣнье!»

Мы ужинали въ троемъ. Послѣ трехъ бутылокъ Летищевъ, съ разгорѣвшимися щеками и сверкающими глазами, всталъ со своего стула и, обратясь къ Арбатову, произнесъ торжественно, съ замѣтнымъ, впрочемъ, волненіемъ въ голосѣ:

— Князь! сегодня рѣшительный день въ моей жизни. Я долго думалъ.... выносить моего положенія въ отношеніи Кати я не могу больше. Я женюсь на ней, потому что безъ нея существовать не могу. Я подаю въ отставку, устрою мои дѣла, а черезъ три мѣсяца обвѣнчаюсь. Завтра же ѣду къ ней и объявляю объ этомъ ея сестрѣ и теткѣ. Вы знаете, что безъ вашего совѣта я ничего не дѣлаю. Я васъ считаю своимъ отцомъ и другомъ. Благословите меня, князь!...

Арбатовъ былъ тронутъ до глубины этими словами. Онъ прослезился и бросился обнимать Летищева. Послѣ этихъ объятій, Летищевъ закричалъ:

— Вина! вина!

Мы просидѣли у Фѣльета до разсвѣта.

На другой день онъ отправился къ Торкачевой. Выслушавъ предложеніе Летищева, тетка, сестра и Катя залились слезами отъ восторга, а тетка, въ приливѣ чувствъ, говорятъ, даже поцаловала его руку. Вечеромъ объ этомъ событіи знали всѣ театральные, до послѣдняго ламповщика. Катя была внѣ себя, убѣдясь, до какой степени Летищевъ ее любитъ. И съ этого дня они были почти неразлучны.

Слухи о томъ, что Летищевъ женится на танцовщицѣ, быстро распространились по всему городу и дошли до графа Каленскаго. За неимѣніемъ болѣе существенныхъ интересовъ, городъ нашелъ себѣ довольно серьёзную пищу даже въ этой новости. Графъ Каленскій былъ взбѣшенъ до послѣдней степени. Мысль, что его родственникъ (хотя и дальній) наноситъ такой позоръ своему имени, что онъ сдѣлался городскою сказкою, нанесла страшный ударъ его самолюбію. Онъ написалъ къ Торкачевой письмо, исполненное угрозами и самыми оскорбительными для нея выраженіями и эпитетами; объявлялъ, что, покуда живъ, не допуститъ такого позора и не остановится ни передъ какими мѣрами, чтобы образумить безумнаго молодаго человѣка; прибавлялъ ко всему этому, что Летищевъ ничего не имѣетъ, что онъ нищій, что до него дошли вѣсти, будто онъ распускаетъ ложные слухи, что онъ его наслѣдникъ, для поддержанія сво-

его кредита, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что его прямые наслѣдники такіе-то, и что даже если бы онъ и имѣлъ намѣреніе оставить ему что нибудь послѣ своей смерти, то гнусное поведеніе и поступки Летищева уничтожили бы это намѣреніе, и проч., и проч.

Письмо это было доставлено домашнимъ секретаремъ графа въ собственныя руки Торкачевой.

Катя прочитала его, вскрикнула и покатилась на полъ. Летищевъ явился къ ней черезъ полчаса послѣ этого, блѣдный, разстроенный. Онъ зналъ обо всемъ, потому что самъ получилъ письмо отъ дяденьки, въ которомъ, между прочимъ, было упомянуто, что вмѣстѣ съ симъ послано имъ письмо и къ его *сообщницѣ*.

Когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, Катя сидѣла блѣдная, какъ полотно, со взглядомъ, безсмысленно устремленнымъ на одну точку, и съ письмомъ, судорожно сжатымъ въ рукѣ. Услышавъ его шаги, она вздрогнула, взглянула на него и молча протянула руку съ письмомъ.

Летищевъ взялъ у нея письмо, разорвалъ его съ негодованіемъ, на мелкіе кусочки, бросился передъ нею на колѣни, началъ цаловать ея руки, успокоивать ее, клясться ей въ любви, плакать, увѣрять, что дядя ничего не можетъ сдѣлать, что ему наслѣдства дяди не нужно, что ему надо только устроить немного свои дѣла, что, послѣ уплаты кое-какихъ долговъ, у него останется еще довольно и что они могутъ жить вмѣстѣ спокойно и обезпеченно.

Катя выслушала его и сказала:

— Я вѣрю тебѣ, Коля! Я только боюсь твоего дяди; а мнѣ все равно, хотя бы у тебя ничего не было. Теперь все кончено: я твоя... Ты не бросишь же меня, голубчикъ Коля! только кончай поскорѣй. Мнѣ что-то страшно.

Летищевъ снова принялся ласкаться къ ней и успокоивать ее, сестру, тетку, клясться Катѣ въ любви, бить себя въ грудь, кричать: «Тебя никто не отниметъ у меня, никто!...»

И Катя повеселѣла. Она улыбалась ему, обнимала его и цаловала.

— Мы поѣдемъ въ деревню къ тебѣ. Тамъ ужь нечего будетъ бояться твоего дяди: онъ будетъ далеко.... У тебя есть, Коля, оранжереи съ цвѣтами?...

— Превосходныя! перебилъ Летищевъ:—такихъ камелій нѣтъ и въ Петербургѣ.

— Ну и прекрасно! Я лѣтомъ приглашу къ себѣ Пряхину и Каростицкую.... вѣдь можно? ты позволишь?...

— Еще бы!...

Летищевъ продолжалъ ѣздить къ Катѣ всякій день. Собственные рысаки его и экипажи, впрочемъ, исчезли; вмѣсто нихъ появились ямскія лошади и коляска довольно плохая. Онъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Она спрашивала его:

— Коля, да что̀ съ тобой? скажи.

— Какой вздоръ! ничего. Это тебѣ такъ кажется, отвѣчалъ онъ.

А дѣло-то было, въ самомъ дѣлѣ, плохо. Всѣ заемныя письма, данныя Летищевымъ, были поданы ко взысканію ростовщиками въ тотъ самый

день, какъ онъ получилъ отставку. Когда Катя въ первый разъ увидѣла его въ статскомъ платьѣ, это ее нѣсколько опечалило. «Фи! какъ это нехорошо—безъ эполетъ и султана!» сказала она. Но она примирилась съ этою перемѣною при мысли, что дѣла ихъ идутъ къ развязкѣ.

Прошло послѣ этого два дня, и Летищевъ не показывался. Это ее встревожило, и на третій день она послала къ нему письмо. Горничная, относившая письмо, возвратилась съ письмомъ назадъ и, какъ полоумная, вбѣжала къ Катѣ.

— Ахъ! барышня, барышня! закричала она:— вѣдь они уѣхали совсѣмъ отсюда!

— Какъ! кто уѣхалъ? куда? Что ты врешь!...

Въ домѣ поднялась суматоха. Тетка и сестра подняли крики, сами побѣжали къ нему на квартиру. Квартира была заперта. Онѣ бросились съ ругательствомъ къ Катѣ. Катя твердила одно: «Не можетъ быть, онъ не уѣхалъ, вздоръ!» Она не хотѣла этому вѣрить. Прошла недѣля. Оказалось, что дѣйствительно Летищевъ бѣжалъ изъ Петербурга отъ долговъ. Что̀ было съ Катей, когда она удостовѣрилась въ этомъ, я не знаю; только, говорятъ, послѣ страшной сцены съ теткой и сестрой, она отослала всѣ подарки Летищева къ его дядѣ, не смотря на всѣ ихъ сопротивленія. Графъ возвратилъ ей эти вещи, при очень вѣжливомъ письмѣ, въ которомъ умолялъ ее, чтобы она не печалилась о его негодяѣ-родственникѣ, что онъ принимаетъ въ ней искреннее участіе, что отъ нея зависитъ жить въ богатствѣ и счастіи и что онъ за высочайшее для себя наслажденіе почтетъ удо-

влетворять всѣ ея малѣйшія желанія и прихоти, и проч.

Катя прочла это письмо и вмѣстѣ съ возвращенными вещами бросила ихъ въ физіономію его домашняго секретаря, который уже смотрѣлъ на нее съ подобострастіемъ.

Съ этихъ поръ Катѣ, говорятъ, не было житья ни отъ тетки, ни отъ сестры. Подруги ея, жившія въ богатствѣ и спокойствіи на содержаніи, прекратили съ ней всякія сношенія, какъ съ безнравственной дѣвушкой. Катя слегла въ постель, потомъ немного поправилась; потомъ ей сдѣлалось хуже, и черезъ три мѣсяца она умерла въ чахоткѣ.

Если бы, при своей пустотѣ и легкомысліи, она не имѣла любящаго сердца, она бы, вѣрно осталась жива, была бы спокойна, счастлива, весела; она, подобно своимъ подругамъ, съ самодовольствомъ и гордостью до сихъ поръ порхала бы по сценѣ, встрѣчаемая восторженными рукоплесканіями своихъ обожателей, принимая эти рукоплесканія за должную дань своему таланту; она, подобно имъ, живописно развалясь въ коляскѣ, летала бы по петербургскимъ улицамъ; она, подобно имъ, могла бы пріобрѣсти дома, капиталы или выйдти замужъ за какого нибудь статскаго полковника и на склонѣ дней своихъ, еслибы Богъ благословилъ ея дѣтьми, увидѣть еще ихъ, пожалуй, въ блестящихъ мундирахъ.

Но Катѣ не суждено было этого: вся бѣда ея заключалась въ любящемъ сердцѣ!...

Мнѣ сказывали—за вѣрность этого я не ручаюсь—что Летищевъ отказался отъ большей части своихъ векселей, отзываясь тѣмъ, что они под-

писаны были имъ до его совершеннолѣтія; что онъ написалъ письмо къ дядѣ и, раскаяваясь въ своемъ прошедшемъ, умолялъ спасти его, избавить отъ тюрьмы, отъ позора и уплатить за него по тѣмъ векселямъ, которые онъ далъ, будучи уже совершенолѣтнимъ; что великодушный дядя, тронутый его раскаяніемъ и покорностію, пригрозивъ сначала ростовщикамъ, уплатилъ по этимъ векселямъ по 20 коп. за рубль, и что Летищеву осталась одна маленькая деревенька, въ которой онъ скрылся отъ всѣхъ треволненій.

Арбатовъ долго безъ ужаса не могъ говорить о немъ. «Такого пятна—говорилъ онъ—и весь трясся отъ волненія—какое нанесъ Летищевъ театраламъ, еще въ лѣтописяхъ нашихъ не было примѣра. Это ужасно!»

По его настоянію, имя Летищева было исключено изъ лѣтописи театраловъ, и до сихъ поръ, ни одинъ театралъ не произноситъ этого имени безъ благороднаго негодованія.

III.

ЗРѢЛЫЙ ВОЗРАСТЪ.

Послѣ бѣгства изъ Петербурга Летищева и смерти Кати Торкачевой прошло нѣсколько лѣтъ. Графъ Каленскій умеръ, оставивъ свое имѣніе прямымъ своимъ наслѣдникамъ, съ обязательствомъ выплатить, между прочимъ, французской артисткѣ Кларѣ Бовалонъ, единовременно: двадцать-пять тысячъ серебромъ и Летищеву, также единовременно, десять тысячъ; «ибо (такъ сказано было въ духовномъ

завѣщаніи касательно Летищева) еще при жизни моей уплачены были мною значительныя суммы по его заемнымъ письмамъ, снисходя его молодости и легкомысленнымъ поступкамъ, что составитъ, съ нынѣ завѣщаемыми мною десятью тысячами рублей, такой капиталъ, который могъ бы обезпечить жизнь человѣка скромнаго и нравственнаго, дорожащаго именемъ своихъ предковъ и честію; слѣдовательно, въ отношеніи сего свойственника моего, я все сдѣлалъ, что повелѣвала совѣсть....»

Князь Арбатовъ, доставшій эту выписку изъ духовнаго завѣщанія, показывалъ ее всѣмъ своимъ знакомымъ и прибавлялъ:

— Почтенный старикъ и въ могилу-то сошелъ преждевременно по милости этого пустаго мальчишки. Когда старику сказали, что имя Летищева выставлено на черной доскѣ въ нашей главной квартирѣ и вымарано изъ книги театраловъ, онъ поблѣднѣлъ и едва, говорятъ, устоялъ на ногахъ!...

Новыя поколѣнія театраловъ смѣнялись одно за другимъ. О Летищевѣ никто бы и не подозрѣвалъ изъ этихъ господъ, еслибъ не князь Арбатовъ, который въ поученіе новичкамъ, считалъ священнымъ долгомъ передавать каждому его исторію съ Катей Торкачевой, и при этомъ, описывая красоту Кати, всякій разъ разстрогивался до слезъ. Однако, въ послѣднія минуты, какъ истинный христіанинъ, прощая враговъ своихъ, онъ простилъ, говорятъ, между прочимъ, и Летищева....

Я рѣшительно забылъ о существованіи Летищева: въ театры я ѣздилъ рѣдко, съ княземъ Арбатовымъ почти не встрѣчался, и ничто окружавшее меня не могло напомнить мнѣ ни о театраль-

ствѣ вообще, ни о моемъ старомъ товарищѣ въ особенности, — какъ вдругъ однажды я получаю письмо, распечатываю, почеркъ какъ будто знакомъ, смотрю на подпись: Летищевъ. Письмо было довольно длинно, и я приступилъ къ чтенію его не безъ любопытства.

Вотъ оно, слово въ слово:

«Старый товарищъ и любезный другъ! Я увѣренъ, что ты не совсѣмъ забылъ обо мнѣ въ шумныхъ удовольствіяхъ столицы. Я, по крайней мѣрѣ, очень помню о тебѣ, потому что всегда любилъ тебя искренно. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались! Стыдно тебѣ, что ты не написалъ мнѣ ни одной строки о себѣ. Вы люди столичные, ужасные эгоисты, а мы, провинціялы, не таковы. Я тебѣ разскажу о моей прошедшей жизни и сообщу тебѣ мою настоящую радость, которую, вѣрно, ты раздѣлишь, по старой памяти ко мнѣ. Живу я, братецъ, благодаря Бога, недурно, въ довольствѣ, даже въ роскоши (по нашему, по провинціяльному); но мы во многомъ, можетъ быть, не уступимъ и вамъ, столичнымъ. Имѣніе мое порядочное: я устроилъ его такъ, что въ хорошій годъ получаю до восьми тысячъ серебромъ; къ тому же оно расположено на одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ цѣлой губерніи. Я знаю, что ты, какъ поэтъ, пришелъ бы въ восторгъ отъ Никольскаго—моей резиденціи. Окрестности—это просто маленькая Швейцарія. Домъ мой устроенъ со вкусомъ,—ты, вѣрно, отдалъ бы мнѣ справедливость, если бы увидѣлъ его; у меня махровыя розы, величиною съ піоны. О такихъ у васъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ по-

нятія. Я сдѣлался страшнымъ любителемъ флоры. Словомъ я здѣсь устроился такъ, какъ нельзя лучше: я перенесъ въ деревню весь столичный комфортъ, безъ котораго, признаться, я не могъ бы нигдѣ жить. На дняхъ были у меня губернаторъ и предводитель дворянства, съ которыми я очень хорошъ, и вообще меня здѣсь всѣ любятъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ: «Признаюсь, ваше Никольское—маленькій рай. Не выѣхалъ бы изъ него.» Поваръ у меня отличный, такъ что губернаторъ просилъ меня прислать къ нему своего мальчика въ ученье. Вина я выписываю отъ Депре. Послѣ обѣда мы втроемъ разсѣлись на балконѣ. День былъ чудесный, жаркій. Я велѣлъ подать бутылку редерера, и мы, попивая, наслаждались очаровательнѣйшимъ видомъ. Нѣтъ, братъ, что ни говори, а и деревенская жизнь имѣетъ свои пріятности. Надобно тебѣ сказать, что я выбранъ уѣзднымъ предводителемъ, единогласно: ни одного чернаго шара. Это показываетъ тебѣ, какъ расположено ко мнѣ все дворянство. Соперникомъ моимъ былъ нѣкто Расторгуевъ, человѣкъ очень богатый и съ вѣсомъ, нажившійся взятками; однако, его лихо прокатили на черныхъ. У меня любезный другъ, такое собраніе Vieux Sax'овъ, какому бы позавидовали многіе изъ вашихъ аристократовъ: штукъ до полутороста тончайшихъ. Комнату, въ которой они разставлены на консоляхъ, я назвалъ Саксонской. Жаль только, что здѣсь некому цѣнить моей коллекціи: всѣ эти помѣщики люди добрые, но страшные невѣжды и не умѣютъ отличить саксовъ отъ мальцовскихъ фарфоровыхъ издѣлій.... чортъ знаетъ что за народъ! Отгадай, кто мой ближайшій

сосѣдъ.... тебѣ, вѣрно, никакъ не придетъ въ голову...Скуляковъ! помнишь, котораго мы называли въ пансіонѣ *костоломомъ*. У него, въ пяти верстахъ отъ меня, душъ тридцать или сорокъ, онъ одинъ-одинехонекъ, мать его умерла,—все такой же чудакъ. Живетъ въ простой крестьянской избѣ, два сруба сдвинулъ вмѣстѣ—и очень доволенъ, ни къ кому не показывается, но ко мнѣ заглядываетъ частенько: меня любитъ. Я его просилъ переселиться ко мнѣ, соблазнялъ своимъ поваромъ; но онъ отказался. — Вообрази, какъ-то надняхъ онъ обѣдалъ у меня; подали трюфели à la serviette (я провизію выписываю изъ Москвы).... онъ попробовалъ и ѣсть не сталъ. «Точно—говоритъ—пробки», а трюфели были отличные французскіе, присланныя мнѣ Морелемъ. «Ты—говоритъ—извини меня, но я наши русскіе грибы предпочитаю.» Я не знаю человѣка, у котораго менѣе былъ бы развитъ вкусъ: квасъ предпочитаетъ лафиту, а трюфели груздямъ! Впрочемъ, малый онъ вышелъ славный и страшный патріотъ. Онъ много читаетъ, даже выписываетъ ваши петербургскіе журналы, несмотря на то, что по его средствамь это уже роскошь. Онъ философъ, потому что вообще, довольствуется малымъ. Что касается до меня, я философіи никогда не понималъ, и меня удивляютъ люди, подобные Скулякову. Можетъ быть, они и счастливы по своему; но мы привыкшіе съ дѣтства жить какъ порядочные люди, не въ состояніи, братецъ, понять этого грубаго счастія; намъ—что съ нами будешь дѣлать!—нужны и саксы, и трюфели, и бутылка добраго стараго лафита. Избалованы мы, дружокъ, страшно избалованы!...

«Но я заболтался, а не сказалъ еще тебѣ самаго главнаго — моего счастія, моей радости. При всѣхъ удобствахъ моей деревенской жизни, я все-таки страшно скучалъ: въ деревнѣ долго жить одному нѣтъ никакой возможности. Несмотря на то, что валяешься на мягкихъ мебеляхъ, смотришь на хорошія картины (у меня, братецъ, есть, между прочимъ, два настоящихъ *Перуджино* и одинъ великолѣпный *Грёзъ*), несмотря на то, что ѣшь и пьешь хорошо, а все недостаетъ чего-то.... Я началъ это чувствовать особенно сильно въ послѣднее время и понялъ, что въ домѣ безъ хозяйки плохо. Въ верстахъ сорока отъ меня есть село—пятьсотъ душъ и пропасть земли, въ одной межѣ: десятинъ по двѣнадцати на душу; а это въ нашихъ мѣстахъ рѣдкость. Село это именуется Шмелево, Рагузино тожь. Барскій домъ, каменный, старинный. Крестьяне зажиточные. Проѣзжая чрезъ это имѣніе, я всегда любовался имъ. Я зналъ, что оно принадлежитъ старушкѣ, вдовѣ генералъ-майора Рагузина, которая, года два назадъ тому, возвратясь изъ-за границы съ своей единственной дочерью, поселилась тутъ. Я много слышалъ о нихъ отъ нашего губернскаго предводителя и отъ губернатора. Оба они отзывались о матери и въ особенности о дочери съ величайшею похвалою. Предводитель не разъ говорилъ мнѣ, что дочь просто красавица и получила самое утонченное европейское образованіе, и при этомъ всегда потреплетъ меня, бывало, по брюху (а надобно тебѣ сказать, что я поразтолстѣлъ таки-порядочно на вольномъ воздухѣ) и прибавитъ: «Вотъ бы вамъ, батюшка, невѣста!» Я смѣялся. Невѣста да

невѣста — такъ она и прослыла моею невѣстою почти въ цѣлой губерніи, хотя мы другъ друга въ глаза не видали. И всякій разъ, когда при мнѣ заговаривали о ней, я чувствовалъ, самъ не знаю отчего, какое-то невольное волненіе, а знакомство все откладывалъ да откладывалъ. Меня останавливала, правду тебѣ сказать, боязнь, чтобы не подумали, что я хочу жениться по разсчету. Бракъ по разсчету всегда казался мнѣ отвратительнымъ, на такой бракъ я никогда не былъ способенъ.... Мѣсяца два тому назадъ, наканунѣ Петра и Павла (приходскій праздникъ въ Шмелевѣ), возвратясь вечеромъ послѣ прогулки домой, я думаю: «а что̀, не поѣхать ли мнѣ завтра въ шмелевскую церковь къ обѣдни?...» Какъ мнѣ пришла эта мысль въ голову, я и до сихъ поръ не могу понять. Всю ночь я грезилъ шмелевской барышней, всталъ рано да и велѣлъ закладывать лошадей. Подъѣзжая къ Шмелеву, у меня такъ и забилось сердце. Вхожу въ церковь — всѣ разступились передо мною; я прохожу впередъ и становлюсь у праваго клироса. Помолясь усердно, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, такъ какъ давно не молился, я осмотрѣлся кругомъ. Вижу у лѣваго клироса, на коврѣ, стоятъ мать и дочь. Какъ я взглянулъ на дочь, такъ и обомлѣлъ: всѣ описанія ее оказались жалки и блѣдны сравнительно съ тѣмъ, что̀ она на самомъ дѣлѣ. Вообрази себѣ въ полномъ смыслѣ красавицу: больше, чѣмъ средняго роста, талія — чудо, волосы, какъ смоль и коса ниже колѣнъ, каріе дивные глаза, аристократическій профиль, нѣкоторая блѣдность въ лицѣ. Одѣвается — прелесть! Словомъ, совершенство!...

Чтобы дать тебѣ о ней еще болѣе ясное понятіе, я скажу тебѣ, что она напоминаетъ портреты Маріи-Антуанетты, — только en beau. И какъ она горячо и усердно молилась, если бы ты видѣлъ! Это обстоятельство меня окончательно расположило въ ея пользу. Смотря на нее молящуюся, я увидѣлъ, что это дѣвушка, получила нравственное, солидное, религіозное воспитаніе, что это именно одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которая можетъ составить счастіе человѣка. Теперь, когда я уже близко знаю ее, я вполнѣ убѣдился въ этомъ. Она добра и кротка, какъ ангелъ. Скуляковъ ее знаетъ, — и даже этотъ мизантропъ отъ нея въ восторгѣ. По рожденію она аристократка. Мать Рагузиной—ближайшая родственница князьямъ Волынцевымъ. Послѣ обѣдни я подошелъ къ старухѣ и самъ представилъ ей себя, а старуха представила меня дочери и пригласила провести этотъ день съ ними. Я, разумѣется, не отказался. Старуха — тоже прелесть, настоящаго стараго аристократическаго закала, съ сѣдыми пуклями подъ чепцомъ. Когда онѣ были въ Парижѣ, къ нимъ ѣздили всѣ сенъ-жерменскія знаменитости, вся старая французская аристократія.... Вѣришь ли, съ перваго взгляда на мою Alexandrine я почувствовалъ такую страстную, такую горячую любовь, о какой я до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія. Какая-то непреодолимая симпатія вдругъ привлекла меня къ ней. Нельзя не вѣрить сочувствію душъ. Тутъ только я понялъ, что къ Катѣ Торкачевой я никогда не чувствовалъ настоящей любви, что это было мальчишеское увлеченіе, что я волочился за нею такъ только, чтобы не отста-

вать отъ другихъ, и вспомнилъ твои слова, за которыя я, бывало, на тебя сердился. Да, ты былъ правъ, тысячу разъ правъ! Мнѣ теперь стыдно и совѣстно вспоминать о моихъ глупостяхъ и продѣлкахъ. А вѣдь Катя меня любила, дѣйствительно любила!... Бѣдная дѣвушка!... Въ день ея смерти я аккуратно каждый годъ служу по ней панихиду.

«Съ незабвеннаго для меня дня Петра и Павла я началъ чаще и чаще ѣздить къ Рагузинымъ, и всякій пріѣздъ къ нимъ открывалъ въ Alexandrine какія нибудь новыя достоинства. Представь себѣ! У нея чистѣйшій парижскій выговоръ и такая ножка, какой никогда и во снѣ не видала ни одна изъ нашихъ танцовщицъ. Всѣ башмаки, которыя хранятся въ главной квартирѣ театраловъ, не исключая и башмака Тальйони, ей не годятся даже для туфлей. О, если бы Арбатовъ увидалъ эту ножку, что̀ онъ сказалъ бы!... Кстати, видаешь ли ты Арбатова, и неужели онъ все еще вооруженъ противъ меня и смотритъ на глупость молодости, какъ на преступленіе?.. Что̀ Броницынъ? все лѣзетъ въ гору?... Что̀, онъ все еще живетъ съ Прохоровой или ужь забылъ о своемъ театральствѣ?... Напиши обо всемъ.... А для меня, братецъ, все это прошедшее кажется теперь чѣмъ-то баснословнымъ, хотя, признаться, если бы я пріѣхалъ въ Петербургъ и отправился въ Большой Театръ, то мои старыя театральныя кости, мнѣ кажется, еще расходились бы....

«Но все это глупость mon cher. Истинное счастіе—счастіе семейное, а Катя никогда не могла бы составить моего счастія, потому что насъ раздѣляла бездна, и мы не могли понимать другъ друга

Рожденіе и воспитаніе много, милый другъ, значатъ.... Только одинаково рожденные и воспитанные могутъ чувствовать настоящую симпатію другъ къ другу... И если бы ты зналъ, какъ твоего толстаго пріятеля любитъ его невѣста!...

«Поздравь же меня; я счастливъ, я женюсь, я начинаю, братецъ, гордиться собой и находить, что во мнѣ есть, дѣйствительно, что нибудь: иначе, я не возбуждалъ бы къ себѣ чувства любви. Въ то же время я чувствую, что я не стою моей Alexandrine: она и умнѣе и образованнѣе меня во сто разъ ... Всю эту вашу литературу и политику знаетъ наизусть. Не смѣйся, ей-Богу, правда... Она меня просто удивляетъ. Въ приданое за ней мать отдаетъ Шмелево, пятьсотъ душъ, и, кромѣ того, земли въ Крыму, овцеводство и значительный капиталъ; но я объ этомъ мало забочусь, потому что имѣю свой кусокъ хлѣба и ни на минуту не задумался бы жениться на ней, если бы она ровно ничего не имѣла. Порадуйся же, эгоистъ, счастію твоего стараго товарища. Въ моей женитьбѣ есть какое-то предопредѣленіе свыше; знакомство съ нею въ церкви — это тоже добрый знакъ. Я на дняхъ ѣздилъ въ Ипатьевскую пустынь по обѣщанію. Я наложилъ на себя этотъ обѣтъ заранѣе, если все счастливо кончится. Бесѣдовалъ съ игумномъ. Онъ и меня и ее давно знаетъ, поздравлялъ меня и сказалъ, что Богъ благословитъ нашъ бракъ, потому что «ваша невѣста (это его собственныя слова) богобоязливая и прибѣжная къ церкви...» И это, дѣйствительно, справедливо. Ахъ, какъ она молится, если бы ты видѣлъ!... Теперь у меня

хлопотъ полны руки: разныя закупки и выписки изъ Москвы и изъ Петербурга. Карету я выписываю отъ Фребеліуса.... карета темно-синяя, а обивка внутри цвѣта Marie-Louise: это будетъ недурно.... Помѣщики здѣшніе, провѣдавъ о моихъ затѣяхъ, удивляются и ахаютъ: имъ все въ диковину, и каждая вещь кажется имъ раззореніемъ. Совершенные дикари!—Что̀ дѣлать? Моя слабость, чтобы все было у меня порядочно, по барски. Прощай. Обнимаю тебя. Можетъ быть, увидимся въ Петербургѣ, и скоро, а до тѣхъ поръ не забывай меня и напиши мнѣ, гадкій эгоистъ, въ отвѣтъ на мое длинное посланіе, хоть нѣсколько строчекъ... Когда мы свидимся въ Петербургѣ, ты увидишь, что я еще, впрочемъ, не совсѣмъ опровинціалился и, какъ говорится, не лѣвой ногой носъ сморкаю. Еще разъ обнимаю тебя отъ души и повторяю: пиши! пиши!

«P. S. Я о тебѣ много говорилъ моей нареченной. Она тебѣ кланяется и горитъ нетерпѣніемъ тебя увидѣть, потому что, по моимъ словамъ, полюбила тебя заочно.»

Послѣ этого письма я втеченіе многихъ лѣтъ ни отъ кого не слыхалъ о Летищевѣ и не получалъ уже болѣе отъ него никакихъ писемъ.

Года три тому назадъ, въ одно солнечное и морозное утро, я зашелъ въ какой-то кафе-ресторанъ на Невскомъ проспектѣ и въ ожиданіи чашки кофе перелистывалъ газету, лежавшую передо мною. Вдругъ дверь ресторана съ шумомъ отворилась, ударившись объ уголъ стола, такъ что всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и я, невольно обратились на этотъ шумъ. Въ двери

съ трудомъ влѣзала медвѣжья шуба и распахнувшись, обнаружила пыхтящее тѣло неимовѣрной толщины, за которымъ слѣдовалъ жиденькій и бѣлобрысенькій молодой человѣчекъ съ застывшей на лицѣ улыбкой. Тѣло въ медвѣжьей шубѣ остановилось посреди комнаты, осмотрѣлось кругомъ, и, полуоборотомъ взглянувъ на молодаго человѣка, слѣдовавшаго за нимъ, произнесло:

— Фу, какая жара! фу!... А что̀, братецъ, закусить хочешь? спрашивай себѣ что̀ хочешь, дружечикъ. Мнѣ смертельно ѣсть хочется....

Молодой человѣчекъ наклонилъ на эти слова свою головку и придалъ своей неподвижной улыбкѣ пріятность посредствомъ расширенія рта.

— Эй, ты, мусье! вырвался пронзительный, тоненькій голосокъ изъ тучнаго тѣла, которое обернулось къ лакею: — подай карту, покажи, что̀ у васъ тамъ есть; накорми насъ, милый другъ, посытнѣе да повкуснѣе: мы вотъ съ нимъ проголодались... Фу! фу!

Этотъ голосокъ выходившій изъ тучнаго тѣла показался мнѣ будто нѣсколько знакомымъ.

— Ба, ба, ба!... При этихъ звукахъ изъ медвѣжьей шубы высунулись руки и простерлись ко мнѣ. — Вотъ встрѣча, вотъ встрѣча!... Фу!... Да что̀ ты такъ выпучилъ-то на меня глаза? Не узнаешь, въ самомъ дѣлѣ, что̀ ли?... Летищевъ, братецъ... онъ самъ, своей персоной.

И онъ навалился на меня, обнимая и цалуя меня.

Послѣ этихъ объятій я долго не могъ оправиться.

«Неужели это, дѣйствительно, Летищевъ — думалъ я, — тотъ самый, который нѣкогда, въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, съ перетянутой

таліей, живой и вертлявый, волочился за Катей Торкачевой?...»

— Я, кажется, привелъ тебя въ изумленіе моей корпоренціей? продолжалъ Летищевъ.—Что̀-жь? фигура, братецъ, почтенная, не правда ли? настоящая предводительская! Ну, какъ ты, голубчикъ, поживаешь? Ты не мѣняешься ничего.... Сразу узналъ тебя. Я на тебя, братецъ, сердитъ, очень сердитъ.... Фу.... экая жара! Ну, какъ это можно, впродолженіе пятнадцати лѣтъ ни строчки! На что̀ это похоже!... А я все-таки хотѣлъ къ тебѣ сегодня же заѣхать. Я вѣдь только третьягодня ввалился въ вашу Сѣверную Пальмиру, еще никого не видалъ, ни у кого не былъ. Вчера цѣлый день отдыхалъ послѣ дороги. **Charmé, charmé de te voir mon cher**, очень, очень радъ!

И онъ жалъ мнѣ руку.

— Однако, братъ, дружескія изліянія сами по себѣ, а желудокъ самъ по себѣ. Желудка дружбой не накормишь.... Я страшно отощалъ, должно быть, оттого, что прошелся.... Я вѣдь, братецъ, ходить не привыкъ, въ деревнѣ мы ходимъ мало.... У меня тамъ этакой кабріолетикъ на лежачихъ рессорахъ.... я нарочно, по своему вкусу, заказалъ въ Москвѣ.... вотъ спроси у него....

Онъ ткнулъ пальцемъ на молодаго человѣка.

— Прекрасный экипажецъ! проговорилъ молодой человѣкъ.

— А я тебѣ не рекомендовалъ еще этого юношу-то? Имѣю честь представить: это, братъ, мой секретарь... Я безъ него пропалъ бы здѣсь. Всѣ эти покупки, закупки, счеты и разсчеты — это ужь

его дѣло.... Мусье! любезнѣйшій! ну, что жь, карту-то!...

— Карты нѣтъ-съ; а что прикажите, отвѣчалъ лакей: — вотъ закуски здѣсь на столѣ-съ.

— Ну, какія у васъ тамъ закуски! мерзость какая нибудь! а вели-ка мнѣ изготовить лучше двѣ хорошія сочныя котлеты.... да вотъ и юношѣ-то подай чего нибудь.... Чего ты хочешь?...

Секретарь переминался и ухмылялся.

— Да полно церемониться-то! этакой ты гусь, право! ѣшь, что душѣ угодно, спрашивай себѣ чего хочешь и плати сколько вздумаешь. Деньги вѣдь въ твоемъ распоряженіи.... Я, братецъ, и денегъ съ собой не ношу: все у него, онъ у меня и министръ финансовъ.... Эй, вы, котлетъ-то подайте мнѣ скорѣй! а покуда, чтобъ заморить червяка, дайте хоть двѣ-три тартинки съ чѣмъ нибудь.... Ну, ужь вашъ Петербургъ! бѣда! продолжалъ онъ разжевывая тартинку: — съ ума сойдешь отъ этихъ однихъ визитовъ.... бабушки, да тетушки, да министры, да гофмейстеры, да церемоніймейстеры.... Рожу-то мою всѣ знаютъ: не скроешь ея отъ нихъ.... Сегодня утромъ въ десять часовъ ужь напялилъ на себя мундиръ и успѣлъ побывать у двухъ почетныхъ старцевъ и принятъ былъ, братецъ, ими просто—вотъ какъ!

Онъ приложилъ свои пальцы къ губамъ и чмокнулъ.

— Любятъ меня почему-то, помнятъ.... дай Богъ имъ здоровья. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: «Я, говоритъ, еще помню тебя юнкеромъ; тебя, говоритъ, фельдмаршалъ называлъ всегда молодцомъ и очень любилъ тебя.» Старецъ,

а вѣдь память-то какая!... Ну, однако, разскажи, какъ ты поживаешь, какъ идутъ твои дѣлишки?...

— Ничего, такъ себѣ.... Ты пріѣхалъ надолго?

— Да самъ не знаю, голубчикъ! надо представляться разнымъ высокимъ особамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, судя по намеку почетнаго старца, изъявляютъ сильное желаніе меня видѣть. На что̀ я имъ? вотъ спроси! Объѣзжу весь вашъ петербургскій monde и, закончивъ эту процедуру, займусь своимъ дѣльцомъ: вѣдь у меня процессъ еще, братецъ, въ триста тысячъ рублей серебромъ — bagatelle! Ты знаешь, что̀ значитъ процессъ?... А! да вотъ и котлеты!

При видѣ котлетъ, глаза Летищева заискрились, и онъ началъ безпокойно облизывать губы, тыкая нетерпѣливо за галстухъ салфетку.

— Нельзя, братецъ, безъ этого; а то закапаешь себѣ рубашку: возвышеніе-то это проклятое мѣшаетъ.

Онъ указалъ на свой животъ и залился добродушнымъ смѣхомъ, обнаруживъ при этомъ десны и маленькіе, гнилые и почернѣвшіе зубы, едва въ нихъ державшіеся.

— Экое дерево! сказалъ онъ, ткнувъ вилкой котлетку: — не умѣютъ и котлетку-то порядочно приготовить, — а еще Петербургъ!... Не стыдно тебѣ это?

Онъ посмотрѣлъ на лакея.

— Да знаешь ли, что у меня, въ деревнѣ, послѣдній поваренокъ приготовитъ лучше этого?.. Эхъ, вы!... Я, братецъ, вчера вечеромъ (онъ обратился отъ лакея ко мнѣ) задалъ такую гонку вашему Дюссо. Я вѣдь его не знаю: при мнѣ еще

былъ Фёльетъ и Легранъ.... Слышу отъ всѣхъ пріѣзжихъ: Дюссо да Дюссо! Ну, думаю себѣ, попробую я этого хваленаго Дюссо. Пріѣзжаю. Заказалъ ужинъ. Говорю: «Дайте мнѣ всего, что̀ есть у васъ лучшаго.» Кажется, ясно?... Подаютъ мнѣ первымъ блюдомъ филе изъ ершей.... Ну, что̀ жь это, братецъ, за блюдо? просто какой-то воздухъ съ травой и прованскимъ масломъ, и масло-то еще не свѣжее. Я на сцену моего стараго друга Симона. «Позови-ка мнѣ, говорю я, твоего Дюссо-то: я съ нимъ потолкую кое о чемъ.» Приходитъ этакая приземистая фигурка, вертится передо мною и говоритъ! «Monsieur qu'y a t'il à votre service?...»

Я посмотрѣлъ на него и говорю:

— Вы меня не знаете, а?

— Non, monsieur, pardon.

— То-то pardon! А вотъ вы спросите-ка обо мнѣ лучше вашего Симона, такъ онъ вамъ поразскажетъ кое-что, кто я и прочее.... Я вотъ тоже не имѣю удовольствія знать васъ, потому что проживаю въ своихъ деревняхъ и въ Петербургѣ ѣзжу рѣдко; а предмѣстниковъ вашихъ Фёльета и Леграна зналъ коротко, и они меня коротко знали и любили. Я здѣсь оставилъ тысячъ до пятнадцати, — слѣдовательно, хоть на столько пріобрѣлъ вкуса, чтобы отличить дурное масло отъ хорошаго.... Вы понимаете меня?... Я купилъ, говорю, себѣ право этими пятнадцатью тысячами быть нѣсколько взыскательнѣе другихъ.... Ни Фёльетъ, ни Легранъ мнѣ такого масла не смѣли подавать; а вы думаете, что вотъ пріѣхалъ человѣкъ, вамъ неизвѣстный, въ первый разъ, провинціалъ какой нибудь, такъ-дескать и подсуну ему что̀ ни попало.

Ошибаетесь, я говорю, г. Дюссо, ошибаетесь, не на такого напали: я таки въ гастрономіи кое-что смыслю. Вотъ спросите обо мнѣ у князя Броницина, у графа Красносельскаго, у графа Бержицкаго: это мои короткіе пріятели. Вы, чай, ихъ знаете?... Какже, говоритъ, *же лонёръ*.... а самъ переконфузился, кланяется, извиняется, затормошилъ всѣхъ лакеевъ, самъ побѣжалъ на кухню и, дѣйствительно, ужь накормилъ меня превосходно. Выходя, я потрепалъ его по плечу и говорю: «Ну, Дюссо, теперь я не сомнѣваюсь, что ты артистъ въ своемъ дѣлѣ!...» И онъ былъ этимъ, братецъ, ужасно доволенъ!... Мой юноша-то все удивляется, глядя на меня. Вы, говоритъ, Николай Андреичъ, въ Петербургѣ распоряжаетесь точно какъ у себя въ Никольскомъ....»

— Это правда-съ, замѣтилъ молодой человѣкъ, торопливо проглатывая кусокъ и спѣша улыбнуться.

— Чудакъ ты! чему тутъ удивляться? замѣтилъ Летищевъ, посмотрѣвъ на него благосклонно. — Вѣдь я, слава Богу, Петербургъ-то знаю, пожилъ-таки въ немъ, познакомился съ нимъ, вотъ спроси-ка у него (онъ указалъ на меня). Я тысячъ до ста серебромъ бросилъ въ его ненасытную пасть: такъ ужь послѣ этого церемониться съ нимъ не могу, прошу извинить... Однако, не пора ли намъ, господинъ секретарь? который часъ?

Онъ вынулъ толстые золотые часы на толстой цѣпочкѣ и произнесъ:

— Эге-ге! ужь около трехъ... Вотъ, братецъ, часы-то, рекомендую: этихъ часовъ само солнце спрашивается. Посмотри, внутренность-то какая.

Летищевъ попробовалъ открыть внутреннюю дощечку.

— Нѣтъ, не открываются, чортъ ихъ возьми! пробормоталъ онъ:—боюсь, еще ноготь сломишь — И онъ положилъ ихъ въ карманъ, прибавивъ:— за эти часы мнѣ пятьсотъ рублей серебромъ давалъ въ Москвѣ Митька Перелѣзинъ. Ты знаешь его?... Ну, секретарь, отправимся путешествовать по магазинамъ.... Столько коммиссій надавали! А пуще всего меня безпокоитъ это модное тряпье: блонды да гипюры, да шляпки, да эти разныя фалбалы. Еще, пожалуй, не угодишь. Впрочемъ, нѣтъ, моя жена не такова... Мы съ ней живемъ душа въ душу.... вотъ спроси у него.... Это ангелъ доброты, **et c'est une femme distinguée, mais tout à fait distinguée, mon cher.** Я увѣренъ, что ты былъ бы отъ нея въ восторгѣ и полюбилъ бы ее... Поручила мнѣ, братецъ, цѣлую библіотеку закупить... Куда это мы все уложимъ только въ Москвѣ, я не знаю: вѣдь въ дормезъ намъ не помѣстить всего?... какъ ты думаешь, юноша?

— Да-съ, трудновато будетъ-съ, отвѣчалъ секретарь.

— То-то, братецъ! Надо будетъ объ этомъ серьёзно подумать.

— Не безпокойтесь, возразилъ секретарь:—ужь какъ нибудь устроимъ.

— То-то, смотри же....

Летищевъ отвелъ меня нѣсколько въ сторону и произнесъ въ полголоса, кивая головой на секретаря:

— **Un bon enfant, excellent....** Я взялъ его, братецъ къ себѣ мальчишкой, нищимъ. Онъ и выросъ

у меня въ домѣ и привязанъ ко мнѣ и къ женѣ, какъ собаченка. И вѣдь какой аккуратный, дѣловой малой! онъ у меня заправляетъ всей моей канцеляріей.... Ну, до свиданья, мой милый! Я къ тебѣ первому непремѣнно пріѣду, когда окончу всѣ мои важные визиты; надѣюсь, что и ты заѣдешь ко мнѣ. Я остановился у Кулона, занимаю два нумера: 22 и 23: вѣдь одного мнѣ мало, по моему сложенію. Въ Москвѣ такъ я всегда останавливаюсь въ Дрезденѣ и всегда занимаю 1 нумеръ. Тамъ ужь такъ и берегутъ его для меня: огромная комната, настоящая танцовальная зала; да я, признаться, терпѣть не могу маленькихъ комнатъ: въ нихъ какъ-то тяжело дышать.... Но я заболтался съ тобой.... Прощай, прощай, до свиданья.... Расплатился, юноша?

— Да-съ....

— Ну такъ маршъ.... **Au revoir, mon cher, au revoir.**

И Летищевъ вышелъ изъ кафе-ресторана, съ тѣмъ же эффектомъ и шумомъ, съ какимъ вошелъ, весь сіяя самодовольствіемъ и произведя сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ того, во время пребыванія его въ Петербургѣ, я встрѣчался съ нимъ довольно часто, у нашихъ общихъ знакомыхъ. Онъ разсказывалъ намъ о различныхъ политическихъ и административныхъ проектахъ, которые, будто бы, переданы ему были самими министрами, по секрету; о томъ, какъ онъ разнымъ значительнымъ особамъ рѣжетъ, не церемонясь, правду въ глаза, и какъ эти особы взяли съ него честное слово, чтобы онъ прямо писалъ къ нимъ обо всемъ, и не стѣсняясь ничѣмъ;

какъ петербургскіе князья и графы, его старые пріятели и товарищи, обрадовались его пріѣзду; какъ одинъ изъ нихъ, еще бывшій при немъ въ полку юнкеромъ, объявилъ ему, что назначенъ полковымъ командиромъ того же самаго полка, и какъ онъ отвѣчалъ ему на это: «Полно, Миша, полно! Врешь, братецъ, ни за что не повѣрю. Что ты мнѣ этакую фанаберію несешь? За кого ты, голубчикъ, меня принимаешь?» И какъ потомъ, удостовѣрясь въ этомъ, онъ обнялъ его, поцаловалъ и сказалъ: «Ну, Мишукъ, отъ души поздравляю тебя; но признаюсь откровенно, что послѣ этого нѣтъ въ мірѣ чудесъ, которымъ бы я не повѣрилъ!»

Мнѣ особенно памятна длинная рѣчь, произнесенная однажды Летищевымъ, когда при немъ зашли толки о трудности управленія имѣніями и о характерѣ русскаго крестьянина. Онъ вдругъ прервалъ разговоръ двухъ господъ, очень серьёзно разсуждавшихъ объ этихъ предметахъ.

— Это все не то, господа! сказалъ онъ: — вы, говоря откровенно, увлекаетесь различными фантазіями и фантасмагоріями. Я желалъ бы, чтобы кто нибудь изъ васъ заглянулъ въ мои имѣнія. Я смѣло могу сказать, что каждый изъ моихъ крестьянъ благословляетъ свою судьбу. Правда, у нихъ все есть, что̀ имъ нужно: по три, по четыре лошади на тягло, по двѣ коровы,—ну, и прочаго скота въ той же пропорціи; избы у нихъ выстроены изъ хорошаго лѣса, прочно, бо̀льшею частію.... въ имѣніи жены моей (у меня, правда, этого нѣтъ), на каменныхъ фундаментахъ; оброкъ съ нихъ берется умѣренный.... Чего же имъ?... Да

если бы я, напримѣръ, не родился тѣмъ, что я есть, я желалъ бы быть моимъ старостой Васильемъ Антипычемъ, ей Богу: у него, говорятъ, тысячъ пятнадцать рублей серебромъ капитала. Для мужика это, надѣюсь, деньги! Онъ ходитъ въ синемъ суннѣ, отпустилъ себѣ такой же животъ, какъ у меня, такой видный изъ себя, сѣдая огромная борода.... Эта вся милюзга однодворцы, мелкопомѣстные кланяются ему чуть не въ поясъ.... Дѣти его всѣ переженились, и всѣ молодецъ къ молодцу, народили дѣтей въ свою очередь. Внучаты пищатъ и копышатся около дѣдушки, а онъ только ухмыляется да поглаживаетъ себѣ бороду.... Патріархъ, настоящій патріархъ!... Я часто захожу къ нему въ гости. Изба у него чистая, прекрасная. Онъ всегда угощаетъ меня солеными груздями или сотовымъ медомъ.... чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.... У него все это подается отлично, и всегда еще красную ярославскую салфетку растелетъ на столъ.... Я однажды этакъ сижу у него и говорю ему:

— Славно ты поживаешь, Василій Антипычъ: всего у тебя вдоволь, всѣмъ Богъ тебя благословилъ; а денегъ-то у тебя, я чай, и куры не клюютъ.

— И, батюшка Николай Андреичъ! говоритъ (плутъ страшный — прикинулся этакимъ смиреннымъ и кланяется мнѣ въ поясъ):—Что̀ изволите, говоритъ, шутить: ужь какія у насъ деньги, откуда взять мужику денегъ!

— Ну полно, полно! говорю: знаемъ мы тебя. Что̀ скрываться то. Я вѣдь у тебя денегъ твоихъ не отниму..

— Да что̀, говоритъ, батюшка, вамъ я правду скажу, какъ передъ Богомъ: вы отцы наши, отъ

васъ скрываться не приходится. По милости вашей, скопилъ маленько.

— Ну, я говорю: — отчего же ты, братецъ, у меня не откупишься со всей семьей, али боишься, что я съ тебя сдеру много?

Старикъ мой такъ и расходился.

— Да помилуйте, говоритъ, батюшка! зачѣмъ мнѣ откупаться отъ васъ? да сохрани меня Господи и помилуй отъ этого! Я, говоритъ, честью служилъ вашему дѣдушкѣ, вашему родителю, вамъ теперча служу: да мы у васъ, какъ у Христа за пазухой... Что̀ это вы говорить изволите! На что̀ мнѣ, говоритъ, воля-то, на что̀? Мы, говоритъ, искони-бе къ вашему роду приписаны: такъ, говоритъ, за вами и останемся на вѣки вѣчные... Я и дѣтямъ-то своимъ заказалъ, да и внучатамъ-то закажу служить вашимъ дѣтямъ и внучатамъ.

— Да дѣтей-то у меня, старина, нѣтъ — вотъ мое горе...

— Помолитесь-ка, говоритъ: — поусерднѣй, батюшка, такъ Господь пошлетъ... И мы, грѣшные, ваши рабы, объ этомъ помолимся. — А у самого слезы на глазахъ, и меня тронулъ до слезъ.

Летищевъ произнесъ послѣднія слова дрожащимъ голосомъ и прибавилъ черезъ минуту:

— Вотъ онъ, господа, неиспорченнный-то русскій человѣкъ, какъ есть и какимъ долженъ быть!

Нѣкоторые смотрѣли на Летищева съ негодованіемъ, другіе какъ на шута; находились и такіе, которые принимали его серьёзно. Онъ не замѣчалъ этихъ различныхъ впечатлѣній, производимыхъ имъ, и обращался ко всѣмъ одинаково радушно и сіяя самодовольствіемъ.

Однажды, когда мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ, онъ сталъ передавать мнѣ о своей женѣ, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и любви другъ къ другу, по поводу полученнаго отъ нея письма. Онъ былъ дѣйствительно взолнованъ и разстроганъ, и слезы такъ и капали у него изъ глазъ.

— Нѣтъ, душенька, говорилъ онъ: — здѣсь у васъ хорошо, всѣ ваши тузы здѣшніе меня ласкаютъ; но дома все-таки лучше. Такъ и тянетъ въ деревню. Признаться тебѣ откровенно, я, братъ, соскучился безъ жены; иной разъ такъ всгруснется безъ нея, что просто мочи нѣтъ.

И онъ почти давился слезами. Онъ даже разстрогалъ меня.

Я думалъ: «А можетъ быть въ этой тушѣ и въ самомъ дѣлѣ еще таится что нибудь человѣческое; можетъ быть, подъ этимъ мясомъ бьется еще не совсѣмъ испорченное сердце; можетъ быть, онъ нешутя хорошій семьянинъ и добрый помѣщикъ?...»

Въ его мелкомъ тщеславіи для меня было болѣе забавнаго, чѣмъ оскорбляющаго.

Всякій разъ, напримѣръ, когда мы выходили откуда нибудь вмѣстѣ и когда онъ влѣзалъ въ свою ямскую карету (въ саняхъ и особенно на простомъ извощикѣ онъ ни за что не рѣшился бы проѣхать), онъ непремѣнно кричалъ извощику: «Пошелъ къ князю такому», или «къ графу такому-то. Знаешь?» И извощикъ его всякій разъ отвѣчалъ утвердительно: «Знаю-съ!» Впослѣдствіи оказалось, что каждый изъ знакомыхъ Летищева носилъ непремѣнно названіе какого нибудь князя или графа. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Летищева, этотъ извощикъ перешелъ къ одному

барину, выѣзжавшему въ большой свѣтъ. Баринъ приказалъ ему однажды везти себя къ княгинѣ Б. Извощикъ отвѣчалъ: «Знаю-съ», и махнулъ кнутомъ.

Онъ везъ его, везъ и наконецъ остановился. Баринъ вышелъ изъ кареты и, къ изумленію своему, увидалъ себя въ какой-то незнакомой улицѣ.

— Чтò это значитъ? куда ты привезъ меня, болванъ?

Баринъ очень разсердился.

— Какъ куда! къ княгинѣ Б*.... Слава Богу, я вѣдь знаю. Я ѣздилъ съ Николай Андреичемъ....

— Чтò ты врешь? Какой Николай Андреичъ? вскрикнулъ баринъ.

— Какой? Летищевъ Николай Андреичъ. Да ужь не извольте, батюшка, безпокоиться: княгиня тутъ живетъ. Мы съ Николай Андреичемъ у ихъ сіятельства-то почитай всякій день бывали: какъ не знать!

Извощика трудно было убѣдить, что княгиня живетъ не тутъ: онъ твердилъ все одно: Николай Андреичъ... они ужь всѣхъ князей знаютъ, у нихъ ужь все знакомство такое.» Баринъ отъ гнѣва перешелъ къ смѣху, и черезъ нѣсколько дней это сдѣлалось извѣстно всему Петербургу и самой княгинѣ Б*, которая и не подозрѣвала о существованіи Летищева.

Слабость моя къ Летищеву доходила до того, что мнѣ даже было больно смотрѣть на него, когда онъ, на улицѣ, въ ресторанахъ и въ театрахъ, бросался къ своимъ старымъ товарищамъ, князьямъ и разнымъ свѣтскимъ людямъ, съ растопы-

ренными руками, съ криками, съ восторгомъ, съ простодушными улыбками, и былъ встрѣчаемъ холодными словами и полу-поклонами. На него, однако, ничто не дѣйствовало: онъ продолжалъ лѣзть къ нимъ и кричать: mon ami prince *Броницынъ*, или *Павлуша Броницынъ*.

Я былъ свидѣтелемъ, одинъ разъ, встрѣчи Летищева, вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, съ барономъ Щелкаловымъ въ театрѣ во время междудѣйствія. Онъ былъ съ Щелкаловымъ нѣкогда въ пріятельскихъ отношеніяхъ и на *ты*. Пробираясь и пыхтя въ толпѣ, Летищевъ наткнулся животомъ своимъ на Щелкалова, шедшаго ему на встрѣчу. Щелкаловъ сдѣлалъ движеніе назадъ, бросилъ на него взглядъ свысока, отвернулся и началъ смотрѣть на ложи.

— Душенька! здравствуй, братецъ! какъ я радъ!

И Летищевъ ухватился за обшлагъ его фрака, не замѣчая, что тотъ отворачивается отъ него. Щелкаловъ сдвинулъ брови и вставилъ въ глазъ стеклышко, осмотрѣвъ его съ недоумѣніемъ.

— Вотъ что̀ значитъ запастись этакою горкою! завизжалъ Летищевъ, простодушно и обвелъ рукою кругомъ себя:—и старые друзья не узнаютъ!... Летищева помнишь?...

Щелкаловъ сдѣлалъ движеніе губами, еще разъ свысока взглянулъ на него и произнесъ сухо и рѣзко: «А!» пробормотавъ нѣсколько несвязныхъ словъ: «очень радъ... да... потолстѣлъ... откуда?...»

Летищевъ хотѣлъ обнять его; но Щелкаловъ почти отвелъ отъ себя его руки и, сдѣлавъ шагъ впередъ, натолкнулся на Броницына, коснулся его плеча и, кивнувъ назадъ головой на Лети-

щева, произнесъ громко: «Каковъ? недурёнъ баринъ,» и самодовольно прошелъ дальше, не подозрѣвая того, что Броницынъ, въ свою очередь, обратился къ какому-то своему пріятелю и, съ язвительной гримасой указавъ на Щелкалова, произнесъ:

— Тоже хорошъ!...

Летищевъ пробылъ въ Петербургѣ около мѣсяца, и наканунѣ отъѣзда, ввалясь ко мнѣ въ квартиру, чуть не оборвалъ звонка у двери, нахвасталъ мнѣ съ три короба, простился со мною съ величайшею нѣжностію и взялъ съ меня слово, если я когда нибудь буду проѣзжать черезъ Н*, непремѣнно заѣхать къ нему въ деревню.

— Ужь угощу, милый, дорогаго гостя, прибавилъ онъ въ заключеніе: — вотъ какъ угощу! такимъ старымъ бургонскимъ попотчую, какого ты отродясь не пивалъ!...

— Ну, а процессъ-то твой? спросилъ я.

— Процессъ? какой процессъ?... Ахъ, да, да! Онъ еще нескоро, но непремѣнно кончится въ мою пользу. Дѣло приняло такой оборотъ. Это, между нами, мнѣ шепнулъ на ухо одинъ почетный старецъ....

IV.

ЗАКАТЪ.

Въ началѣ лѣта 185* года, я по дѣламъ, совершенно неожиданно, долженъ былъ ѣхать въ Н* губернію. Въ Н* я пробылъ только одинъ день

и оттуда отправился въ Р*, уѣздный городъ этой губерніи, гдѣ долженъ былъ прожить, по крайней мѣрѣ, около двухъ недѣль. Жить въ уѣздномъ городѣ, возиться съ дѣлами и съ приказными не забавно. Я вспомнилъ о Летищевѣ и о своемъ обѣщаніи побывать у него. Уѣздный судья на мои разспросы отвѣчалъ, что имѣніе Летищева верстахъ въ двадцати отъ города, что дорога туда прекрасная и что меня могутъ доставить менѣе, чѣмъ въ два часа.

— А вы знакомы съ Николаемъ Андреичемъ? спросилъ меня судья и, какъ мнѣ показалось, съ какою-то странною улыбкою.

— Онъ мой школьный товарищъ, отвѣчалъ я:— а что̀?

— Нѣтъ, ничего. Онъ хорошій человѣкъ, весельчакъ и любитъ жить шибко. Кабы ему только денегъ побольше. Онъ былъ у насъ предводителемъ одно время, такъ ужь такіе пиры задавалъ.... и.... такъ немножко....

Судья остановился.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: говорите прямо, возразилъ я.

— Поразстроился немножко, позапутался.... А мы любимъ Николая Андреича: у него доброе сердце, хорошій человѣкъ. Дай Богъ, чтобы все только кончилось хорошо.

— А развѣ съ нимъ случилось что нибудь особенное?

— Особеннаго ничего; только вотъ, по случаю послѣднихъ обстоятельствъ, насчетъ сукна маленькая исторія. Его надули сукномъ: подсунули гни-

лое. Теперь на немъ денежный начетъ: обвиняютъ его въ сдѣлкѣ съ поставщикомъ и забалотировали на послѣднихъ выборахъ.... Жалко.... Конечно, и то сказать, что̀ жь дѣлать дворянству? вѣдь это все падаетъ на дворянство....

На другой день послѣ этого, часу въ одиннадцатомъ, я отправился проселкомъ въ деревню Летищева. День былъ солнечный, солнце пекло сильно. Извилистая дорога шла между пашнями, прерывавшимися кустарниками. Въ это лѣто въ Н* губерніи были ужаснѣйшія засухи. Мелкая и черная пыль поднималась отъ движенія лошадей и колесъ тарантаса густымъ столбомъ, останавливалась въ недвижномъ воздухѣ, пронизываемая палящими солнечными лучами, ложилась густыми слоями на поднятый верхъ тарантаса, на подушки, на шинель мою, на фуражку, на лицо, щекотала носъ и забивалась въ ротъ. Я задыхался отъ жара, безпрестанно отмахивался отъ пыли, отъ неотвязчивыхъ и вялыхъ мухъ и, при всемъ желаніи, никакъ не могъ наслаждаться окружавшей меня природой,—однообразными, но милому сердцу видами. Дорога мнѣ показалась ужасно длинною.

— Скоро ли Никольское-то? спросилъ я у ямщика.

— Теперь недалеко: съ версту али съ двѣ — только, отвѣчалъ онъ, лѣниво помахивая кнутомъ надъ измученными лошаденками и приговаривая:— но-но-но!

Я высунулся изъ тарантаса и посмотрѣлъ на обѣ стороны: однообразная, мертвящая гладь кругомъ. «Гдѣ же эта маленькая Швейцарія-то?» по-

думалъ я, вспомнивъ невольно письмо ко мнѣ Летищева.

Проѣхавъ немного, ямщикъ мой сказалъ: « А вотъ и Никольское!» и указалъ мнѣ кнутовищемъ на небольшую деревеньку, вправо отъ дороги, расположенную на совершенно ровномъ мѣстѣ, на самомъ припекѣ, и не защищенную ни однимъ деревцомъ отъ солнца. При взглядѣ на эту кучку почернѣвшаго и полусгнившаго лѣса, съ закопченой соломой наверху, мной овладѣло тоскливое чувство.

Барскій домъ, длинный и неуклюжій, въ одинъ этажъ, съ мезониномъ въ серединѣ и съ полукруглымъ окномъ, выкрашенный темно-желтой краской, съ зелеными ставнями и красной крышей, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни, окруженный службами и покривившимся некрашеннымъ рѣшетчатымъ заборомъ, передъ небольшимъ прудомъ, поросшимъ осокой и съ одного края подернутымъ плѣсенью. Передъ домомъ и за домомъ нѣсколько тоненькихъ молодыхъ, полузасохшихъ деревьевъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ дома значительное пространство срубленнаго лѣса.

Вотъ каково было Никольское въ дѣйствительности.

Подъѣзжая къ дому, я увидѣлъ у подъѣзда двухъ безобразныхъ, алебастровыхъ львовъ, болѣе похожихъ на собакъ, въ родѣ тѣхъ, которые украшаютъ ворота московскихъ домовъ. На срединѣ двора, передъ подъѣздомъ, торчала клумба съ длинными синими цвѣтами, перемѣшанными съ другими, имѣвшими видъ желтыхъ пуговокъ.

«Гдѣ же эти розы, величиною съ піоны?» подумалъ я.

Наконецъ лошади остановились у подъѣзда. Я вылѣзъ изъ тарантаса и осмотрѣлся кругомъ: у одного изъ флигелей стоялъ какой-то мальчишка, въ грязной рубашенкѣ, съ вымазаннымъ лицомъ, и смотрѣлъ на меня, зѣвая; кромѣ этого мальчишки и пѣтуха, разрывавшаго землю въ клумбѣ и отъ времени до времени гордо приподнимавшаго свою головку съ хохломъ и подергивавшаго ее въ сторону, на дворѣ не было души человѣческой. Когда я поднялъ ногу на ступеньку подъѣзда, изъ ближайшаго къ подъѣзду окна высунулась какая-то растрепанная и старая женская фигура и тотчасъ же спряталась. Я отворилъ дверь. Въ передней на прилавкѣ лежалъ лакей, спавшій богатырскимъ сномъ и храпѣвшій съ какимъ-то особеннымъ трескомъ. Я растолкалъ его. Онъ вскочилъ, протеръ глаза и началъ тупо смотрѣть на меня, сквозь невольно и снова опускавшіяся вѣки, принимая меня, вѣроятно, за продолженіе своего сна. Я насилу могъ растолковать ему, что я пріѣзжій гость, пріятель его барина.

— Гдѣ же твой баринъ? веди меня къ нему.

— Баринъ?... Николай Андреичъ? спрашивалъ онъ съ разстановками: — вамъ Николая Андреича надо?... Николай Андреичъ почиваютъ.

— Все равно. Веди меня къ нему.

Лакей почесался, зѣвнулъ, еще разъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Пожалуй. Ступайте за мной.

И привелъ меня въ комнату, стѣны которой были увѣшаны старинными граведоновскими, рас-

крашенными, женскими головками, нѣкогда украшавшими всѣ столичные кабинеты и потомъ перешедшими въ провинцію. Въ простѣнкѣ стоялъ столъ, а на столѣ чернильница, разныя письменныя принадлежности, дагеротипный женскій портретъ и книжка какого-то романа Пиго-Лебрёня въ старинномъ переплетѣ, — все покрытое густою пылью. Шторы въ комнатѣ были опущены, а на большомъ кожаномъ диванѣ лежалъ навзничь самъ баринъ, покрытый халатомъ, который сбился къ его ногамъ, съ растегнутымъ воротомъ рубашки, изъ-за которой виднѣлась широкая грудь, заросшая густыми волосами. Грудь и животъ, возвышавшійся горою, мѣрно колыхались отъ его тяжелаго дыханія, оживленнаго небольшимъ носовымъ свистомъ. Ротъ его былъ полу-раскрытъ; потъ выступалъ на лбу крупными каплями. У головы его, на полу, лежалъ чубукъ и нѣсколько въ сторонѣ трубка, съ разсыпавшимся около нея пепломъ. Эта груда волновавшагося тѣла представляла непріятное зрѣлище. У меня даже дрожь пробѣжала при мысли, во что̀ превратился этотъ нѣкогда хорошенькій мальчикъ, бывшій въ пансіонѣ моимъ образцомъ и плѣнившій своими изящными манерами мою маменьку.

Я разбудилъ его. Онъ сначала тяжело приподнялъ отекшія вѣки, спокойно и безсмысленно взглянулъ на меня сонными глазами, потомъ вдругъ вскрикнулъ, какъ будто испуганный видѣніемъ, и началъ приподниматься съ дивана, опираясь на ладони рукъ и дико смотря на меня. Наконецъ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя и бросился обнимать меня.

Я нашелъ въ немъ большую перемѣну: онъ весь какъ-то обвисъ и опустился, волосы его на вискахъ совсѣмъ посѣдѣли, на лицѣ показались морщины. Но румянецъ все еще игралъ на щекахъ, или, можетъ, это было только со сна.

Я сдержалъ свое слово, сказалъ я.—Ты, вѣрно, не ждалъ меня?

— Никакъ! никакъ! повторялъ онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ: — признаюсь тебѣ, это такой сюрпризъ для меня.... Какъ будетъ рада жена!... Просто подарилъ, утѣшилъ, душенька!... Только вотъ что̀ обидно: ты застаешь-то насъ врасплохъ. Вѣдь съ нами случилось, братецъ, величайшее несчастіе.... ты ничего не слыхалъ? Мы прежде жили въ другомъ моемъ имѣніи, неподалеку отсюда.... тамъ у меня и домъ и садъ, — все это было прелесть... и, вообрази, все дотла сгорѣло, все начисто, хоть бы что нибудь на смѣхъ осталось. Мы сами съ женой едва спаслись въ томъ, въ чемъ были.... Такое несчастіе! Ты можешь себѣ представить, это меня ужасно разстроило... И загорѣлось отъ поганой папироски: кто-то бросилъ на коверъ папироску; а у меня на парадной лѣстницѣ разостланы были ковры во всю ширину. Коверъ-то тлѣлъ, тлѣлъ, да вдругъ какъ вспыхнетъ, и весь домъ загорѣлся, какъ свѣча. Всѣ мои саксы погибли, вся женина библіотека, старинныя дорогія вещи, бѣлье, платья, посуда, — ну, словомъ, все, все дочиста.... Вотъ, братецъ, мы и поселились поневолѣ въ этой деревушкѣ и въ этомъ скверномъ домишкѣ на голомъ мѣстѣ.... и сами голые. Пуще всего мнѣ жаль моихъ саксовъ и моего Перуджино: остальное все наживное, а ужь

этого, братъ, ты знаешь, скоро не наживешь!... Ужь ты, душенька, извини насъ, если мы не угостимъ тебя такъ, какъ бы желали. Чт̀о дѣлать! Теперь чѣмъ Богъ послалъ. Да, пожалуйста; ты не говори ничего женѣ о пожарѣ. Она, братецъ, слышать до сихъ поръ не можетъ объ этомъ несчастіи; это ее такъ разстроило, что она все еще не въ своей тарелкѣ, все не очень здорова, похудѣла и измѣнилась ужасно: она у меня вообще нервическая, а съ нервическими женщинами, **mon chèr**, бѣда: съ ними надо имѣть большую осторожность.... Такъ не говори же ей объ этомъ ни слова, пожалуйста, не проговорись.

Я успокоилъ его увѣреніями, и онъ принялся кричать:

— Трошка! Трошка! воды, умываться, одѣваться!...

И потомъ опять обратился ко мнѣ:

— Ты, братецъ, совсѣмъ въ арапа превратился отъ нашего чернозема.... Скорѣй воды! Трошка!... Я, братецъ, горю нетерпѣніемъ представить тебя женѣ моей.... Поди скажи барынѣ, что я, дескать сейчасъ приведу къ ней нежданнаго дорогаго гостя.... Какъ я радъ тебѣ! ты не повѣришь, какъ радъ! А знаешь ли, чт̀о мнѣ взбрѣло въ голову? Не послать ли за Скуляковымъ. Онъ сейчасъ прикатитъ, онъ тебѣ обрадуется, — я знаю; вмѣстѣ проведемъ время, вспомнимъ старину...

— Я тебя только хотѣлъ просить объ этомъ, перебилъ я.

— Ну, и прекрасно!... Трошка! Трошка!

Трошка долго не являлся на крикъ барина.

Баринъ началъ свистать, хлопать въ ладоши, стучать ногой въ полъ, кричать: «Эге! ей, вы!» и проч. и взбудоражилъ своими криками весь домъ. Тогда не только Трошка, сбѣжалась вся дворня, тоже какъ будто со сна. Распоряженія о посылкѣ экипажа за Скуляковымъ были сдѣланы. Мы умылись, одѣлись и отправились въ гостинную. Сборная мебель въ этой комнатѣ была разставлена въ умышленномъ безпорядкѣ, такъ что почти проходу не было; на столѣ лежали какія-то книжки съ картинками и стоялъ рыцарь въ коротенькой кацавейкѣ съ капишономъ, съ позолоченными ляжками и икрами и со вздернутыми кверху носками туфлей, державшій на палкѣ солнечную лампу; передъ среднимъ диваномъ разостланъ былъ коврикъ, а по угламъ торчали какія-то засохшія растенія. Во всемъ претензія и хвастовство, при отсутствіи средствъ, все напоказъ для другихъ, а не для себя, нигдѣ уюта и удобства. Въ этомъ домѣ охватывало новаго человѣка тоска и чувствовалось отсутствіе жизни. Въ гостинной никого не было. Летищевъ подошелъ къ закрытой двери, которая, вѣроятно, вела на половину хозяйки, началъ стучать въ дверь и кричать:

— Душенька, душенька! я привелъ къ тебѣ гостя...

Слабый голосъ отвѣчалъ на этотъ крикъ:

— Сейчасъ....

Въ ожиданіи хозяйки, я подошелъ къ двери, выходившей въ садикъ. Въ этомъ садикѣ, вмѣсто деревьевъ, торчали тоненькія палки съ засохшими и скорчившимися на нихъ листиками, между коегдѣ прорывавшеюся зеленью. Противъ этой двери

шла дорожка, усыпанная пескомъ, упиравшаяся въ некрашеный заборъ; а по срединѣ ея стояла какая-то печальная фигура женщины съ поднятою рукою, на пьедесталѣ, который былъ закрытъ цвѣтами, повѣсившими головки.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка дома вошла въ комнату. Ей казалось на видъ лѣтъ около тридцати. Черты лица ея были неправильны, но имѣли выраженіе симпатическое. Густые и темные волосы, зачесанные гладко, но волнистые отъ природы, украшали ея болѣзненное лицо, въ которомъ не было кровинки. Въ ея свѣтло-карихъ, небольшихъ глазахъ, выражались не то тоска, не то утомленіе, — трудно было рѣшить съ перваго взгляда. Эти глаза изрѣдка вспыхивали, какъ я замѣтилъ потомъ, но не оживляясь, тусклымъ пламенемъ, какъ будто отъ внутренней боли, и опять потухали черезъ мгновеніе.... Она казалась высока отъ страшной худобы, и во всей ея фигурѣ обнаруживалось повременамъ нервическое подергиваніе, которое особенно было замѣтно въ движеніи ея блѣдныхъ и тонкихъ пальцевъ.

Летищевъ, представляя меня, назвалъ своимъ первымъ другомъ. Затѣмъ начались обыкновенные въ такихъ случаяхъ разспросы: «Давно ли я пріѣхалъ? надолго ли? живалъ ли я прежде въ деревнѣ?» и прочее. Голосъ ея былъ необыкновенно слабъ, она говоря какъ будто дѣлала нѣкоторое усиліе, иногда останавливалась посрединѣ фразы и глухо кашляла, приставляя платокъ къ губамъ. Все это съ перваго раза поразило меня, возбудивъ участіе къ этой женщинѣ, и отбило всякое снисхожденіе къ моему товарищу.

Летищевъ отпускалъ безпрестанно неумѣстныя шуточки, хохоталъ отъ нихъ самъ во все горло и хвасталъ передъ женою своими великосвѣтскими знакомыми, безпрестанно предлагая мнѣ вопросы о разныхъ князьяхъ и графахъ — нашихъ товарищахъ или знакомыхъ, которыхъ онъ называлъ Васьками, Ѳедьками, Сашками и такъ далѣе. Здѣсь, рядомъ съ своею женою, въ своей домашней жизни, онъ уже показался мнѣ просто гадокъ, такъ что мнѣ стоило величайшихъ усилій скрывать это. Когда разговоръ прерывался, Летищевъ спѣшилъ поддерживать его такого рода выходками:

— Ну, милый другъ, скажи откровенно, вотъ при ней (онъ смотрѣлъ на меня и тыкалъ пальцемъ на жену), находишь ли ты во мнѣ способность вѣрно списывать портреты?... Помнишь, братецъ, мое письмо къ тебѣ о ней?... Ну, вотъ, теперь оригиналъ передъ тобою: находишь сходство?

И потомъ обращался къ ней по французски:

— Я, когда былъ еще женихомъ, такъ описывалъ ему тебя. Не думай, чтобы я льстилъ тебѣ, ma chère, нѣтъ!... съ тѣхъ поръ прошло, конечно, много времени; однако, ты мало измѣнилась, ей-Богу, мало.... немножко похудѣла и поблѣднѣла въ послѣднее время. Блѣдность, впрочемъ, тебѣ къ лицу.

И когда эту женщину начинало подергивать при такихъ выходкахъ, онъ бросался къ ней съ участіемъ и говорилъ, смотря ей прямо въ глаза:

— Что̀ это, душенька, ты, кажется, нехорошо себя чувствуешь? Ты приняла бы этихъ капель, что̀ прописалъ тебѣ Карлъ Иванычъ....

Около обѣда пріѣхалъ Скуляковъ. Онъ такъ измѣнился, что если бы я встрѣтился съ нимъ гдѣ нибудь случайно, я не узналъ бы его съ перваго взгляда. Волосы его посѣдѣли, лицо вытянулось. Глаза были какъ будто менѣе косы; но эти глаза, несмотря на свою косину, имѣли привлекательность, потому что въ нихъ замѣтенъ былъ умъ. Кротость и спокойствіе, смѣшанныя съ грустью, выражались на этомъ лицѣ, которое никакъ нельзя было назвать дурнымъ. Въ его манерахъ, неловкихъ и грубоватыхъ, не было ничего ложнаго и искусственнаго. При немъ становилось легче и веселѣе, хотя онъ ничего не говорилъ веселаго; онъ вносилъ съ собою одушевленіе, хотя самъ былъ одушевленъ рѣдко и говорилъ мало. Только по своимъ манерамъ да по сжатію кулаковъ онъ напоминалъ мнѣ прежняго Скулякова. Онъ встрѣтилъ меня радушно, но безъ всякихъ восторговъ.

Мнѣ показалось, что хозяйка дома обрадовалась, когда онъ вошелъ; у нея даже на мгновеніе вспыхнулъ румянецъ, и она протянула ему руку съ такою пріятною улыбкою, которая еще болѣе расположила меня къ ней. Такъ улыбаться могла только хорошая женщина.

Летищевъ обращался съ Скуляковымъ съ нѣсколько покровительственнымъ тономъ, на что, повидимому, Скуляковъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Когда мы съ нимъ разговорились въ первыя минуты, вспоминая наше прошедшее, Летищевъ безпрестанно перебивалъ насъ разными тупыми шуточками и восклицалъ, ударяя его по плечу и глядя на меня:

— Ну что̀, вѣдь такой же все чудакъ, какъ былъ въ пансіонѣ, не правда ли?... А помнишь, какъ я на дуэль-то хотѣлъ его вызвать? Онъ меня не любилъ въ пансіонѣ, я знаю. Ну, что, дружокъ, хорошенькаго? говорилъ онъ, хватая Скулякова за талію и какъ бы подсмѣиваясь надъ нимъ. — Какія новости ты привезъ намъ изъ своей Бологовки.... Долговки.... чортъ знаетъ, я всегда путаюсь въ имени твоей резиденціи....

— Новаго? возразилъ Скуляковъ: — видишь, вонъ дождикъ пошелъ.

— Аа! слава Богу, слава Бог̀у... Вотъ ты этой нашей радости не понимаешь, братецъ (онъ обратился ко мнѣ); а мы съ нимъ хозяева, владѣтели помѣстьевъ: такъ намъ это любо!... Правда, Василій Васильичъ?

Крикливый и пронзительный голосъ Летищева раздавался безпрестанно. Послѣ пріѣзда Скулякова, онъ каждыя пять минутъ повторялъ:

— Да скоро ли обѣдать? давайте обѣдать,

И насилу дождался этой блаженной минуты. Обѣдъ былъ порядочный, съ обыкновеннымъ столовымъ виномъ, которое онъ выдавалъ за лафитъ, и вызывалъ меня на похвалы каждому блюду, указывая притомъ на жену и повторяя:

— Это все она, она у меня хозяйка; несмотря на то, что занимается литературой вашей и разными серьёзными предметами, а и хозяйственною частію не пренебрегаетъ....

— Полно, пожалуйста, какая я хозяйка! перебивала она умоляющимъ голосомъ.

— Ну, сдѣлай милость! Къ чему излишняя скромность? кричалъ Летищевъ. — Мы съ ней

во многомъ сходимся, продолжалъ онъ, жуя, облизывая губы, прерывая слова глотаньемъ и глядя на меня: — только вотъ у насъ съ ней вѣчные споры; насчетъ этой... терпѣть ее не могу, проклятую... Жоржъ-Сандъ... въ этомъ мы никакъ сойдтись не можемъ.... Я, просто, отвращеніе, братецъ, чувствую къ этимъ блумеристкамъ, femmes émancipées. Женщина должна быть женщиной, по моему.

Летищева не отвѣчала на это ни слова; но лицо ея приняло такое выраженіе, что мнѣ хотѣлось броситься на ея супруга, приколотить его и зажатъ ему ротъ. Онъ самъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на жену его послѣдними словами, и произнесъ:

— Ну, полно, душечка, полно.... я шучу.

Вечеромъ, сидя на крылечкѣ дома, выходившемъ въ такъ называемый садикъ, Летищевъ началъ разсказывать намъ, какъ онъ распространитъ этотъ садъ, выроетъ въ немъ пруды, построитъ мостики, подсадитъ деревьевъ.

— Все это приметъ надлежащій видъ и будетъ очень мило.... Право, душенька, прибавилъ онъ, смотря на жену: — когда все это устроится и разростется, ты мнѣ скажешь спосибо, я увѣренъ въ этомъ.

— Я ужь не увижу этого, прошептала она.

— Опять!... Летищевъ вздрогнулъ при этомъ шопотѣ, и лицо его приняло боязливо-плачевное выраженіе. — Что̀ это ты, ma chère! произнесъ онъ слезливо, поцаловалъ ея руку и сладко посмотрѣлъ ей въ глаза.

Драма, развивавшаяся въ этомъ домѣ, была замѣтна даже для глазъ ненаблюдательныхъ. Всякій посторонній человѣкъ долженъ былъ чувствовать стѣсненіе, при видѣ этой жены и этого мужа.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, становилось нестерпимо тяжело, и я чрезвычайно обрадовался, когда, на другой день вечеромъ, Скуляковъ предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ деревню. Летищевъ сталъ было противиться этому, хотѣлъ даже прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, отдавъ приказаніе своему Трошкѣ, чтобы не смѣли закладывать моего тарантаса. Я отговаривался дѣлами, желаніемъ побывать у Скулякова и наконецъ-таки настоялъ на своемъ. Мы простились съ хозяевами часовъ около восьми вечера. Тарантасъ мой отправился впередъ, а мы съ Скуляковымъ пошли пѣшкомъ. Летищевъ проводилъ насъ съ полверсты, пыхтя и задыхаясь, обнялъ меня на прощаньи, расцаловалъ и даже разрюмился.... Когда онъ исчезъ изъ виду, мнѣ стало легче, и это ощущеніе все постепенно усиливалось по мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Никольскаго.

Вечеръ былъ чудесный. Все воскресло и ожилось послѣ дождя, который шелъ ночью и въ полдень. Воздухъ былъ пропитанъ пріятною влажностію. По очистившемуся небу проходили легкія, волокнистыя облака, принимавшія различные тоны и краски. Вся тяжесть спала съ души моей, когда охватили меня просторъ полей и безмолвіе вечера. Я жадно впивалъ въ себя благоуханныя испаренія земли и травъ; я съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, смотрѣлъ на розовыя, какъ будто таявшія въ лазури облака, на

мошекъ, которыя тучами вились передъ нами. Мнѣ было пріятно, что мы только двое въ этомъ просторѣ, что ни души не было окрестъ и никакого признака человѣческаго жилья.... Съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ мѣстность становилась холмистѣе и разнообразнѣе. Мы спустились подъ гору, перешли черезъ мостикъ, перекинутый черезъ небольшую рѣчку, поворотили направо по ея берегу и потомъ взяли влѣво къ дубовой рощѣ, которая вся облита была огнемъ заката и сквозила золотомъ.

Мы во все время ни слова не сказали другъ другу: намъ не приходило въ голову занимать другъ друга, и когда, выходя изъ рощи, Скуляковъ первый произнесъ: «Ну вотъ и моя деревушка!» я даже вздрогнулъ отъ его голоса, послѣ этой тишины. Роща отдѣлялась отъ деревни глубокимъ оврагомъ, заросшимъ кустами и деревьми. Деревья эти переходили на другой берегъ къ задамъ избъ. Домикъ изъ двухъ срубовъ, въ которомъ жилъ Скуляковъ, совсѣмъ новенькій, изъ толстаго и прочнаго лѣса, ничѣмъ не обшитаго, стоялъ почти у самаго берега оврага и отличался только отъ другихъ избъ своей величиною да тесовой крышей, выкрашенной красной краской. Домикъ этотъ поставленъ былъ наровнѣ съ другими избами и отдѣлялся отъ нихъ, какъ каждая изба отъ другой, только невысокимъ плетнемъ.

Здѣсь не было и признака того, что̀ называется барской усадьбой. Послѣ смерти матери, Скуляковъ сломалъ старый, полусгнившій барскій домъ, а землю изъ-подъ усадьбы отдалъ своимъ крестьянамъ. Новый домикъ его, прикрытый съ

задней стороны лѣскомъ, выходилъ, какъ вся деревня, переднимъ фасомъ на дорогу, за которой до самаго горизонта тянулись холмистыя пажити, прерываемыя шероховатыми пространствами срубленнаго лѣса, съ остатками вывороченныхъ пней, грудами хвороста и уродливо торчавшихъ корней.... Влѣво чуть-чуть виднѣлась колокольня какого-то села.

Мы поднялись по лѣсенкѣ подъ навѣсомъ и вошли въ домъ.

Онъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ съ оштукатуренными и выбѣленными стѣнами. Старинная кожаная мебель съ гвоздиками, оставшаяся ему послѣ матери, была перемѣшана въ этихъ комнатахъ съ прочною, но грубою мебелью работы домашняго столяра. Сидѣть и лежать на этихъ диванахъ и стульяхъ было съ непривычки жестковато. Когда мы усѣлись, чтобы отдохнуть, Скуляковъ сказалъ мнѣ:

— Извини, у меня нѣтъ мягкой мебели. Я самъ вырубленъ грубо изъ простаго дерева, такъ завелъ и мебель по себѣ.

Стѣны комнатъ его были голыя: въ нихъ не было никакихъ украшенiй, ничего безполезнаго. Шкапъ съ книгами и токарный станокъ стояли въ первой комнатѣ, служившей ему кабинетомъ. Надъ постелью въ слѣдующей комнатѣ висѣли два ружья; въ комнатѣ, гдѣ онъ обѣдалъ, разставлены были на простыхъ деревянныхъ полкахъ самоваръ и разныя хозяйственныя принадлежности. Вездѣ было свѣтло и чисто. Вся дворня Скулякова заключалась въ одномъ человѣкѣ, ко-

торый былъ вмѣстѣ его камердинеромъ и поваромъ. Скуляковъ велѣлъ поставить самоваръ.

— А здѣсь душно, сказалъ онъ: — пойдемъ-ка лучше посидимъ на вольномъ воздухѣ. Я не привыкъ къ комнатному, мнѣ въ четырехъ стѣнахъ неловко; а намъ чай принесутъ туда.

Я съ охотой принялъ это приглашеніе, и мы усѣлись на скамейкѣ передъ домомъ.

Наступали сумерки; заря догорала; облака блѣднѣли и тускли; на темнѣвшемъ небѣ мѣстами показывались звѣздочки; паръ начиналъ подниматься надъ полями, и тѣни ложились на росистую землю все шире и шире.

Намъ принесли чай и я закурилъ сигару.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь! сказалъ я. — Я завидую твоей простой, неизуродованной жизни.... Вотъ какою я всегда воображалъ деревню....

Онъ улыбнулся.

— Да вольно же вамъ уродовать свою жизнь? замѣтилъ онъ и произнесъ послѣ минуты молчанія:—нѣтъ, это вѣдь тебѣ такъ кажется... Два-три дня ты проживешь здѣсь съ удовольствіемъ,—я повѣрю,—а потомъ начнешь скучать. Вы люди избалованные; вамъ простота нравится, какъ диковинка; вы ужь сложились, господа, не такъ; вы и въ деревню вносите съ собой ваши затѣи и прихоти и портите ее... Нѣтъ, что̀ ни толкуй, ты долго не выдержалъ бы здѣсь. Это такъ только ты увлекаешься деревней въ первую минуту...

— Не всякой же деревней, отвѣчалъ я: — вотъ въ деревнѣ Летищева, напримѣръ, я ни за что̀ бы не согласился жить.... А онъ погорѣлъ бѣдный?

— Какъ погорѣлъ?

Я началъ было передавать разсказъ Летищева о пожарѣ, но Скуляковъ не дослушалъ меня и перебилъ:

— Это ложь, глупая и безстыдная ложь. Этотъ человѣкъ весь изолгался. Никакой такой деревни и ничего подобнаго у него никогда не существовало... Онъ совсѣмъ раззоренъ, а все еще носъ поднимаетъ; хочетъ корчить богатаго; да теперь у насъ не найдешь въ цѣлой губерніи такого дурака, котораго онъ могъ бы надуть,—а ихъ довольно у насъ. Онъ потерялъ всякій стыдъ, всякую совѣсть, крестьянъ раззорилъ въ прахъ, все обобралъ у нихъ, хлѣбъ запродаетъ на корню разнымъ лицамъ въ одно время и беретъ съ нихъ задатки. Для этихъ продѣлокъ онъ нарочно ѣздитъ въ Москву, потому что здѣсь съ нимъ никто дѣла не хочетъ имѣть. Въ прошломъ году продалъ онъ на срубъ отличную дубовую рощу, которая росла у него за домомъ; теперь только одни пни торчатъ. Долженъ всѣмъ кругомъ и на заемныя письма и на честное слово; вездѣ запакостилъ себѣ дорогу; всѣ бѣгутъ отъ него,—а онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ходитъ гоголемъ, оретъ, хохочетъ, лѣзетъ ко всѣмъ; въ карты садится съ незнакомыми, выигрываетъ—беретъ, проигрываетъ—не платитъ.... Э, да всѣхъ продѣлокъ его и не пересчитаешь!.. Пусть бы губилъ себя.... чортъ съ нимъ!... а онъ загубилъ....

Скуляковъ не договорилъ и замолчалъ.

— Жена его... началъ я, послѣ минуты молчанія:—это, по всему видно, отличная женщина... Но на нее смотрѣть тяжело... Она, кажется,

еле дышетъ.... Неужели жь она вышла за него по любви?

— Ее полумертвую притащили подъ вѣнецъ— вотъ по какой любви! прервалъ меня Скуляковъ, вспыхнувъ: — маменька промоталась изъ барскаго тщеславія и хотѣла поправить дочернимъ бракомъ свои дѣлишки, а Летищевъ — деньгами жены хотѣлъ поправить свои. Оказалось что ни у той, ни у другаго ничего не было: теща надула зятя, зять надулъ тещу.... И какія были между ними сцены, послѣ этого брака!... Нѣтъ! лучше ужь объ этомъ и не вспоминать. Маменька умерла: ея барская спѣсь не перенесла того, когда она узнала, что ея афера не удалась. Кабы одно несчастіе дочери, это бы еще ничего: пусть бы дочь чахла,—только бы съ деньгами, которыя бы она у нея обирала: тогда бы маменька до сихъ поръ благоденствовала.. . И родятся же у такихъ матерей такія дочери! Я зналъ жену Летищева еще дѣвочкой: это было чудесное, необыкновенное дитя. Съ раннихъ лѣтъ она обнаруживала прямоту, твердость и благородство, и, несмотря на то, что мать употребляла всѣ усилія, чтобы изуродовать и исказить ее, она не успѣла въ этомъ. Воспитаніе ей давали самое пустое, самое внѣшнее, для блеска; денегъ на нее не щадили, за границу возили, и все изъ того, чтобы сдѣлать изъ нея бездушную свѣтскую куклу—ничего не взяло: она сама себя перевоспитала. Натура-то значитъ настоящая!... И чего только она не перенесла, бѣдняжка! одинъ Богъ знаетъ.... Первую минуту, когда ей объявили, что она должна быть непремѣнно его женою, она не могла перенести этой мысли и чуть

было не посягнула на жизнь: она хотѣла утопиться; за ней слѣдили, ее спасли.... Лучше бы, кажется, было не спасать!... Потомъ маменька, убѣдясь, что угрозой съ ней ничего не сдѣлаешь, притворилась умирающею, убитою, несчастною, призвала на помощь все свое лицемѣріе и всю свою хитрость. Дѣлать было нечегò. Вышла она замужъ.... думала покориться обстоятельствамъ, но когда разглядѣла поближе своего мужа.... ахъ, страшно вспоминать!... я былъ невольный свидѣтель всего этого.... вся природа ея возмутилась противъ этого человѣка, она почувствовала къ нему непреодолимое отвращеніе: его голосъ, звукъ его шаговъ въ сосѣдней комнатѣ приводили ее въ содроганіе.... Она все это подавляла въ себѣ, скрывала; да иногда силъ нехватало: упадетъ, бывало, безъ чувствъ и валяется въ судорогахъ по полу; а онъ ничего не понимаетъ, бѣгаетъ около нея въ отчаяніи, плачетъ, молится, крестится, ладонку ей свою на грудь вѣшаетъ, суетъ ей спиртъ подъ носъ, обливаетъ голову холодной водой.... Она очнется, взглянетъ, да какъ увидитъ его передъ собою — еще хуже.... Когда все это пройдетъ, она убѣжитъ въ свою комнату и спрячетъ голову подъ подушку; а онъ за ней—это разъ было при мнѣ, начинаетъ хныкать, кричать: «Взгляни на меня... Чтò съ тобой, Сашенька? Я тебя, говоритъ, люблю больше жизни, а ты меня не любишь... Я, говоритъ несчастный!», бьетъ себя въ грудь, валяется у нея въ ногахъ, цалуетъ ея ноги... Онъ вѣдь не злой, сердце у него доброе... и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ былъ глупъ, а легкомысліе и мелочность довели его до совершенной глупости и

превратили въ зловреднѣйшаго человѣка. Такого рода добрыя сердца во сто разъ хуже злыхъ!... Теперь ужь онъ не пристаетъ къ ней такъ, какъ первое время: онъ мнѣ, кажется, догадывается, что она его переноситъ не можетъ, да боится въ этомъ сознаться самому себѣ и обольщаетъ себя увѣреніями, что ему это такъ кажется. Онъ боится дѣйствительности, какъ огня, онъ не живетъ дѣйствительною жизнію, а пребываетъ все въ какихъ-то глупыхъ фантазіяхъ, которыя довели его до совершеннаго нравственаго разслабленія.... У нея прекратились обмороки и припадки, потому что у нея жизнь прекращается. Теперь у нея только вздрагиванья, да замиранія въ сердцѣ.

Скуляковъ махнулъ рукой, и отвернулся.

— Дай Богъ только, продолжалъ онъ, чтобы ей дали умереть спокойно; а то я начинаю бояться, что и этого не будетъ. Не сегодня, завтра земскій судъ нахлынетъ къ нему, опишутъ все. Дворянство противъ него озлоблено, и подѣломъ: онъ послѣднее время такую скверную штуку сдѣлалъ.... Впрочемъ, хорошо и дворянство, выбирающее такого рода людей!

Мы проговорили съ нимъ чуть не до разсвѣта.

Я пробылъ у Скулякова три дня, которые останутся навсегда самыми чистыми воспоминаніями въ моей жизни. Ни откуда не выѣзжалъ я съ такимъ сожалѣніемъ и ни съ кѣмъ не разставался съ такою грустію.

Съ мѣсяцъ назадъ тому, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Обстоятельства заставляютъ меня прибѣгнуть къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ невоз-

можно оставаться въ деревнѣ, и я рѣшился переѣхать въ Петербургъ, а для того, чтобы имѣть средства къ существованію, долженъ посвятить себя службѣ. У тебя много знакомыхъ: не пріищешь ли ты черезъ нихъ какого нибудь мѣстечка для меня? Тебѣ извѣстно, что я довольствуюсь малымъ и честно исполняю обязанности, которыя беру на себя. Для меня *долгъ* прежде всего. Выручи меня, Бога ради, отсюда. Я здѣсь оставаться не могу. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ты этимъ меня крайне обяжешь... Жена Летищева умерла.»

На дняхъ я узналъ, что не задолго до ея смерти земскія власти должны были приступить къ описыванію движимаго имущества Летищева. Скуляковъ предупредилъ это. Онъ отдалъ весь свой маленькій капиталъ Летищеву, — не для того, чтобы спасти его отъ неизбѣжнаго позора, но для того, чтобы дать ей умереть спокойно.

ХЛЫЩЪ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

ХЛЫЩЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

(DE LA HAUTE ÉCOLE).

Вмѣсто вступленія.

Я хочу изобразить.... чуть было не сказалъ *воспѣть*, потому что предметъ достоинъ поэмы, — самаго утонченнѣйшаго и безукоризнѣйшаго изъ всѣхъ хлыщей — хлыща *высшей школы* (de la haute école), передъ которымъ мой великосвѣтскій хлыщъ долженъ показаться жалкимъ, неуклюжимъ и грубымъ, потому что между нимъ и хлыщомъ высшей школы почти такая же разница, какая между простымъ, хотя и породистымъ пуделемъ, бѣгающимъ по улицѣ, и тѣмъ изящнымъ пуделемъ высшей школы, развившемся подъ ученымъ руководствомъ г. Эдвардса, который показывается въ циркѣ г-жи Лорры Бассенъ и Комп. Если бы всѣ въ мірѣ лошади, собаки, люди, насѣкомыя

проходили чрезъ высшую школу — Боже мой! въ какую изящную, утонченною игрушку превратился бы тогда міръ, но, къ несчастію міра, не всѣ одинаково способны подвергаться этой школѣ. И странно! всѣхъ неспособнѣе и непокорнѣе въ этомъ случаѣ — человѣкъ — существо разумное. Его иногда труднѣе вышколить, чѣмъ какую нибудь блоху — это едва замѣтное, неуловимое и неразумное насѣкомое; но зато когда человѣкъ оказывается способнымъ пройдти черезъ высшую школу—онъ становится прекрасенъ, великъ — и всѣ шавки, пудели лошади и блохи высшей школы блѣднѣютъ и уничтожаются передъ нимъ!...

Если бы какой нибудь предпріимчивый и почтенный господинъ, въ родѣ г. Барнума, вздумалъ, вмѣсто ученыхъ собакъ, блохъ, лошадей, дѣвицъ-альбиносокъ, сиренъ и Томъ-Пусовъ развозить на удивленіе Стараго и Новаго Свѣта любопытнѣйшіе и отборнѣйшіе сорты хлыщей, этотъ новый и оригинальный родъ промышленности доставилъ бы ему, я убѣжденъ въ этомъ, колоссальное богатство. Нѣтъ сомнѣнія, что особеную выгоду могли бы, въ этомъ случаѣ, представлять хлыщи высшей школы. На ихъ изящнѣйшія манеры, на ихъ утонченную выправку, на ихъ безподобную недоступность и исполненную чудной граціи величавость стекались бы смотрѣть милліоны народа, потому что народъ вообще падокъ на всѣ великолѣпныя зрѣлища, любитъ глазѣть на все высшее, на все выходящее изъ-подъ обыкновеннаго уровня.

Я желалъ бы вывести передъ любознательной публикой моего хлыща высшей школы во всемъ его блескѣ и красотѣ, такъ какъ выставляютъ

дѣвицъ-альбиносокъ, великановъ и другія чудныя явленія природы, поставить его на вертящіяся подмостки, устланныя бархатомъ или мокетомъ и уставленныя бананами и другими тропическими растеніями, и, тихо повертывая подмостки, доставить почтеннымъ посѣтителямъ случай въ подробности размотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Но, увы! это невозможно. Такія совершенныя созданія, къ какимъ принадлежитъ мой настоящій хлыщъ, не отдаютъ себя на-прокотъ, какъ это случается съ хлыщами другаго рода, — и для того, чтобы дать понятіе о немъ, я по неволѣ долженъ прибѣгнуть просто къ его описанію, чувствуя заранѣе, что предлагаемый поверхностный снимокъ не передастъ и десятой доли тѣхъ красотъ и совершенствъ, которыми обладаетъ несравненный оригиналъ.

I.

Если вы, мой читатель, принадлежите къ жителямъ Петербурга, вамъ, вѣроятно, случалось встрѣчать въ театрѣ, въ клубѣ (разумѣется англійскомъ), на улицахъ или въ салонахъ (если вы ѣздите въ большой свѣтъ), высокаго, полнаго, среднихъ лѣтъ господина, держащаго себя очень прямо, одѣтаго съ изящною и строгою простотою, безъ всякихъ изысканныхъ и бросающихся въ глаза украшеній и нововведеній: безъ стеклышекъ, англійскихъ проборовъ и тому подобнаго, съ движеніями медленно-важными, съ взглядами вѣчно холодными и даже нѣсколько суровыми, съ лицомъ

неподвижнымъ, но проникнутымъ высокимъ сознаніемъ своего превосходства, на которомъ появляется только легкая тѣнь пріятной улыбки, когда господинъ этотъ заговариваетъ съ значительнымъ лицомъ или когда значительное лицо съ нимъ заговариваетъ.... Вы, вѣрно, замѣтили, что не только его безстрастно-прекрасное лицо, но даже его туловище, шея, ноги и руки, — все одинаково проникнуто сознаніемъ своихъ совершенствъ; что онъ поворачиваетъ шею только въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, только тогда, когда очень значительное лицо обращается къ нему или онъ обращается къ очень значительному лицу; что онъ протягиваетъ руку только избраннѣйшимъ изъ избранныхъ; что онъ ходитъ такъ, какъ будто дѣлаетъ честь тротуару или паркету, къ которому прикасается....Если вы видѣли такаго господина, — то вы уже имѣете нѣкоторое понятіе о наружности моего хлыща высшей школы. Его монументальная и торжественная фигура даже напоминаетъ нѣсколько Командора въ «Донъ-Жуанѣ»....

Не подумайте, мой провинціальный читатель, чтобы я преувеличивалъ передъ вами совершенства моего героя—изъ благоговѣйнаго уваженія къ нему. (Я употребляю возвышенное слово *герой*, вышедшее нынѣ изъ употребленія, потому что говорю о возвышенномъ предметѣ). Какое преувеличеніе, помилуйте!... я ссылаюсь на весь великосвѣтскій Петербургъ.... Всѣ, имѣющіе счастье пользоваться знакомствомъ его, подтвердятъ вамъ, что онъ ведетъ себя съ такою безукоризненностію, съ какою можетъ только вести себя господинъ, прошедшій чрезъ всѣ искусы высшей школы. Никто

и никогда не видѣлъ его ни на улицѣ, ни въ театрѣ, ни въ клубѣ, съ человѣкомъ, не принадлежашимъ къ высшему свѣту, съ inconnu; никто и никогда не видалъ его смѣющимся, онъ позволяетъ себѣ только слегка улыбаться въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ замѣчено выше; никто и никогда невидѣлъ его удивляющимся,—онъ ничему не удивляется, какъ всѣ люди безукоризненнаго тона; никто и никогда не замѣтилъ, чтобы въ разговорѣ онъ возвышалъ или понижалъ голосъ,—онъ говоритъ плавно, ровно, спокойно и каждое слово, вылетающее изъ устъ его, должно, кажется, осчастливить того, къ кому относится; никто и никогда не видалъ его апплодирующимъ въ театрѣ, потому что апплодируютъ люли увлекающіеся, т. е. люди плохо вышколенные или, просто, люди дурнаго тона. Даже и въ такія исключительныя минуты, когда бывало Рубини въ «Лучіи», въ сценѣ проклятія, потрясалъ весь театръ своими раздирающими душу звуками и невольно извлекалъ слезы даже изъ глазъ людей хорошаго тона, и ихъ заставлялъ забываться, апплодировать и кричать вмѣстѣ съ толпою,—даже и тогда онъ оставался въ своемъ обыкновенномъ, безподобномъ и величавомъ равнодушіи.

Надобно видѣть, съ какою почтительною ловкостью, тихо, не суетясь, его изящная прислуга подаетъ ему шинель или пальто, когда онъ выѣзжаетъ изъ дома; съ какимъ благоговѣніемъ провожаетъ его гордый и толстый швейцаръ и усаживаетъ въ сани; съ какимъ глубокимъ уваженіемъ капельдинеръ, кланяясь, отворяетъ ему дверь его абонированной ложи; какъ увивается около него дворец-

кій англійскаго клуба въ тотъ день, когда онъ кушаетъ въ клубѣ. Но всѣ эти знаки почтенія, благоговѣнія, подобострастія проподаютъ даромъ. Онъ, кажется, не подозрѣваетъ о существованіи на свѣтѣ лакеевъ, швейцаровъ, капельдинеровъ, дворецкихъ и прочаго, и полагаетъ, что все является и отворяется передъ нимъ, все снимается съ него и надѣвается на него по мановенію волшебнаго жезла. Одинъ тоько разъ онъ чуть-чуть повелъ глазомъ на своего лакея, у котораго бѣлый галстукъ былъ нѣсколько измятъ и имѣлъ не совсѣмъ свѣжій видъ, и обратясь къ своему мажоръ-дому, произнесъ строго-спокойнымъ голосомъ: «чтобъ *этого* сегодня же не было здѣсь....»

Въ клубъ, герой мой пріѣзжаетъ обыкновенно позже всѣхъ и садится за особенный столъ..... За обѣдомъ онъ кажется еще прекраснѣе. Онъ кушаетъ съ большимъ аппетитомъ, но не обнаруживаетъ его ни взглядами, ни движеніями, какъ люди грубые и дурно воспитанные; вино, кажется, онъ не пьетъ, а только вдыхаетъ въ себя его ароматъ, хотя его бутылка опорожняется къ концу обѣда также, какъ и у другихъ, которые просто пьютъ. Послѣ обѣда, онъ садится за карты и играетъ по большой и съ людьми значительными. Онъ къ картамъ не имѣетъ особенной страсти (да и вообще онъ не имѣетъ никакихъ страстей, потому что страстями одержимы только люди *вульгарные*), а играетъ по разсчету, для поддержанія своихъ связей и значенія, сохраняя постоянно величавое равнодушіе и спокойствіе при выигрышѣ и при проигрышѣ.... Но виноватъ, — я кажется, увлекаясь моимъ героемъ, забѣгаю немного впе-

редъ и заранѣе прошу у читателя извиненія только за небольшое отступленіе по поводу картъ. Я не могу на минуту не остановиться на этомъ предметѣ. Карты вещь очень серьёзная. Если вы не умѣете играть въ карты, мой благосклонный читатель, учитесь, учитесь скорѣй, не теряя времени. Посредствомъ картъ, въ Петербургѣ (я не знаю, какъ въ другихъ европейскихъ столицахъ) завязываются наитѣснѣйшія связи, пріобрѣтаются значительныя знакомства, упрочивается тѣснѣйшая дружба и, что̀ важнѣе всего, получаются выгоднѣйшія мѣста. Пріобрѣтя опытъ жизни, я очень сожалѣю теперь, что не посвятилъ себя въ началѣ моего поприща изученію ералаша, преферанса съ табелькой, пикета и *палокъ*. Кто знаетъ, по примѣру многихъ другихъ, я черезъ карты легко могъ бы сдѣлать прекрасную карьеру и, вмѣсто того, чтобы подвизаться на неблагодарномъ и скользкомъ литературномъ поприщѣ, я уже пользовался бы теперь значеніемъ, имѣлъ бы приличный моимъ лѣтамъ чинъ, былъ бы окруженъ подчиненными, смотрящими мнѣ въ глаза, распоряжался бы участью нѣсколькихъ сотъ подвѣдомственныхъ мнѣ людей (что̀ очень пріятно) и преслѣдовалъ бы всѣхъ сатирическихъ писателей, которые раскрываютъ, какъ говоритъ Гоголь, «наши общественныя раны»...

Однако, все это нейдетъ къ дѣлу, и мнѣ давно пора сказать, какое общественное положеніе занимаетъ мой утонченный герой въ свѣтѣ, и познакомить любознательныхъ читателей съ его біографіей.

II.

Онъ сынъ очень почетнаго отца, который умомъ, трудолюбіемъ и, какъ прибавляютъ люди злоязычные, вкрадчивостью и лицемѣріемъ, самъ проложилъ себѣ блистательную карьеру. Почтенный родитель прозывался Бѣлогривовымъ, отъ села Бѣлыя Гривы, въ которомъ родился, и оттого еще можетъ быть, что волосы его въ дѣтствѣ были бѣлы, какъ ленъ. Это прозвище такъ и осталось за нимъ, и никто, конечно, не подозрѣвалъ, что со временемъ оно обратится въ громкую и блестящую фамилію. Въ лѣтахъ отрочества онъ бѣгалъ еще по деревнѣ въ затрапезномъ халатѣ, а въ сорокъ-пять лѣтъ пользовался уже значеніемъ въ Петербургѣ и вступилъ въ бракъ съ дѣвицею довольно извѣстной дворянской фамиліи, за которою взялъ 500 душъ. На шестидесятилѣтнемъ возрастѣ онъ достигъ всего, къ чему съ такою жадностію стремятся люди: чиновъ, окладовъ, почета, уваженія, связей. Въ новый годъ и свѣтлый праздникъ столы его были завалены визитными карточками съ самыми блестящими именами, а въ передней лежали груды листовъ, исписанныхъ посѣтителями. Въ домашней жизни Богъ также благословилъ его. Супруга его была дама очень привлекательной наружности и пріятныхъ формъ, кромѣ того, обладала замѣчательными нравственными достоинствами: характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, вслѣдстіе котораго держала бразды домашняго правленія очень туго, и глубочайшимъ

знаніемъ свѣтскаго такта и всѣхъ мелочныхъ свѣтскихъ обычаевъ и привычекъ. Ея любовь къ супругу и заботливость о немъ не имѣли границъ: она сама распоряжалась всѣми его деньгами; сама разбирала отчеты по имѣнію; сама назначала ему камердинеровъ и смѣняла ихъ по своему произволу; сама ежедневно клала въ его бумажникъ извѣстную сумму денегъ; приказывала какихъ лошадей закладывать въ его карету; безусловно распоряжалась постоянно находившимся при немъ курьеромъ, — и одинъ взглядъ генеральши имѣлъ силы несравненно болѣе, чѣмъ слово генерала, повторенное десять разъ... «Другъ мой, — говорила она съ чувствомъ супругу: — ты слишкомъ занятъ важными государственными дѣлами и я не допущу тебя входить ни въ какія домашнія дрязги. Это ужь мое дѣло». Дѣти (имъ Богъ даровалъ двухъ прелестныхъ малютокъ — мальчика и дѣвочку) развивались также подъ ея исключительнымъ и неусыпнымъ наблюденіемъ.

Нѣжная и любящая мать въ мысляхъ своихъ приготовляла для нихъ блистательную будущность и все воспитаніе ихъ направила на то, чтобы сдѣлать ихъ безукоризненными въ свѣтскомъ отношеніи. Имъ предстояла важная обязанность, высокій долгъ поддерживать честь и славу рода Бѣлогривовыхъ.

Въ характерѣ этихъ дѣтей, съ самого ранняго дѣтства, обнаружилась рѣзкая разница. Викторъ, любимецъ матери и герой этого разсказа, былъ истиннымъ утѣшеніемъ родителей. Его называли необыкновеннымъ ребенкомъ, и онъ былъ дѣйствительно необыкновенный ребенокъ, потому что, къ

удивленію взрослыхъ, не кричалъ, не шалилъ и не рѣзвился, какъ обыкновенныя дѣти. Прекрасный, румяный и полный малютка во всемъ обнаруживалъ что-то въ родѣ разсудительности, сдержанности и какъ будто чувства собственнаго достоинства. Онъ входилъ въ комнату, раскланивался, танцовалъ, игралъ въ куклы, говорилъ съ другими дѣтьми и даже каталъ обручъ по дорожкѣ сада съ серьёзностью и важностію, приводившую въ восторгъ не только его родителей, но даже и постороннихъ. Викторомъ всѣ восхищались и всѣ отзывались объ немъ съ похвалою, исключая, впрочемъ, домашней прислуги, съ которою онъ обращался, несмотря на свой нѣжный возрастъ, такъ повелительно и съ такимъ пренебреженіемъ, что маменька даже принуждена была останавливать его замѣчаніями, что съ людьми надо быть повѣжливѣе. Но, останавливая его, она въ то же время думала съ тайнымъ удовольствіемъ и гордостію, что такъ рано обнаруживающееся въ немъ отвращеніе ко всему *низшему* — признакъ благородной крови Балахиныхъ, которая течетъ въ его жилахъ (генеральша была урожденная Балахина). Лакеи и горничныя, не принимая этого въ соображеніе, смотрѣли на барченка съ совершенно другой точки зрѣнія и такъ отзывались о немъ: «Вишь, щенокъ, еще чуть отъ земли видно, еще молоко на губахъ не обсохло, а туда же, какъ большой хорохорится и горло деретъ».

Сестра Виктора, Соничка, была дѣвочка худенькая, блѣдная, слабая здоровьемъ и ничѣмъ особеннымъ не отличавшаяся отъ другихъ дѣтей. Она, въ противоположность своему брату, пользовалась

большимъ благоволеніемъ всей дворни за свою доброту и мягкость, которыя выражались въ ея блѣдныхъ карихъ глазахъ, и во всѣхъ чертахъ ея привлекательной бѣлокурой головки. Но зато Сончка, несмотря на то, что была старше брата двумя годами, не умѣла вести себя съ достоинствомъ, не имѣла того такта, которымъ такъ изумительно владѣлъ Викторъ чуть не съ колыбели; она была одинаково привѣтлива и радушна съ маленькой княжной Мери, своей сверстницей, и съ Катюшкой, дочерью ключницы. Ни попечительная мать, съ тайнымъ сокрушеніемъ смотрѣвшая на нее, ни неподвижная миссъ Генріетта, ея гувернантка, воспитывавшая нѣкогда, по ея словамъ, миссъ Арабеллу, дочь какого-то лорда, и исполненная самыхъ аристократическихъ претензій, не могли внушить Сонички того чувства гордаго сознанія, которое безспорно должно было одушевлять дѣвушку, — дочь отца, такъ высоко стоявшаго на ступеняхъ общественныхъ почестей, дѣвушку, предназначенную для высшаго свѣта... Кровь Балахиныхъ еще молчала въ ней.

Однажды, на дачѣ, гуляя съ миссъ Генріеттой Соничка (ей было уже въ это время лѣтъ 13) повстрѣчала нищую, хорошенькую дѣвочку лѣтъ восьми, въ лохмотьяхъ, которыя едва прикрывали ее. Дѣвочка эта очень понравилась Соничкѣ, которая остановила ее, съ участіемъ распрашивала — откуда она, и кто она? и сказала ей, чтобы она зашла къ нимъ на дачу. Бѣдная дѣвочка эта цѣлый день не выходила у нея изъ головы, даже снилась ей ночью. На слѣдующее утро она не от-

ходила отъ окна, поджидая ее, и когда та явилась, Соничка чуть не вскрикнула отъ радости, побѣжала ей навстрѣчу и тихонько провела ее въ свою комнату. Она надарила ей разныхъ вещей, и такъ растрогала дѣвочку своею добротою и ласкою, что та со слезами бросилась къ ней и схватила ея руку, чтобы поцаловать; но Соничка отдернула руку и поцаловала дѣвочку... Въ минуту этого поцалуя, на порогѣ двери появилзсь строгая и неподвижная миссъ Генріетта. Такое зрѣлище привело бывшую воспитательницу дочери лорда въ страшное негодованіе... Она приказала сейчасъ нищей выйдти вонъ и, обратясь къ своей воспитанницѣ, прочла ей длинное строгое и краснорѣчивое наставленіе, мысль котораго заключалась въ томъ, что хотя благотворитольность — дѣло похвальное, и хотя помогать бѣднымъ должно, но водить къ себѣ въ комнату нищихъ, обниматься и цаловаться съ ними дѣвушкѣ столь высокаго происхожденія неприлично и непростительно. Миссъ Генріетта ссылалась на свою бывшую воспитанницу, миссъ Арабеллу, умѣвшую всегда соединять похвальныя движенія сердца съ чуствомъ своего аристократическаго достоинства, и наконецъ привела Соничкѣ въ примѣръ ея собственнаго брата, который, несмотря на то, что моложе ея, могъ уже служить для нея во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ. Соничкѣ постоянно всѣ безпрестанно ставили въ примѣръ брата; она не могла не видѣть, что вся нѣжность родителей была обращена къ нему и, несмотря на это, ни малѣйшее чувство зависти не смущало ее. Она чувствовала къ нему самую нѣжную привязанность съ дѣтства.

До пятнадцати лѣтъ она обнаруживала характеръ очень воспріимчивый, сообщительный, живой и пылкій. Она передавала брату всѣ впечатлѣнія, ощущенія и мысли, начинавшія зарождатвся въ ней. Она искала въ немъ отзыва и сочувствія, но всякій разъ послѣ своихъ задушевныхъ признаній, чувствовала какую-то внутреннюю неловкость. Братъ выслушивалъ ея спокойно и равнодушно, безъ всякаго участія, и Соничка объясняла это тѣмъ, что онъ не можетъ еще понимать ее, потому что слишкомъ молодъ.

Пылкость ея начинала однако охлаждаться съ лѣтами, можетъ быть вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, которое усиливалось въ ней вмѣстѣ съ ея раннимъ и быстрымъ нравственнымъ развитіемъ, на которое никто не обращалъ вниманія. Въ восьмнадцать лѣтъ у нея обнаружились такія грудныя страданья, которыя она, при всей своей терпѣливости, не могла скрывать. Созванъ былъ консиліумъ. Доктора рѣшили, что она имѣетъ расположеніе къ чахоткѣ, и что поэтому за ней необходимо имѣть строгій медицинскій надзоръ. Домашній докторъ Бѣлогривовыхъ, очень важный господинъ, пользовавшійся въ городѣ огромною репутаціею и довѣренностію, представилъ къ нимъ въ домъ одного молодаго доктора, который долженъ былъ, подъ его главнымъ руководствомъ, имѣть постоянное наблюденіе за ходомъ ея болѣзни. Молодой докторъ началъ ѣздить въ домъ Бѣлогривовыхъ всякій день. Онъ ухажизалъ за больною съ необыкновенною заботливостію и вниманіемъ и, черезъ нѣсколько времени, она замѣтно стала поправляться. Докторъ продолжалъ однако навѣщать ее так-

же часто. Онъ былъ человѣкъ образованный, большой поклонникъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта и, кромѣ того, страстный охотникъ до музыки. Онъ скоро сдѣлался у Бѣлогривовыхъ почти домашнимъ человѣкомъ. Генералъ и генеральша оказывали ему большое вниманіе, видя его заботливость о больной; миссъ Генріетта полюбила его за то, что онъ говорилъ съ нею по англійски и декламировалъ наизустъ монологи изъ Гамлета и Отелло; Софья Александровна (въ это время никто уже не называлъ ее Соничкой) обнаруживала къ нему также большую симпатію: она была тронута его участіемъ и вниманіемъ къ ней; притомъ его образованіе, умъ и расположеніе къ музыкѣ,—все это производило на нее сильное впечатлѣніе. У нея были очень замѣчательныя музыкальныя способности и она играла на фортепьянахъ съ большимъ вкусомъ, тонкостью и чувствомъ. Докторъ также игралъ на фортепьянахъ недурно, и они иногда вмѣстѣ разучивали любимыя пьесы. Она до того привыкла къ доктору, что въ тотъ день, когда онъ не пріѣзжалъ, чувствовала, что ей какъ будто недостаетъ чего-то.

На ея привязанность къ нему, усиливавшуюся постепенно, не обращалъ никто вниманія. Генералъ видался съ дѣтьми два раза въ день: на минуту утромъ, когда они приходили съ нимъ здороваться, и за обѣдомъ. Генеральша привыкла смотрѣть на доктора, какъ на домашняго человѣка, какъ на своего дворецкаго или на свою ключницу, и подозрѣніе о привязанности къ нему ея дочери не могло даже прійдти ей въ голову. Къ тому же она приняла доктора подъ особое свое покровитель-

ство, потому что онъ лечилъ даромъ всю генеральскую дворню.

Когда здоровье Софьи Александровны поправилось, ее вывезли въ свѣтъ, но, послѣ двухъ или трехъ баловъ, болѣзненные припадки ея снова возобновились,—и эти выѣзды должны были прекратиться къ ея величайшему удовольствію, потому что, послѣ каждаго бала, маменька, недовольная ею, дѣлала ей очень жесткіе выговоры и читала предлинныя морали. Генеральша огорчена была тѣмъ, что появленіе въ свѣтъ ея дочери не произвело того впечатлѣнія, какого она желала и могла надѣяться. Выговоры эти обыкновенно оканчивались упреками, что на ея воспитаніе не щадили ничего, что на нее потратили тысячи, и что она, несмотря на все вниманіе и заботливость объ ней, не оправдываетъ ожиданіе родителей, и такъ далѣе.

Софья Александровна выслушивала эти упреки и выговоры молчаливо и переносила ихъ съ покорностію и твердостію. Иногда только, когда гнѣвъ ея маменьки, по какому нибудь незначительному поводу, выходилъ изъ предѣловъ и разражался оскорбительными и вовсе не свѣтскими выходками (генеральша была горяча), Софья Александровна прибѣгала къ брату, и высказывала ему свое огорченіе. Викторъ Александрычъ былъ въ это время уже студентомъ. Онъ обыкновенно молча выслушивалъ ее и, съ свойственною ему разсудительностію не по лѣтамъ, говорилъ, что если маменька и не совсѣмъ справедлива въ отношеніи къ ней, оскорбляя ее нѣкоторыми словами и замѣчаніями, которыя бы, конечно, не слѣдовало произносить, то въ сущности она все-таки права, потому что

желаетъ ей добра и безпрестанно твердилъ ей, какъ и маменька, о томъ, что ей необходимо выѣзжать чаще въ свѣтъ.

Послѣ одного изъ такихъ объясненій съ братомъ, ей пришла въ первый разъ въ голову мысль, что онъ человѣкъ холодный, безъ сердца. Какъ не отгоняла она отъ себя этой мысли, но она неотвязчиво преслѣдовала и мучила ее нѣсколько дней. Софья Александровна старалась, впрочемъ, всячески оправдывать брата и увѣряла себя, что эта мысль совершенно нелѣпая; что Викторъ напротивъ имѣетъ прекрасное сердце, порывы котораго онъ только боится обнаруживать и что эту наружную холодность и недоступность онъ заимствовалъ отъ своего воспитателя, имѣвшаго на него большое вліяніе, бездушнаго формалиста г. де-Шардона, который былъ помѣшанъ на старой французской аристократіи, разъигрывалъ какого-то маркиза и не признавалъ никакихъ авторитетовъ, кромѣ Лагарпа, Баттё, Буало и Генриха V. Она не принимала въ соображеніе, что неподвижная и суровая миссъ Генріетта не успѣла же задушить въ ней, несмотря на всѣ свои усилія, человѣческія увлеченія и порывы сердца. Сваливая всю вину на г. де-Шардона, Софья Александровна обыкновенно нѣсколько успокоивалась. Несмотря на это, она перестала быть откровенной съ братомъ. Характеръ ея замѣтно измѣнялся, она становилась серьёзнѣе, сосредоточеннѣе, начинала, кажется, чувствовать пустоту и холодъ блестящей среды, ея окружавшей, и свое одиночество. Единственный человѣкъ, которому иногда она высказывалась, былъ докторъ.

Софьѣ Александровнѣ былъ уже 21 годъ. Здо-

ровье ее было слабо и поэтому выѣзжала она въ свѣтъ рѣдко. Маменька, глядя на нее, начинала приходить въ безпокойство и помышлять, какимъ бы образомъ прилично устроить ея участь.

Викторъ Александрычъ, окончивъ между тѣмъ курсъ въ университетѣ, опредѣлился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и въ первый разъ явился въ свѣтѣ на балѣ княгини Красносельской. На этомъ первомъ дебютѣ онъ имѣлъ счастіе быть замѣченнымъ одной очень почетной старушкой, которая нашла, что онъ прекрасно держитъ себя: съ тактомъ, съ почтительностію къ старшимъ и между тѣмъ съ достоинствомъ, и что многіе молодые люди, гораздо поважнѣе его происхожденіемъ, могли бы брать съ него примѣръ....

Однажды, когда Викторъ Александрычъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, только что окончивъ обдѣлку своихъ ногтей и машинально перелистывая Готскій альманахъ, свою любимую настольную книгу, мечталъ о своихъ будущихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, въ комнату его вошла сестра. Ея блѣдное и болѣзненное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, въ ея глазахъ, почти всегда задумчивыхъ и грустныхъ, выражалась сила и энергія, тогда какъ въ движеніяхъ и въ походкѣ была нерѣшительность и почти робость. По всему было замѣтно, что въ душѣ Софьи Александровны совершалось чтò-то необыкновенное и что это посѣщеніе было не даромъ.

Викторъ Александрычъ слегка приподнялъ голову, взглянувъ на сестру. Онъ не замѣтилъ въ ней однако ничего особеннаго, слегка кивнулъ своей прекрасной головой и протянулъ къ ней свою

бѣлую и полную руку, съ искусно обдѣланными ногтями въ формѣ миндалинъ.

Софья Александровна сѣла возлѣ него.

— Что̀ скажешь? произнесъ онъ, переворачивая страницы альманаха, который онъ не выпускалъ изъ рукъ....

— Я пришла съ тобою поговорить объ одномъ дѣлѣ, отвѣчала она: — объ дѣлѣ, которое касается до меня.... Скажи мнѣ искренно, любишь ли ты меня?

Викторъ Александрычъ взглянулъ на сестру и нижняя губа его подернулась немного насмѣшливо.

— Что это за вопросъ? Что съ тобою?

— Я хочу убѣдиться въ томъ, что ты меня любишь, мнѣ это нужно потому, что я должна сообщить тебѣ.... Она остановилась. (Разговоръ ихъ, надобно замѣтить, происходилъ на французскомъ языкѣ).

Викторъ Александрычъ еще взглянулъ на сестру и въ этотъ разъ ужь вопросительно.

— Я ничего не понимаю, проговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ равнодушнымъ тономъ, не обращая вниманія на ея волненіе:—развѣ случилось что нибудь особенное?

У Софьи Александровны на глазахъ показались слезы, она съ минуту ничего не отвѣчала, но потомъ вдругъ бросилась къ брату, обняла его съ увлеченіемъ и почти задыхающимся голосомъ сказала:

— Скажи мнѣ, братъ.... принимаешь ли ты во мнѣ участіе?...

— Что съ тобой однако? спросилъ онъ съ нѣ-

сколько озабоченнымъ видомъ, оправляясь послѣ этихъ неожиданныхъ объятій.

Софья Александровна сказала ему, что она любитъ доктора....

При этомъ признаніи, лицо Виктора Александрыча вспыхнуло, онъ вскочилъ со стула, выпрямился всѣмъ своимъ станомъ и даже нѣсколько выгнулся и обозрѣлъ съ ногъ до головы Софью Александровну....

— Что? Кого? спросилъ онъ, не вѣря ушамъ своимъ.

Она повторила свои слова твердымъ голосомъ.

Викторъ Александрычъ улыбнулся, заложилъ руку за жилетъ и произнесъ:

— Что за шутки! Это совсѣмъ не забавно.

Софья Александровна вспыхнула въ свою очередь, оскорбленная этимъ замѣчаніемъ, высказала ему съ горячностію все, что было у ней на душѣ, и въ заключеніе объявила, что она рѣшилась выйдти за мужъ за доктора.

Викторъ Александрычъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, чтобы придти въ себя, и наконецъ остановился противъ сестры.

— Что съ тобою Sophie? Ты съ ума сходишь, произнесъ онъ въ волненіи, которое ужь не могъ скрыть при всей своей выдержанности: — откуда могли придти къ тебѣ такія мысли, такія дикія понятія? Ты забываешь, *кто ты*, какое имя ты носишь. Что можетъ быть общаго между тобою и какимъ нибудь аптекаремъ или лекаремъ? Пожалуйста прійди въ себя. Опомнись, одумайся. Ты хочешь нанести позоръ нашей фамиліи, сдѣлать насъ городскою сказкою, ты хочешь убить батюш-

ку и матушку. Это какое-то безуміе, которое нельзя оправдать ничѣмъ. Благовоспитанной дѣвушкѣ даже во снѣ не могутъ придти въ голову такія мысли, такія понятія....

Викторъ Александрычъ остановился запыхавшись. Онъ никогда не говорилъ вдругъ такъ много и съ такимъ жаромъ.

— Я люблю его, я на все рѣшилась, произнесла она.

Лицо и глаза ея горѣли. На этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ выражалось что-то гордое и рѣшительное. Это была уже не дѣвочка грустная, болѣзненная и застѣнчивая, но женщина съ сознаніемъ и силою воли.

— Рѣшилась!... повторилъ Викторъ Александрычъ, не обращая на нее вниманія, блѣднѣя и закусивъ нижнюю губу: — это мнѣ нравится! Что такое твое рѣшеніе?—у тебя отецъ и мать, у тебя братъ, ты забываешь объ нихъ, кажется.

— Нѣтъ, я не забываю. Если въ тебѣ есть хоть капля участія и состраданія ко мнѣ, — я прошу тебя, братъ, — будь посредникомъ между мною, батюшкой и матушкой, ты имѣешь вліяніе на нихъ. Тебѣ легче....

— Посредникомъ! перебилъ Викторъ Александрычъ: — подумай же наконецъ, что ты хочешь дѣлать.... въ чемъ? Но это неприличіе, эта безнравственность, это сумасшествіе.... И ты думаешь, что я буду посредникомъ твоимъ у отца и у матери, что у меня повернется языкъ сказать имъ, что ты любишь... Сдѣлай одолженіе, выкинь все это изъ головы. Серьёзно говорить объ этомъ нельзя, и мнѣ досадно на себя, что я принялъ это

серьёзно. Дай мнѣ слово, что ты весь этотъ вздоръ выкинешь изъ головы,—и что объ этомъ никогда не будетъ болѣе слова.

Софья Александровна съ большимъ усиліемъ надъ собою, приняла наружность холодную и спокойную и отвѣчала:

— Хорошо, я подумаю, я только прошу тебя объ одномъ, чтобы это покуда осталось между нами....

Когда она вышла, Викторъ Александрычъ не на шутку призадумался. Мысль, что его сестра можетъ быть женою какого-то лекаря, привела его въ негодованіе и ужасъ. Онъ живо вообразилъ всѣ неизбѣжныя послѣдствія этого: язвительныя улыбки его великосвѣтскихъ пріятелей; тѣнь, которую бросить этотъ безумный бракъ на ихъ фамилію; оскорбительные для нихъ толки и замѣчанія по этому поводу высшаго свѣта; шумъ, который надѣлаетъ въ городѣ этотъ неслыханный скандалъ и проч. При мысли, что все это можетъ сильно повредить его свѣтской и служебной карьерѣ, дрожь пробѣжала по его тѣлу и румянецъ исчезъ съ его полныхъ и пушистыхъ щокъ. «Этого нельзя оставить такъ», подумалъ онъ, «честь нашего дома въ опасности, надо принять заранѣе мѣры, и тотчасъ же предупредить объ этомъ батюшку и матушку.»

Викторъ Александрычъ отправился къ родителямъ и имѣлъ долгое объясненіе съ ними, вслѣдствіе котораго докторъ уже не появлялся въ ихъ домѣ. Съ Софьей Александровной не было никакихъ объясненій, но генералъ и генеральша стали обращаться съ нею очень сухо и холодно. Викторъ

Александрычъ избѣгалъ всякихъ столкновеній и объясненій съ сестрою. Такъ прошло около мѣсяца....

Въ одно прекрасное весеннее утро въ домѣ Бѣлогривовыхъ произошло неописанное смятеніе. Весь домъ переполошился, начиная съ самого генерала до послѣдняго конюха. Генеральша лежала въ обморокѣ; генералъ совершенно потерялся; Викторъ Александрычъ вдругъ такъ поблѣднѣлъ и осунулся, какъ будто только что всталъ съ постели послѣ болѣзни; люди совались безъ толку изъ угла въ уголъ, какъ сумасшедшіе; доктора перебѣгали отъ генеральши къ генералу. — Софья Александровна исчезла изъ родительскаго дома!... Стоны, слезы, крики, рыданія, проклятія потрясали весь домъ.... Она бѣжала, покрывъ стыдомъ и позоромъ маститую, сѣдую голову заслуженнаго старика отца, всѣми уважаемаго, убивъ мать, которая съ такою нѣжностію заботилась о ея воспитаніи. Ужасно!...

Буря утишилась не скоро, да и могла ли она скоро утишиться? Истерики и крики смѣнялись вздохами, стонами, покачиваніемъ головъ, всхлипываніями и жалобами на судьбу.

Вдругъ, въ одинъ день, генералу подали письмо. Онъ взглянулъ на конвертъ и измѣнился въ лицѣ. Письмо было отъ Софьи Александровны. Въ этомъ письмѣ она объявляла о томъ, что она замужемъ, умоляла о прощеніи, просила благословенія и прочее. Но генеральша не допустила генерала распечатать конвертъ, выхватила его изъ рукъ супруга и бросила въ каминъ.

— У насъ нѣтъ болѣе дочери, произнесла она торжественно:—а у тебя, мой другъ, нѣтъ сестры; прибавила она съ рыданіемъ, обращаясь къ сыну

и обнимая его:—чтобы въ домѣ никто и никогда не смѣлъ произносить ея имя, какъ будто бы она никогда не существовала!

Вскорѣ послѣ этого неслыханнаго событія, генералъ, который постоянно страдалъ сильною подагрою и въ послѣднее время еле двигался отъ старости, занемогъ и скончался, оставивъ все, что̀ имѣлъ, женѣ и сыну и ни слова не упомянувъ въ духовномъ завѣщаніи о дочери. Генеральша, рыдая надъ его трупомъ, произнесла: «Это она его убійца! Она!»

— Мое несчастное существованіе, говорила она съ нѣжностью сыну:—поддерживаешь одинъ ты,— ты—моя гордость, ты — мое утѣшеніе! Безъ тебя мнѣ ничего не оставалось бы, кромѣ могилы....

Но генеральшѣ не суждено было долго наслаждаться и радоваться своею гордостью, своимъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ сыномъ. Генеральша умерла въ тифусѣ черезъ полторагода послѣ смерти своего супруга, а когда кто-то изъ ближнихъ въ минуту кончины осмѣлился ей напомнить о дочери, она прошептала: «У меня нѣтъ дочери».—Это были ея послѣднія слова.

Всѣ рѣшили, что Софья Александровна была убійцею отца и матери. На это нельзя даже было сдѣлать никакихъ возраженій, потому что въ такомъ случаѣ легко можно было прослыть за человѣка неблагонамѣреннаго и безнравственнаго....

Такимъ образомъ, Викторъ Александрычъ, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, сдѣлался полнымъ властелиномъ самого себя и единственнымъ наслѣдникомъ состоянія, оставшагося послѣ его ро-

дителей, которое состояло въ 900 душахъ и въ капиталѣ, простиравшемся, говорятъ, до 200,000 рублей серебромъ.

III.

Въ то время какъ великосвѣтскіе товарищи и сверстники Виктора Александрыча, всѣ болѣе или менѣе еще зависѣвшіе отъ своихъ родителей, предавались, не смотря на это, съ излишествомъ всѣмъ увлеченіямъ и безумствамъ молодости, всѣмъ соблазнамъ, которые представляетъ большой городъ: вступали въ клику театраловъ, волочились за танцовщицами, мерзли у театральныхъ подъѣздовъ, провожали *линіи*, тридцать разъ въ утро на рысакахъ и на парахъ съ пристяжными проѣзжали по такъ называемой «Улицѣ Любви», мимо оконъ, изъ которыхъ украдкою выглядывали ихъ возлюбленныя; подымали гвалтъ вечеромъ въ театральной залѣ, когда ихъ богини, порхая, появлялись на сценѣ; бросали деньги на вино и женщинъ; дѣлали долги, занимая сто на сто; цѣлыя ночи просиживали за картами или за лото; пили у Фельёта до разсвѣта и хвастали тѣмъ, кто кого перепьетъ, и потомъ ночью, для забавы, скакали на тройкахъ по улицамъ, останавливая бѣдныхъ запоздалыхъ пѣшеходовъ, придираясь къ нимъ, обсыпая ихъ мукой и сажей, или предавались какимъ нибудь не менѣе остроумнымъ занятіямъ и, къ величайшему огорченію своихъ блестящихъ родителей и родственниковъ, совершенно пренебрегали свѣтскими отношеніями и условіями, — Викторъ Алексан-

дрычъ, пользовавшійся полною, безграничною свободою, велъ такой образъ жизни, которому могъ позавидовать даже человѣкъ перебѣсившійся и остепенившійся, зрѣлыхъ лѣтъ, несмотря на все свое благоразуміе, все-таки впадающій иногда въ промахи, заблужденія и увлеченія. Но несравненный герой мой, какъ уже могъ замѣтить читатель, принадлежалъ къ тому разряду людей, которые не имѣютъ заблужденій и увлеченій, то есть не имѣютъ молодости. Въ самомъ ребячествѣ онъ походилъ уже, какъ мы видѣли, на разсудительнаго и важнаго взрослаго человѣка въ миніатюрѣ. Такія натуры многіе обыкновенно обвиняютъ въ сухости, въ крайнемъ эгоизмѣ и даже въ жестокости, замѣчая, что люди, предающіеся въ молодости самымъ неслыханнымъ и непростительнымъ буйствамъ, впослѣдствіи еще могутъ сдѣлаться настоящими людьми въ полномъ и благородномъ значеніи этого слова, а что отъ людей, незнавшихъ молодости, нельзя ждать ничего добраго. До какой степени справедливо такое мнѣніе и кто правъ — господа ли, такъ разсуждающіе, или тѣ почтенныя особы, которыя, въ противоположность этому мнѣнію, считали Виктора Александрыча образцомъ молодыхъ людей и ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ,—я предоставляю рѣшать читателямъ....

Викторъ Александрычъ, послѣ смерти родителей, прежде всего озаботился о сооруженіи двухъ великолѣпныхъ монументовъ изъ мрамора съ бронзовыми фигурами и гербами на ихъ могилѣ на кладбищѣ Невскаго монастыря. Онъ въ извѣстные сроки послѣ ихъ кончины, какъ слѣдуетъ почтительному сыну, уважающему память своихъ ро-

дителей, заказывалъ панихиды и самъ присутствовалъ на нихъ въ глубокомъ трауре, который чрезвычайно шелъ къ нему, рѣзко оттѣняя удивительную бѣлизну его лица. И до сихъ поръ, ежегодно, въ дни ихъ кончины, его можно видѣть въ Невскомъ монастырѣ. Богомольныя барыни и барышни, живущія подъ Невскимъ, постоянно присутствующія на всѣхъ церковныхъ обрядахъ, похоронахъ, панихидахъ и проч., глядя съ восхищеніемъ на Виктора Александрыча, гордо стоящаго — ибо и въ храмѣ Божіемъ гордость не оставляетъ его — и съ достоинствомъ молящагося о успокоеніи души своихъ родителей, восклицаютъ съ чувствомъ: «Ахъ, какой интересный, просто чудо! и несмотря на то, что такая знатная особа, а какой примѣрный сынъ, эдакихъ сыновей нарѣдкость въ нынѣшнемъ свѣтѣ!»

Шесть недѣль послѣ кончины матери, которыя были исключительно посвящены печальнымъ созерцаніямъ, исполненію обрядовъ и прочагo, Викторъ Александрычъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ приступилъ къ разсмотрѣнію и устройству своихъ дѣлъ: онъ перемѣнилъ квартиру; распустилъ многочисленную дворню и оставилъ при себѣ только четырехъ человѣкъ: камердинера, лакея, кучера и повара. Квартиру онъ нанялъ небольшую, но въ лучшей части города и устроилъ ее, не истративъ на нее ни копѣйки; искусно уставилъ ее старою родительскою мебелью, которая была получше, доставшимися ему разными вещами: саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, старинными кубками съ двуглавыми орлами, стопами и чашами, увѣсилъ стѣны старинными кар-

тинами, розложилъ на столахъ книги, которыхъ онъ, впрочемъ, никогда не читалъ, и иллюстрированныя изданія. Квартира его приняла видъ совершенно аристократическій. Въ кабинетѣ его прежде всего бросался въ глаза, въ круглой великолѣпной рѣзной рамѣ, портретъ его отца въ полномъ мундирѣ и со всѣми знаками отличій, и большая подушка на диванѣ, на которой были вышиты два соединенные герба фамиліи Бѣлогривовыхъ и Балахиныхъ. Въ годъ траура, Викторъ Александрычъ почти никуда не показывался. Онъ выѣзжалъ въ свѣтъ только на обыкновенные вечера и всего чаще посѣщалъ почетную и важную старушку, которая удостоила его не только замѣтить, но даже отличить на балѣ у княгини Красносельской. Онъ умѣлъ поддержать ея высокое расположеніе и сдѣлаться для нея почти необходимымъ лицомъ: онъ просиживалъ у нея по цѣлымъ вечерамъ, читалъ ей французскія газеты (почетная старушка любила заниматься политикой), и исполнялъ съ быстротою и аккуратностью различныя ея порученія. Объ исторіи его сестры давно уже перестали говорить, такъ что Викторъ Александрычъ совершенно успокоился касательно этого предмета и почти забылъ объ существованіи Софьи Александровны. Объ ней не было никакого слуху, и онъ не желалъ узнавать, гдѣ она и что̀ съ нею. Правда, иногда вдругъ совершенно независимо отъ его воли и безъ всякаго повода, его внутренній голосъ будилъ въ немъ воспоминаніе объ ней и нашептывалъ ему ея имя, но онъ задушалъ въ себѣ этотъ голосъ мыслію, что поступокъ его сестры не заслуживаетъ ни сни-

схожденія, ни состраданія и что этимъ поступкомъ она навсегда разорвала съ нимъ кровныя отношенія и связи.

Успѣхъ Виктора Александрыча въ свѣтѣ укрѣплялся съ каждымъ годомъ. — Этому успѣху онъ былъ обязанъ вообще женщинамъ, и преимущественно протекціи почетной старушки. Онъ предпочиталъ дамское общество и бесѣду съ людьми значительными, солидными и пожилыми буйнымъ сходкамъ молодежи, которая, въ свою очередь, не чувствовала къ нему особеннаго расположенія и называла его *накрахмаленнымъ господиномъ*. Дамы почти всѣ были на его сторонѣ и защищали его отъ насмѣшекъ и нападокъ съ большою тонкостью и ловкостью, хотя нѣкоторыя изъ нихъ въ тайнѣ признавались, что, несмотря на всѣ его нравственныя достоинства, отъ него вѣетъ холодомъ и скукою, и чувствовали несравненно болѣе влеченія ко многимъ изъ тѣхъ, которые вовсе не пользовались нравственной репутаціей. Викторъ Александрычъ дѣйствительно не могъ возбудить страсти, но онъ внушалъ къ себѣ невольное расположеніе всего прекраснаго пола за свой глубокосвѣтскій тактъ, за свое непогрѣшительное comme il faut и за ту полную увѣренность въ своихъ достоинствахъ, которыя одною чертою отдѣлялись отъ наглости. При этомъ онъ обладалъ всѣми маленькими талантами, которые въ глазахъ женщинъ имѣютъ большое достоинство. Онъ умѣлъ срисовать пейзажъ для альбома, пропѣть романсъ, или даже какую нибудь итальянскую арію, довольно удачно набросать каррикатуру, но всѣ эти таланты онъ обнаруживалъ только для немногихъ

избранныхъ. Онъ не принадлежалъ къ записнымъ свѣтскимъ танцорамъ, которые танцами пріобрѣтаютъ себѣ славу и извѣстность въ свѣтѣ и дѣлаютъ блестящую карьеру; ему гораздо пріятнѣе было съ высоты своего величія, заложивъ руку за жилетъ, обозрѣвать великолѣпную и пеструю толпу, кружившуюся и двигавшуюся въ бальной залѣ; онъ не любилъ танцы для танцевъ, но считалъ за непремѣнную обязанность танцовать съ тѣми, на которыхъ обращено было особенное вниманіе свѣта, которыя выходили на первый планъ красотою, знатностью рода и особенно богатствомъ. Онъ танцовалъ прекрасно, но безъ блеска и быстроты, безъ веселости и увлеченія, потому что никогда и ни въ какомъ случаѣ не измѣнялъ своему холодному величію. Танцы нашего времени, для которыхъ нужна быстрота и извѣстная степень увлеченія, не подходили къ его строгому характеру, но онъ былъ бы превосходенъ въ минуэтѣ и вообще въ старинныхъ танцахъ, которые требовали плавности въ движеніяхъ, спокойствія, медленности и достоинства. Ему вообще надо было бы родиться столѣтіемъ ранѣе, потому что какое нибудь сукно, трико и полотно не шли къ его торжественной фигурѣ, — для нея были необходимы глазетъ, шолкъ, атласъ, батистъ, кружева и брильянты. Впрочемъ, я думаю, что люди, подобно моему герою, прошедшіе черезъ всѣ тонкости высшей школы, не нуждаются ни въ какомъ внѣшнемъ украшеніи. Если бы Викторъ Александрычъ не имѣлъ той привлекательной и величественной наружности, которая доставила ему прилагательное къ его фамиліи: «*le superbe*», онъ все-

таки былъ бы оцѣненъ за его умственныя и нравственныя качества... Объ его умѣ говорили въ свѣтѣ очень много, вѣроятно потому, что онъ говорилъ очень мало, но за то ужъ если говорилъ, то всегда обдуманно и разсчитано: каждое слово и фраза заранѣе были взвѣшаны въ его головѣ и потомъ уже пускались въ ходъ съ такимъ значеніемъ и съ такою важностью, что самая пустая и ничтожная фраза, которая прошла бы незамѣтной въ устахъ другаго, въ его устахъ казалась необыкновенно дѣльною и серьёзною. Онъ пользовался еще между прочимъ, даже между великосвѣтскою молодежью, которая отвергала всѣ его другія достоинства, репутаціею замѣчательнаго дипломата—вѣроятно, потому, во-первыхъ, что служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а во-вторыхъ потому, что въ наружности и въ манерѣ его дѣйствительно было что-то дипломатическое. Глядя на холодное, безстрастное, серьёзное, и отъ того какъ будто глубокомысленное, лицо Виктора Александрыча, на его важность и на его плавныя, сдержанныя манеры, можно было подумать, что онъ носитъ въ себѣ глубочайшіе политическіе планы, соображенія и тайны. Бальзакъ очень хорошо сказалъ про такого рода дипломатовъ: «они считаютъ себя великими людьми, потому что дипломатія очень удобное знаніе для тѣхъ, которые не имѣютъ никакихъ знаній и отличаются глубиною своей пустоты; потому что она, требуя людей, умѣющихъ держать тайны, даетъ прекрасный случай невѣждамъ значительно пожимать плечами, принимать таинственный видъ и молчать.» — Но если Викторъ Александрычъ и не былъ дипло-

матомъ въ прямомъ значеніи этого слова и ограничивался собственно только перепискою депешъ (онъ имѣлъ превосходный почеркъ), то въ жизни, въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, обнаруживалъ замѣчательныя дипломатическія способности. Начальство обращало на него особенное вниманіе, потому что онъ пользовался высокой протекціей почетной старушки, и при этомъ имѣлъ нравственныя достоинства, рѣзко отличавшія его отъ другихъ молодыхъ людей. Отъ того онъ перегналъ въ чинахъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и при первой возможности былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ.

Какой нибудь молодой человѣкъ съ обыкновеннымъ самолюбіемъ, съ ограниченными взглядами и съ легкомысліемъ, которое такъ свойственно молодости, будучи на мѣстѣ Виктора Александрыча, совершенно бы удовлетворился и успокоился; но Викторъ Александрычъ былъ не таковъ. Несмотря на то, что средства его доставляли ему возможность вести жизнь не только приличную, но даже роскошную, онъ считалъ себя чуть не бѣднякомъ и постоянно былъ озабоченъ мыслію объ устройствѣ своей будущности въ блестящихъ и широкихъ размѣрахъ. Эта потребность росла въ немъ съ каждымъ годомъ, не давая ему покоя. Ему было уже подъ тридцать лѣтъ. Его взгляды на жизнь сдѣлались еще основательнѣе и положительнѣе, онъ съ внутреннею болью сознавалъ, что, не смотря на нѣкоторое значеніе, которымъ уже онъ пользовался въ большемъ свѣтѣ, онъ не имѣетъ съ нимъ кровной связи: что онъ все-таки *выскочка*,—parvenu; что его свѣтскіе пріятели ка-

кіе нибудь князь Драницынъ или графъ Ветлицкій, съ которыми онъ былъ на ты, какъ и со всѣми молодыми людьми большаго свѣта, не имѣющіе и сотой доли его ума, его способностей и его нравственныхъ качествъ, все-таки считаютъ себя выше его, потому что они ведутъ свой родъ чуть не отъ Рюрика, тогда какъ его отецъ, не смотря на почетныя титлы, съ которыми онъ сошелъ въ могилу, вышелъ неизвѣстно отъ куда; что его сестра замужемъ за какимъ-то лекаремъ и что хотя по матери онъ принадлежитъ къ извѣстному и старинному дворянскому роду, но все-таки что такое какіе нибудь Балахины передъ Драницыными! Викторъ Александрычъ понималъ, что ему необходимо большое богатство, чтобы возвысить родъ Бѣлогривовыхъ, придать ему блескъ и заставить забыть о его темномъ началѣ. Богатство можно было пріобрѣсти не иначе, какъ черезъ выгодную женитьбу. Трудная задача. Ему необходимо было, чтобы его будущая невѣста имѣла и богатство и имя, или по крайней мѣрѣ какія нибудь связи съ высшимъ обществомъ. Богатство найти еще не трудно, но имя, соединенное съ богатствомъ, такая рѣдкость въ настоящее время! Немногія богатыя невѣсты знатнаго рода еще въ колыбели назначаются немногимъ богатымъ женихамъ такого же рода. Какой нибудь мильонеръ откупщикъ, золотопромышленникъ, или купецъ, конечно, почелъ бы за величайшую честь отдать дочь свою за Виктора Александрыча, но на дочь какого нибудь откупщика, не смотря не на какія ея достоинства, не смотря ни на какое воспитаніе и не смотря ни какое богатство, высшій свѣтъ, смо-

трѣлъ бы все-таки съ высока и оказывалъ бы ей только снисходительное покровительство, если бы и допустилъ въ свой кругъ. Князь Драницынъ, напримѣръ, могъ въ крайнемъ случаѣ для поправленія своихъ совершенно разстроенныхъ дѣлъ, рѣшиться на такой подвигъ, потому что княгиню Драницыну, кто бы она ни была, поморщившись конечно, но все-таки признали бы *своей*, а Виктору Александрычу надобно было еще добиваться того, чтобы самому пустить корни въ аристократическую почву, раскинуться и утвердиться на ней, потому что самъ онъ въ большемъ свѣтѣ походилъ на молодое деревцо, пересаженное на новое мѣсто, которое правда, уже принялось и распустилось, но еще за прочное существованіе котораго ручаться было нельзя. Обдумавъ и разсчитавъ все это, Викторъ Александрычъ съ терпѣніемъ, осторожностію и ловкостію опытнаго охотника, крадущагося за дичью, началъ слѣдить за богатыми невѣстами и сторожить ихъ. Но, несмотря на всю его осторожность и тонкость въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, неблагосклонная къ нему свѣтская молодежь тотчасъ подмѣтила его маневры и прозвала его *искателемъ богатыхъ невѣстъ*. «У него это на лбу написано», говорили они. Это прозвище изъ высшаго свѣта перешло въ другія общества и какой нибудь г. Вихляевъ—этотъ омерзительный типъ крайней пустоты, пошлости и обезьянства, гуляя по Невскому Проспекту съ своими пріятелями, при встрѣчѣ съ Викторомъ Александрычемъ, котораго онъ, разумѣется зналъ только по имени, — всегда говорилъ: «А! вотъ искатель богатыхъ невѣстъ».

До Виктора Александрыча не могли не доходить слухи о томъ, какъ зло его пріятели отзывались объ немъ за глазами и какіе ядовитые анекдоты распускали объ немъ въ городѣ, но онъ ни мало не смущался этимъ, продолжалъ самымъ дружескимъ образомъ обращаться съ однимъ изъ жесточайшихъ своихъ тайныхъ враговъ, княземъ Драницынымъ—и шелъ упорно и твердо къ своей цѣли.

Людямъ такого характера, каковъ былъ у Виктора Александрыча, все удается—и удачи эти зависятъ отъ нихъ самихъ, а не отъ слѣпаго счастія, которое имъ приписываютъ люди тупоумные и неразсуждающіе.

Однако всѣ старанія Виктора Александрыча къ отысканію богатой невѣсты въ свѣтѣ долго оставались безплодными. Въ виду для него, кромѣ пожилой княжны Зарайской, съ большими связями и съ большимъ, но разстроеннымъ состояніемъ, никого не было. Викторъ Александрычъ, въ ожиданіи чего нибудь лучшаго, сталъ ухаживать за княжною. Начинали даже поговаривать, что онъ женится на ней, какъ вдругъ въ то самое время, когда шли эти толки, совсѣмъ нежданно появилась въ свѣтѣ дѣвушка безъ блестящаго имени, но, какъ говорили, съ огромнымъ богатствомъ, довольно близкая родственница одному изъ самыхъ важныхъ и значительныхъ лицъ въ городѣ. Двоюродная сестра этого лица отдана была совершенно прожившимися родителями за мужъ за какого-то незначительнаго господина, нажившаго себѣ мильоны посредствомъ не совсѣмъ честныхъ, но чрезвычайно удачныхъ спекуляцій, пріобрѣтшаго имѣнія, большія земли на югѣ Россіи и желѣзные заводы

въ Сибири. Отъ этого брака родилась дочь, которая на девятнадцатомъ году лишилась отца (мать ея умерла еще прежде) и сдѣлалась единственной наслѣдницей всѣхъ этихъ богатствъ. Годъ своего послѣдняго траура она провела въ Москвѣ, въ домѣ своей родственницы по матери, и по окончанiи траура вызвана была въ Петербургъ важнымъ и значительнымъ лицомъ, который принялъ ее подъ свое родственное покровительство и въ домѣ котораго она поселилась. Она также считалась въ родствѣ, хотя довольно дальнемъ, съ почетной старушкой, которая протежировала Виктора Александрыча.

Появленiе этой дѣвушки въ петербургскомъ большемъ свѣтѣ надѣлало шуму и слухи объ ея состоянiи, можетъ быть нѣсколько преувеличенные, быстро распространились по всему городу. Она сдѣлалась извѣстна подъ именемъ *богатой невѣсты*. Наружность ея не имѣла ничего замѣчательнаго: она была небольшаго роста, худощава, имѣла цвѣтъ лица изъ-желта-смуглый, густые черные волосы, черные блестящiе глаза и очень быстрыя порывистыя и не совсѣмъ тонкiя манеры. Въ ней не было признака того, чтò зовется *породою,* она походила болѣе на отца, чѣмъ на мать. Воспитанiе она получила хорошее, но безъ всякой великосвѣтской выдержки и людей свѣтскихъ, кровныхъ и породистыхъ смѣшила своею наивностiю. Несмотря на все это, свѣтъ принялъ ее довольно благосклонно, какъ богатую наслѣдницу и родственницу значительнаго лица.

Викторъ Александрычъ съ первой минуты ея появленiя, хотя она далеко не удовлетворяла своею

наружностью и манерами того тонкаго идеала женщины, который онъ носилъ въ себѣ, рѣшилъ, что это именно та, которую онъ ищетъ. На первомъ ея свѣтскомъ дебютѣ, на балѣ у графини Рябининой, онъ танцовалъ съ ней мазурку и съ этой минуты все свое вниманіе преимущественно сосредоточилъ на ней, не упуская, впрочемъ, совершенно изъ виду княжну Зарайскую, изъ боязни злаго языка раздраженной пожилой дѣвушки, чтобы не вдругъ открыть свои настоящіе виды. Богатая невѣста сначала какъ будто нѣсколько робѣла передъ Викторомъ Александрычемъ, но потомъ начала постепенно привыкать къ нему и даже видимо чувствовать нѣкоторое расположеніе.

— Знаете ли, что я васъ первое время ужасно боялась, сказала она ему однажды, съ свойственною ей живостію, улыбаясь и прямо смотря ему въ глаза.

— Будто? отчего же это? спросилъ Викторъ Александрычъ.

— Оттого, отвѣчала она:—что вы держите себя такъ важно и недоступно, какъ будто все, что кругомъ васъ, недостойно вашего вниманія. Скажите, зачѣмъ вы это дѣлаете?

Этотъ наивный вопросъ и тонъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, не понравились Виктору Александровичу, однако, онъ скрылъ это и произнесъ съ едва замѣтной улыбкой:

— Вы ужъ никакъ не можете сказать, чтобы я не обращалъ *ни на кого* особеннаго вниманія. Вы должны, по крайней мѣрѣ, исключить изъ всѣхъ *себя*....

— Мнѣ очень лестно, что я попала въ исключеніе, сказала она:—но я въ самомъ дѣлѣ принадлежу къ исключеніямъ въ вашемъ свѣтѣ. Я еще не могу привыкнуть къ нему, мнѣ все какъ-то еще неловко и странно.... Здѣсь какъ-то и дышать трудно, прибавила она, засмѣявшись:—какъ будто мнѣ недостаетъ воздуху.... Я привыкла къ болѣе свободной жизни.

«Ты отвыкнешь отъ нее!» подумалъ Викторъ Александрычъ.

Къ окончанію бальнаго сезона, въ городѣ начали носиться слухи о разныхъ бракахъ, и между прочимъ, о бракѣ Бѣлогривова съ богатой невѣстой. Послѣдній слухъ былъ несправедливъ, хотя и имѣлъ нѣкоторое основаніе, потому что виды на нее Виктора Александрыча не были уже тайною для тѣхъ, которые ѣздятъ въ свѣтъ.

Этимъ видамъ въ особенности способствовала его покровительница — почетная старушка. Еще вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ богатой невѣсты, она сказала Виктору Александрычу съ разстановками и понюхивая табакъ изъ своей золотой табакерки, съ портретомъ на эмали Императрицы Екатерины:

— Тебѣ, батюшка, пора бы ужъ подумать о томъ, чтобы завестись своимъ домомъ.... ты человѣкъ такой порядочный, солидный... къ тебѣ нейдетъ холостая жизнь... Вотъ тебѣ невѣста... пріѣзжая-то эта... Лиза Карачевская. Право. Чего же лучше? Она богата... Ея отецъ... я его не знала, онъ, говорятъ, былъ такъ, изъ какихъ-то изъ простыхъ, аферистъ какой-то былъ... онъ оставилъ ей огромное состояніе; ну, а по матери она имѣетъ

хорошее родство... Она и мнѣ вѣдь какъ-то доводится.. мы съ матерью-то ея были троюродныя... ну, а дядя ея, князь Андрей Ѳедорычъ — теперь важное лицо... а помню еще, какъ мальчишкой въ курточкѣ бѣгалъ... Ты какъ ее находишъ?...

Викторъ Александрычъ отвѣчалъ, что она ему нравится.

— Да, она ничего... вертлявая только такая... ну да чтожь требовать?... Дѣвочка порядочнаго общества еще не видала....

Мѣсяца черезъ три послѣ этого, въ одно утро, Викторъ Александрычъ сидѣлъ у почетной старушки и по обыкновенію читалъ ей газеты, только что полученныя съ почты. Когда чтеніе окончилось, она, по обыкновенію, понюхала табаку и начала, по поводу этихъ газетъ, дѣлать свои критическія замѣчанія.

— Вотъ, говорила она:—этаго Гизо называютъ умникомъ... Чтожь въ немъ умнаго?... Богъ знаетъ, что теперь дѣлается во Франціи... Шумятъ, кричатъ въ этихъ Палатахъ, безъ всякаго толку... Всѣхъ бы ихъ выгнать по шеямъ и призвать бы на престолъ законнаго короля Генриха V... Ахъ, какой безалаберный, пустой народъ эти французы!... Ну, да Богъ съ ними.... Скажи-ка мнѣ лучше, какъ идутъ твои дѣла?

— Какія дѣла? спросилъ Викторъ Александрычъ, притворяясь, что не понимаетъ вопроса.

— Какъ какія? возразила старушка, вертя табакерку между двумя морщинистыми пальцами, изъ которыхъ на одномъ горѣлъ старинный бриль-янтовый перстень: — а Лиза-то Карачевская? Она была у меня... я спрашивала у нее про тебя. —

«Что, я говорю, нравится ли онъ тебѣ?... да говори правду...» Сначала замялась, ну, а потомъ призналась, что ты ей очень нравишься. Что же, ты бы ужъ кончалъ это дѣло... Зачѣмъ въ долгій ящикъ откладывать.... Хочешъ, чтобы я переговорила предварительно съ дядей-то ее?... Вѣдь его нельзя обойти.

— Я хотѣлъ васъ просить объ этомъ, сказалъ Викторъ Александрычъ съ почтительнымъ наклоненіемъ головы.

— Хорошо, мой другъ, я постараюсь тебѣ устроить это дѣло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, значительное лицо заѣхало къ ней съ визитомъ. Старушка (которая была большая говорунья) завела рѣчь о скверномъ петербургскомъ климатѣ; о нынѣшней молодежи, которая, по ея мнѣнію, ни на что не похожа; удивлялась княгинѣ Л*., которая допускаетъ въ свой парижскій салонъ Гизо и еще дружится съ нимъ, несмотря на то, что онъ министръ незаконнаго короля и, послѣ минуты отдыха, понюхавъ табаку, завертѣла свою табекерку между двумя пальцами.

— Ну, а что, князь, твоя Лиза? спросила она.

Князь отвѣчалъ, что ничего и что она понемногу начинаетъ привыкать къ свѣту, къ обществу.

— Что ей, я думаю, лѣтъ ужъ двадцат слишкомъ? Ей бы и замужъ пора. Отъ жениховъ-то, я чай, нѣтъ отбоя.

Князь отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ и не слыхалъ ни о какихъ женихахъ.

— Нѣтъ, ей пора, пора замужъ, произнесла старушка настоятельнымъ тономъ, посмотрѣла на кня-

зя значительно и остановилась на минуту. — У меня есть въ виду для нея женихъ....

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчалъ князь, улыбнувшись.—Кто же это?

— Отличный молодой человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ — умный, скромный, порядочный.... **un homme tout á fait comme il faut**... только не въ нынѣшнемъ смыслѣ... онъ не похожъ на эту молодежь, которая безпутничаетъ, шляется по трактирамъ и волочится за плясуньями. Онъ сынъ почтеннаго отца и человѣкъ, который можетъ сдѣлать карьеру. Ты, вѣдь, князь, знаешь его.... я говорю о Бѣлогривовѣ.

— А-а!... онъ точно очень достойный молодой человѣкъ, возразилъ князь: — но я полагаю, что **Lise** можетъ сдѣлать партію болѣе видную.

Табакерка съ портретомъ Императрицы Екатерины быстро завертѣлась между двумя пальцами почетной старушки, морщинистая голова ея затряслась и все туловище ея пришло въ движеніе.

— Я любопытна знать, произнесла она дребезжащимъ отъ волненія голосомъ: — почему же Бѣлогривовъ ей не партія, чѣмъ онъ ниже ея... что же такое былъ ея отецъ?... Вспомните, князь... надо же смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ есть... Онъ можетъ составить счастіе этой дѣвочки.

Почетная старушка пользовалась столь сильнымъ авторитетомъ и значеніемъ, что даже такое значительное лицо, какъ князь, передъ которымъ все разступалось, кланялось и благоговѣло, пришелъ въ нѣкоторое смущеніе отъ ея гнѣва. Онъ началъ какъ будто оправдываться, говорилъ, что ему еще

и въ голову не приходило о замужествѣ племянницы и что онъ сдѣлалъ возраженіе это такъ.

Старушка приподнялась съ своихъ креселъ, величаво выпрямилась и, обратясь къ значительному лицу, произнесла съ чувствомъ подавляющей гордости.

— Бѣлогривовъ дѣлаетъ предложеніе вашей племянницѣ, князь, *черезъ меня*...

— Я долженъ переговорить съ нею, перебилъ князь.

— Дѣлайте, какъ знаете, но если вамъ не угодно будетъ по какимъ нибудь вашимъ разсчетамъ принять его предложеніе, то вы ему откажите, князь, *черезъ меня*, потому что я принимаю участіе въ этомъ дѣлѣ.

Произнеся это, старушка поклонилась князю и, несмотря на свои лѣта и уже нѣсколько согбенный станъ, торжественно, какъ власть имѣющая, вышла изъ комнаты.

На другой день Викторъ Александрычъ былъ объявленъ женихомъ богатой невѣсты.

Почетная старушка держала въ страхѣ всѣхъ, отъ большихъ до маленькихъ, она не терпѣла никакихъ возраженій, ея просьба была почти приказаніемъ, потому что никто и никогда не осмѣливался отказывать ей ни въ чемъ; значительныя лица за глазами подсмѣивались надъ нею, но въ глаза показывали ей знаки глубочайшаго уваженія; про ея странности, капризы и деспотическій характеръ ходили въ городѣ безчисленные разсказы.

Однажды, говорятъ, ея родной племянникъ, извѣстный генералъ, увѣшанный знаками отличій, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ. Она сидѣла въ своей

маленькой гостинной на своемъ старинномъ волтеровскомъ креслѣ и съ своей неразлучной табакеркой въ рукѣ. Племянникъ раскланялся, поцаловалъ ея руку, она указала ему на кресло противъ себя, онъ сѣлъ и въ жару какого-то разсказа, забывшись, облокотился о спинку креселъ и положилъ ногу на ногу. Старушка долго смотрѣла на него и на его ноги съ вниманіемъ, которое не обѣщало ничего добраго, и наконецъ вдругъ прервала его рѣчь.

— Что это такое? вскрикнула она.—Посмотрите на себя, батюшка, какъ вы сидите передо мною? вы забываетесь! Я васъ прошу выйдти вонъ.

И три мѣсяца послѣ этого не пускала къ себѣ генерала на глаза.

Пользоваться покровительствомъ такой особы удавалось не всякому и было не такъ легко. Викторъ Александрычъ принадлежалъ къ немногимъ счастливцамъ. Почетная старушка, которая въ послѣднее время почти никуда не выѣзжала и изрѣдка только удостоивала чести своимъ посѣщеніемъ немногихъ избранныхъ, сама вызвалась быть посаженой матерью Виктора Александрыча. О такой высокой чести кричалъ съ удивленіемъ весь городъ и это обстоятельство значительно подняло Виктора Александрыча во мнѣніи свѣта. Посаженый отецъ, конечно, выбранъ былъ подъ пару посаженой матери. Сватьба, совершившаяся въ церкви одного аристократическаго дома, была вообще необыкновенно блистательна и надѣлала въ свое время большаго шуму въ городѣ.

— **Vous savez la grande nouvelle, mon cher?** — искатель богатыхъ невѣстъ и накрахмаленный гос-

подинъ достигъ таки своей цѣли, сказалъ князь Драницынъ адъютанту, только что вернувшемуся изъ какой-то поѣздкн, съ которымъ онъ встрѣтился на Невскомъ:—мы его вчера обвѣнчали на богатой невѣстѣ. Я былъ его шаферомъ, а княгиня Анна Васильевна посаженной матерью.... сама княгиня Анна Васильевна!

— Ваһ! воскликнулъ адъютантъ, разинувъ ротъ отъ удивленія при этомъ имени и остановившись на этомъ һаһ.

IV.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ брака Виктора Александрыча, супруга его вручила ему полную и неограниченную довѣренность на управленіе всѣмъ ея имѣніемъ. Черезъ годъ онъ купилъ домъ на собственное имя и началъ устроивать его съ великолѣпіемъ, не уступавшимъ первымъ домамъ столицы. Домъ этотъ, отдѣланный снаружи въ разстреліевскомъ стилѣ, въ родѣ дома князей Бѣлосельскихъ, считается теперь однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ.

Первые мѣсяца послѣ своего замужества, Лизавета Васильевна, такъ звали супругу Виктора Александрыча, казалась совершенно счастливою: ее все радовало, все занимало, все удивляло и, вслѣдствіе своего живаго характера, она обнаруживала свое удивленье и свою радость прямо, съ добродушіемъ и искренностію. Лизаветѣ Васильевнѣ не приходило въ голову, что благовоспитанныя свѣтскія женщины не высказываютъ своихъ внут-

ренних движеній и что въ свѣтѣ всякое увлеченіе считается отсутствіемъ такта и неприличіемъ. Лизавета Васильевна иногда вдругъ, въ порывѣ своего чувства, бросалась на шею къ своему супругу, обнимала его и объяснялась ему въ любви.

— Я не хочу, Victor, говорила она ему:—чтобы ты былъ такой мрачный, серьёзный, неподвижный.... Мнѣ все кажется, что ты сердишься на что нибудь, или чѣмъ нибудь недоволенъ. Если ты любишь меня, ты долженъ быть теперь также веселъ и счастливъ, какъ я. Вѣдь ты любишь меня? ну, скажи мнѣ, любишь?... да?...

Эти вопросы о любви, съ которыми приставали къ нему, производили на него самое непріятное впечатлѣніе.... Но въ устахъ жены они казались ему еще непріятнѣе, чѣмъ въ устахъ сестры.

— Что за объясненія! возражалъ онъ со своимъ обычнымъ холоднымъ достоинствомъ. Ты знаешь, что я тебя люблю, я знаю, что ты меня любишь. Любовныя фразы говорятъ только въ романахъ и на театрѣ.... Порядочные люди говорятъ молча....

— Какой ты несносный, Victor, перебивала она, полушутя, полу-серьёно:—что мнѣ за дѣло до твоихъ порядочныхъ людей... Богъ съ ними! я знаю, что я не порядочная, потому что я не могу скрывать того, что̀ чувствую.

При словѣ *не порядочная,* Виктора Александрыча какъ-то всего невольно передернуло и брови его вдругъ сдвинулись.

— Это дурно, очень дурно, возразилъ онъ, сдерживая себя.—Ты не дѣвочка ужъ, не пансіонерка какая нибудь... Ты имѣешъ положеніе въ свѣтѣ..

Лизавета Васильевна отъ нетерпѣнія хлопала ножкой....

— Ахъ, какъ это скучно, мораль! говорила она, нахмуривъ брови, но улыбаясь въ тоже время: — ты меня убиваешь... Отчего ты такой холодный, Victor, скажи мнѣ?

— Ты смотришь на все, какъ-то странно, отвѣчалъ Викторъ Александрычъ: — для тебя радость должна непремѣнно выражаться смѣхомъ, любовь нѣжными объясненіями, фразами и ласками, печаль слезами, и я тебѣ кажусь холоднымъ потому только, что умѣю владѣть собой; это необходимо, ты скоро сама поймешь это... Людей, которые не умѣютъ владѣть собой въ свѣтѣ, называютъ неблаговоспитанными.

— Положимъ, возражала Лизавета Васильевна: — надо умѣть владѣть собой въ свѣтѣ, положимъ, что смѣшно и неприлично обнаруживать свои чувства передъ людьми посторонними, но зачѣмъ мы будемъ скрывать другъ отъ друга свои чувства, впечатлѣнія, мысли—когда мы вдвоемъ, когда мы наединѣ? Я не понимаю этого.

Такого рода разговоры обыкновенно оканчивались замѣчаніями Виктора Александрыча, что вмѣсто того, чтобы разсуждать, гораздо лучше вести себя такъ, какъ ведутъ всѣ.

Одинъ разъ Лизавета Васильевна, которая старалась замѣтно, съ нѣкотораго времени, сдерживать свои внутреннія ощущенія (она ужъ не такъ часто бросалась на шею къ супругу), послѣ обыкновеннаго съ нимъ разговора, на минуту задумалась и потомъ вдругъ обратилась къ нему:

— Я давно хотѣла тебя спросить, сказала она, дѣлая нѣкоторое усиліе надъ собою: — но я не знаю, меня что-то останавливало... у тебя, говорятъ, есть сестра, а я ничего не знала объ этомъ.

Въ голосѣ, которымъ она произнесла это, было болѣе грусти, чѣмъ упрека.

Надобно было пройти сквозь всѣ искусы высшей школы, чтобы не обнаружить при этомъ неожиданномъ вопросѣ ни движеніемъ, ни взглядомъ, ни восклицаніемъ ни малѣйшаго волненія. Вопросъ этотъ кольнулъ Виктора Александрыча въ самое больное мѣсто, но онъ отвѣчалъ на это равнодушнымъ и спокойнымъ тономъ:

— Кто тебѣ сказалъ?..

— Для чего тебѣ это знать? Впрочемъ, это мнѣ было передано не за тайну и я могу тебѣ сказать кто.... но скажи мнѣ прежде, правда это, или нѣтъ?

Викторъ Александрычъ отвѣчалъ, что у него точно была сестра и что она можетъ быть жива еще, но, вслѣдствіе ея ужаснаго поступка, для него она уже болѣе не существуетъ. И онъ разсказалъ всю исторію ея: какъ она бѣжала изъ родительскаго дома, убила отца и мать и прочее.

Лизавета Васильевна не могла скрыть своихъ ощущеній при этомъ разсказѣ; сдерживаемыя слезы крупными каплями выступали на ея глазахъ и лились по ея смуглымъ щекамъ.

— Отчего же ты мнѣ не сказалъ объ ней прежде? спросила она съ горячностію и волненіемъ,— отъ меня ты, казалось бы, не долженъ былъ скрывать этого....

— Для чего бы я сталъ говорить объ этомъ! отвѣчалъ онъ. — Между ею и мною всѣ сношенія

прерваны; ни я, ни ты, надѣюсь, никогда ее не увидимъ.

Лизавета Васильевна вздрогнула.

— Но если она сдѣлала дурной поступокъ, сказала она черезъ минуту:—то это было по увлеченію, по страсти. И Богъ прощаетъ,—неужели же ты никогда не простишь этого сестрѣ?

— Я тебя прошу *никогда* болѣе не говорить мнѣ объ этомъ, сказалъ Викторъ Александрычъ твердо.

Лизавета Васильевна повиновалась его волѣ, но этотъ разговоръ оставилъ въ ней тяжелое и горькое впечатлѣніе и мысль объ этой отверженной долго преслѣдовала ее.

Викторъ Александрычъ, въ началѣ останавливавшій легкими замѣчаніями порывы и увлеченія своей супруги, противорѣчившіе совершенно великосвѣтскому понятію о благовоспитанности, видѣлъ, что противъ этого надобно принять мѣры болѣе серьёзныя. Онъ сознавалъ опасность этихъ порывовъ, если имъ дать полную волю, необходимость охладить горячность ея сердца, затушить ея *идеальныя, романическія* стремленія и не дозволить имъ развиваться.... Викторъ Александрычъ всѣ глубокія человѣческія чувства, всѣ горячія убѣжденія сердца называлъ идеальными и романическими стремленіями.... Онъ понималъ необходимость дисциплинировать ее, дать ей практическое направленіе, перевоспитать на свой манеръ, подвергнуть ее всѣмъ пыткамъ высшей школы, чтобы сдѣлать изъ нея настоящую свѣтскую женщину, достойную носить фамилію Бѣлогривовыхъ. Все это было, конечно, не совсѣмъ легко, но онъ успокоивалъ себя

мыслію, что такіе характеры, каковъ былъ у Лизаветы Васильевны, имѣющіе много горячности, но мало твердости, легко вспыхивающіе, но скоро охлаждающіеся, — должны безъ большихъ препятствій подчиняться постороннему вліянію, особенно если дѣйствовать на нихъ постепенно и не слишкомъ рѣзко.

Викторъ Александрычъ приступилъ къ своей цѣли съ осторожностью и ловкостью и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ зналъ, что Лизавета Васильевна имѣла наклонность къ чтенію, и хотя самъ былъ убѣжденъ, что книги, исключая весьма немногихъ, приносятъ болѣе вреда, нежели пользы, но онъ не вооружался противъ ея наклонности: напротивъ, самъ взялся устроить ей библіотеку, исключивъ изъ нее современные романы, которые, по его мнѣнію, были наполнены нелѣпыми фантазіями и утопіями, располагающими къ пустому идеализму и вредной экзальтаціи.... Особеннымъ презрѣніемъ его пользовалась Жоржъ-Сандъ, произносить имя которой онъ считалъ даже неприличнымъ; о классическихъ писателяхъ Викторъ Александрычъ отзывался, напротивъ, съ большою благосконностію и особенно о Корнелѣ, котораго называлъ не иначе, какъ le grand Corneille и замѣчалъ, что онъ внушаетъ высокія, героическія чувства. Изъ боязни, однако, чтобы въ библіотеку его супруги не попало что нибудь проникнутое безнравственнымъ современнымъ направленіемъ и не вполнѣ полагаясь въ этомъ случаѣ на себя, онъ прибѣгнулъ къ совѣту одного очень извѣстнаго въ свѣтѣ пожилаго господина, глядѣвшаго изъ подлобья, но съ выраженіемъ сладкимъ и вкрадчи-

вымъ, пользовавшагося репутаціей человѣка необыкновенно умнаго, многосторонне-образованнаго и глубоко-нравственнаго и состоявшаго при многихъ великосвѣтскихъ барыняхъ въ качествѣ директора ихъ совѣсти. Говорили, что этотъ господинъ велъ сначала жизнь довольно безпутную, промотался, потерялъ всякое значеніе въ свѣтѣ, и превратился въ утонченнаго лицемѣра и ядовитаго ханжу, для того, чтобы возстановить свою репутацію. Но Викторъ Александрычъ не вѣрилъ этимъ толкамъ, очень уважалъ его и питалъ полную довѣренность къ его душевнымъ качествамъ.

Дамскій руководитель принялъ съ большою радостію предложеніе Виктора Александрыча и дѣятельно занялся составленіемъ библіотеки для Лизаветы Васильевны. Это обстоятельство сблизило его съ нею и онъ, послѣ первыхъ неудачь, незамѣтно началъ вкрадываться въ ея душу и пріобрѣтать ея довѣренность. Викторъ Александрычъ не только не препятствовалъ этому, напротивъ, былъ очень доволенъ. Онъ зналъ, что этотъ господинъ преслѣдовалъ съ неутомимымъ упорствомъ всякаго рода увлеченія и порывы, и проповѣдывалъ о необходимости для женщины нравственной дисциплины, состоявшей въ полномъ смиреніи, безусловной подчиненности и покорности передъ мужемъ, каковъ бы онъ ни былъ, и передъ свѣтомъ и его уставами. Викторъ Александрычъ зналъ, что всякій протестъ, малѣйшее проявленіе воли были, по мнѣнію этого почтеннаго лица, преступленіемъ; что онъ придавалъ словамъ своимъ еще бо̀льшую силу слезами на глазахъ и дрожаніемъ въ голосѣ, что̀, какъ извѣстно, очень

сильно дѣйствуетъ на женскіе нервы и на впечатлительныя и слабыя натуры.

Но въ то время, какъ дамскій руководитель употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы дисциплинировать душу Лизаветы Васильевны, — Викторъ Александрычъ съ своей стороны предпринималъ всѣ мѣры, чтобы придать своей супругѣ безукоризненную великосвѣтскую наружность и подчинить ее всѣмъ условіямъ высшей школы. Каждый шагъ ея, каждое слово, каждый взглядъ, каждое движеніе подвергались его утонченнѣйшему контролю. Онъ дошелъ до того, что останавливалъ ее иногда на полъ-словѣ однимъ едва замѣтнымъ движеніемъ своей брови.

Бѣдная женщина не безъ внутренней борьбы, не безъ тайныхъ страданій покорялась своимъ нравственнымъ великосвѣтскимъ руководителямъ. Всѣ ея благородные инстинкты возставали противъ этого нестерпимаго деспотизма. Она понимала посягательство на свою свободу, чувствовала, что въ ней убиваютъ все живое, все искреннее, все человѣческое во имя какихъ-то законовъ и условій неумолимаго и безпощаднаго приличія и, вырываясь отъ своихъ наставниковъ, въ тайнѣ, наединѣ, облегчала нѣсколько боль притѣсненной души рыданіями, свободно вырывавшимися изъ груди, и потоками слезъ.

Привязанность ея къ Виктору Александрычу начала колебаться подозрѣніями, что онъ не любитъ ее и не любилъ, что онъ женился не на ней, а на ея богатствѣ, что онъ человѣкъ холодный, эгоистъ, — и, въ порывахъ своего негодованія на него, въ отчаяніи, она кокетничала съ

какимъ-то офицеромъ, который особенно ухаживалъ за нею. Иногда, впрочемъ, она старалась оправдывать Виктора Александрыча и утѣшать себя мыслію, что ея подозрѣнія несправедливы, что все это ей такъ только кажется, что онъ любитъ ее и въ самомъ дѣлѣ желаетъ ей добра — и тогда она обвиняла себя въ непростительной и преступной подозрительности, въ безнравственномъ кокетствѣ; находила, что ей дѣйствительно нужно перевоспитать себя для свѣта, что ее нельзя любить такъ, какъ она есть. Дамскій руководитель казался ей то лицемѣромъ и шпіономъ, приставленнымъ къ ней мужемъ: то человѣкомъ въ самомъ дѣлѣ достойнымъ полнаго уваженія за свои нравственныя правила. Всѣ понятія, мысли, взгляды, убѣжденія, которыя начинали зарождаться въ ней, — все это было поколеблено; она чувствовала хаосъ внутри себя. То, что она считала нравственнымъ, называли безнравственнымъ, то, въ чемъ она видѣла благородныя стремленія, отъ чего радостно билось ея сердце, во что она желала горячо вѣрить, называлось опаснымъ заблужденіемъ, ложнымъ и пустымъ идеализмомъ и такъ далѣе. Всѣ любимые ея писатели, которыми она увлекалась прежде и которыхъ читала съ жадностію, предавались неслыханнымъ обвиненіямъ, считались растлителями нравовъ, посягающими на все высокое и прекрасное. Лизавета Васильевна совершеннно потерялась, въ ней все перепуталось и смѣшалось, она не знала, гдѣ добро и гдѣ зло, что̀ нравственно и что̀ безнравственно. Ея веселость и живость пропали, у нея обнаружились нервическіе припадки; ей было тяжело, какъ

человѣку, вдругъ ослѣпнувшему и бродящему ощупью.

Викторъ Александрычъ видѣлъ въ ней наружную перемѣну, но не подозрѣвалъ, какія внутреннія муки переносила она, потому что самъ никогда не испытывалъ ихъ; онъ былъ доволенъ тѣмъ, что она держала себя серьёзнѣе, приличнѣе и съ бо̀льшимъ достоинствомъ. Но отъ дамскаго руководителя не укрылось то, что̀ совершалось въ душѣ Лизаветы Васильевны. Это была самая удобная для него минута, чтобы дѣйствовать на нее. Она стояла на распутіи, въ недоумѣніи, по какой дорогѣ итти—и ей надо было указать эту дорогу и поддержать ее. Съ необыкновенною вкрадчивостію и во всеоружіи онъ приступилъ къ своему подвигу... Для убѣжденія ея, въ ходъ было выпущено все: краснорѣчіе, цитаты изъ книгъ, слезы на глазахъ, дрожаніе въ голосѣ и проч.

Противъ всего этого слабой женщинѣ устоять было невозможно; борьба была слишкомъ неровная, и Лизавета Васильевна, послѣ долгихъ сопротивленій и колебаній, должна была признать себя побѣжденной и покориться.

— Благодарю васъ, сказала она однажды своему наставнику, послѣ долгой бесѣды съ нимъ:— вы успокоили мою душу и примирили меня съ самой собою.

— Это самая лучшая минута въ моей жизни, произнесъ онъ, приподнимая зрачки къ потолку:— но вы должны прежде всего благодарить не меня, — я только слѣпое орудіе высшей воли....

Спокойствіе точно возвратилось въ душу Ли-

заветы Васильевны, но прежняя веселость, простота и искренность уже не возвращались къ ней. Зато, къ совершенному удовольствію Виктора Александрыча, она начинала усвоивать себѣ понемногу всѣ пріемы великосвѣтскихъ дамъ. Въ ней и слѣдовъ не осталось тѣхъ порывовъ и увлеченій, которые такъ оскорбляли тонкое чувство приличія въ ея супругѣ: она ужъ не ласкалась къ нему и не говорила ему о своей любви. Лизавета Васильевна дошла до того, что не знала, любитъ ли она его или нѣтъ, да и не старалась анализировать свое сердце, — онъ былъ ея мужъ и она склонялась передъ авторитетомъ мужа, сохраняя, впрочемъ, свое внѣшнее достоинство. Первый искренній пылъ любви и молодости исчезъ въ ней, уступивъ мѣсто суровому и непреклонному долгу. Болѣе ничего и не требовалъ отъ нея Викторъ Александрычъ. Она начинала осуществлять его идеалъ жены. Но этотъ внутренній переломъ, которому подверглась Лизавета Васильевна, не могъ остаться безъ послѣдствій, потому что онъ совершился не безъ борьбы. Она чувствовала первое время послѣ своего обновленія страшную пустоту, томленье и тоску, которыя всячески старалась подавлять въ себѣ. Въ этомъ положеніи она обратилась къ общественной благотворительности и сдѣлалась попечительницей какого-то пріюта. Пріютъ этотъ, процвѣтавшій подъ ея бдительнымъ и неусыпнымъ надзоромъ, скоро достигъ до такого совершенства, что обратилъ на себя вниманіе всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ благотворителей и благотворительницъ. Его ставили въ образецъ. Въ свѣтѣ заговорили объ Лизаветѣ

Васильевнѣ, какъ объ женщинѣ, достойной уваженія и истинной христіанкѣ.

— Вотъ, что значитъ имѣть хорошаго мужа, говорили; про нее, въ одинъ голосъ всѣ люди, извѣстные въ Петербургѣ своею неоспоримою благонамѣренностію и нравственностію: — что она была такое, когда выходила за мужъ? — ничтожная дѣвочка, дурно воспитанная, пустая вертушка, неумѣвшая себя вести прилично, — а теперь во всѣхъ отношеніяхъ примѣрная женщина, — и кому всѣмъ этимъ обязана? мужу!

Когда отношенія Виктора Александрыча съ женою опредѣлились и приняли именно тотъ великосвѣтскій приличный характеръ, который они должны были имѣть, Викторъ Александрычъ въ свою очередь, для развлеченія (потому что онъ немного скучалъ дома), началъ посѣщать довольно часто одну даму, которая извѣстна была въ Петербургѣ подъ именемъ Дарьи Васильевны. Вскорѣ послѣ этого, Дарья Васильевна переѣхала на новую прекрасно меблированную квартиру. Несмотря однако на то, что Викторъ Александрычъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ какимъ нибудь неблаговиднымъ заключеніямъ относительно сношеній своихъ съ этою дамою, многіе увѣряли, что новая квартира Дарьи Васильевны была будто бы меблирована на его счетъ и что за ея лошадей платилъ будто бы его секретарь — г-нъ Подберезскій, извѣстному Пахомову, который для нѣкоторыхъ дамъ поставляетъ, вмѣстѣ съ экипажами, разодѣтыхъ дѣтей. Разсказывали между прочимъ, будто Викторъ Александрычъ держитъ очень строго Дарью Васильевну и не позволяетъ

ей слишкомъ выставляться. Всѣ эти слухи большею частію распространялъ князь Драницынъ. Я имъ никогда не вѣрилъ, потому что строгонравственныя правила Виктора Александрыча совершенно противорѣчили этимъ слухамъ.... Но если и допустить справедливость ихъ, то и тогда нельзя все-таки не замѣтить, что Викторъ Александрычъ велъ себя какъ истинный джентльменъ, какъ достойный представитель высшей школы: онъ не щеголялъ своею безнравственною связью, но пускалъ пыль въ глаза экипажами и нарядами своей возлюбленной, не показывался вмѣстѣ съ нею на публичныхъ гуляньяхъ, какъ это дѣлаютъ тѣ, которые считаютъ себя безукоризненными джентльменами. Викторъ Александрычъ могъ и въ этомъ служить образцомъ для многихъ великосвѣтскихъ господъ съ громкими именами.

Карьера Виктора Александрыча быстро двигалась впередъ. Онъ уже имѣлъ значительное званіе. Черезъ четыре года послѣ своей женитьбы, онъ переѣхалъ въ свой новый домъ и открылъ свои великолѣпные салоны. Онъ давалъ роскошные, тонкіе обѣды и блистательные вечера, на которые съѣзжалось самое избранное общество, начиная съ княгини Анны Васильевны.

Княгиня, смотря однажды на хозяйку дома, которая съ необыкновенною привѣтливостію и любезностію, соединенною съ достоинствомъ, принимала своихъ блестящихъ гостей, подозвала ее къ себѣ.

— Ну, Lise, признаюсь тебѣ, сказала она: — я не узнаю тебя. Ты переродилась. Поздравляю тебя. Я любуюсь тобой, мой другъ. Вотъ, что зна-

читъ имѣть такого мужа, какъ ты. Ты должна умѣть цѣнить его.

Старушка понюхала табаку и продолжала:

— Немногимъ выпадаетъ на долю такое счастіе, какъ тебѣ.... очень немногимъ....

Старушка при этомъ покачала значительно головой, которая у нея и безъ того качалась отъ старости.

— Чувствуешь ли ты это.... а?... Ну, скажи мнѣ, мой другъ, вѣдь правда.... ты очень счастлива? прибавила она, улыбаясь.

— Очень, отвѣчала Лизавета Васильевна съ спокойнымъ достоинствомъ и съ холодною улыбкою, — и въ ту же минуту обратилась къ только что вошедшему въ комнату какому-то старому военному генералу, съ грудью, украшенною орденами и звѣздами.

V.

Въ одно утро, Викторъ Александрычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ особенно пріятномъ расположеніи духа. Онъ выпускалъ изо рту благовонный дымъ гаванской сигары, слѣдилъ за синеватою струйкою дыма и съ пріятностію потягивался въ своихъ креслахъ. Душевное спокойствіе его было такъ полно, что оно придавало въ эту минуту его лицу, обыкновенно строгому и даже нѣсколько суровому, совершенно несвойственное ему выраженіе, мягкое и кроткое. Онъ былъ доволенъ всѣмъ — своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, своею служебною карьерою, своимъ здоровьемъ, своимъ аппетитомъ, своими доходами, своимъ новымъ домомъ, своимъ выигрышемъ (онъ накану-

нѣ выигралъ въ Англійскомъ клубѣ 8,000 руб.), своей женою и, можетъ быть, Дарьею Васильевною, если допустить городскія сплетни....

Но такъ какъ самый счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, которому, повидимому, не остается уже ничего желать, все еще непремѣнно желаетъ чего нибудь, — то и Викторъ Александрычъ, несмотря на свое совершенное довольство, желалъ получить одно довольно видное мѣсто, которое ему было обѣщано.

Въ ту самую минуту, когда онъ погрузился въ размышленія объ этомъ мѣстѣ, передъ нимъ вдругъ какъ будто выскочилъ изъ-подъ пола ливрейный лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежало письмо. Шаговъ лакея нельзя было слышать на мягкомъ и толстомъ коврѣ. Лакей стоялъ нѣсколько минутъ незамѣчаемый Викторомъ Александрычемъ и наконецъ рѣшился слегка кашлянуть. Викторъ Александрычъ сдѣлалъ движеніе головою, при чемъ кроткое выраженіе его лица мгновенно исчезло и приняло свое обычное, строгое достоинство.

Онъ молча взялъ письмо съ подноса и сдѣлалъ движеніе головою. Лакей вышелъ. Викторъ Александрычъ взглянулъ на конвертъ.... На немъ былъ штемпель городской почты, почеркъ женскій и какъ будто знакомый ему; онъ оборотилъ письмо и посмотрѣлъ на печать; на сургучѣ была одна буква Б. «Что это такое? Откуда это?» подумалъ Викторъ Александрычъ. Онъ надломилъ печать, вынулъ письмо не безъ любопытства (оно было писано по французски), и началъ читать:

«Я долго не рѣшалась писать къ тебѣ, — впродолженіе двухъ мѣсяцовъ, каждый день я бралась

за перо и бросала его, и только страхъ голодной смерти заставляетъ меня прибѣгать къ тебѣ....»

Викторъ Александрычъ поблѣднѣлъ немного и, остановившись на этихъ первыхъ строкахъ, взглянулъ на подпись. Письмо было отъ его сестры. Брови его невольно надвинулись на глаза. Онъ продолжалъ читать:

«Страхъ смерти! когда я сознаю, что мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти, но слабая человѣческая природа подвержена такимъ страннымъ противорѣчіямъ.... Я хочу умереть, я знаю, что умру скоро и, между тѣмъ, боюсь голодной смерти.... Я чувствую, что я унижаюсь, прося милостыни и подаянія и въ то же время упрекаю себя за гордость и утѣшаю себя мыслію, что прошу не у посторонняго, а у брата.... Ты все-таки братъ мнѣ и не смотря на бездну, которая насъ раздѣляетъ теперь, несмотря на то, что ты совсѣмъ бросилъ меня, забылъ обо мнѣ, несмотря на то, что между нами нѣтъ ничего общаго, я все-таки люблю тебя, какъ брата. Этой любви, о которой ты вѣрно не заботишься, ничто не могло искоренить во мнѣ.... Но я люблю тебя не въ теперешнемъ твоемъ богатствѣ и блескѣ.... Мы теперь и не узнали бы другъ друга при встрѣчѣ.... сколько лѣтъ мы не видались!... Ты мнѣ все представляешься тѣмъ Викторомъ, съ которымъ мы выросли вмѣстѣ, съ которымъ мы играли въ куклы.... Я люблю въ тебѣ прежняго Виктора, моего маленькаго брата.... Но, можетъ быть, въ тебѣ изгладились всѣ воспоминанія прошедшаго и я тревожу твое счастіе, твое спокойствіе напоминаніемъ о себѣ. Прости мнѣ!... Я чувствую, что мнѣ не

слѣдовало бы писать къ тебѣ Я знаю, что богатые не любятъ докучливости бѣдныхъ... Ты можешь мнѣ сказать, что я терплю должное наказаніе за мой поступокъ и что я не заслуживаю сострадания. Ты можешь подумать, что я вижу теперь безразсудность этого поступка и разкаяваюсь въ немъ.... О, нѣтъ.... нѣтъ! Клянусь тебѣ, я не могу раскаяваться, я была счастлива на столько, на сколько можетъ быть счастлива женщина, любимая благороднымъ, прекраснымъ человѣкомъ, который дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать человѣкъ для доставленія ей довольства и спокойствія. При немъ я не въ чемъ не нуждалась. Онъ жилъ мной и трудился для меня. Я гордилась его любовью, я была счастлива такъ, какъ можетъ быть счастлива женщина, — я повторяю тебѣ.... Два года, какъ его ужъ нѣтъ. Можетъ быть, отнимая его у меня, Богъ наказывалъ меня за то, что я вышла замужъ безъ благословенія отца и матери.... Можетъ быть, я не знаю этого,—я знаю только, что я страдаю, и съ терпѣніемъ, какое только можетъ имѣть слабая женщина, переносила до сей минуты это наказаніе. До сихъ поръ я не прибѣгала ни къ чьей помощи. Я молча несла свою нищету до послѣдней возможности. Мужъ мой не могъ мнѣ оставить ничего, потому что у него ничего не было; то, что онъ пріобрѣталъ, доставало намъ только для безбѣдной жизни. Послѣ его смерти, я кое-какъ поддерживала себя своей работой и тѣмъ, что продавала кое-какія вещи, оставшіяся отъ нашего прежняго хозяйства.... Въ сію минуту мнѣ уже продавать нечего, я такъ слаба и больна, что не могу работать, а умереть

голодною смертію, все-таки страшно!... Спаси меня и помоги мнѣ, если не изъ состраданія къ бѣдной сестрѣ, то изъ чувства христіанскаго состраданія. Мнѣ остается не долго жить,—я больна.... Если бы не моя болѣзнь, которая не лишила меня возможности работать, я не прибѣгала бы къ помощи.... Но что же мнѣ дѣлать? —я не знаю... Я еще что-то хотѣла сказать тебѣ, но я не могу, я ничего не помню.... мысли мои путаются, голова моя такъ слаба! О, если бы ты зналъ, чего мнѣ стоило написать это письмо и чего мнѣ стоило рѣшиться послать его къ тебѣ....»

Въ концѣ письма былъ адресъ.

Прочитавъ письмо, Викторъ Александрычъ опустилъ голову, которую, какъ извѣстно, онъ всегда держалъ прямо, и задумался.

Черезъ минуту онъ всталъ, подошелъ къ своему письменному столу, выписалъ адресъ изъ письма, а письмо бросилъ въ топившійся каминъ, и дернулъ за звонокъ.

— Послать ко мнѣ сейчасъ Подберезскаго, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ четверть часа г. Подберезскій явился.

Это былъ бѣлокурый молодой человѣкъ, съ румянцемъ на щекахъ, съ маленькими глазами, съ сладкой улыбкой и съ подобострастными ужимками. Онъ вошелъ въ комнату съ такою осторожностью, какъ будто полъ былъ подъ нимъ хрустальный.

— Любезный Викентій Станиславичъ, сказалъ Викторъ Александрычъ своему секретарю, который въ знакъ глубочайшаго вниманія почтительно вытянулъ шею нѣсколько впередъ и сжалъ губы:—

вотъ вамъ адресъ одной дамы, которой нужна скорая помощь. Поѣзжайте къ ней сейчасъ и отвезите ей пятьсотъ рублей, кромѣ того, распорядитесь, чтобы каждый мѣсяцъ ей выдавали по полутораста рублей. Вы не должны говорить ей, отъ кого эти деньги и не должны упоминать при ней моего имени. Вы, просто, отдайте ей деньги, не вступая ни въ какія объясненія. Вообще, я васъ прошу, чтобы это было между нами. Слышите?

При этихъ словахъ, Викентій Станиславичъ опустилъ вѣки, раскрылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ что-то произнести, но не произнесъ ничего, а только приложилъ руку къ сердцу.

— Поѣзжайте сейчасъ, прибавилъ Викторъ Александрычъ.

— Слушаю-съ. Я сейчасъ же это съ точностію исполню, произнесъ секретарь тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, поклонился и вышелъ изъ кабинета своего принципала съ такою же почтительною осторожностью, съ какою вошелъ.

Черезъ часъ Векентій Станиславичъ возвратился и доложилъ, что отвезъ деньги.

— Вы не говорили отъ кого? спросилъ Викторъ Александрычъ.

— О, нѣтъ, помилуйте! я буквально исполнилъ ваше приказаніе...

— Вы ее видѣли? отдали ей самой эти деньги?

— Я все исполнилъ такъ, какъ вы приказали, въ точности.... Она спросила, отъ кого, но я сказалъ ей такъ глухо, что отъ неизвѣстнаго благотворителя....

— Ну хорошо, хорошо! нетерпѣливо перебилъ Викторъ Александрычъ, останавливая дальнѣйшія объясненія своего секретаря.

Виктора Александрыча безпокоила нѣсколько мысль, чтобы секретарь не узналъ какимъ нибудь образомъ о томъ, какія отношенія связываютъ его съ этою дамою, и когда секретарь явился къ нему съ отвѣтомъ, онъ посмотрѣлъ на него пытливымъ взглядомъ; но въ лицѣ Викентія Станиславича было столько простодушія и тупоумной подчиненности, что Викторъ Александрычъ совершенно успокоился; а между тѣмъ, Викентій Станиславичъ тотчасъ же все разузналъ въ подробности, и думалъ, смѣясь внутренно и глядя на своего принципала: «ну ты конечно, хитеръ, но я все-таки буду похитрѣе тебя!»

Обезпечивъ существованіе Софьи Александровны, по чувству долга, Викторъ Александрычъ успокоилъ свою совѣсть, и думалъ, что этимъ онъ совершенно отдѣлался отъ своей сестры, какъ вдругъ былъ встревоженъ новымъ письмомъ отъ нея— мѣсяца черезъ четыре послѣ перваго. Въ этотъ разъ онъ не хотѣлъ беспокоить себя непріятнымъ впечатлѣніемъ и, не распечатывая, бросилъ его на столъ.

Софья Александровна начинала нарушать гармоническое настроеніе духа Виктора Александрыча. При мысли что какимъ нибудь образомъ дойдутъ до свѣта слухи о томъ, что его сестра содержала себя трудами рукъ своихъ, какъ какая нибудь швея, что она жила въ нищетѣ,—холодный потъ выступалъ на его лбу.

Безпокойство его продолжалось, впрочемъ, не-

долго, потому что черезъ недѣлю послѣ непрочитаннаго имъ письма, г. Подберезскій, являвшійся къ нему каждое утро за приказаніями, доложилъ ему, что дама, пользовавшаяся его благотворительностію, та самая, которой, по его приказанію, выдавалось по полутораста рублей въ мѣсяцъ, въ эту ночь скончалась, что онъ утромъ былъ у нея для того, чтобы отвезти ей слѣдуемыя деньги, и засталъ ее уже на столѣ.

Г. Подберезскій произнесъ это съ почтительною осторожностію, съ потупленными глазами, съ печальнымъ выраженіемъ, и прибавилъ со вздохомъ, что эта дама была очень нездорова послѣднее время.

Викторъ Александрычъ выслушалъ своего секретаря такъ хладнокровно и спокойно, какъ будто онъ донесъ ему о самомъ обыкновенномъ вседневномъ происшествіи, не смотря на то, что внутренно былъ сильно взволнованъ двумя совершенно противоположными ощущеніями: смертъ эта пробудила въ немъ что-то похожее на участіе къ бѣдной женщинѣ, такъ много страдавшей, и въ то же время ему было какъ будто пріятно, что всѣ его безпокойства и опасенія уничтожаются этою смертію.

— Очень жаль, сказалъ Викторъ Александрычъ своему секретарю голосомъ спокойнымъ:—я васъ прошу распорядиться на счетъ ея похоронъ... Я желаю, чтобы все было устроено прилично и чтобы на могилѣ былъ поставленъ памятникъ. Эти дни вы можете отложить всѣ другія дѣла и заняться этимъ. Я васъ не удерживаю. Вамъ сейчасъ же надобно отправиться туда.

Секретарь еще разъ вздохнулъ, поклонился и вышелъ.

Оставшись одинъ, Викторъ Александрычъ вспомнилъ о письмѣ къ нему сестры и распечаталъ его. Въ немъ заключалась послѣдняя ея просьба пріѣхать съ ней проститься.

Викторъ Александрычъ не сжегъ этого письма, онъ положилъ его въ тотъ ящикъ стола, гдѣ хранились самыя важныя его бумаги. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ облокотившись на столъ.»

«Да проститъ ее Богъ, какъ я ее прощаю!— подумалъ онъ.—Она искупила своими страданіями свой проступокъ. Ей ничего не оставалось, кромѣ смерти, потому что она избавила ее отъ укоровъ совѣсти и прекратила ея страданія.

И Викторъ Александрычъ при этомъ перекрестился...

Печальное извѣстіе это не помѣшало однако обыкновеннымъ занятіямъ Виктора Александрыча. Въ этотъ день онъ напротивъ обнаружилъ бòльшую дѣятельность: — утромъ былъ въ министерствѣ, передъ обѣдомъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ, а вечеромъ появился вмѣстѣ съ своей супругою въ своей ложѣ въ Оперѣ. Онъ казался въ этотъ день еще торжественнѣе обыкновеннаго, какъ будто боясь, чтобы кто нибудь не открылъ его семейную тайну и не проникъ въ его сокровенныя мысли.

На слѣдующее утро онъ проснулся ранѣе обыкновеннаго, не могъ заниматься ничѣмъ и до девяти часовъ вечера не выѣзжалъ никуда. Несмотря на все его умѣнье скрывать свои внутреннія ощущенія, можно было замѣтить, что его нѣсколько

тревожитъ что-то, но этого никто не замѣтилъ, кромѣ г-на Подберезскаго.

Въ девять часовъ онъ сѣлъ въ свои сани и приказалъ кучеру ѣхать на Пески, къ церкви Рождества. Близъ рождественской церкви, на углу одной изъ улицъ этого глухаго и бѣднаго квартала, онъ приказалъ кучеру остановиться у будки и спросилъ у часоваго, гдѣ домъ Савельева.

— Вонъ маленькій такой деревянный домишка, за фонаремъ-то, отвѣчалъ часовой:—второй будетъ отъ угла, и указалъ алебардою въ ту сторону, гдѣ находился домъ.

Было темно, рѣдкіе фонари на улицѣ не освѣщали ее, а только едва мерцали, распространяя кругомъ себя печальный, красноватый блескъ; началъ падать снѣгъ большими и мокрыми хлопьями.

Кучеръ остановился у домика, на который показалъ часовой. Викторъ Александрычъ вышелъ изъ саней, споткнулся о деревянные мостки, которые покоробило въ этомъ мѣстѣ, и чуть не упалъ. Онъ открылъ калитку, наклонился и вошелъ въ нее, едва отъискавъ въ темнотѣ крылечко дома, и постучался въ дверь.—Дверь отворилась. Передъ нимъ съ сальной свѣчкой въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, явилась старуха съ заплаканными глазами.

— Кого вамъ? спросила она.

— Я хочу проститься съ покойницей, сказалъ Викторъ Александрычъ, всунувъ въ руку старухи два золотыхъ.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и пропустила его. Онъ сбросилъ съ себя шинель и спросилъ, куда идти.

— Вотъ сюда, сюда, батюшка, сказала старуха, указывая ему дорогу.—Сюда пожалуйте, и качая головой и всхлипывая, заговорила о томъ, какъ бѣдная барыня страдала, какъ она неслышно заснула, какъ праведница, и, какъ она ей, голубушкѣ, закрыла глазки.....

Она провела его черезъ узенькій корридоръ и отворила дверь комнатки, въ которой лежала Софья Александровна.

Онъ переступилъ порогъ и остановился, опустивъ голову и закрывъ глаза, какъ будто не рѣшаясь вдругъ взглянуть на лицо умершей.

Небольшой катафалкъ, обтянутый чернымъ истертымъ сукномъ, закапаннымъ воскомъ, стоялъ поперегъ бѣдно убранной, но чистой комнатки, въ переднемъ ея углу. Свѣчи въ большихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, обтянутыхъ флеромъ, дово ль но ярко освѣщали комнатку. Старичекъ-чтецъ въ очкахъ читалъ псалтирь звучнымъ, внятнымъ голосомъ, на распѣвъ, и эти звуки, печально и торжественно раздаваясь въ тишинѣ, производили глубокое, потрясающее дѣйствіе.

Когда Викторъ Александрычъ вошелъ въ комнату, старичекъ-чтецъ на минуту остановился, снялъ свои очки, протеръ ихъ, снова надѣлъ, взглянулъ на него и скорбные звуки раздались снова. Онъ читалъ:

«Что хвалишися во злобѣ силне, беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой: яко бритву изощрену сотворилъ еси лесть. Возлюбилъ еси злобу паче благостыни, неправду, неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя до

конца: восторгнетъ тя и переселитъ тя отъ селенія твоего, и корень твой отъ земли живыхъ. Узрятъ праведніи, и убоятся, и о немъ возсмѣются, и рекутъ: се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею....» (Псаломъ 51, ст. 1—9).

Викторъ Александрычъ пріѣхалъ поклониться тѣлу сестры, примириться съ ея прахомъ, проститься съ ней и простить ее. Это была, по его мнѣнію, христіанская обязанность, и онъ былъ очень доволенъ, выполняя ее, и придавалъ своему поступку большую цѣну. Всю дорогу онъ былъ спокоенъ—и только ощутилъ небольшое внутреннее волненіе, подъѣзжая къ домику, гдѣ жила она. Но когда онъ переступилъ за порогъ его, когда онъ увидѣлъ бѣдность лицомъ къ лицу, когда онъ подумалъ, что въ этой гнили, сырости и нищетѣ жила его сестра, онъ почувствовалъ такое тяжелое, болѣзненное ощущеніе, котораго никогда въ жизни не испытывалъ. Подавляемыя и забитыя великосвѣтскою, высшею школою, утонченною comme il faut'ностію, тщеславіемъ, эгоизмомъ и суетностію, его совѣсть и человѣческое чувство вдругъ съ воплемъ вырвались на свободу, и заговорили въ немъ такъ громко, что потрясли на минуту до основанія все существо его. Торжественныя слова святой книги, поразившія слухъ его: *Се человѣкъ иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею,*—показались ему голосомъ свыше, осуждавшимъ его. Онъ почувствовалъ, что голова его кружится, что туманъ застилаетъ его глаза, еще ми-

нута и онъ упалъ бы безъ чувствъ, но вдругъ слезы потокомъ хлынули изъ глазъ его; онъ зарыдалъ и закрылъ лицо руками.... Груди его стало легче, онъ вздохнулъ свободнѣе, сдѣлалъ робко нѣсколько шаговъ впередъ и еще все не смѣя взглянуть на ту, которая лежала въ гробу, упалъ на колѣни передъ гробомъ и смиренно приникъ головою къ ступенямъ катафалка.... Это былъ ужъ не человѣкъ, *пришедшій прощать, а просившій о прощеніи.* Онъ взошелъ на ступеньки катафалка и взглянулъ на усопшую. На ея исхудаломъ и осунувшемся лицѣ было выраженіе полнаго спокойствія, и какъ будто улыбка на губахъ. Онъ склонился головой къ ея холодному лицу, поцаловалъ его, сошелъ со ступенекъ, опять сталъ на колѣни, помолился, всталъ и быстро вышелъ изъ комнаты....

Онъ не помнилъ, какъ вышелъ на улицу и какъ сѣлъ въ сани, и когда кучеръ подвезъ его къ дому, спросилъ:

— Зачѣмъ ты остановился?

— Вы приказали ѣхать домой, отвѣчалъ кучеръ.

Тутъ только Викторъ Александрычъ совершенно пришелъ въ себя, взялъ верхъ надъ собою и принялъ ту гордую и спокойную осанку, которая такъ шла къ нему.

Онъ прошелъ прямо на свою половину, послалъ своего камердинера просить у Лизаветы Васильевны извиненія, что не зашелъ къ ней, потому что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ; тотчасъ раздѣлся и легъ въ постель. Онъ долго не могъ заснуть и сонъ его былъ безпокоенъ; всю ночь его

преслѣдовала сестра. То являлась ему она въ томъ видѣ, какъ была дѣвушкой, съ гладко зачесанными густыми, волнистыми напереди волосами, въ бѣломъ платьѣ; она сидѣла возлѣ него на скамейкѣ въ какомъ-то саду и смотрѣла на него своими блѣднокарими глазами; взглядъ этотъ производилъ на него пріятное и неиспытанное имъ впечатлѣніе, какъ будто лучи этого взгляда проникали его насквозь, разливали теплоту по всему его тѣлу, заставляли биться его сердце, и призывали его къ новой, лучшей жизни, о которой ему никогда не грезилось. То ему казалось, что она въ гробу, и что въ то время, когда онъ подходилъ къ ней и наклонялся, чтобы поцаловать ее, она приподнималась, обнимала его и такъ крѣпко сжимала въ своихъ холодныхъ объятіяхъ, что онъ задыхался. То она гонялась за нимъ на балѣ, среди великолѣпно разубранной и блестящей толпы, при ослѣпительномъ освѣщеніи, въ лохмотьяхъ и рубищѣ и кричала всѣмъ: «я сестра его!» и онъ не зналъ, куда скрыться отъ нея и его преслѣдовали всеобщій ропотъ, негодованіе, язвительныя насмѣшки и презрительные взгляды....

Онъ проснулся въ сильномъ волненіи, свѣтъ уже проникалъ сквозь темныя шторы и двойныя занавѣски его спальни, всталъ, выпилъ стаканъ воды и началъ ходить по комнатѣ.

Черезъ часъ онъ совершенно успокоился, пришелъ въ свое нормальное состояніе и никто не замѣтилъ въ лицѣ его ни малѣйшей перемѣны. Онъ упрекалъ себя за непростительную слабость и употребилъ всѣ усилія, чтобы задушить въ себѣ окончательное человѣческое чувство, которое

такъ неожиданно и дерзко обезпокоило его накануне́....

Онъ не поѣхалъ на похороны сестры. За ея гробомъ шли до кладбища нѣсколько старушонокъ и женщинъ изъ того околодка, гдѣ она жила и сзади въ каретѣ ѣхалъ г. Подберезскій.

Спустя два дня послѣ этихъ похоронъ, Викторъ Александрычъ былъ на одномъ раутѣ. Онъ встрѣтилъ тамъ своего главнаго начальника, который поздравилъ его съ полученіемъ того мѣста, о которомъ онъ такъ мечталъ.

Это извѣстіе окончательно изгладило всѣ непріятныя впечатлѣнія Виктора Александрыча.

О новомъ его назначеніи только съ мѣсяцъ назадъ тому было напечатано въ газетахъ—и потому мнѣ ничего не остается сказать болѣе.

ВНУКЪ
РУССКАГО МИЛЛІОНЕРА.

ВНУКЪ РУССКАГО МИЛЛІОНЕРА.

ЛИСТКИ ИЗЪ МОИХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Господина, о которомъ здѣсь будетъ идти рѣчь, я увидѣлъ въ первый разъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Онъ впрочемъ тогда еще не былъ господиномъ, а ребенкомъ лѣтъ девяти, съ круглымъ и полнымъ личикомъ, съ румяными и пушистыми, какъ у персика, щечками, съ бѣлокурыми, вьющимися волосами, съ блѣдноголубыми глазками, въ свѣтлосиней курточкѣ изъ тончайшаго сукна и съ отложными батистовыми воротничками отъ рубашки. Этотъ прелестный мальчикъ, какъ будто теперь передъ мною и я живо помню то чувство зависти, которое было возбуждено во мнѣ его курточкой и его рубашкой, потому что сукно на моей курточкѣ было гораздо толще, а рубашки у

меня были изъ полотна также не слишкомъ тонкаго. Къ тому же покрой этой курточки былъ какой-то особенный; видно, что она была сшита лучшимъ дѣтскимъ портнымъ, что, между прочимъ, доказывали и прекрасныя, бронзовыя пуговки съ узорами, ярко блестѣвшія на ней. Все это мнѣ мгновенно бросилось въ глаза, вѣроятно потому, что врожденное мнѣ чувство внѣшней наблюдательности (за которое мнѣ впослѣдствіи такъ жестоко доставалось въ литературѣ отъ моихъ остроумныхъ критиковъ) развивалось во мнѣ сильно подъ вліяніемъ воспитанія и примѣровъ, окружавшихъ меня. Эта изящная курточка и эта тончайшая рубашка даже нѣсколько оскорбляли меня — и вотъ по какой причинѣ. Мальчикъ, который щеголялъ въ ней, не принадлежалъ къ тому привиллегированному классу, къ которому принадлежу я и которымъ я уже гордился на 13-лѣтнемъ возрастѣ. Онъ былъ внучекъ богатаго купца, пріѣхавшаго къ моему дѣдушкѣ по какимъ-то дѣламъ.

Въ ту минуту, когда купецъ съ внучкомъ вошли въ кабинетъ моего дѣдушки, я былъ тамъ.

Фигура купца какъ будто теперь живая передо мною. Средняго роста, съ брюшкомъ, съ окладистою сѣдою бородою, съ длинными волосами, также совершенно сѣдыми и съ серебрянымъ блескомъ, съ умными, проницательными глазами, съ значительною улыбкою, въ которой было что то среднее между плутоватостію и ироніей, съ рѣзкимъ удареніемъ на *о* въ разговорѣ и съ обращеніемъ, въ которомъ добродушіе соединялось съ безграничною самоувѣренностью; старикъ этотъ

съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе. Въ немъ было въ тоже время что-то осанистое, патріархальное, внушавшее къ нему вдругъ невольное уваженіе; но уваженіе это нѣсколько умалялось, когда вы ближе взглядывались въ старика, потому что сквозь эту патріархальность иногда продлядывали въ немъ гостинодворскія уловки, непріятно дѣйствовавшія. Всѣ эти наблюденія я сдѣлалъ уже разумѣется впослѣдствіи, въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, когда случай, о которомъ здѣсь упоминать не для чего, свелъ меня снова съ этимъ старикомъ; когда-же я увидѣлъ его въ первый разъ, меня просто, безъ всякихъ размышленій, поразило его значительная фигура, съ серебряными волосами и главное — борода; потому что гостей съ бородами никогда у насъ въ домѣ не было. На старикѣ былъ длинный, двубортный, синій сюртукъ, до половины прикрывавшій его высокіе сапоги; бѣлый галстухъ обматывалъ его шею, отягченную медалями на разноцвѣтныхъ лентахъ и изъ-за сюртука, на которомъ былъ пришпиленъ крестъ, виднѣлся бѣлый жилетъ.... Я замѣтилъ всѣ эти подробности, хотя вниманіе мое сосредоточивалось съ большимъ любопытствомъ на внучкѣ купца. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ сильнѣе оскорбляла меня его щегольская куртка и батистовая рубашка: мое дворянское самолюбіе оскорблялось мыслію, что я одѣтъ хуже купеческаго сына. «Мой дѣдушка — генералъ, а его дѣдушка бородачь,» думалъ я, «и несмотря на это у меня и рубашка и курточка толще!» И огорченный этою мыслію, я посматривалъ на мальчика съ высока, съ такой гордостію, отъ

которой мнѣ даже теперь становится стыдно. Я хотѣлъ дать ему почувствовать, что если онъ одѣтъ и лучше меня, то все таки онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать со мною наравнѣ.

Между тѣмъ купецъ, — съ которымъ дѣдушка обращался съ большимъ уваженіемъ и котораго онъ посадилъ въ кресла,—улыбаясь съ своимъ нѣсколько плутовскимъ выраженіемъ и положивъ руку на голову внучку, держалъ такую рѣчь моему дѣдушкѣ:

— Я привезъ къ тебѣ внучка своего показать, ваше превосходительство, — посмотри, какой онъ у меня славный мальчикъ: это мой наслѣдникъ. Познакомь его съ твоимъ внучкомъ, — пусть они побалуютъ, позабавятся вмѣстѣ. Вѣдь онъ у меня ученый: по французскому ужь болтаетъ, по аглицки учится. Я не жалѣю денегъ на его воспитаніе, — хочу, чтобы онъ всѣ науки прошелъ; хочу потомъ послать его въ Англію, во Францію — пусть все видитъ, пусть научится на мѣстѣ, какъ тамъ у нихъ коммерція идетъ. Конечно, коли такъ говорить, вотъ я и простой мужикъ съ бородой, а веду и заграничныя дѣла и нажилъ, благодаря Бога, порядочный капиталецъ. Коли здѣсь есть, (старикъ ткнулъ себя пальцомъ въ лобъ) такъ оно, пожалуй что, и безъ науки обойдтись можно. Ну, Господь, вѣстимо, не лишилъ меня здраваго смысла, оттого я теперь, даромъ что мужикъ, а сижу съ тобой — генераломъ и разговариваю будто ни въ чемъ не бывало, какъ равный.

Дѣдушка мой улыбнулся и перебилъ:

— Что объ этомъ говорить, Прохоръ Кононычъ,

у тебя въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у инаго генерала въ головѣ.

Прохоръ Кононычъ улыбнулся на эту любезность свѣтло, открыто и самодовольно и замѣтилъ:

— Ну это, ваше превосходительство, все отъ Бога: не далъ бы онъ ума, былъ бы дуракомъ... Но я вишь рѣчь то къ тому веду, что умъ хорошая вещь, ни слова, но безъ ученья то иногда все какъ будто чувствуешь, что чего-то нехватаетъ; это я по опыту знаю. Вотъ что.

Старикъ серьезно покачалъ головою.

— Что ни болтаетъ тамъ нашъ братъ, — а безъ ученья — все не то. Это ужь я тебѣ говорю — повѣрь такъ.

И при этомъ Прохоръ Кононычъ утвердительно ударилъ ладонью по столу.

— Оттого я и хочу, чтобы мальчуганъ мой науку выучилъ. Ты не думай, чтобы я прочилъ его въ дворяне, чтобы то есть эдакое у меня помышленіе было въ тайнѣ. Оборони Господи отъ этого! Онъ долженъ оставаться въ своемъ, въ торговомъ сословіи! намъ въ чужіе сани не слѣдъ лѣзть, а для коммерціи-то наука, еще чай, важнѣй, чѣмъ для дворянства. Правду ли я говорю ваше превосходительство?

— Разумѣется, Прохоръ Кононычъ, возразилъ дѣдушка, не даромъ и пословица: ученье свѣтъ, неученье тьма. Ученье для всѣхъ классовъ необходимо

— Только дай Богъ, чтобы ученье-то ему въ прокъ пошло! произнесъ въ раздумьи Прохоръ Кононычъ, глядя на внука и качая головою. — Вотъ тебѣ Христосъ — и при этомъ онъ пере-

крестился, — полсостоянія бы отдалъ, только бы изъ него порядочный, дѣльный человѣкъ вышелъ, — я его крѣпко люблю. Вѣдь онъ у меня одинъ, сына-то моего, отца-то его Богъ взялъ, — ну, что жь дѣлать? Его святая воля, а дочери — что! Дочерей я не считаю. Онѣ отрѣзанные ломти....

Потомъ Прохоръ Кононычъ обратился ко мнѣ и посмотрѣлъ на меня.

— А сколько твоему внучку-то годковъ, спросилъ онъ дѣдушку, — не однолѣтки ли они съ моимъ-то?

— Моему двѣнадцать скоро будетъ, отвѣчалъ дѣдушка.

— Вотъ какъ! такъ онъ еще значитъ тремя годками старше моего, а мой-то на глазъ, пожалуй, еще по старше покажется: вишь онъ у меня какой плотной, солидный.... А какъ зовутъ твоего-то?

— Иваномъ.

— Ну, Ванюшка, поди, душенька, поиграй съ моимъ Васей, познакомтесь, познакомтесь.

И при этомъ Прохоръ Кононычъ положилъ свою толстую, жилистую руку, съ плоскими пальцами, на мою голову.

Ласка эта мнѣ не совсѣмъ понравилась и я сдѣлалъ было движеніе, чтобы высвободиться изъ подъ его руки.

Дѣдушка украдкою и слегка покачалъ мнѣ головою, не много нахмуривъ брови, и я остался на мѣстѣ.

— Поди, другъ мой, въ дѣтскую, сказалъ мнѣ дѣдушка, и возьми съ собой гостя: покажи ему

свои игрушки, займи его, — а мы покуда поговоримъ объ дѣлахъ.

Я не смѣлъ ослушаться дѣдушки, я очень любилъ его и боялся огорчить его — и потому тотчасъ взялъ за руку купеческаго внучка и повелъ его въ свою комнату, хотя мнѣ было нѣсколько досадно на дѣдушку за то, что онъ приказывалъ мнѣ занимать этого мальчика и назвалъ его моимъ гостемъ. Мнѣ—дворянину и генеральскому внучку казалось унизительнымъ занимать внучка бородача и обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ. «Что же такое, что его дѣдушка богатъ? думалъ я, — вѣдь онъ все таки изъ мужиковъ.»

Однако изъ угожденія моему дѣдушки, я старался пересилить себя. Сначала я все еще велъ себя нѣсколько свысока, немножко важничалъ, но дѣтская прямая, чистая и откровенная природа взяла сейчасъ верьхъ надъ смѣшными предразсудками, безсознательно заимствованными у взрослыхъ. Черезъ пять минутъ я совершенно и безъ всякихъ усилій надъ собою забылъ неравенство сословій между мною и Васей. Я разъигрался съ нимъ, какъ съ равнымъ; онъ было начиналъ уже мнѣ нравиться. Я выставилъ передъ нимъ всѣ мои богатства: складныя картинки, оловянныхъ солдатъ, кузнецу съ кузнецами, поднимавшими и опускавшими молоты—игрушку, которою я особенно хвасталъ передъ всѣми пріѣзжавшими къ намъ дѣтьми,—Робинзона Крузе съ картинками и прочее.

Но Вася очень равнодушно, къ моему огорченію, смотрѣлъ на все это.

— Это дрянныя игрушки,—сказалъ онъ—пріѣзжайте къ намъ, я вамъ покажу свои: у меня

хорошія, дорогія игрушки, дѣдушка ничего не жалѣетъ для меня. Онъ недавно мнѣ подарилъ игрушку, заплатилъ 100 рублей, большая такая: домъ съ башнями и съ садомъ, въ саду маленькія кареты ѣздятъ и люди ходятъ,—а въ домикѣ диваны, кресла, а на кухнѣ повара кушанье готовятъ. На ваши игрушки и смотрѣть не стоитъ.

Вася оскорбилъ мое самолюбіе. Я надулся и снова принялъ важный видъ.

— А что у васъ есть карета? спросилъ меня Вася.

— Еще бы! у насъ не одна, а двѣ кареты — одна двумѣстная, а другая четвероместная, — у насъ есть и коляска, и дрожки, и сани. Вѣдь мой дѣдушка генералъ! Онъ ѣздитъ четверней съ форейторомъ, а вашъ дѣдушка такъ ѣздить не можетъ, потому что четверней ѣздятъ только генералы, прибавилъ я съ торжествомъ.

— А у васъ нѣтъ рысаковъ? сказалъ Вася.

— Какихъ рысаковъ? Что это за рысаки?

Я въ первый разъ слышалъ это слово.

— Рысаки шибко бѣгутъ, всѣхъ обгоняютъ, мой дѣдушка и вашего дѣдушку обгонитъ. Да у васъ и комнаты не хорошія, а у насъ большія-большія, и часы съ золотыми мальчиками, и золотые подсвѣчники, все золотое и цвѣты на всѣхъ окнахъ, къ намъ генералы со звѣздами и съ лентами ѣздятъ обѣдать, а у вашего дѣдушки нѣтъ ленты.

— Нѣтъ, есть,—отвѣчалъ, я раздражаемый все болѣе и болѣе,—у него красная лента черезъ плечо и звѣзды и много-много крестовъ!...

— А отчего же онъ не сидитъ въ лентѣ?

— Дома не надѣваютъ ни крестовъ, ни лентъ, отвѣчалъ я, — кресты и ленты надѣваютъ только въ гости.

— А мой дѣдушка и дома крестъ носитъ, видите-ли?... Дѣдушка мой богатый-богатый, у вашего дѣдушки нѣтъ столько денегъ. У моего дѣдушки милліонъ есть, еще больше, у насъ не четверня, а пятнадцать лошадей на конюшнѣ стоитъ; мой дѣдушка на всѣхъ можетъ ѣздить. Это будетъ все мое. Мамаша говоритъ, что я буду больше, чѣмъ дворянинъ.

Моя дворянская кровь бросилась мнѣ въ голову при этомъ словѣ. Я вспыхнулъ.

— Ваша мамаша неправду говоритъ, отвѣчалъ я съ достоинствомъ,—дѣдушка мой генералъ, и я буду генералъ, (увы! мечты моего дѣтства не сбылись!) а вы не будете генераломъ. Вы будете съ бородой ходить, какъ вашъ дѣдушка.

Вася обидѣлся.

— Не хочу я съ бородой ходить, произнесъ онъ почти сквозь слезы:—мамаша мнѣ сказала, что я не буду съ бородой ходить.

Я былъ доволенъ, что уязвилъ Васю. Чтобы дать сильнѣе почувствовать ему какая разница между дворяниномъ и купцомъ, я заговорилъ съ нимъ по французски, полагая, что на французскомъ языкѣ могутъ говорить только одни дворяне.

Вася произнесъ также нѣсколько словъ по французски, хотя къ моему удовольствію, съ трудомъ и дурнымъ выговоромъ.

— А вотъ вы и не умѣете хорошенько говорить по французски, замѣтилъ я.

— Умѣю! закричалъ Вася такимъ голосомъ, какъ будто сбирался сейчасъ заплакать.

— Ну, если умѣете, такъ скажите, какъ по французски называется печка?

Вася задумался.

Очень довольный собою, я принялъ роль экзаменатора.

Вася отвѣчалъ на мои вопросы не совсѣмъ удовлетворительно и наконецъ заплакалъ.

Мы разстались явно недовольными другъ другомъ.

Когда я послѣ отъѣзда купца передалъ мой разговоръ съ Васей дѣдушкѣ, и съ насмѣшкою прибавилъ: «онъ сказалъ мнѣ, будто бы онъ будетъ выше дворянина....» дѣдушка съ неудовольствіемъ покачалъ головою.

Я тотчасъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на дѣдушку моимъ разсказомъ, хоть не сознавалъ почему.

— Вѣдь онъ сказалъ это по глупости дѣдушка? Какъ же онъ можетъ быть выше дворянина? Я ему отвѣчалъ, что дворянинъ можетъ четверней ѣздить, а онъ не можетъ... Вѣдь, правда, дѣдушка? спросилъ я уже съ нѣкоторою робостью, посмотрѣвъ на дѣдушку съ недоумѣніемъ.

— Кто тебѣ набиваетъ голову такими пустяками? отвѣчалъ онъ: — однимъ дворянствомъ, мой другъ, гордиться нечего, да и вообще гордиться чѣмъ бы то ни было и важничать передъ кѣмъ бы то ни было — не хорошо, и не все ли равно ѣздить на четвернѣ или на парѣ? Купецъ можетъ быть поумнѣе инаго дворянина, если купецъ человѣкъ честный, если онъ говоритъ всегда правду,

ведетъ свои дѣла аккуратно... Человѣка украшаютъ его дѣла, его поступки, а не званія и титла. И купецъ также служитъ отечеству, какъ и дворянинъ... Вотъ, напримѣръ, дѣдушка этого мальчика, купецъ, который у меня сейчасъ былъ, онъ человѣкъ честный, благородный, умный, весьма уважаемый, и не за то только, что онъ богатъ, а за то, что онъ честенъ. Его одному слову вѣрятъ болѣе, чѣмъ клятвамъ и подписямъ иныхъ значительныхъ лицъ. Если внучекъ пойдетъ по его слѣдамъ, то его будутъ также уважать, какъ старика. Ты замѣть однажды на всегда, что уваженіе пріобрѣтается трудолюбіемъ, честностію, прямотою, а не званіемъ, потому, что благородное званіе или громкій титулъ безъ внутренняго благородства, одно пустое слово! Гордятся безсмысленно своимъ происхожденіямъ только пустые, глупые и ничтожные люди. Прочти-ка, дружечикъ, басню Крылова «Гуси», ты это лучше поймешъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣдушка повезъ меня къ Прохору Кононычу.

— Вотъ, сказалъ онъ, входя къ старику:—и я къ вамъ съ моимъ внучкомъ. Онъ пріѣхалъ сдѣлать визитъ вашему внучку...

Вася не солгалъ. Квартира Прохора Кононыча была несравненно лучше и больше нашей квартиры и украшена несравненно богаче. Меня въ особенности поразила огромная зала съ хорами и двумя большими люстрами съ потолкомъ, расписаннымъ амурами, въ которой Прохоръ Кононычъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, задавалъ банкеты различнымъ знатнымъ и сановнымъ особамъ. Прохоръ Кононычъ былъ не лишенъ тщеславія и лю

билъ видѣть у себя въ гостяхъ ордена и звѣзды. Нѣкоторые ордена и звѣзды, говорятъ, пользовались даже слабостью добраго Прохора Кононыча, часто сами напрашивались къ нему на обѣды и объѣдались и упивались у него вдоволь, вознаграждая хозяина, или вѣрнѣе сказать, его зрѣніе—блескомъ своихъ шейныхъ и особливо грудныхъ украшеній. Комната Васи была завалена невиданными мною игрушками. Какъ я не усиливался казаться равнодушнымъ, но при видѣ домовъ, башень, садовъ, съ движущимися людьми и экипажами, и при звукахъ маленькой ручной шарманки, я едва удержался, чтобы не ахнуть. Все это грудами было навалено въ комнатѣ и покрыто слоемъ пыли. Въ комнатѣ Васи, когда я вошелъ въ нее, былъ гувернеръ его, французъ-щеголь, няня съ сморщеннымъ лицомъ и двуличневымъ платкомъ на головѣ, дѣвка, обутая на босую ногу и грязной мальчишка, обстриженный въ кружокъ. Вася мало обращалъ на меня вниманіе, онъ болѣе занимался собаченкой испанской породы, къ хвосту которой онъ привязалъ шнурокъ и дергалъ ее за этотъ шнурокъ. Собаченка визжала, Вася кричалъ на мальчишку, гувернеръ кричалъ на Васю, который его не слушалъ, няня кричала на босоногую дѣвку. Я совсѣмъ растерялся въ этомъ хаосѣ... Черезъ минуту Вася выпустилъ несчастную собаченку, схватилъ большую куклу, представлявшую улана и показалъ ее мнѣ,

— Какова кукла? спросилъ онъ у меня.

— Славная, отвѣчалъ я.

— А хотите я ей сейчасъ голову сломлю? мнѣ дѣдушка другую купитъ.

И съ этими словами шея куклы затрещала и голова съ кiверомъ покатилась на полъ...

Вскорѣ за этимъ дѣдушка прислалъ за мною и мы уѣхали.

Болѣе меня не возили къ Васѣ, Вася не прiѣзжалъ ко мнѣ и я забылъ о его существованiи...

II.

Лѣтъ черезъ тринадцать послѣ этого я обѣдалъ въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ петербургскихъ ресторановъ съ моимъ товарищемъ по школѣ, съ добродушнѣйшимъ и милѣйшимъ изъ людей, который безъ разбора былъ знакомъ со всею петербугскою молодежью, всѣмъ радушно жалъ руки, всѣмъ говорилъ *ты* и пользовался величайшею популярностью въ столицѣ. Онъ былъ однимъ изъ неизбѣжныхъ лицъ на всѣхъ гуляньяхъ, во всѣхъ театрахъ, маскерадахъ, танцклассахъ, вездѣ, гдѣ проявляется публичная жизнь и тотчасъ со всѣми попадавшимися ему лицами заводилъ знакомства, не разбирая сословiй и одинаково обращаясь съ богатыми и бѣдными, съ высшими и съ нисшими, съ умными и съ тупоумными. Онъ не имѣлъ и тѣни тщеславiя, которымъ почти всѣ мы заражены болѣе или менѣе и потому съ нимъ всегда было легко; онъ сыпалъ остротами и каламбурами, зналъ всѣ петербургскiе анекдоты, говорилъ безъ умолку, былъ постоянно въ веселомъ расположенiи духа, и умѣлъ смѣяться не только надъ другими, что очень легко, но даже надъ самимъ собою, что очень трудно. Я не встрѣчалъ въ моей жизни человѣка, который

имѣлъ бы такое разнообразное и обширное знакомство, какое имѣлъ онъ. Однажды, въ маскерадѣ дворянскаго собранія, онъ завелъ меня въ какой-то таинственный уголокъ покурить. (Онъ зналъ вездѣ всѣ уголки и закоулки и по именамъ лакеевъ во всѣхъ ресторанахъ и капельдинеровъ во всѣхъ театрахъ). Въ этомъ уголкѣ мы нашли господина въ пестромъ галстухѣ и въ изношенномъ фракѣ съ блестящими пуговицами, наружности весьма неблаговидной и притомъ полупьянаго. Господинъ этотъ при видѣ моего товарища съ увлеченіемъ бросился къ нему на шею, поцаловалъ его и воскликнулъ:

— Ахъ Саша, Саша! какъ я, братецъ, радъ тебя видѣть, то есть не повѣришь какъ радъ.

— Давно не видались.... Ну что ты подѣлываешь? возразилъ мой товарищъ улыбаясь.

— Живу, душа моя, живу! Извѣстно, что —

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И господинъ махнулъ при этомъ рукой, посмотрѣлъ на меня, пошевелилъ губами, облизалъ ихъ и прибавилъ, ударивъ моего товарища по плечу.

— Пойдемъ, братецъ, выпьемъ.

Товарищъ мой отказался, мы докурили папироски и вышли изъ угла.

— Откуда, наконецъ, у тебя такія знакомства, скажи Бога ради? спросилъ я у него.

Онъ захохоталъ.

— А что, вѣдь, недурной экземплярчикъ?... это *мой другъ*. Я сошелся съ нимъ на одномъ презабавномъ вечерѣ у актера Кронидова. Я ему по-

чему-то понравился, онъ и предложилъ мнѣ выпить съ нимъ на ты. Зачѣмъ же мнѣ было оскорблять его? я согласился. Что за бѣда, что прибавилось одно лишнее ты? Къ тому-же онъ юмористъ, не шутя. На этомъ вечерѣ чортъ знаетъ что происходило и какія рылы были... Ужъ мнѣ стало страшно, ты можешъ себѣ представить, что такое тамъ было. Я потихоньку уѣхалъ, потому что ужъ начиналось что-то—въ родѣ драки между хозяиномъ и гостемъ. На другой день въ кафе я встрѣчаю этого господина.

— Ну что, спрашиваю я у него, — ты долго вчера тамъ оставался?

— Да почти что до развѣта, отвѣчалъ онъ, — послѣ тебя тамъ случилась маленькая непріятность.

— Что такое?

— Одному изъ гостей ротъ разодрали. Вышло между нимъ и другимъ гостемъ какое-то неудовольствіе, ужъ изъ зачего не умѣю сказать... такъ недоразумѣніе.

— Ты не смотри на то, прибавилъ мнѣ мой товарищъ въ заключеніе, что у него не совсѣмъ презентабельная физіономія. Онъ большой забавникъ... когда не пьянъ; жаль только, что онъ никогда не бываетъ трезвъ.

У моего товарища была, между прочимъ, страсть заводить кружки, во имя чего бы то ни было и управлять этими кружками. Разъ онъ составилъ театральный кружокъ; въ другой разъ, когда театральство прискучило ему, онъ составилъ что-то въ родѣ *попечительнаго комитета* о какой-то барышнѣ, которая, Богъ знаетъ почему-то, ему вдругъ понравилась и онъ вербовалъ молодежь въ

этотъ комитетъ, какъ на дѣло серьёзное.... Дѣятельности-то хочется, а настоящаго дѣла, которому бы легко и весело было отдаться, у насъ нѣтъ, такъ по неволѣ даже самые лучшіе изъ насъ развлекаются пустяками, остаются долго духовно-малолѣтними и играютъ въ игрушки въ такіе годы, когда въ другихъ странахъ люди подвизаются уже съ пользою на гражданскомъ и общественномъ поприщѣ. Оттого на всѣхъ нашихъ лучшихъ людяхъ есть отпечатокъ, если вы вглядитесь въ нихъ близко, внутренней пустоты и легкомыслія, даже и въ тѣхъ, которые почитаютъ себя не безъ основанія глубокомысленными. Товарищъ мой впрочемъ не прикидывался ничѣмъ, онъ былъ во всякую данную минуту самимъ собою. Развлекая себя разными выдумками, для того только, чтобы чѣмъ-нибудь занять себя, и отдаваясь имъ съ увлеченіемъ, онъ не воображалъ однако, что занимается дѣломъ, какъ многіе.... Другую, такую благородную, открытую, прямую природу, какова была у моего пріятеля, мнѣ не удавалось встрѣчать въ жизни, несмотря на то, что я прожилъ полжизни. Многіе изъ глубокомысленныхъ легкомысленно называли его *пустымъ*, *добрымъ малымъ*, видя его постоянно веселымъ; они считали его неспособнымъ къ мысли и къ дѣлу; неспособнымъ видѣть себя и задумываться надъ самимъ собою; но они жестоко ошибались. На товарища моего нерѣдко находили минуты тяжелаго и грустнаго раздумья, когда человѣкъ строго спрашиваетъ у самого себя: сдѣлалъ ли я хоть что нибудь, чтобы носить имя человѣка не какъ пустое и незаслуженное титло, а по сознанію и праву? И онъ усиливался бороть-

ся съ самимъ собою и съ средою, тяготившею его; но эту борьбу видѣли только самые близкіе къ нему по сердцу и по убѣжденіямъ. Всѣ слабости и недостатки этого человѣка прилѣплялись къ нему отъ этой среды; все прекрасное, благородное и свѣтлое выходило изъ его чистой и прозрачной натуры и часто, глядя на него, я думалъ, что изъ него могъ выйдти дѣльный и серьёзный человѣкъ, если бы онъ родился въ другой болѣе широкой средѣ, въ другомъ болѣе сёрьезномъ обществѣ...

Увлекшись моими воспоминаніями,—а товарищъ мой принадлежитъ къ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ,—я, можетъ быть, вдаюсь въ излишнія подробности, не нужныя для этого разсказа. Впрочемъ, что за бѣда? Листокъ изъ воспоминаній — не художественное произведеніе. Я пишу, какъ пишется, не имѣя ни малѣйшей претензіи на *художественность*, на *чистое искусство*, на *творчество* и тому подобное.

Говоря откровенно, я даже не совсѣмъ понимаю изъ чего такъ хлопочутъ защитники *чистаго искусства* и *художественности?* Сколько бы они не заботились объ насъ, по добротѣ души своей, они, изъ насъ простыхъ писателей, не сдѣлаютъ художниковъ, и какъ бы мы сами не желали угодить имъ, какъ бы мы ни усиливались превратиться въ *творцовъ*, всѣ наши усилія останутся не только тщетными, но и смѣшными....

Мы съ товарищемъ начали нашъ обѣдъ вдвоемъ, но скоро къ намъ присоединились еще два наши пріятеля, или, вѣрнѣе, пріятели моего товарища:— полный, высокаго роста адъютантъ, говорившій густымъ басомъ, страстный любитель цыганъ, ло-

шадиный барышникъ, выпивавшій баснословное количество вина, и молоденькій кавалерійскій офицеръ, съ маленькими усиками и съ нѣсколько изысканными манерами, военный фатъ. Товарищъ мой, какъ магнитъ, привлекаетъ къ себѣ; всѣ такъ и льнули къ нему, зная что гдѣ онъ, тамъ всегда весело. Своимъ добродушіемъ и симпатичностію онъ смягчалъ самыхъ гордыхъ и недоступныхъ господъ и заставлялъ смѣятся людей, которые ни когда не улыбаются. Обѣдъ нашъ былъ по милости его, очень живъ и веселъ. Изъ отдѣльной комнаты, рядомъ съ нами, къ концу нашего обѣда, послышались веселыя восклицанія, крики и наконецъ женскій голосъ, напѣвавшій всѣмъ очень хорошо извѣстные французскіе куплеты, которые обыкновенно поются, когда общество доходитъ до извѣстной степени веселости.

— Мишка! кто тутъ въ комнатѣ рядомъ съ нами? спросилъ адъютантъ у служившаго намъ молодаго татарина.

— Заказной обѣдъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ татаринъ.

— Тебя, дуракъ, не спрашиваютъ какой обѣдъ, а кто обѣдаетъ? возразилъ адъютантъ.

Татаринъ улыбнулся.

— Г. Пивоваровъ съ пріятелями, сказалъ онъ послѣ минуты нерѣшительности.

— И съ пріятельницами, прибавилъ адъютантъ.

— Это навѣрно Луиза, это ея голосъ, сказалъ изнѣженный офицеръ, поводя рукой по своимъ усикамъ.

— Что это за Луиза? спросилъ грубо адъютантъ, искоса взглянувъ на изнѣженнаго офицера.

— Какъ будто вы не знаете? отвѣчалъ онъ по французски:—та, которая жила съ Границынымъ.

— Я батюшка, съ вашими француженками знакомства не веду. Чортъ бы ихъ побралъ! Этой сволочи здѣсь много.... А этотъ Пивоваровъ, кажется, ужъ начинаетъ покучивать на будущія блага, на капиталы бородоча—своего дѣдушки!

«Э!» подумалъ я: — «да это долженъ быть мой старый знакомый Вася.»

— Терпѣть не могу, продолжалъ адъютантъ:— этихъ купчиковъ франтовъ.... Саша, ты знакомъ съ ними? Вѣдь ты со всѣмъ міромъ знакомъ?. .. а?

Адъютантъ обратился къ моему товарищу.

— Это *мой другъ*, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— Ну ужъ коли твой другъ, такъ долженъ быть хорошъ. Знаю я твоихъ друзей-то! У него, я вамъ скажу, такія друзья, продолжалъ адъютантъ, обращаясь ко мнѣ:—съ которыми ночью не дай Богъ встрѣтиться. А майоръ Астафьевъ что?

— Что же,—ничего. Онъ не другъ мой, а только protegé.

— Хорошъ *протеже!* Изъ кабака не выходитъ!... Полно скрываться-то, признайся, вѣдь вы кутите вмѣстѣ.

И адъютантъ при этой шуткѣ любезно улыбнулся.

— Ты не смѣйся надъ майоромъ Астафьевымъ, возразилъ мой товарищъ:—это милѣйшій и забавнѣйшій изъ людей; въ свое цвѣтущее время онъ былъ *седюктёромъ* и франтомъ, у него еще и теперь остались слѣды этого; несмотря на то, что у него вся физіономія отекла и налилась, онъ все еще иногда завиваетъ виски и фабритъ усы; манеры у него до сихъ поръ, когда онъ не очень пьянъ,

самыя галантерейныя, онъ безпрестанно отпускаетъ французскіе фразы: *экскюзе пуръ деранже*, или въ родѣ этого, носитъ фуражку на бекрень и выставляетъ локти впередъ, словомъ, онъ милъ необыкновенно. Ты бы посмотрѣлъ, какъ онъ расшаркивается передъ дамами!...

— И онъ, этому пьянчужкѣ, за то что онъ дамамъ хорошо раскланивается, пенсію выхлопоталъ! перебилъ адъютантъ, посмотрѣвъ на насъ.

— Чтожъ такое? Я и тебѣ выхлопочу пенсію, когда ты сопьешся, возразилъ мой товарищъ.

Адъютантъ захохоталъ, ударилъ его по плечу и воскликнулъ! «Ахъ ты Сашка!» вѣроятно за неимѣніемъ болѣе остроумнаго восклицанія.

— А знаете, сказалъ изнѣженный офицеръ, прищуривая глазки:—у этого господина который возлѣ насъ обѣдаетъ.... какъ вы его зовете?...

Офицеръ остановился, какъ будто вспоминая фамилію. Адъютантъ сурово посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Пивоваровъ... Къ чему передъ нами тону-то задавать: вѣдь вы очень хорошо помните его фамилію.

Изнѣженный офицеръ нѣсколько смутился.

— Pardon, я право.... отвѣчалъ онъ, запинаясь: — въ самомъ дѣлѣ я забылъ его фамилію.... да.... такъ у него.... вы видѣли сѣрый рысакъ, чудо! первый въ городѣ!

— Точно, что лошадь добрая, возразилъ адъютантъ:—я его по этой лошади-то и знаю. Да что онъ охотникъ, что ли, до лошадей? Ты, Саша, долженъ это знать въ качествѣ его друга.

— Какое—охотникъ! Онъ, кажется, столько же толку знаетъ въ лошадяхъ, сколько я....

— Ну, это немного, перебилъ адъютантъ.

— Ему сказали, что первый рысакъ въ городѣ продается, продолжалъ мой товарищъ: — такъ онъ сейчасъ и купилъ его для того, чтобы весь городъ кричалъ, что у него первый рысакъ и чтобы прохожіе по Невскому разѣвали рты отъ удивленія, когда онъ летаетъ на немъ, сломя голову, а кучеръ его, какъ безумный кричитъ во все горло: «пади! пади!» Все это, батюшка, дѣлается изъ тщеславія. Какая нибудь Луиза сдѣлаетъ ему или его рысаку глазки—онъ на цѣлый день и счастливъ. Ему хочется, во что бы то ни стало, чтобы его замѣчали и чтобы объ немъ говорили. Хоть онъ *мой другъ,* но я долженъ по справедливости замѣтить, что изъ него большаго толку не выйдетъ. Изъ него выработывается настоящій типъ и въ огромномъ размѣрѣ, — потому что онъ наслѣдуетъ милліоны, — этихъ кутилъ-купчиковъ, которыхъ развелось у насъ такъ много. Они всѣ воображаютъ, что ихъ дѣды и отцы наживали и скопляли капиталы для того только, чтобы они ихъ глупо проматывали и что они умнѣе и образованнѣе своихъ отцовъ и дѣдовъ, потому что одѣты по послѣдней парижской картинкѣ.

— Ты меня, братецъ, познакомь съ нимъ, перебилъ адъютантъ, — не продастъ ли онъ эту лошадь? я бы у него, пожалуй, купилъ ее, или, пожалуй, мы промѣнялись бы; я бы далъ ему славнаго рысака, не хуже его.... также бы разѣвали рты, когда бы онъ на немъ прокатывался по Невскому.... А что онъ любитъ выпить?

— Пьетъ сильно и также изъ хвастовства.

— Ну, это хорошо, замѣтилъ адъютантъ: — пошли-ка за нимъ Мишку.... пусть онъ его вызоветъ оттуда на минутку отъ твоего имени, а какъ онъ придетъ сюда, ты его познакомь со мною.

— Пожалуй.

Мишка былъ посланъ за Пивоваровымъ.

Г. Пивоваровъ не заставлялъ себя долго ждать.

Я не безъ любопытства посмотрѣлъ на него, когда онъ вошелъ въ нашу комнату. Ни одной черты отъ дѣтства не осталось у него. Онъ былъ худощавъ и блѣденъ, все лицо его было въ угряхъ, глаза, которые были голубыми въ дѣтствѣ, поблѣднѣли и превратились почти въ сѣрые, они были выпуклыми и имѣли мало выраженія; бѣлокурые его волосы были завиты и тщательно разчесаны, точно какъ будто сейчасъ выскочилъ изъ парикмахерской; одѣтъ онъ былъ франтовски, но безъ вкуса: въ бархатномъ клетчатомъ пестромъ жилетѣ и въ пестромъ галстухѣ, на одномъ изъ его пальцевъ было колечко съ большимъ брильянтомъ; онъ казался очень занятымъ своею особою, и какъ будто постоянно думалъ о томъ, кокое впечатлѣніе онъ производитъ на зрителей; понравился ли имъ его жилетъ? обратили ли они вниманіе на его брильянтъ?... нашли ли хорошими его манеры? и прочее. Отъ этого онъ былъ не совсѣмъ ловокъ и какъ-то стѣсненъ въ своихъ движеніяхъ.

— Я узналъ, что ты здѣсь и хотѣлъ тебя видѣть хоть на минутку, сказалъ мой товарищъ: — извини, что я тебя вызвалъ.

— Помилуй.... ничего.... я очень радъ, отвѣчалъ

внукъ милліонера, охорашиваясь и поглядывая на насъ

— Хочешь шампанскаго?

Товарищъ мой налилъ бокалъ и поднесъ ему.

— Мерси.... Внукъ милліонера взялъ бокалъ и прибавилъ: — я впрочемъ ужъ такъ много пилъ! Мы здѣсь обѣдаемъ въ четверомъ и ужъ выпили бутылокъ восемь.

— Ничего, это не вредно! замѣтилъ адъютантъ.

— Ахъ, кстати, сказалъ мой товарищъ, указывая на адъютанта: — вотъ князь Ртищевъ. Онъ желаетъ съ тобою познакомиться....—Пивоваровъ, прибавилъ онъ, указывая на внука милліонера.

Адъютантъ протянулъ ему свою широкую руку. При имени князя лицо внука милліонера вдругъ просвѣтлѣло.

Онъ произнесъ не безъ волненія: «Очень радъ, очень радъ!» и поспѣшилъ вложить свою руку съ брильянтомъ въ руку адъютанта, съ ощущеніемъ наслажденія, которое выразилось во всей его фигурѣ и бросилось бы въ глаза даже и не наблюдательному человѣку.

— Посидите-ко съ нами, сказалъ адъютантъ, слегка придвинувъ къ себѣ стулъ и указавъ на него внуку милліонера.

Онъ сѣлъ.

— Бутылку редерера и чистый стаканъ! крикнулъ адъютантъ.

Онъ налилъ полный стаканъ ему и себѣ и сказалъ:

— Ну, чокнемтесь.

Внукъ милліонера взялъ стаканъ, чокнулся съ

адъютантомъ, отпилъ немного и поставилъ стаканъ на столъ.

— Это что! воскликнулъ адъютантъ: — со мной эдакъ не пьютъ, батюшка, нѣтъ! этого я не люблю.

Внукъ милліонера началъ извиняться и отговариваться восмью бутылками, выпитыми вчетверомъ.

— Мнѣ до вашихъ восьми бутылокъ никакого дѣла нѣтъ. Я предлагаю вамъ выпить со мной.

Внукъ милліонера выпилъ стаканъ.

Черезъ десять минутъ въ бутылкѣ не оставалось ни капли, хотя ни я, ни товарищъ мой, ни изнѣженный офицеръ не пили. Глаза у внука милліонера совсѣмъ посоловѣли, онъ ужъ совершенно дружески разговаривалъ съ адъютантомъ и кажется даже выпилъ съ нимъ на *ты*. Адъютантъ ловко завелъ съ нимъ рѣчь о лошадяхъ. Внукъ милліонера началъ хвастать своимъ рысакомъ, адъютантъ возражалъ, что дѣйствительно это лошадь хорошая, но вовсе не изъ первыхъ въ городѣ; что у него есть гнѣдой рысакъ, который не хуже, если не лучше и въ заключеніе пригласилъ къ себѣ внука милліонера на другой день посмотрѣть его.

Внукъ милліонера вышелъ отъ насъ, кажется, совершенно счастливый мыслію, что извѣстность его растетъ съ каждымъ днемъ и что имъ даже начинаютъ интересоваться князья, и совершенно пьяный, потому что онъ даже спотыкался и пошатывался.

Черезъ два дня послѣ этого, я и товарищъ мой встрѣтили на улицѣ адъютанта.

— А знаете ли, господа, что пивоваровскій-то сѣрый рысакъ ужъ мой. Я промѣнялся, отдалъ ему своего гнѣдаго, да еще придачи взялъ. Этотъ франтъ, просто ничего не смыслитъ въ лошадяхъ, а туда же прикидывается знатокомъ, хвастаетъ и поритъ такую дичь, что уши вянутъ. Онъ глуповатъ немножко, а малый добрый!...

III.

Послѣ этого я нѣсколько разъ встрѣчалъ внука милліонера въ ресторанахъ, на улицахъ, на гуляньяхъ; моему товарищу вздумалось разъ какъ то при удобномъ случаѣ представить насъ другъ другу, но я не счелъ нужнымъ воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ. Наше знакомство ограничивалось только поклонами и иногда нѣсколькими словами при встрѣчахъ. Товарищъ мой также былъ у него всего раза два или три не больше, но мы знали всѣ подробности его жизни, всѣ его приключенія, какъ коротко знакомые. Вотъ какимъ образомъ: къ моему товарищу захаживалъ очень часто нѣкто Иванъ Петровичъ Подшивкинъ. Этотъ Иванъ Петровичъ, — человѣкъ лѣтъ сорока, маленькаго роста, съ бѣглыми, небольшими, двусмысленными глазками и съ вѣчно-угодливой и заискивающей улыбкой на губахъ, былъ сынъ обанкрутившагося богатаго купца; Прохоръ Кононычъ похоронилъ его отца на свой счетъ, потому что у покойника не оказалось ни полушки, далъ у себя въ домѣ комнатку его вдовѣ и опредѣлилъ ея сына, которому было уже лѣтъ двадцать-

пять къ себѣ въ контору. Но сынъ этотъ оказался къ дѣламъ совсѣмъ неспособнымъ и изъ рукъ вонъ лѣнивымъ: онъ даже въ контору никогда и не показывался. Прохоръ Кононычъ зналъ все это, но онъ махнулъ рукой, произнесъ: «Ну, Богъ съ нимъ» и велѣлъ продолжать выдавать ему жалованье. Такимъ образомъ, Иванъ Петровичъ прожилъ пятнадцать лѣтъ у Прохора Кононыча, получая небольшое жалованье по его милости и снисходительности. Онъ всякій день шлялся по гостямъ, потому что сохранилъ связи со всѣмъ петербургскимъ богатымъ купечествомъ, ѣлъ, пилъ, веселился на чужой счетъ, и отплачивалъ за это шуточками, прибауточками и балагурствомъ, смѣшаннымъ съ низкопоклонствомъ. На всѣхъ купеческихъ именинахъ, свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, рожденьяхъ, банкетахъ, онъ былъ непремѣннымъ лицомъ;—онъ забавлялъ бородатыхъ милліонеровъ разными паясническими выходками; переносилъ сплетни ихъ женамъ; былъ на посылкахъ у ихъ дочерей; пилъ съ ихъ сынками и оказывалъ имъ различныя услуги, особенно по части прекраснаго пола и умѣлъ вездѣ поставить себя хотя невиднымъ, но необходимымъ лицомъ. Такимъ образомъ, Иванъ Петровичъ жилъ припѣваючи, получая отъ всѣхъ подачки чѣмъ ни попало: деньгами и вещами.

Гдѣ и какимъ образомъ познакомился съ нимъ мой товарищъ, я не знаю, только онъ удостоивалъ его своего расположенія, потому что считалъ его забавнымъ, хотя я, признаться, ничего не находилъ въ немъ забавнаго. Иванъ Петровичъ разсказывалъ обыкновенно моему товарищу различ-

ные анекдоты изъ купеческаго быта, съ ужимками и прибаутками, а товарищъ мой слушалъ его, лежа на диванѣ, съ сигарой и хохоталъ отъ всей души. Вася Пивоваровъ былъ главнымъ его героемъ. Онъ благоговѣлъ передъ нимъ.

— Ну что, Иванъ Петровичъ, скажите, бывало спрашивалъ его мой товарищъ, — занимается ли вашъ Вася хоть сколько нибудь коммерческими дѣлами? понимаетъ ли онъ въ нихъ хоть что нибудь?...

— Помилуйте, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, зачѣмъ же *намъ* этимъ заниматься-съ? Мы рождены собственно для того, чтобы по Невскому на рысачкахъ кататься! Впрочемъ это я только такъ для риѳмы совралъ, а *мы* все знаемъ, всѣмъ занимаемся-съ, кассирскія должности исполняемъ и дѣдушкѣ въ глаза пыль пускаемъ. Старикъ-то намъ немножко мѣшаетъ, а то бы мы такого форсу задали, что....

Иванъ Петровичъ сжалъ губы и свиснулъ.

— Чтожъ впрочемъ — и теперь объ насъ всѣ говорятъ — куда ни обернешься только и слышешь: какой рысакъ у Василья Прохорыча! Какая коляска!... какая мебель!... и точно что... (онъ взглянулъ на меня и указалъ на моего товарища) вотъ они видѣли нашу мебель: пате, консольки, козеточки, эдакія, на тощакъ и не выговоришь такія названія; ковры, шелки, бронзы — есть отъ чего ахнуть. А вина-то какія, — а метресочки-то! Господи, Боже мой! Я прошедшій разъ гляжу на Луизу Карловну.... она эдакъ лежитъ на диванѣ, какъ султанша какая, да ножкой болтаетъ, — просто чудо! — «Позвольте, я говорю, Луиза Кар-

ловна, мнѣ недостойному рабу хоть къ башмачку-то вашему, или къ чулочку моими грѣшными губами прикоснуться... А она, знаете, спрашиваетъ по французски: что, говоритъ, онъ вретъ? — а сама смотритъ на меня, улыбается, да еще пальчикомъ грозитъ,—такая, ей Богу! то есть кажется прилегъ бы къ ея ножкѣ щекой, замеръ и испустилъ бы тутъ же дыханіе, и въ голову бы не пришло, что другія женщины существуютъ на свѣтѣ, а мы нѣтъ-съ, какъ можно! Намъ одного цвѣточка мало; мы, какъ пчелы съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетаемъ, никакимъ не пренебрегаемъ и на чертополохъ садимся, отовсюду медокъ высасываемъ, а изъ насъ денежки высасываютъ.... Да что! намъ деньги не почемъ! У насъ деньги, какъ щепки. Хоть у насъ-то ихъ и не слишкомъ много-съ, да вѣдь *мы наслѣдники*, а у дѣдушки-то у нашего подвалы чистымъ золотомъ завалены.... Намъ не то, что другимъ-съ; въ случаѣ нужды деньги достать все равно, что стаканъ воды выпить. Отовсюду сбѣгутся благопріятели... сейчасъ сколько угодно достанутъ, благодѣтели, 50 на 100; деньги намъ даютъ, да еще намъ же въ поясъ кланяются. Экая жизнь-то подумаешь — блаженство! Намедни утромъ лежитъ на диванѣ въ турецкомъ халатѣ, халатъ-то изъ тысячной шали скроенъ, шолковые шаровары, — потягивается, позѣвываетъ, да лѣниво покуриваетъ. Головка-то въ туманѣ еще.... всю ночь на пролетъ прожуировалъ, а я смотрю на него да улыбаюсь.

— Чего, говоритъ, ты смѣешься?...

— На васъ, говорю, Василій Прохорычъ радуюсь. Въ сорочкѣ, я говорю, вы родились.

— Въ самомъ дѣлѣ?... и самъ улыбается... а что, говоритъ, я думаю точно многіе мнѣ завидуютъ?

— Да какъ же не завидовать-то! Кому же завидовать, какъ не вамъ?

— Это, говоритъ, все вздоръ; теперь мнѣ завидовать еще нечему, а вотъ какъ я буду самъ себѣ господинъ, такъ ужь тогда я покажу себя; весь Петербургъ, говоритъ, ахнуть заставлю. Вотъ ты увидишь!

И точно: вы посмотрите, какъ мы тогда заживемъ. Ужь никто такъ, какъ Василій Прохорычъ не съумѣетъ пыль пустить въ глаза: умница-то, вѣдь, какой! ловкой, молодецъ!.. Посмотрите, какъ въ театръ войдетъ, или въ коляску сядетъ — подумаешь, что князь какой. Я изъ нашего-то сословія почитай что всѣхъ богачей знаю, изъ молодыхъ-то, да нѣтъ-съ куда имъ! далеко до нашего Василья Прохорыча! тѣхъ же щей да пожиже влей. Супротивъ него у насъ никого нѣтъ. Вотъ кричатъ про Мыльникова, сына Петра Косьяныча — да ничего въ немъ особеннаго нѣтъ и по французски не говоритъ, даромъ, что француженку содержитъ, пантомимой съ ней объясняется, какъ въ балетѣ, ей Богу, смѣхъ смотрѣть.... Она ему просто вотъ какія, оленьи рожища подставляетъ и смѣется еще надъ нимъ, а онъ ничего не понимаетъ, напьется, глаза, знаете, эдакъ посоловѣютъ, станетъ передъ ней на колѣни, мычитъ что-то и сердится, что она его не понимаетъ, бьетъ себя въ грудь, плачетъ... Куда ему противъ нашего! Я его часто вижу вмѣстѣ съ Васильемъ Прохорычемъ. Говорить ли о чемъ начнутъ —

ужъ нашъ непремѣнно его забьетъ, пить ли — нашъ перепьетъ, на рысакахъ ли перегоняться вздумаютъ — нашъ обгонитъ. А вотъ теперича онъ съѣздитъ заграницу-то, да вернется назадъ. Форсу-то тамъ еще болѣе понаберется, тогда и не подходи къ нему: пожалуй, что еще и на княжнѣ какой нибудь женится. Англичанинъ будетъ настоящій. Вѣдь правду я говорю, Александръ Григорьичъ?...

— Правду, правду, отвѣчалъ смѣясь мой товарищъ: — ну, а скажите, Иванъ Петровичъ, дѣдушку-то своего онъ любитъ?

— Господи Боже! да какъ же такаго золотаго дѣдушку не любить. Да и дѣдушка-то въ насъ души не слышитъ, только старики-то вѣдь ворчуны, ну и нашъ ворчитъ, что мало дѣломъ занимаемся. Онъ умница, даромъ что съ бородой и сапоги сверхъ панталонъ носитъ, но бѣдовый старикъ!... у него всѣ по стрункѣ ходятъ, пискнуть передъ нимъ никто не смѣетъ, а ужъ къ внучку слабъ, больно его любитъ, потому что онъ у него одинъ наслѣдникъ, сквозь пальцы смотритъ на него, да еще старикъ-то признаться и мало знаетъ наши продѣлки... Еслибъ онъ все узналъ, просто, какъ ни любитъ, а бѣда бы была... А что на прощальномъ-то обѣдѣ вы у насъ будете, батюшка, Александръ Григорьичъ? Черезъ мѣсяцъ ужъ Василій Прохорычъ непремѣнно уѣдутъ за границу. Теперь начинаемъ приготовляться къ отъѣзду. Пріѣзжайте, пріѣзжайте: обѣдъ будетъ на славу, пожалуй и птичьяго молока для васъ достанемъ, это намъ ни почемъ.... А скучно будетъ безъ Василья Прохорыча!

Иванъ Петровичъ вздохнулъ.

Черезъ мѣсяцъ, на другой день послѣ этого прощальнаго обѣда онъ прибѣжалъ къ моему товарищу въ ту минуту, когда я только что вошелъ къ нему. Иванъ Петровичъ былъ въ восторженномъ настроеніи.

— Ахъ, Боже мой! Александръ Григорьичъ, скажите, какъ это вамъ не грѣшно, вчера-то вы у насъ не были! Какъ же это можно! восклицалъ онъ, съ сверкающими глазами и размахивая руками....

— Что дѣлать? не могъ, я былъ не очень здоровъ.

— Да что не здоровы! какъ не могли, помилуйте! Вѣдь что было, то есть, этого и представить себѣ невозможно! Для такого банкета со смертнаго одра можно было встать, ей Богу.... Вотъ я вамъ принесъ списочекъ блюдъ.... вотъ извольте ... прочтите.... это на удивленье! А десертъ-то какой!... Клубника, земляника, малина въ полпальца величины—теперь-то вы можете себѣ вообразить! Винъ — это просто, разливанное море.... обѣдало всего человѣкъ двадцать, а выпито пять дюжинъ одного шампанскаго; послѣ обѣда пошли ликеры, заварили жжонку съ ананасами.... Я, знаете, въ свою жизнь часто бывалъ на парадныхъ, хорошихъ банкетахъ, а ужъ ничего подобнаго не видалъ.... Теперь воображенію представится, такъ слюнки потекутъ. Право. Много было изъ знатныхъ особъ, — вотъ князь Ртищевъ.... Ужъ какъ онъ всѣхъ разспотѣшилъ насъ. Эдакій молодчина! Нашъ-то на счетъ выпивки мало кому уступаетъ, а ужъ противъ ихъ сіятельства — пасъ.... Ну, да

и то сказать, куда же съ ними тягаться: въ плечахъ косая сажень, ростъ какой, какъ заговорятъ, такъ своимъ голосомъ всѣхъ и покроютъ, пляшетъ какъ!—нечего сказать: настоящій князь! Взглядъ эдакой, жестъ повелительный, орелъ, да и только, и не нужно говорить, что князь.... Стоитъ посмотрѣть на него, сейчасъ догадаешься. Послѣ жжонки, какъ закричитъ, — къ цыганамъ! слышите?... Сейчасъ же всѣ до единаго!

Я было хотѣлъ улизнуть, да прикурнуть гдѣ нибудь въ уголку, потому что ноги-то у меня ужъ, знаете, подкашивались, а онъ, вѣдь, подите, какой! сейчасъ замѣтилъ, да за шиворотъ меня.

— Куда? говоритъ,—не смѣть отсюда выходить, всѣ къ цыганамъ!

Какъ онъ схватилъ меня, я признаться, и испугался; эдакій силачина, вѣдь меня просто, какъ комара придавить можетъ.

— Помилуйте, я говорю, ваше сіятельство, куда прикажете, я, говорю, вездѣ за счастье почту быть съ вашимъ сіятельствомъ.

А онъ, знаете, эдакъ посмотрѣлъ на меня съ ногъ до головы, изволилъ улыбнуться и говоритъ:

— Ну, тото же, смотри, никуда отсюда, всѣ къ цыганамъ и за другими смотри, чтобы никто не смѣлъ улизнуть. Ты мнѣ за всѣхъ отвѣчаешь....

Такой шутникъ, право!

Вотъ мы такимъ манеромъ и нагрянули къ цыганамъ въ Новую деревню.... Уже первый часъ былъ. Всѣ спятъ. Его сіятельство идетъ впереди всѣхъ предводителемъ, и кричитъ:—эй, вы! вставайте, гости пріѣхали!... Самъ изволилъ стащить съ постели цыганочекъ-то, которыя помоложе....

Онѣ кричатъ, пищатъ... «Ваше сіятельство, оставьте, мы сейчасъ....» шали на себя, платки накидываютъ, а онъ-то хохочетъ.... «Живо!» говоритъ. .. «Гдѣ», говоритъ, «Матрена! подавайте мнѣ Матрену!» Цыгане то заспанные, знаете, изъ угла въ уголъ мечутся, какъ угорѣлые, видно ужъ знаютъ князя. «Сейчасъ», говорятъ, «ваше сіятельство, все будетъ готово.... не извольте безпокоиться.» Начинаютъ помаленьку собираться. Является Матрена.... идетъ, знаете, эта жирная, старая рожа, переваливаясь, да какъ увидала князя.... «А это ты, говоритъ, забулдыжная голова, спать-то намъ не даешь!» Ей Богу, такъ-таки и говоритъ.... «А князь-то ей:—«ахъ ты, старая, говоритъ, вѣдьма, чего разоралась-то! Ну, обними меня и поцалуй». Та обняла его и давай цаловать; мы такъ всѣ и покатились со смѣху. — Ну теперь, говоритъ, пошла, довольно—и рукой ее эдакъ, знаете, взадъ.... и потомъ обернулся къ цыганамъ.» — «А вы, говоритъ чего смотрите? Шампанскаго подавай»!... Господи! я думаю про себя, да чтожъ это? Ужъ кажется пили, пили, а теперь еще! что же это будетъ съ нами! Князь-то шутить не любитъ.... Вотъ-съ началась попойка и пѣсни.... Маша заливалась, какъ соловей, весь хоръ пѣлъ на славу, Матрена просто выходила изъ себя; видно, что они всѣ изъ кожи лѣзли, чтобы отличиться передъ такими гостями: вѣдь нашъ-то и на нихъ сажалъ деньги, они его знаютъ, да и кто жъ правда его не знаетъ?.... Вдругъ какъ князь-то вскочитъ, да какъ закричитъ: — «Ну веселую, плясовую — да живо! Матрена пройдемся-ко,» и мигнулъ Матренѣ. А самъ съ себя сюртукъ долой — и пошолъ,

пошолъ: ногами сѣменитъ, плечами поводитъ, да потомъ вдругъ въ присядку, гикаетъ, кричитъ, размахиваетъ руками, а потъ-то съ него такъ градомъ и льетъ.

— Ну, говоритъ, чортъ возьми, довольно съ васъ! Усталъ, какъ собака—и вытерся рукавомъ рубашки,—теперь, говоритъ, пойте что хотите, и легъ на диванъ. А тамъ и пошла пѣсня за пѣсней и послѣ каждой пѣсни разливка, вино-то теплое, въ душу не лѣзетъ и смотрѣть-то на него гадко: вспѣнится и польется черезъ на жестяной подносъ, и подносъ и столъ-то грязной такой и грязь кругомъ. А князь — ничего... Ну знаете къ концу-то онъ поосовѣлъ немножко, призамолкъ богатырь, сидитъ, обнявшись съ Груней и покачивается, а все еще, какъ нальютъ бокалы, кричитъ «пей,» но ужъ не такимъ твердымъ голосомъ—и самъ пьетъ. Потомъ пошли эти величанья.... Маша сама обходила съ подносомъ. Какъ дошло до нашего-то, какъ Маша остановилась передъ нимъ, кланяясь и желая ему счастливаго пути (ужъ они, шельмы, провѣдали, что онъ ѣдетъ за границу), онъ кивнулъ мнѣ головой....

— Ваня, говоритъ,—ужъ языкъ-то у него чуть ворочается, а я-то знаете ужъ пить тутъ не могъ, возьму, знаете, бокальчикъ да въ горшокъ съ еранью, благо князя то нечего бояться было, ну такъ я былъ по трезвѣе,—Ваня, отыщи, говоритъ, у меня бумажникъ въ карманѣ, вынь 500 р., положи на подносъ.

Вынулъ, положилъ, такъ нѣтъ! не унялся—видите еще мало показалось—вынимаетъ изъ кармана лобанчики и кидаетъ, а вѣдь онѣ такія жадныя,

ненасытныя. Имъ сколько ни давай все мало. Домой-то мы воротились часовъ въ семь. Ужъ я сокровище-то наше всю дорогу держалъ на рукахъ, онъ совсѣмъ ослабѣлъ, я берегъ его, какъ сосудъ какой нибудь хрустальный. Нельзя же: вѣдь онъ у насъ избалованный, изнѣженный такой.

Смотря на этого балагура и слушая его разсказъ, я былъ убѣжденъ, что онъ выпустилъ изъ него нѣкоторыя подробности, касающіяся до себя, а именно, что часть денегъ, назначенныхъ ненасытнымъ цыганамъ, онъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, перевелъ въ свой карманъ. По крайней мѣрѣ онъ производилъ на меня своею особою такое впечатлѣніе. Я сообщилъ это замѣчаніе моему товарищу, но онъ по добротѣ сердца никакъ не соглашался съ этимъ и увѣрялъ, что господинъ этотъ хотя и шутъ, но малый честный....

На пароходѣ, на которомъ отъѣзжалъ за границу внукъ милліонера, отправился, между прочимъ, одинъ мой знакомый. Я провожалъ его до Кронштадта и былъ невольнымъ свидѣтелемъ проводовъ внука милліонера. Его провожали нашъ знакомый—Иванъ Петровичъ; купеческій сынъ Мыльниковъ—франтъ, кутила и лихачь, явно усиливавшійся во всемъ тянуться за Пивоваровымъ; толстый господинъ очень важно державшій себя, имѣвшій типъ биржеваго маклера; еще другой господинъ съ вывернченными ногами, неопредѣленныхъ лѣтъ отъ 55 до 65, всѣмъ извѣстное въ Петербугѣ лицо—нѣчто въ родѣ ублюдка отъ жида съ обезьяной, говорящее на всевозможныхъ языкахъ и исправляющее всякія факторскія обязан-

ности и наконецъ Луиза, вся обернутая въ драгоцѣнную турецкую шаль.

Когда эта компанія явилась вечеромъ на пароходъ, готовый къ отплытію, она была уже въ очень оживленномъ расположеніи, не исключая и Луизы, и обратила на себя всеобщее вниманіе.

Жидъ-факторъ размахивая своими, какъ будто вывихнутыми руками, кричалъ во все горло, дружески ударяя по плечу внука милліонера:

— Когда будешь въ Парижѣ, остановись, моншеръ, непремѣнно въ **Hôtel des princes, rue Richelieu**—самая лучшая отель... Слышишь, непремѣнно тамъ — и спроси Шарля, онъ коммиссіонеръ при отелѣ; скажи, что я тебѣ рекомендовалъ его—этого довольно, онъ будетъ распинаться для тебя. Это драгоцѣнный человѣкъ: онъ Парижъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ... онъ покажетъ тебѣ всѣ чудеса, диковинки и прелести.... Вотъ ты увидишь, голубчикъ, какъ веселятся въ мѣстечкѣ Парижѣ, не по нашему!... Нѣтъ!... Намъ далеко!... Завидно смотрѣть на тебя, полетѣлъ бы за тобою, посмотрѣть на моихъ старинныхъ пріятельницъ-парижаночекъ!

И говоря это, онъ съ довольною улыбкою посматривалъ кругомъ себя, выставляя голову впередъ и поводя носомъ, какъ бы обнюхивая.

Купеческій сынокъ Мыльниковъ поправлялъ свои усики, тупо улыбался и говорилъ:

— Я тоже поѣду на будущій годъ въ Парижъ, непремѣнно поѣду!

Иванъ Петровичъ все терся около отъѣзжавшаго внука милліонера; становился противъ него, льстиво смотря ему въ глаза и повторяя: «поки-

даетъ насъ, наше сокровище, оставляетъ насъ здѣсь сиротами!» заходилъ сзади и поправлялъ ему ремень отъ сумки, которая была у него надѣта сверхъ пальто; смотрѣлъ на него то съ праваго, то съ лѣваго бока, печально кивая головою; подходилъ къ жиду-фактору, къ Мыльникову, къ биржевому маклеру и повторялъ со вздохомъ: — «уѣзжаетъ! уѣзжаетъ!» обращался къ Луизѣ и говорилъ, указывая на Пивоварова:—*парте, адьё!* и потомъ, умильно осклабляясь на нее, прибавлялъ:

— Ахъ вы, кралечка!

Когда провожавшіе должны были оставить отъѣзжавшій пароходъ и я совсѣмъ простился съ моимъ знакомымъ, продираясь сквозь толпу къ выходу, я опять наткнулся на группу, провожавшую внука милліонера.

Въ этотъ разъ Луиза была въ его объятіяхъ и обливала его слезами.

— **Merci! merci!... Ne m'oubliez pas, mon chéri!** повторяла она ему.

Иванъ Петровичъ всхлипывалъ, глядя на нихъ: даже жидъ-факторъ подносилъ платокъ къ глазамъ, до того картина эта была трогательна. Только купеческій сынокъ Мыльниковъ и толстый биржевой маклеръ оставались довольно равнодушными.

Иванъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ на пароходѣ, на которомъ мы возвращались въ Петербургъ.

— Умчался нашъ соколъ за моря! сказалъ онъ:— безъ него и жизнь не въ жизнь будетъ, такъ привыкъ къ нему, ей Богу. Да человѣкъ-то какой, души-то сколько!... Какъ не любить его! Луиза Карловна-то, видѣли вы, просто убивалась, прощаясь съ нимъ, на взрыдъ плакала бѣдняжка; у

него у самого, глядя на нее, покатились слезы, жалко ему стало ее, вынулъ изъ сумки пятьсотъ рублей,—на, говоритъ, Луизинька, возьми на булавки.... Тяжело, я вамъ скажу, будетъ ей безъ него! Не скоро забудетъ!...

Въ эту минуту началъ накрапывать мелкій дождь и мы вошли въ каюту.

Въ одномъ углу каюты мы увидѣли Луизу, сидѣвшую между двумя гусаркими офицерами и хохотавшую во все горло.... Одинъ изъ офицеровъ держалъ ее за руку, называя *неутѣшной вдовой.*

— Посмотрите-ка, сказалъ я Ивану Петровичу, указывая на эту группу.

Иванъ Петровичъ вытаращилъ глаза, съ минуту смотрѣлъ на нее, потомъ печально покачалъ головою.

— Ахъ, она безстыжая эдакая! произнесъ онъ:— да и я-то дуракъ, въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что она жалѣетъ объ *насъ.* А вѣдь сколько мы въ нее денегъ посадили!... И еще съ часъ назадъ тому пятьсотъ рублей бросили! За что же?... стоила-ли она этого?... Да чего, впрочемъ, ждать отъ нихъ? въ этихъ женщинахъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

И Иванъ Петровичъ отъ негодованія плюнулъ.

IV.

Внукъ милліонера вернулся изъ-за границы черезъ два года. О заграничныхъ его похожденіяхъ мнѣ узнать было не отъ кого. Въ Петербургѣ же, по разсказамъ Ивана Петровича и по другимъ слухамъ, онъ произвелъ въ своемъ кругу, какъ и

слѣдовало ожидать, величайшій шумъ. Тамъ, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, только и говорили о вывезенныхъ имъ вещахъ, платьяхъ и какихъ-то неслыханныхъ эхипажахъ, съ такими хитрыми названіями, которыя у русскаго человѣка останавливались поперегъ горла.... Внучекъ милліонера на нѣкоторое время занялъ вниманіе даже всѣхъ классовъ петербургскаго праздношатающагося народонаселенія. Объ немъ заговорили, да и нельзя же было не говорить, потому что онъ всякій день появлялся на публичную выставку въ различныхъ видахъ: онъ прокатывался утромъ по Невскому проспекту нѣсколько разъ взадъ и впередъ, чтобы дать возможвость во всѣхъ подробностяхъ разсмотрѣть себя любознательной публикѣ;—то въ какомъ-то англійскомъ экипажѣ, на англійскихъ лошадяхъ, съ англійской закладкой, которыми онъ самъ правилъ, вооруженный длиннѣйшимъ бичемъ; то полулежа въ легкой, какъ пухъ, коляскѣ, привезенной изъ Вѣны и запряженной русскими рысаками, которыхъ во весь ходъ пускалъ его толстый и бородатый кучеръ, обгоняя блестящіе экипажи Шарлоты Ѳедоровны, Армансъ, Берты, Марьи Ивановны и вообще *этихъ* дамъ.... Въ обѣденное время его можно было видѣть почти постоянно то у Сенъ-Жоржа, то у Леграна, а вечеромъ или въ циркѣ, или во французскомъ театрѣ, или въ оперѣ, куда онъ являлся всегда не только во фракѣ, но даже въ бѣломъ галстухѣ, какъ это дѣлаютъ тѣ свѣтскіе господа, которые обыкновенно прямо изъ театра отправляются на балъ, или раутъ. Внукъ милліонера на балы не ѣздилъ, а если и ѣздилъ, то на такіе, на которыхъ бѣлый

галстухъ былъ совершенно излишнимъ украшеніемъ, но онъ предпочиталъ бѣлый черному уже потому, что бѣлый бросался въ глаза. Къ тому же, какъ извѣстно, бѣлые галстухи въ большомъ употребленіи въ Лондонѣ.

— Здѣсь просто жить не умѣютъ, говорилъ онъ своимъ пріятелямъ съ презрительной гримасой и пожимая плечами:—какая-то дикая страна! Помилуйте, здѣсь въ оперу ѣздятъ въ сюртукахъ, на что же это похоже? Въ Лондонѣ въ оперу всякій порядочный англичанинъ надѣваетъ непремѣнно фракъ и бѣлый галстухъ! Это ужь такъ принято у всѣхъ образованныхъ людей....

— Да! ужъ что тамъ не говори, разсуждалъ про него благоговѣйно купеческій сынокъ Мыльниковъ съ своими друзьями:—а ужъ за нимъ тягаться не легко: *шикаръ*, чортъ его возьми! Настоящій европеецъ!

И въ подражаніе внуку милліонера, онъ также сталъ появляться въ оперу въ бѣломъ галстухѣ.

Только нѣкоторые велико-свѣтскіе гвардейскіе офицеры и штатскіе **comme-il-faut** иронически поглядывали на новаго европейца, отзывались объ немъ презрительно и называли его даже унизительнымъ именемъ *хама,* въ полномъ и гордомъ сознаніи, что та высочайшая **comme-il-faut**-ность и та утонченная свѣткость, которою владѣютъ они, не можетъ быть доступна *всякому,* что она не покупается никакими милліонами, что это высочайшій идеалъ, до котораго достигаютъ только немногіе избранные и высокорожденные. Внучекъ милліонера, хотя и замѣчалъ, какъ эти господа на него посматриваютъ, но, повидимому, мало огорчался

этимъ. Ему, можетъ быть, хотѣлось сначала попасть въ ихъ общество, но, убѣдившись, что это не такъ легко для него, какъ онъ думалъ, онъ успокоился.... Къ тому же, можно было смѣло предположить, не прибѣгая къ помощи наблюденій и слуховъ, что онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые не принимаютъ тонъ, а задаютъ тону, и которые окружаютъ себя людьми, надъ которыми они могутъ распоряжаться всевластно.

Въ это самое время, то есть черезъ полгода, а можетъ быть и черезъ годъ послѣ возвращенія Пивоварова изъ-за границы *весь* Петербугъ заговорилъ объ Шарлотѣ Өедоровнѣ.... Я говорю *весь*, потому что каждый изъ насъ, людей обезпеченныхъ и болѣе или менѣе праздныхъ, привыкъ считать тотъ маленькій мірокъ, которымъ окруженъ онъ, съ его интересами, понятіями и взглядами чуть не цѣлымъ міромъ, воображая что весь міръ непремѣнно живетъ тѣми же интересами, понятіями и взглядами. Очень легко можетъ быть, что большая половина Петербурга и не подозрѣвала о существованіи Шарлоты Өедоровны, но какое намъ дѣло до этой большой половины? Объ ней говорили *мы,* она занимала *насъ*.

Она была очень извѣстна давно, но несмотря на ея красоту и молодость на нее смотрѣли почти съ пренебреженіемъ, потому что эта красота была слишкомъ легка и доступна и, какъ всѣ такого рода красоты, имѣла не блестящую обстановку. А мы въ такихъ случаяхъ похожи на тѣхъ покупателей картинъ, которые обращаютъ не столько вниманія на достоинство самыхъ картинъ, сколько

на великолѣпныя рамы. Когда случай вставилъ Шарлоту Ѳедоровну въ великолѣпную раму,—всѣ обратились къ ней, всѣ заговорили объ ней. Шарлота Ѳедоровна окружила себя такимъ блескомъ и начала держать себя до того свысока, что издали и для людей неопытныхъ она казалась совершенно недосягаемою. У нее явилось множество великосвѣтскихъ поклонниковъ, она сдѣлалась вдругъ минутною прихотью Петербурга, его модою и внучекъ милліонера разумѣется началъ тотчасъ же въ числѣ другихъ всюду преслѣдовать ее. Онъ появлялся на всѣхъ пикникахъ и маскерадахъ, на которыхъ была она; онъ неспускалъ съ нее своего бинокля въ театрахъ; на Невскомъ проспектѣ его рысаки обгоняли ея рысаковъ; онъ четыре раза въ день въ различныхъ экипажахъ проѣзжалъ мимо ея оконъ; онъ подкарауливалъ ее въ англійскомъ магазинѣ, у Елисѣева и въ другихъ лавкахъ.

Но Шарлота Ѳедоровна вела себя очень тонко и разсчетливо. Она знала, что великосвѣтскіе господа, по милости которыхъ отчасти она держалась на высотѣ моды, считаютъ внука милліонера человѣкомъ дурнаго тона, подсмѣиваются надъ его претензіями и желаніемъ выставляться, и вмѣстѣ съ ними смѣялась надъ нимъ, обнаруживала передъ ними презрѣніе къ нему, говорила, что этотъ купчикъ надоѣдаетъ ей, что она не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться, и прочее, а между тѣмъ, говорятъ, тайкомъ вела съ нимъ переговоры, потому что упустить его считала по справедливости не разсчетливымъ.

Слухи эти подтвердились Иваномъ Петровичемъ. Я встрѣтилъ его однажды на улицѣ. Онъ

подошелъ ко мнѣ въ ту самую минуту, когда Шарлота Θедоровна промчалась мимо насъ на своихъ рысакахъ. Иванъ Петровичъ значительно улыбаясь, проводилъ ее глазами, прищолкнулъ языкомъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ-съ ужъ барыня, такъ барыня!

— А вамъ нравится?

— Помилуйте, да какъ не нравится. Я съ ней имѣлъ счастіе недавно провести цѣлый вечеръ.

— Какимъ же это образомъ?

— Да просто у насъ въ домѣ-съ. Недѣли двѣ тому назадъ, изволите видѣть, у Василья Прохорыча зашелъ споръ съ молодымъ Мыльниковымъ. Василій Прохорычъ говоритъ, что для меня, говоритъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ недоступнаго. Все, что пожелаю, говоритъ, буду имѣть. А Мыльниковъ то улыбнулся и говоритъ ему: — Ну, говоритъ, *атанде*, не всё, шалишь! Вотъ позови-ка насъ ужинать — чтобъ Шарлота Θедоровна была. Ну-ка!—А нашъ то ему отвѣчаетъ. —Велика, говоритъ, важность Шарлота! Да она будетъ у меня когда хочешь.—Нѣтъ, говоритъ, врешь, не будетъ, вѣдь она теперь такъ носъ задрала, что ужасъ.— А будетъ!... Слово за слово, знаете, и побились объ закладъ о дюжинѣ щампанскаго. Ну, разумѣется, Мыльниковъ проигралъ—пріѣхала, только хоть мы и выиграли дюжину шампанскаго, а этотъ визитецъ намъ дорого обошелся-съ. Еще до визита двухъ вороненькихъ рысаковъ къ ней на конюшню послали.... такъ вотъ изволите видѣть въ назначенный Василіемъ Прохорычемъ вечеръ, собрались мы часамъ къ девяти эдакъ; все свои, самые близкіе только, человѣкъ насъ пять всего

было, вмѣстѣ съ Василіемъ Прохорычемъ... Мыльниковъ разфрантился, разпомадился, завился, раздушился, какъ херувимъ какой расхаживаетъ — и все въ зеркала смотрится.

Признаться и мы себя во всемъ блескѣ показать захотѣли; зажгли всѣ люстры и кенкеты, комнаты горятъ просто, какъ на балу на какомъ. Самъ-то ходитъ во фракѣ и всѣ мы во фракахъ— нельзя, говоритъ, иначе, потому что въ Европѣ вечеромъ всѣ во фракахъ, такъ заведено, а ужъ тамъ гдѣ, говоритъ, дамы, въ сюртукѣ быть почитается величайшимъ невѣжествомъ. У насъ теперь вѣдь все по европейски, безъ Европы мы шагу не дѣлаемъ.... Ну вотъ онъ, знаете, похаживаетъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, а самъ между тѣмъ все на часы посматриваетъ. Ужъ близко къ десяти, а ея все нѣтъ. Мыльниковъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— А что, Ваня, вѣдь я пари-то выигралъ—не пріѣдетъ!

— Нѣтъ, я говорю, проигралъ, *шеръ ами*. Я тоже нынче по французски запускаю съ тѣхъ поръ, какъ мы изъ Европы-то прикатили. Ужъ коли, говорю, *онъ* сказалъ, что пріѣдетъ, такъ пріѣдетъ.

— Неужто, говоритъ, взаправду? Мнѣ, говоритъ на проигрышъ наплевать, а главное хочется въ близи-то на нее посмотрѣть. Такъ ты думаешь, что пріѣдетъ?

— Непремѣнно.

— Что ты? У меня братъ, даже, говоритъ, сердце забилось,—ей Богу....

Въ половинѣ одинадцатаго — звонокъ. Мы всѣ переглянулись — кому же кромѣ ее? У Мыльни-

кова даже вся кровь въ лицо бросилась.... Онъ къ зеркалу и виски поправлять.

Нашъ-то посмотрѣлъ на всѣхъ съ торжествомъ, «она!» говоритъ «она!»—и пошелъ ей на встрѣчу.

Входитъ. Господи! какъ разодѣта!... въ бѣломъ шолковомъ платьѣ съ фальбарами, по бѣлому-то лиловыя полосы, вся въ кружевахъ, декольте, а шейка-то бѣленькая, какъ сливки, и у самаго раздѣленьица-то, на грудочки-то, ужаснѣйшій бриліянтища, такъ и сверкаетъ, такъ и переливается.... Я, знаете, такимъ молодцомъ разшаркнулся передъ нею, а Мыльниковъ—вѣдь такой чудачина, даромъ, что самъ милліонеръ и съ виду лихачъ, совсѣмъ оробѣлъ, стоитъ, какъ пень и выпучилъ на нее свои буркулы-то....

А нашъ-то указалъ на насъ и говоритъ ей:

— Имѣю честь представить—это говоритъ, все мои пріятели, всѣхъ насъ по фамильямъ назвалъ....

Она обвела насъ глазками, а глазеньки-то какіе: съ поволокой — чудо! улыбнулась эдакимъ пріятнѣйшимъ манеромъ и кивнула всѣмъ намъ головкой.

— Я, говоритъ, изъ французскаго театра, все такія глупыя пьесы давали....Я и не дождалась конца.

И разсѣлась въ кресло, а нашъ-то подъ ноги ей скамеечку.

— Мерси, говоритъ, обдернула платьеце и ножку выставила.

Какъ я взглянулъ, вѣрите-ли—у меня такъ по всему тѣлу мурашки и пробѣжали. Башмачокъ-то маленькій, узенькій, съ обшивкой и съ лиловымъ бантикомъ, чулочекъ-то шелковой, такъ и обтягиваетъ ножку — и точно, какъ зарей подернутъ, — съ розовымъ оттѣночкомъ....

И какъ пошла говорить, что твои гусли: обо всемъ такъ прекрасно разсуждаетъ, все такъ критикуетъ. Умница такая!

А Мыльниковъ мнѣ на ухо: — Фу ты, братецъ, говоритъ, какая образованная!

— Да, я говорю: это не то, что Луиза Карловна, далеко кулику до Петрова дня, а я то дуракъ думалъ прежде, что ужъ лучше и умнѣе Луизы Карловны нѣтъ на свѣтѣ женщины!...

— И посмотри, Ваня,—Мыльниковъ-то говоритъ мнѣ, и знаете толкаетъ меня подъ локоть — манеры-то какія: развалилась вѣдь точно княгиня.

Поговоривши эдакъ съ полчаса, встала она и начала разсматривать наши рѣдкости: остановилась противъ часовъ, — большушіе эдакіе бронзовые часы, онъ привезъ ихъ изъ-за границы:—двѣ женщины съ каждой стороны лежатъ неглиже, внизу амуры играютъ и къ нимъ канделябры свѣчь объ двѣнадцати каждая, одинъ человѣкъ и не подниметъ, тысячи двѣ на наши деньги заплатилъ.... Она долго любовалась ими, всѣ кругомъ осмотрѣла, да и говоритъ:—на что, говоритъ, вамъ эдакіе часы!... Мнѣ въ гостиную, говоритъ, надобно часы; будьте-ка любезны — подарите ихъ мнѣ. Ну а нашъ-то, знаете съ амбиціей, хоть и жалко, да ужъ ни за что не покажетъ.

— Извольте, говоритъ, съ большимъ удовольствіемъ, они завтра же утромъ будутъ у васъ,— такъ знаете равнодушно, какъ будто они цѣлковыхъ три стоятъ.

Показалъ онъ ей фарфоровыя куклы, тоже навезъ съ собою оттуда, говоритъ, что рѣдкія, дорогія.... Предложилъ самъ — неугодно ли, говоритъ,

выбрать!—Почти что всѣ забрала, ей Богу... ужъ намъ смѣшно, мы мигаемъ другъ другу, а она ничего—ходитъ по комнатамъ, какъ королева какая, и отбираетъ что ей нравится. Вѣрите ли, тысячи на три слишкомъ разныхъ вещей набрала.

Тутъ пошло угощенье: мороженое, чай, конфекты..... Мы съ Мыльниковымъ сначала оробѣли маленько, но къ концу тоже въ разговоръ вступили, а послѣ ужина Мыльниковъ-то даже расходился.— «Позвольте,» говоритъ, «вашу ручку поцаловать.» Она улыбнулась и ни слова—протянула ему руку; ну ужъ за тѣмъ и я рѣшился.—Ужъ удостойте, я говорю, и меня тѣмъ же благоволѣніемъ — и мнѣ протянула и я приложился и смотрю—одинъ пальчикъ весь въ кольцахъ,—и все сотенныя: яхонты, брилліанты, опалы, жемчугъ—я въ этихъ вещахъ толкъ-то знаю, — думаю: ахъ кабы со всѣмъ и съ кольцами пальчикъ-то откусить!....

До двухъ часовъ пробыла, а на другой день всѣ вещи, которыя выбрала, уложили мы и отправили къ ней. Мнѣ ужъ часовъ-то больно жалко, остальные-то вещи Богъ съ ними!

Такъ вотъ онѣ эти барыни-то каковы! Хороши, красивы, а пальца имъ въ ротъ не клади — откусятъ-съ!

Эта поговорка, кажется, оправдалась надъ Пивоваровымъ, потому что кромѣ подарковъ вещами и рысаками, онъ, говорятъ, заплатилъ за Шарлоту Ѳедоровну тысячъ пятнадцать рублей серебромъ долгу; къ этому прибавляли еще, что послѣ уплаты долга, дверь ея квартиры болѣе не открывалась для него и что Шарлота Ѳедоровна даже отворачивалась при встрѣчѣ съ нимъ.

Самолюбіе внучка милліонера было оскорблено сильно, что можно было заключить изъ отзывовъ Ивана Петровича о Шарлотѣ Ѳедоровнѣ.

— Что вашъ Вася продолжаетъ съ нею все въ дружбѣ жить? спросилъ его мой товарищъ.

— Помилуйте! воскликнулъ Иванъ Петровичъ: — какое! ужъ давпымъ давно все кончепо.... Мы ее бросили и смотрѣть-то на нее теперь не хотимъ. Мы найдемъ и почище ея. Чортъ ее возьми совсѣмъ! Мы, батюшка, Александръ Григорьичъ, охотники, ловцы, а извѣстно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Да, признаться, пора бы и перестать; побаловали—и полно. Время бы ужъ своимъ домкомъ обзавестись, хорошую хозяюшку взять—вотъ что̀. Старикъ-то нашъ, слышно, ужъ пріискиваетъ ему невѣсту. Остепениться, говоритъ, пора малому-то....

V.

Семейство моего товарища заключалось въ матерѣ и сестрѣ. Отецъ его, совершившій все земное, то есть достигнувшій полнаго генеральскаго чина, скончался лѣтъ восемь передъ этимъ. Матери его было лѣтъ подъ пятьдесятъ; она еще тщательно сохранила остатки прежней красоты, не прибѣгая для поддержанія ея ни къ какимъ искусственнымъ средствамъ. Она принадлежала къ тому разряду женщинъ, которыхъ обыкновенно зовутъ *благовоспитанными*. Она была всегда одѣта съ приличіемъ и вкусомъ, не моложе своихъ лѣтъ, но не безъ нѣкотораго оттѣнка кокетства, никогда не

позволяла себѣ увлекаться въ разговорѣ и постоянно говорила ровнымъ тономъ, не возвышая и не понижая голоса; никогда почти ничего пе читала; безусловно подчинялась всѣмъ тѣмъ свѣтскимъ условіямъ, воззрѣніямъ и обычаямъ, середи которыхъ она прожила полжизни, и почитала ихъ величайшею мудростію, а уклоненіе отъ нихъ ужасною безнравственностію. Впрочемъ, несмотря на свою наружную холодность, она имѣла сердце мягкое и доброе, и очень любила дѣтей своихъ. И хотя сынъ ея безпрестанно противорѣчилъ этимъ условіямъ и обычаямъ и никогда не соглашался съ ея воззрѣніями, она поневолѣ примирялась съ нимъ, убѣдясь его примѣромъ, что можно быть честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ совершенно внѣ этихъ условій. Онъ велъ себя относительно ее съ большою почтительностію, осторожностью и тактомъ, и избѣгалъ случаевъ раздражать ее противорѣчіемъ, но иногда въ минуту увлеченія высказывался противъ воли—и въ такихъ случаяхъ она, вздыхая, всегда повторяла: «я удивляюсь, какія у васъ нынче странныя понятія обо всемъ!» Это замѣчаніе напоминало ему, что онъ перешелъ должныя границы и онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно перемѣнялъ разговоръ. Онъ былъ бы совершенно счастливъ и почти спокоенъ въ семейномъ быту, еслибъ его не тревожило страшное честолюбіе, которое маменька питала за него. Маменькѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ сдѣлалъ блестящую карьеру, получалъ чины, кресты, придворныя званія, чтобъ онъ составилъ хорошую партію, женился бы на какой нибудь княжнѣ, графинѣ, или по крайней на графской или княже-

ской родственницѣ — великосвѣтской барышнѣ, а все это не совсѣмъ согласовалось съ его независимымъ образомъ мыслей, прямодушіемъ и отсутствіемъ всякаго тщеславія. Отсюда возникали иногда довольно непріятныя домашнія сцены и объясненія между сыномъ и матерью. Сестра его была дѣвушка очень умная, и съ такимъ твердымъ и серьезнымъ характеромъ, которые попадаются не часто и образуются въ самой неблагопріятной для нихъ средѣ какимъ-то чудомъ. Братъ любилъ ее безъ памяти и питалъ къ ней большое уваженіе, несмотря на то, что она была гораздо моложе его, потому что передъ ней онъ чувствовалъ еще сильнѣе слабость собственнаго характера. Она была посредницею между братомъ и матерью, особенно въ минуты честолюбивыхъ припадковъ послѣдней, относительно сына.

Я бывалъ въ этомъ семействѣ довольно часто и проводилъ у нихъ иногда цѣлые вечера, въ то время, какъ мой товарищъ рыскалъ по Петербургу. Одна изъ самыхъ частыхъ посѣтительницъ въ ихъ домѣ была пансіонская подруга сестры моего товарища — прелестнѣйшая дѣвушка, какую я когда либо встрѣчалъ въ жизни. Въ этой дѣвушкѣ было столько граціи, — неусловной, искусственной граціи, которая вырабатывается воспитаніемъ, а природной, выходящей изъ глубины благородной, прекрасной природы, — столько гармоніи во всемъ ея существѣ, что она вдругъ поражала невольно и останавливала всякаго, кто видѣлъ ее въ первый разъ. Она была такъ нѣжна и легка, что иногда, при поэтическомъ настроеніи духа, ее можно было принять за видѣніе. Бѣлокурые, почти

льняные и пушистые волосы украшали ее головку, черты лица ея отличались не столько правильностію, сколько привлекательностію, которая особенно выражалась въ ея темносѣрыхъ глазахъ. Ея станъ, ростъ, нога и рука—все это могло бы служить образцомъ для художника. Таково было первое впечатлѣніе, производимое ею на всѣхъ, но странно, когда въ нее вглядывались ближе, къ нему присоединялось какое-то неопредѣленное, но грустное чувство, возбуждаемое непрочностію и слабостію этого существа, которое, казалось, не могло ни минуты быть само по себѣ, безъ посторонней помощи и поддержки. Она походила на тѣ нѣжныя, тонкія, вьющіяся растенія, которыя ищутъ возлѣ себя деревца—и если находятъ его, то съ любовью обвиваются около его стебля и поднимаются до самой его вершины, а если не находятъ, то растилаются по землѣ и глохнутъ въ травѣ; подъ защитою этого деревца онѣ не боятся бури, но вянутъ отъ одного грубаго прикосновенія руки человѣческой.

Я не могъ судить объ ея умѣ, потому что мнѣ не случалось говорить съ ней серьезно и она вообще, кажется, была мало разговорчива, но въ самомъ пустомъ, обыкновенномъ разговорѣ ея было что то пріятное; можетъ быть причиною этого былъ звучный, но въ то же время тихій, симпатическій голосъ. Я впослѣдствіи видалъ ее довольно часто — и не слыхалъ отъ нее никогда ни одного пошлаго слова, но всего сильнѣе дѣйствовала на меня ея улыбка, въ которой была неотразимая привлекательность и которая, какъ лучь солнца, вдругъ озаряла ея личико. Эта улыбка была пол-

нымъ выраженіемъ ея внутренней веселости, которая никогда не доходила до смѣха,—покрайней мѣрѣ я не видѣлъ ее смѣющуюся въ слухъ. Женскій смѣхъ — вещь очень серьезная.... Смѣхъ часто изобличаетъ внутреннія качества женщины и степень ея развитія. Женскій, громкій и рѣзкій смѣхъ, раздражающій нервы, отталкиваетъ отъ самой хорошенькой женщины.

При появленіи каждаго новаго незнакомаго лица, она тотчасъ казалось уходила въ себя, до того она была робка и впечатлительна и если даже кто нибудь изъ знакомыхъ обращался къ ней въ разговорѣ, она всякой разъ какъ будто внутренно вздрагивала.

Когда я увидѣлъ въ первый разъ эту дѣвушку и еще не зналъ кто она, я былъ убѣжденъ, что такое тонкое, изящное и деликатное существо могло родиться не иначе, какъ въ высшихъ сферахъ общества, — до того сильны предразсудки, вкоренившіеся въ насъ съ дѣтства. Мнѣ, я долженъ признаться откровенно, было даже нѣсколько непріятно, когда я узналъ, что она дочь купца, и послѣ этого въ первыя минуты она нѣсколько потеряла для меня свой поэтическій колоритъ; вглядываясь въ нее потомъ внимательно, я старался отыскивать въ ней (хотя напрасно) какихъ-нибудь слѣдовъ того сословія, къ которому принадлежала она.

Сестра моего товарища чувствовала къ ней глубокую привязанность и говорила объ ней почти съ увлеченіемъ, хотя вообще увлеченіе вовсе не было свойственно ея серьезной природѣ. Товарищъ мой часто забывалъ для нея клубы, театры и своихъ

пріятелей и цѣлые вечера, къ удивленію всѣхъ, просиживалъ дома.... Даже его матушка благосклонно находила, «qu'elle est tout à fait distinguée», хотя мысль, что дочь купца другъ ея дочери все таки нѣсколько оскорбляла ее.

Товарищъ мой передалъ мнѣ, что у подруги его сестры въ живыхъ только отецъ старикъ — человѣкъ нрава крутаго, русскій самодуръ, но очень любящій ее по своему и что она богатая и единственная его наслѣдница.

Однажды мы какъ-то откровенно разговорились объ этой замѣчательной дѣвушкѣ....

— А что, любезный другъ, женись-ка на ней, замѣтилъ я,—право, я говорю не шутя.

— Какой вздоръ! возразилъ онъ,—нѣтъ любезный другъ, во-первыхъ я старъ для нее: мнѣ ужъ тридцать лѣтъ; во-вторыхъ — нравиться женщинамъ я не умѣю и не могу, да у меня и фигура не такая; а въ-третьихъ—я не такъ себя поставилъ, я испортилъ всю мою жизнь, изуродовалъ себя — и ни къ чему серьезному не способенъ, а женитьба—вещь очень серьезная. Къ тому же ты знаешь мою матушку! Изъ этого могли бы выйдти такія семейныя сцены и непріятности!... Она женщина добрая, хорошая, но вся напичкана, къ сожалѣнію, барскими предразсудками....

— Если бы я былъ увѣренъ, что я точно могу составить ее счастіе.... но дѣло въ томъ, что я въ этомъ вовсе не увѣренъ. Какъ мнѣ ни надоѣла эта бродячая, цыганская, глупая и пустая жизнь, которую я веду до сихъ поръ, какъ она не тяготитъ меня, какъ мнѣ ни опротивѣла вся эта ком-

панія, середи которой я провелъ мою молодость и отъ которой путнаго слова не услышишъ, а все таки я еще не совсѣмъ отдѣлался отъ нее и она — я ужъ это чувствую, положила на меня неизгладимую печать и сдѣлала меня ни на что негоднымъ.

Товарищъ мой говорилъ тономъ грустнымъ и жолчнымъ и не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій, но вдругъ онъ расхохотался.

— Мы впрочемъ толкуемъ ужаснѣйшія глупости, сказалъ онъ, — ну, скажи пожалуйста можешъ ли ты меня вообразить серьезно женатымъ. Мнѣ кажется смѣшнѣе этого ничего быть не можетъ. Признайся.

Я долженъ былъ сознатся, что это правда.

— То-то и есть! Нѣтъ ужъ мнѣ видно придется остаться холостякомъ на всю жизнь — и промаячить ее безполезно и для себя и для другихъ. Еслибъ я вздумалъ пріобрѣсти *подругу жизни*, изъ этого бы вышло вотъ что.... слушай:

Онъ началъ представлять комическую картину своей семейной жизни — и самъ отъ души заливался надъ свою остроумною фантазіею....

Прошло съ годъ послѣ этого. Подруга сестры моего товарища посѣщала ее также часто, но товарищъ мой началъ явно удалятся отъ нее и избѣгать ее.

Разъ какъ-то мы сговорились ѣхать куда-то вмѣстѣ и я заѣхалъ за нимъ. Я нашелъ его противъ обыкновенія въ мрачномъ, безпокойномъ и раздражительномъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, братъ, я что-то не расположенъ

ѣхать... извини меня, сказалъ онъ мнѣ, когда я напомнилъ ему объ нашемъ визитѣ, — скучно и лѣнь.

Онъ уничтожалъ папироску за папироской и почти все молчалъ, что съ нимъ случалось необыкновенно рѣдко.

— Да что съ тобою?.. Ты не здоровъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, развѣ я бываю когда нибудь боленъ. У меня воловья природа, на меня ничего не дѣйствуетъ... Ахъ, знаешь ли новость? сказалъ онъ послѣ минуты молчанія: — Пивоваровъ женится.

— Съ чѣмъ его и поздравляю. Это, впрочемъ, меня мало интересуетъ, — возразилъ я.

— Но какъ ты думаешь на комъ?

— Почему же я знаю. Ну, напримѣръ?

— Чортъ знаетъ, это просто ни на что непохоже! Какъ-то вѣрить не хочется — на Ольгѣ Петровнѣ (такъ звали подругу сестры его).

— Можетъ ли это быть! вырвалось у меня невольно: — какимъ же это образомъ? Что можетъ быть общаго между этою дѣвушкою и между этимъ господиномъ.

— А между тѣмъ она будетъ его женою!... Въ самомъ дѣлѣ не безобразно ли это?

— Да неужели жь это правда? Если бы мнѣ это приснилось, я такой сонъ почелъ бы самымъ глупѣйшимъ изъ сновъ.

— Дѣйствительность-то видно иногда бываетъ глупѣе сновъ, возразилъ мой товарищъ: — мнѣ ужасно жаль эту дѣвушку. Неправда ли жаль ее?

— Но развѣ ужъ все рѣшено?

— Къ несчастію. Старикъ ея отецъ и дѣдушка этого противнаго купчика — старинные пріятели. Они говорятъ давно между собою рѣшили это прекрасное дѣло: соединить современемъ свои капиталы посредствомъ этого брака. Вѣдь ея отецъ — это закоснѣлый, упорный мужикъ, который если заберетъ какую нибудь чушь въ голову, такъ ее коломъ потомъ изъ нее не выбьешь.

— Да она-то что же?

— Чтожъ она? ее и не спрашивали. Ей объявили, когда ужъ дѣло было рѣшено. Это твой женихъ и кончено. Говорятъ, она бросилась къ отцу, умоляла его, чтобъ онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, объявила ему, что она не любитъ этого господина и никогда любить не будетъ, а отецъ затопалъ ногами, поднялъ крикъ. «Дочь, говоритъ, должна повиноваться отцу, а не разсуждать. Отецъ лучше знаетъ, что можетъ составить счастье дочери. Еще ты молода, привыкните другъ къ другу послѣ, говоритъ, слюбитесь.» — и прочее въ этомъ родѣ, какъ водится, а за тѣмъ привели жениха да и благословили ихъ. Страшно, говорятъ, смотрѣть на эту бѣдную дѣвушку! Сестра моя просто въ отчаяніи, — ты знаешь, какъ она любитъ ее. Мы вчера съ сестрой имѣли пренепріятную сцену съ матушкой. Она начала увѣрять насъ, что Пивоваровъ прекрасная партія для нее... что чего же наконецъ ей нужно! не за князя же ей выйдти замужъ! что она все таки купеческая дочь и что Пивоваровъ — женихъ, какихъ немного... что онъ легко бы могъ даже сдѣлать лучшую партію съ такимъ огромнымъ состояніемъ, какое у него въ виду, то есть, что и дворянка могла бы

осчастливить его своимъ согласіемъ на бракъ!. Я, не выдержилъ и сказалъ ей, что такъ разсуждать, какъ разсуждаетъ она, безчеловѣчно.... Тутъ поднялась буря, посыпалися на меня жалобы, упреки; при этомъ удобномъ случаѣ все вычитали мнѣ, что я не хочу служить, какъ слѣдуетъ, веду праздную жизнь, имѣю знакомства Богъ знаетъ съ какими людьми, (ну это-то отчасти правда!), что Перфильевъ моложе меня, а ужь давно камеръ-юнкеромъ, что я не умѣю искать ни въ комъ и прочее и прочее. Въ заключеніе нервическій припадокъ, все это, какъ слѣдуетъ. — Мнѣ-то это впрочемъ, все ни почемъ, съ меня какъ съ гуся вода, но мнѣ больно за сестру, она и безъ того растроена, да и при такихъ сценахъ она всегда страдаетъ больше меня... Чтожъ, — печально прибавилъ въ заключеніе мой товарищъ, — нападать послѣ этого на грубость и безчеловѣчіе какого нибудь разжившагося и разъѣвшагося мужика, въ родѣ отца Ольги Петровны, когда женщины добрыя, считающіяся образованными, и притомъ *дворянскаго происхожденія,* разсуждаютъ не лучше!.. Нѣтъ, любезный другъ, жить скучно!...

Какъ будто для окончательнаго раздраженія моего товарища, въ эту минуту явился къ нему Иванъ Петровичъ.

— Батюшка, Александръ Григорьичъ, заговорилъ онъ, входя въ комнату: — поздравте насъ, на нашей улицѣ праздникъ, *мы* женимся! Вотъ будетъ пиръ-то горой! И невѣста-то какая у насъ, — да вѣдь вы ее знаете, что вамъ говорить объ ней. Фея можно сказать эдакая, только ужъ слишкомъ эфирна, не мѣшало бы немножко по-

плотнѣе. Теперь у насъ въ домѣ такая возня идетъ — ужасть! Дѣдушка-то нашъ даетъ намъ особую половину возлѣ себя въ бельэтажѣ, ужъ отдѣлывать начали: потолки мы вызолотимъ, стѣны шолкомъ обобьемъ, зеркала до потолка пустимъ — знай нашихъ! А тамъ наслѣдничка заведемъ — эдакаго маханькаго. Одной мебели, я вамъ скажу, мы ужъ заказали Туру тысячъ на пятнадцать, ей-Богу. Мнѣ жалко, что часы-то онъ подарилъ Шарлотѣ Ѳедоровнѣ, а эти бы часы въ гостинную на мраморный каминъ — славно было бы, — ужъ такихъ часовъ въ Петербургѣ ни за какія деньги не достанешъ... И какъ я радъ этой свадьбѣ, то есть вы не повѣрите; точно какъ будто я самъ женюсь, ей-Богу.... Такое веселье пойдетъ теперь.... эти свадебные банкеты, балы.... гуляй, душа!

— Убирайтесь вы съ вашими банкетами и балами, вскрикнулъ мой товарищъ съ такимъ презрѣніемъ и негодованіемъ, какого я никогда не видѣлъ въ немъ. — Иванъ Петровичъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и даже испугался.

— Веселье! продолжалъ мой товарищъ, — хорошо веселье, когда невѣсту потащутъ подъ вѣнецъ силой!... Еслибъ въ вашемъ глупомъ, безпутномъ Васильѣ Прохорычѣ былъ хоть признакъ сердца, еслибъ у него была хоть капля совѣсти, хоть тѣнь собственнаго достоинства, онъ отказался бы отъ нее. Понимаете ли вы, что брать себѣ жену насильно — подло!... Впрочемъ, и я дуракъ, что я вамъ это говорю ... (Онъ разгорячался все болѣе и болѣе).... — вы не поймете этого, — ни вы, ни вашъ Василій Прохорычъ;

вы безсмысленно радуетесь этому потому, что вы блюдолизъ и по случаю этого брака вамъ представляется лишній разъ наѣсться и напиться!...

Иванъ Петровичъ совсѣмъ оробѣлъ отъ такой рѣзкой выходки, совершенно неожиданной для него, особенно отъ такого добраго, кроткаго и вѣчно веселаго человѣка, каковъ былъ Александръ Григорьичъ. Иванъ Петровичъ переминался съ ноги на ногу, посматривалъ жалобно то на него, то на меня, какъ будто глоталъ что-то и безсвязно бормоталъ:

— Да нѣтъ, помилуйте, Александръ Григорьичъ, я что же... я тутъ ничѣмъ не виноватъ-съ... мое дѣло — сторона.

Товарищъ мой молчалъ. Иванъ Петровичъ повертѣлся немного, потомъ началъ было разсказывать какое-то новое похожденіе купеческаго сынка Мыльникова, но замѣтивъ, что его не слушаютъ, и почувствовавъ неловкость, незамѣтно удалился.

VI.

Въ послѣдніе дни передъ свадьбою сестра моего товарища почти не оставляла ни на минуту своей подруги. «Я боюсь за нее, говорила она мнѣ: — она не перенесетъ этого. Меня пугаетъ ее наружное спокойствіе. Она какъ будто примирилась съ своимъ положеніемъ, но это не примиреніе, а равнодушіе отчаянія. Я вздумала было говорить ей обыкновенныя утѣшительныя пошлости и увѣрять ее, что въ ея женихѣ, кажется,

есть много хорошихъ сторонъ, что она своимъ вліяніемъ на него можетъ современемъ развить эти стороны и отвлечь его отъ дурнаго общества, въ которомъ онъ находится, но она остановила меня. «Бога ради!» сказала она: — «не говори того, чему ты сама не вѣришъ. Я прошу тебя только объ одномъ: не оставляй меня. Безъ тебя я съума сойду!» и она бросилась ко мнѣ на грудь. «Господи! если бы я могла хоть плакать,» прибавила она: «мнѣ все таки было бы легче.» Я не выдержала и высказала все ея отцу: но онъ отвѣчалъ мнѣ на это; — «Нѣтъ, матушка, вы ужъ пожалуйста не сбивайте ее съ толку. Ужъ это наше дѣло, все это пустяки, все обладится. Вы ужъ, сударыня, не безпокойтесь понапрасну.»

Наканунѣ свадьбы мы съ товарищемъ моимъ сговорились вмѣстѣ ѣхать въ церковь. Онъ былъ въ числѣ приглашенныхъ, но не желалъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Онъ хотѣлъ присутствовать на этой церемоніи не оффиціально, а тайно.

— Это зрѣлище, говорилъ онъ, плачевное; но, я самъ не знаю отчего, — меня такъ и тянетъ посмотрѣть на него.

Въ 8 часовъ вечера мы вошли въ церковь. Она была ярко освѣщена, всѣ свѣчи въ люстрѣ и паникадилахъ были зажжены, какъ въ дни великихъ торжествъ. Отъ самой паперти тянулся широкій коверъ. По обѣимъ сторонамъ поставлены были перилы, которыя отдѣляли обычныхъ и любопытныхъ свадебныхъ зрителей и зрительницъ отъ приглашенныхъ. На клиросѣ толпился большой хоръ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ съ галу-

нами, кистями и откидными рукавами. Женихъ съ своими родственниками и пріятелями были уже въ церкви и ожидали невѣсту. Впереди всѣхъ стоялъ старикъ Пивоваровъ въ сертукѣ съ гербовыми пуговицами, во всѣхъ медаляхъ и орденахъ, въ бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, которыя надѣвалъ онъ можетъ быть разъ пять или шесть въ своей жизни, въ самые торжественные случаи. Лицо его сіяло удовольствіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ должна была осуществиться самая любимая мечта его. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то генераломъ въ золотыхъ галунахъ, въ лентѣ и съ двумя звѣздами.

Женихъ въ бѣломъ галстухѣ съ большимъ бантомъ, въ бѣломъ жилетѣ, на которомъ блестѣла цѣпочка съ кучею брелоковъ и въ палевыхъ перчаткахъ, безукоризненно обтягивавшихъ его руки, разговаривалъ съ своими пріятелями: Иваномъ Петровичемъ и купеческимъ сынкомъ Мыльниковымъ, который стоялъ неподвижно, улыбаясь, и съ трудомъ поворачивалъ свою завитую голову въ сторону, боясь, вѣроятно, измять свои брыжжи; жидъ-факторъ, по своему обыкновенію, выставлялъ голову впередъ, скалилъ зубы и безпрестанно поворачивалъ голову изъ стороны въ сторону, какъ бы обнюхивая носомъ кругомъ себя; Иванъ Петровичъ съ умиленіемъ поглядывалъ то на дѣдушку, то на внучка, то на генерала въ лентѣ; на послѣдняго съ чувствомъ благоговѣйнаго удовольствія, какъ будто, глядя на него, онъ думалъ: «знай нашихъ! вотъ какіе у насъ пріятели!»

Вдругъ во всей толпѣ, наполнявшей церковь, обнаружилось движеніе, всѣ головы обернулись

къ дверямъ, пронесся всеобщій шопотъ: «невѣста! невѣста!» и хоръ грянулъ концертъ. Товарищъ мой вздрогнулъ и поднялся наципочки, чтобъ лучше видѣть....

Я увидѣлъ невѣсту въ ту минуту, когда она уже стояла рядомъ съ женихомъ. Передъ этимъ я давно не видалъ ее. Мнѣ показалось, что она нѣсколько похудѣла. Вглядываясь въ нее пристальнѣе, я замѣтилъ, что она стояла совершенно безъ всякаго движенія, что даже ни одинъ мускулъ на лицѣ ея не шевелился и веки были полуопущены, точно какъ будто она замерла въ такомъ положеніи.

— Посмотрите-ка, Пелагея Ивановна, говорила сзади меня какая-то барыня, толкая подъ руку другую: — что это такое: въ невѣстѣ-то ни кровинки, точно какъ не живая стоитъ, ей-Богу.

— Да, да! а женихъ-то очень не дуренъ, очень! возразила Пелагея Ивановна: — вѣдь, милліонщики, говорятъ, и онъ и она.

— Ужъ это всегда такъ, матушка, богатые къ богатымъ и льнутъ....

— А посмотрите, посмотрите, что это женихъ то какъ будто пошатывается! перебила Пелагея Ивановна.

Я взглянулъ на него и мнѣ точно показалось что онъ.... не то, чтобы пошатывался, а въ корпусѣ его обнаруживались повременамъ какія-то неестественныя движенія и лицо его было какъ-то ужъ очень красно, составляя рѣшительный контрастъ съ лицомъ его невѣсты. Въ эту минуту Иванъ Петровичъ, стоявшій впереди насъ за

перилами, обратился къ какому-то господину, стоявшему съ нимъ рядомъ, и, улыбаясь, сказалъ:

— А вѣдь *нашъ* немножко.... того — и при этомъ онъ щолкнулъ по своему бѣлому галстуху: — онъ знаешъ, передъ самымъ отъѣздомъ для куражу одинъ хватилъ цѣлую *сулеечку*.

— Что ты?

— Ей-Богу, подвердилъ Иванъ Петровичъ: — нельзя же, надо, знаешь, кровь привести въ движеніе: вѣдь сегодня намъ трудовъ-то будетъ много!

И они оба засмѣялись.

— Вотъ ужъ это свадьба, такъ свадьба! начала сзади меня Пелагея Ивановна: — какіе пѣвчіе — чудо! а у діакона-то какой голосъ!

Дѣйствительно, діаконъ былъ замѣчательный! по крайней мѣрѣ мнѣ не удавалось слышать такого. Его глухой и густой басъ гремѣлъ, какъ раскаты грома, подъ церковными сводами и, казалось, заставлялъ дребезжать стекла въ оконныхъ рамахъ. Протопопъ благочестивой наружности съ клинообразною сѣдой бородкой, напротивъ имѣлъ голосъ мягкій, нѣжный и едва слышный.... Ихъ блестящія ризы, яркое освѣщеніе церкви, хоръ нарядныхъ пѣвчихъ, генералы въ блестящихъ мундирахъ, съ лентами черезъ плечо, купчихи, усыпанныя брилліантами, все способствовало благолѣпію, блеску и торжественности бракосочитанія.

Когда таинство совершилось, протопопъ произнесъ краткое краснорѣчивое поучительное слово къ молодымъ и затѣмъ начались поздравленія, поцалуи и прочее.

Наблюдательная Пелагея Ивановна, все время не спускавшая глазъ съ молодыхъ, вскрикнула въ ту минуту, когда начались поздравленія:

— Ахъ ты Господи! Посмотрите, что это молодой-то какъ будто дурно.... видите, видите, ее поддерживаетъ эта барышня.

Въ самомъ дѣлѣ ее поддерживала сестра моего товарища.

Толпа любопытныхъ бросилась къ церковной паперти, чтобы поближе взглянуть на молодыхъ, когда они будутъ садится въ карету. Товарищъ мой схватилъ меня за руку....

— Ну, довольно! сказалъ онъ:—поѣдемъ ко мнѣ чай пить....

Мы едва продрались сквозь толпу....

Чай уже давно стоялъ передъ нами; товарищъ мой ходилъ по комнатѣ: я лежалъ на диванѣ и курилъ сигару. Оба мы были въ какомъ-то тяжеломъ раздумьи и не произнесли еще ни одного слова.

Наконецъ товарищъ мой остановился передо мною.

— Если подумаешь, какъ глупа наша жизнь, сказалъ онъ: — такъ право сдѣлается страшно!... Вотъ, напримѣръ, возьми хоть мою жизнь. .. Что это такое? Я до сихъ поръ былъ совершенно слѣпцомъ, ничего не понималъ и не видѣлъ, что дѣлается передо мною, никакая серьезная человѣческая мысль не приходила мнѣ въ голову, я никогда не задумывался ни о самомъ себѣ, ни о чемъ, окружавшемъ меня,—ѣлъ, пилъ и шутилъ, полжизни! А вѣдь я не дуракъ, имѣю кое-какое образованіе, могъ бы быть на что нибудь год-

нымъ,—но полжизни безсмысленно и безсознательно протолкался на свѣтѣ, безполезно для самого себя и для другихъ.... чтобы заслужить отъ пошлыхъ дураковъ лестное названіе *добраго малаго, славнаго товарища* — это вѣдь ужасно!... Я наконецъ дошелъ до того, что отупѣлъ совершенно, и нахожу удовольствіе въ обществѣ шутовъ, подобныхъ Ивану Петровичу, я считаю его добрымъ малымъ, точно также, какъ и онъ меня въ свою очередь; между нами начинаетъ раждатся даже нѣкотораго рода симпатія. Вася Пивоваровъ считаетъ меня почти *своимъ*, я въ этомъ убѣжденъ... да что Пивоваровъ?... Развѣ мой другъ Ртищевъ и тому подобные лучше его? Развѣ какой нибудь великосвѣтскій, утонченный шутъ, пресмыкающійся и разстилающійся передъ всякимъ внѣшнимъ величіемъ и передъ всякою силою, самъ доползшій до богатства и почестей лестью и шуточками — лучше чѣмъ нибудь купеческаго грубаго шута и блюдолиза Ивана Петровича? И мнѣ совѣстно, что я послѣдній разъ оскорбилъ его, онъ вѣдь все таки беззащитный!... конечно, онъ гадокъ и подлъ, но онъ не чувствуетъ этого, а я это вижу ясно— и пускаю его къ себѣ для своей забавы! Какое же имѣю право оскорблять его? Нѣтъ! съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой я болѣе путаюсь въ этой жизни и мнѣ становится тяжелѣе.... Я во чтобы то ни стало разомъ перерву всѣ мои прежнія связи и всѣ эти трактирныя и другія нелѣпыя знакомства. Я ужъ одержалъ побѣду надъ собою, — поздравь меня, — я не велѣлъ пускать къ себѣ Ивана Петровича и еще нѣкоторыхъ господъ гораздо повыше его.... Глядя сегодня на этихъ

тупыхъ, безсмысленныхъ и толстыхъ женщинъ съ брилліянтами и съ черными зубами; на этихъ бородатыхъ самодуровъ, налитыхъ чаемъ; на этого разфранченнаго жениха, полупьянаго дикаря въ костюмѣ англійскаго денди и, представляя себѣ будущую картину его супружеской жизни и страданій, ожидающихъ эту несчастную женщину, я задыхался отъ негодованія.... Вѣдь очень нужно было ей родиться въ такой средѣ! Впрочемъ, знаешь что?.... разсуждая хладнокровно, можетъ быть и въ другихъ средахъ участь ея была бы не легче. Много ли бы она выиграла оттого, если-бы родилась княжною и должна бы была сдѣлаться напримѣръ женою какого нибудь князя Ртищева?... Такія явленія какъ она, у насъ исключенія, а всякое исключеніе, все что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей—обречено на гибель. Ну, способны ли мы,—скажи по совѣсти,—цѣнить эти рѣдкія, утонченныя женскія натуры: — вѣдь мы, со студенческихъ скамеекъ прямо, очертя голову, бросаемся въ грязь жизни и потомъ по горло тонемъ въ ней, пресыщаясь всевозможными и даже невозможными наслажденіями; мы люди рождающіеся въ довольствѣ и въ обезпеченіи, не привыкшіе ни къ какимъ заботамъ, ни къ какимъ лишеніямъ, не испытавшіе никогда что такое нужда, имѣющіе возможность удовлетворять всѣмъ нашимъ прихотямъ—дѣлаемся, какъ »плодъ—до времени созрѣлый», ни на что не годными нравственно разстлѣнными внутри.... Мы нападаемъ на Пивоварова, а въ сущности, чѣмъ Пивоваровъ хуже какого нибудь сынка или внучка милліонера съ великолѣпными титлами и гербами? И тотъ и дру-

гой одинаково подвергаются порчѣ еще съ отроческаго возраста и представляютъ потомъ примѣры возмутительной пустоты и безпутства. У того и другаго съ раннихъ лѣтъ образуется маленькій дворъ изъ различныхъ шутовъ, льстецовъ и угодниковъ..... Разница между ними та, что одинъ пустой и безпутный господинъ такъ называемаго *хорошаго тона*, а другой — дурнаго тона, и мы, язвительно нападая на послѣдняго, защищаемъ перваго потому только, что онъ пустъ, безпутенъ и развратенъ по всѣмъ правиламъ какого-то нелѣпаго, условнаго comme il faut. Хороши мы, нечего сказать!... Le bon ton, la vie élegante! Видалъ я вблизи эту элегантную жизнь, — славная жизнь нечего сказать!... Татарская дикость одинаково скрывается и подъ элегантными формами какого нибудь князька-милліонера и подъ франтовскимъ костюмомъ Пивоварова или купеческаго сынка Мыльникова,—только у послѣднихъ она уже слишкомъ рѣзко бросается въ глаза.

Товарищъ мой былъ очень раздраженъ и потому я не противорѣчилъ ему, да, признаюсь, и противорѣчить-то было нечему.

— Во всѣхъ классахъ общества, конечно, есть люди хорошіе, продолжалъ онъ: — но если у насъ встрѣчаются люди въ полномъ и благородномъ значеніи этого слова — съ значеніемъ, съ убѣжденіемъ, съ мыслію, — серьезные, дѣльные, самостоятельные люди, такъ они выходятъ изъ тѣхъ бѣдныхъ классовъ, которые каждый шагъ въ жизни, чуть, не съ колыбели, принуждены брать съ бою.... А отъ насъ ждать, кажется, ничего.... Впрочемъ, я рѣшился сдѣлать по-

слѣднюю попытку надъ собою: побѣдить въ себѣ лѣнь, побороть пустоту и заставить себя заняться чѣмъ нибудь серьезно. Мнѣ давно предлагаютъ такого рода мѣсто, на которомъ я могу быть, кажется, полезенъ. И теперь мнѣ ничего болѣе не остается, какъ отдать всего себя служебной дѣятельности. Что изъ этого выйдетъ, я не знаю, — но попробую.... Какъ ты думаешъ? спросилъ онъ меня послѣ минуты молчанія.

— Это прекрасно, отвѣчалъ я: — попробуй. Надобно же испытать самого себя. Сложить руки и цѣлый вѣкъ стонать о своемъ безсиліи, о своей неспособности — глупо и стыдно.

— Рѣшено! Съ этой минуты я перерождаюсь!... произнесъ онъ съ увлеченіемъ: — ты не повѣришъ, какъ иногда мнѣ мучительно хочется дѣла, я ищу его — и оно, какъ кладъ, мнѣ не дается, да если бы и далось, то въ первое время я еще, мнѣ кажется, не зналъ бы какъ за него взяться. Все таки надобно воспользоваться первымъ предстоящимъ случаемъ, а этотъ случай — именно мѣсто, которое предлагаютъ мнѣ.

Такимъ образомъ толкуя, мы просидѣли далеко за полночь. Товарищъ мой нѣсколько развеселился и какъ человѣкъ увлекающійся, очень много фантазировалъ о предстоящей ему служебной дѣятельности.

Когда я уходилъ отъ него, онъ, провожая меня и улыбаясь, съ грустнымъ и горькимъ юморомъ, сказалъ:

— Ты скоро не узнаешъ меня. Я въ самомъ дѣлѣ превращусь если не въ дѣльнаго и серьезнаго человѣка, то въ дѣльнаго и серьезнаго чиновника!...

А Ольга-то Петровна?... прибавилъ онъ черезъ минуту, качая головою: — она ужь жена Пивоварова!... Чортъ знаетъ, къ этой мысли нѣтъ возможности привыкнуть!... Ну прощай, до свиданія....

Онъ какъ-то быстро и круто повернулся и захлопнулъ дверью.

VII.

Первое время послѣ женитьбы я очень часто видѣлъ Пивоварова въ ложѣ итальянской оперы и всякій разъ въ этой ложѣ появлялся князь Ртищевъ и просиживалъ тамъ очень долго. Хозяинъ ложи предоставлялъ ему обыкновенно мѣсто впереди возлѣ своей жены, а самъ садился сзади, очень довольный тѣмъ, что весь Петербургъ видитъ, какъ онъ близокъ съ княземъ. Объ этой близости его съ княземъ Петербургъ точно начиналъ поговаривать очень громко. Разныя значительныя лица при встрѣчѣ съ княземъ, благосклонно улыбаясь, спрашивали его:—Ну что, любезный другъ, какъ дѣла идутъ — хорошо? и князь почтительно наклонивъ голову, какъ будто не понимая вопроса, возражалъ улыбаясь:

— Какія дѣла? — стараясь смягчить нѣсколько свой густой басъ передъ значительными лицами.

— Еще прикидывается! замѣчали благосклонно значительныя лица:—а! каковъ?... А вотъ мы насплетничаемъ на тебя твоей женѣ....

Я забылъ сказать, что князь уже давно былъ женатъ и даже былъ отецъ семейства.

— Не безпокойся, любезный другъ, продолжали

значительныя лица:—мы постараемся быть скромными, а у тебя вкусъ не дуренъ, надо отдать тебѣ справедливость. C'est une trés jolie femme et tout-a-fait distinguée.... Откуда взялась этакая изъ купчихъ! это странно!. .

Однажды я сидѣлъ въ оперѣ рядомъ съ моимъ товарищемъ. Впереди насъ вертѣлся въ антрактѣ изнѣженный офицерикъ-фатъ, тотъ самый, съ которымъ мы обѣдали нѣкогда въ ресторанѣ. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то штатскимъ фатомъ.

— Une jolie personne! говорилъ ломаясь штатскій, смотря въ бинокль на ложу Пивоварова: — кто это такая?

— Гдѣ? спросилъ офицерикъ.

— Вотъ эта дама, въ ложѣ у которой князь Ртищевъ.

— А-а!... какъ будто ты не знаешь? Это жена Пивоварова. Ртищевъ въ связи съ нею: это ужъ весь городъ знаетъ.

Товарищъ мой поблѣднѣлъ.

— Я тебѣ не совѣтую повторять этого, сказалъ онъ, обращаясь къ офицерику: — это ложь самая глупая, нелѣпая и безстыдная, и если бы я услышалъ это отъ самого Ртищева, я и ему сказалъ бы, что онъ лжецъ и хвастунъ. Во всякомъ случаѣ распространять мерзкія городскія сплетни и позорить женщину — неблагородно.

— Mais pardon, pardon, забормоталъ офицеръ:— я говорю то, что всѣ, можетъ быть это и несправедливо, но....

— Но, перебилъ мой товарищъ: — я этого не позволю никому говорить при мнѣ, потому что я

знаю эту женщину и вполнѣ убѣжденъ, что это клевета.

Смущенный офицерикъ повертѣлся, пробормоталъ еще нѣсколько pardon и удалился.

— Скажите пожалуйста, что это сдѣлалось съ Сашей? сказалъ онъ мнѣ, останавливая меня при выходѣ изъ театра:—изъ веселаго, добраго малаго онъ превратился въ какого-то мрачнаго чудака, избѣгаетъ порядочнаго общества, удаляется отъ всѣхъ насъ, придирается къ каждому слову, говоритъ непріятныя вещи.... Вы понимаете, что если бы не наша старая связь, не эта короткость, которая всегда существовала между нами,—я не позволилъ бы ему говорить мнѣ такъ рѣзко и еще при другихъ! Я ему прощаю только потому, что я все-таки люблю его, что онъ нашъ старый пріятель.... Вы понимаете....

— Понимаю, отвѣчалъ я:—нѣтъ, ты простилъ бы всякому, любезный другъ, подумалъ я: — потому что ты жалкій, изнѣженный франтъ и трусъ....

Впрочемъ, не одинъ этотъ офицеръ, а многіе изъ прежнихъ пріятелей моего товарища, начинали отзываться объ немъ неблагосклонно. Изъ этого я заключилъ, что онъ не шутя начинаетъ дѣлаться серьёзнѣе. Онъ занялъ то мѣсто, о которомъ говорилъ мнѣ и отдался своему новому служебному поприщу съ жаромъ и увлеченіемъ, по сознанію самыхъ дѣльныхъ изъ своихъ сослуживцевъ. Къ изумленію не только своихъ прежнихъ пріятелей, но вообще всѣхъ обычныхъ посѣтителей публичныхъ увеселеній, между которыми онъ пользо-

вался большою популярностью, онъ пересталъ появляться въ театрахъ, въ маскарадахъ, въ ресторанахъ и на увеселительныхъ сходбищахъ. Сожалѣніе и удивленіе его прежнихъ пріятелей скоро перешло въ равнодушіе и наконецъ, почти въ презрѣнье къ нему.—«Онъ сдѣлался совсѣмъ чиновникомъ,» говорили объ немъ эти господа съ гримасой.

Толки о женѣ внука милліонера и о князѣ Ртищевѣ скоро прекратились, потому что князь вдругъ неизвѣстно почему пересталъ ѣздить къ Пивоваровымъ. Такъ какъ жизнь нашего общества состоитъ по большей части изъ самыхъ мелкихъ интересовъ и сплетенъ, то всякое мельчайшее происшествіе съ извѣстнымъ лицомъ становится въ преувеличенныхъ размѣрахъ общимъ достояніемъ и предается различнымъ толкованіямъ: — одни говорили, что князь Ртищевъ пересталъ волочиться за женою Пивоварова, потому что она ему надоѣла; другіе напротивъ увѣряли, что онъ удалился отъ нее потому, что потерялъ терпѣніе и всякую надежду на успѣхъ....

Говорятъ, что первый годъ внучекъ милліонера держалъ себя относительно своей жены довольно прилично, отчасти потому, что о красотѣ ея прокричали во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества,—слѣдовательно она удовлетворяла его тщеславію; отчасти потому, что дѣдушка объявилъ ему рѣшительно, что если женатымъ онъ не станетъ вести себя, какъ слѣдуетъ, и по прежнему будетъ предаваться *дебоширству,* то онъ лишитъ его наслѣдства.

Но дѣдушка черезъ полтора года послѣ брако-

сочетанія внука скончался, а вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и тесть молодаго Пивоварова — отецъ Ольги Петровны. Висилій Прохорычъ сдѣлался полнымъ властелиномъ милліоновъ, которые такъ давно издалека улыбались ему, и кромѣ того жена его получила, какъ говорили, послѣ отца до милліона.

Долго послѣ этого, слухи о богатствѣ Пивоварова, по обыкновенію въ размѣрахъ преувеличенныхъ и колоссальныхъ, занимали любознательные петербургскіе умы. Имя его сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ Петербургѣ отъ самаго знатнаго сановника до самаго бѣднаго чиновника. При встрѣчѣ съ нимъ многіе невольно останавливались и съ любопытствомъ, какъ чудо, разсматривали его съ ногъ до головы. Василій Прохорычъ при этомъ подавалъ постоянную пищу празднымъ петербургскимъ умамъ, которые сочиняли объ немъ удивительные анекдоты и даже цѣлыя легенды, содержанія совершенно баснословнаго....

Василій Прохорычъ, послѣ смерти дѣдушки, началъ съ того, что разломалъ его старинный домъ, прикупилъ къ нему мѣсто за большія деньги и возвелъ огромное зданіе съ каріатидами, статуями, вазами, гирляндами и другими архитектурными украшеніями, во вкусѣ Растрелли; вставилъ въ оконныя рамы цѣльныя зеркальныя стекла; меблировалъ внутри съ неслыханною роскошью: наставилъ на мраморные подоконники у каждаго окна банановъ и другихъ тропическихъ растеній, вездѣ пустилъ шелки, бархаты, тюли; не пощадилъ мрамора, бронзы и, наконецъ, чтобы ни въ чемъ не уступить своему сопернику по богатству Мав-

роконаки, развѣсилъ на всѣхъ стѣнахъ картины извѣстныхъ современныхъ живописцевъ, въ дорогихъ рѣзныхъ рамахъ, несмотря на то, что къ живописи не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія. Картины свои онъ пріобрѣлъ оригинально. Онъ пріѣхалъ однажды къ Нигри—извѣстному въ Петербургѣ продавцу картинъ и другихъ художественныхъ вещей (Нигри самъ потомъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности, смѣшаннымъ съ иронiею, разсказывалъ мнѣ объ этомъ).

— Ну, говоритъ, мосье Нигри: — мнѣ нужны для моего новаго дома самыя лучшія картины первыхъ иностранныхъ мастеровъ и по больше; если у васъ, говоритъ, недостанетъ, такъ вы мнѣ ихъ выпишите. Я денегъ не пожалѣю, только лишь бы были самыя лучшія. Я полагаюсь вполнѣ на васъ.

Нигри привезъ ему до тридцати картинъ Кукуковъ, Каламовъ, Маду, Рокеплановъ, Деканъ и другихъ самыхъ громкихъ именъ между современными французскими и бельгійскими живописцами.

— Извольте, говоритъ, выбирать: это все *шедёвры*.

Картины разставили въ большой бальной залѣ. Василій Прохорычъ прошелся по залѣ, бросилъ бѣглый взглядъ на картины и потомъ обратился къ Нигри.

— Славныя, говоритъ, картины, а что видѣлъ ли ихъ Мавроконаки?

— Какъ-же! Онъ мнѣ за одного Калама давалъ пять тысячъ рублей, да я ему сказалъ, что эти картины выписаны для васъ....

— Гм!... Василій Прохорычъ пріятно улыбнул-

ся. — Ну, а сколько онѣ всѣ стоятъ? Говорите только крайнюю цѣну.

— Шестьдесятъ пять тысячъ, отвѣчалъ Нигри, призадумавшись немного:—и то только въ такомъ случаѣ, если вы купите разомъ всѣ.

— Уступите, говоритъ, что нибудь.

— Тысячу рублей я, пожалуй, уступлю для васъ, но болѣе ни копѣйки.

— Ну такъ, говоритъ по рукамъ, мосье Нигри. Картины всѣ за мною.

И затѣмъ онъ повелъ Нигри въ свой кабинетъ и отсчиталъ ему 64,000.

— Я, прибавилъ мнѣ Нигри въ заключеніе, больше тридцати лѣтъ торгую картинами, но такой случай со мной былъ первый разъ въ моей жизни. На такую сумму вдругъ не всегда въ жизни удастся продать. Когда онъ сказалъ мнѣ, что онъ оставляетъ всѣ картины за собою, у меня дрожь пробѣжала по тѣлу, а когда онъ вынулъ деньги, такъ у меня даже въ глазахъ помутилось. Вотъ каковъ г. Пивоваровъ! Это рѣдкій, великодушный человѣкъ!...

При этомъ разсказѣ въ глазахъ г. Нигри дрожали слезы—и не мудрено.

Второй подвигъ Пивоварова былъ—пріобрѣтеніе дачи, принадлежащей князю N. Устройство этой дачи стоило ему также огромныхъ денегъ. Его оранжереи, сады и парки приводили въ свое время въ справедливое изумленіе весь Петербургъ.

Тщеславіе милліонера разрасталось все болѣе и болѣе. Онъ, говорятъ, скупалъ у портныхъ цѣлыя груды модныхъ матерій для себя, чтобы ни у кого въ Петербургѣ не было такихъ платьевъ, панта-

лонъ и жилетовъ, какъ у него; подковывалъ рысаковъ своихъ серебряными подковами; угощалъ зимой свѣжими ягодами и другими рѣдкостями военныхъ и статскихъ генераловъ, которые, объѣдаясь на его обѣдахъ, смотрѣли на него съ чувствомъ глубочайшей признательности и умиленія, и послѣ обѣда за ликерами, забывая свое величіе и свой санъ, прижимали его къ своей сіяющей груди съ отцовскою нѣжностію.

— Вотъ человѣкъ, который умѣетъ пользоваться своимъ богатствомъ, говорили они.

Но на этихъ банкетахъ съ генералами, льстившихъ его тщеславію, онъ не могъ развертываться вполнѣ; они даже нѣсколько утомляли и тяготили его... и онъ отдыхалъ отъ нихъ по вечерамъ въ обществѣ людей своихъ, близкихъ, къ которымъ неизмѣнно принадлежали: Иванъ Петровичъ, купеческій сынокъ Мыльниковъ, жидъ-факторъ, биржевой маклеръ, и къ которымъ вновь присоединились: актеръ, воспѣвавшій его въ застольныхъ куплетахъ, и капельмейстеръ какого-то театра, посвящ вшій ему свои кадрили и полѣки. На этихъ задушевныхъ сборищахъ выпивалось несмѣтное количество такъ называемыхъ *сулеечекъ* и русскій широкій разгулъ доходилъ до послѣднихъ предѣловъ. Всѣ задушевные пріятели Василія Прохорыча не терпѣли его жены и даже до нѣкоторой степени боялись ее, — вѣроятно потому, что она держала себя отъ нихъ далеко и обращалась съ ними холодно, чувствуя въ свою очередь нѣкоторую боязнь къ нимъ. Почетные гости Василія Прохорыча—военные и штатскіе генералы—не обнаруживали также къ ней большаго расположенія.

Они отзывались объ ней, какъ объ женщинѣ сухой и холодной. И самъ Василій Прохорычъ явно начиналъ ощущать при ней какую-то неловкость; она стѣсняла его порывы и невольно останавливала его размашистость. Отъ этого онъ старался держать себя, какъ можно подальше отъ нея. Все это можно было безошибочно вывести изъ различныхъ толковъ и слуховъ, особенно-же изъ словъ Ивана Петровича, который всякій разъ при встрѣчѣ со мною считалъ необходимымъ подходить ко мнѣ и заводить со мною бесѣду.

— Наша Ольга Петровна, говорилъ онъ:—прекрасная дама, только ужь такая серьезная, строгая, что Боже упаси! У какая бѣдовая! Ни шуточкой ее не разсмѣшишь и никакимъ эдакимъ манеромъ къ ней не подъѣдешъ. Такая, знаете, *не тронь меня*, и не разговорчивая: все больше любитъ уединеніе и книжки читаетъ. А ужъ на счетъ того, чтобы эдакъ расположеніе кому обнаружить глазками или улыбкой — куда!... На что князь Ртищевъ ужь молодецъ! онъ, какъ знаете, подъѣзжалъ къ *намъ*, — да нѣтъ, съ тѣмъ и отъѣхалъ. Взятки-то съ насъ гладки! Такая, я вамъ скажу, добродѣтель, что въ нашемъ сословіи, то есть въ богатомъ купечествѣ, — я ужъ ихъ всѣхъ голубушекъ-то знаю! — такой еще, кажется, и не бывало. Ей Богу! Точно есть такія, что очень важно и строго себя держатъ,—а противъ какого нибудь князя съ аксельбантами да съ саблей ни одна ужъ я вамъ доложу, не устоитъ... Что и говорить: Ольга Петровна — это рѣдкостная дама!... Что касается до добродѣтели, то такую другую конечно и днемъ съ огнемъ не отъищешь,

только ужъ никакой веселости, точно какъ въ воду опущенная: ничто ее не занимаетъ, на все смотритъ — на дорогія тысячныя вещи, какъ на грошевыя, и ласки ни за что не дождешься отъ ней, а вы сами изволите знать, что ласковая телятка двѣ матки сосетъ. Нашему-то натурально и хочется иногда, чтобы она приласкала его. Привезетъ онъ ей какую нибудь шаль, тысячъ въ пять серебромъ, или этакой эсклаважъ какой-нибудь, который горитъ, какъ солнце,—хоть бы когда нибудь за щеку что-ли потрепала его, или поцаловала, сказала-бы: »мерси, душка!» — ни за что, все твердитъ одно и тоже: «Зачѣмъ мнѣ это? На что это мнѣ?» Ну это ужъ, какъ хотите, обидно: такимъ обращеніемъ, воля ваша, не привяжешь къ себѣ. Немудрено послѣ этого, если мы будемъ и на сторонку поглядывать: да другимъ домкомъ заживемъ-съ За это и винить насъ нельзя будетъ... Да вотъ хоть бы, примѣрно, мы хотѣли балы давать, — вѣдь эдакой домище, залы какія, само собой разумѣется, что хочется щегольнуть ими: зимній садъ освѣтили бы, фонтаны пустили бы, — весь Петербургъ ахнулъ бы, да нѣтъ-съ, куда!... Ольга Петровна и слышать не хочетъ, а вѣдь безъ хозяйки какой же балъ! И на наши званые-то обѣды она выходитъ какъ будто нехотя, изъ одного только приличія, а не то, чтобы занять гостей, обласкать, полюбезничать, какъ слѣдуетъ хозяйкѣ, а гости-то какія, Господи! первѣшій генералитетъ, звѣздъ-то у насъ за обѣдами, какъ въ темную ночь на небѣ.... Мыльниковъ, тотъ иногда, знаете, съ просту брякнетъ,—такъ онъ разъ сказалъ про нее: не въ коня, говоритъ, кормъ. И дамы

наши тоже ее не жалуютъ, никуда вѣдь ѣздить не хочетъ, только и дружбу ведетъ, что съ сестрицей Александра Григорьича... Я, впрочемъ, очень уважаю Ольгу Петровну — прекраснѣйшая дама, умная,—добрая такая, а ужъ это видно такой характеръ....

Каждый разъ Иванъ Петровичъ заводилъ, между прочимъ, рѣчь объ моемъ товарищѣ.

— Какъ ихъ здоровье? спрашивалъ онъ: — давно не имѣлъ счастія ихъ видѣть, ихъ теперь никогда и застать нельзя. Сдѣлались важными, дѣловыми людьми: въ министры смотрятъ, — такъ ужъ нашему брату развѣ только издалека на нихъ посмотрѣть можно!...

VIII.

Послѣ смерти дѣдушки, внукъ милліонера совсѣмъ почти не появлялся въ публику съ своею женою. Онъ на театрахъ и на гуляньяхъ былъ постоянно съ Иваномъ Петровичемъ, который поотекъ, постарѣлъ и посѣдѣлъ нѣсколько, но оставался по прежнему шутникомъ и забавникомъ. Василій Прохорычъ также замѣтно измѣнился. Онъ значительно пополнѣлъ и въ лицѣ его обнаружилась какая-то не совсѣмъ пріятная пухлость и краснота. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей балета и сидѣлъ обыкновенно съ Иваномъ Петровичемъ въ первомъ ряду на абонированныхъ креслахъ, изрѣдка только, вѣроятно для разнообразія, появляясь въ литерной ложѣ вмѣстѣ съ своей обычной компаніей — и

тогда изъ этой ложи раздавались громы рукоплесканій одной изъ хорошенькихъ корифеекъ и къ ногамъ ея сыпались дорогіе букеты. Когда мнѣ случалось бывать въ балетѣ, я замѣтилъ, что всѣхъ больше выходилъ изъ себя, кричалъ и апплодировалъ при ея появленіи на сцену Иванъ Петровичь и жидъ-факторъ.

Такъ прошло года два....

На петербургской сценѣ, предшествуемая громкой репутаціей появилась танцовщица уже не первой легкости и молодости, но съ роскошными, пластическими формами и съ остатками граціи, которой нѣсколько вредила излишняя полнота. Несмотря на всѣ ухищренія, принятыя противъ нее поклонниками юныхъ отечественныхъ талантовъ,—пріѣзжая танцовщица имѣла успѣхъ блистательный и заняла свѣтскіе петербургскіе умы по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ. Ее окружали всѣ извѣстные въ Петербургѣ любители хореграфическаго искусства и пластическихъ формъ—и одинъ изъ почетныхъ петербургскихъ старцевъ, почтенный семидесяти-лѣтній театралъ, раздававшій вѣнки славы всѣмъ наѣздницамъ, актрисамъ и танцовщицамъ, торжественно объявилъ, что если она не выше Тальони и Эльслеръ, то въ своемъ родѣ не уступитъ ни одной изъ нихъ; что она соединяетъ въ себѣ легкость и грацію Тальони съ выразительною мимикой и пластичностію Эльслеръ. Почтенный старецъ-театралъ составилъ около себя клику изъ горячихъ молодыхъ людей, неутомимыхъ крикуновъ и хлопальщиковъ и руководилъ ими. Пріѣзжая танцовщица безъ поддержки почтеннаго старца не могла бы конечно

имѣть такого блистательнаго успѣха, она знала это, и награждала его самымъ кокетливымъ вниманіемъ и ласкала своей пухлой, бѣлой ручкой съ драгоцѣнными кольцами на пальцѣ его морщинистыя щеки, — а онъ, глядя на нее, замиралъ отъ умиленія, отчего нижняя губа его почти совсѣмъ отваливалась...

Во главѣ ея поклонниковъ, во второй же ея дебютъ, явился внучекъ милліонера въ литерной ложѣ со всей своей компаніей и съ возомъ букетовъ. Корифейкѣ, которую онъ протежировалъ, нанесенъ былъ въ этотъ вечеръ ударъ неожиданный и страшный. Она вертѣлась, прыгала и дѣлала пируэты, такъ что потъ градомъ катился съ ея личика, и въ заключеніе подскакивала къ рампѣ и, останавливаясь передъ нею, тщетно улыбалась благосклонной публикѣ, вызывая этой милой улыбкой ея одобренія... ни одного звука, похожаго на аплодисментъ не раздалось въ этомъ безчувственномъ партерѣ, который еще съ недѣлю назадъ тому восторженно привѣтствовалъ ея появленія. Бѣдная дѣвочка въ тоскливомъ предчувствіи чего-то недобраго, выправляя носки за кулисами, залилась горячими слезами.

Но когда во второмъ актѣ балета пріѣзжая танцовщица, въ три прыжка перелетѣвъ сцену, закружилась у рампы и потомъ упала на руки танцора, поднявъ очень высоко правую ножку и принявъ неописанно-граціозную и соблазнительную позу; когда громъ рукоплесканій раздался по залѣ, а изъ литерной ложи раздались дикіе неистовые крики: **Brava! Brava!..** и посылались на сцену гирлянды и букеты, которые, казалось, готовы были

затопить сцену, какъ во время неронова пиршества, описаннаго г. Меемъ, и изумленные зрители обратились къ цвѣточной ложѣ, несчастная корифейка, видѣвшая все это: поняла, что участь ея рѣшена и чуть не упала въ обморокъ.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ антрактѣ, Василій Прохорычъ въ бѣломъ галстукѣ, самодовольный и гордый появился въ партерѣ... Почетный и почтенный старецъ-театралъ съ глубокимъ чувствомъ пожалъ ему руку, назвалъ его *просвѣщеннымъ любителемъ благороднаго хореграфическаго искусства и* замѣтилъ, что этотъ вечеръ навсегда останется памятнымъ въ *театральныхъ лѣтописяхъ*.

Послѣ этого онъ даже удостоилъ пригласить Василія Прохорыча къ себѣ на обѣдъ въ честь пріѣзжей знаменитости.

Обѣдъ этотъ могъ назваться баснословнымъ по роскоши. При окончаніи его, провозгласивъ тостъ пріѣзжей знаменитости, маститый хозяинъ-театралъ торжественно преклонилъ передъ нею свои старческія, трудно-сгибавшіяся колѣна...

Съ этого дня почетный старецъ принялъ внука милліонера подъ свое высокое покровительство, и вскорѣ за тѣмъ пронесся въ городѣ слухъ, что внукъ милліонера нанялъ для пріѣзжей знаменитости квартиру въ одной изъ лучшихъ частей города и великолѣпно меблировалъ ее. Пріѣзжая знаменитость начала появляться на Невскомъ проспектѣ въ ослѣпительномъ блескѣ и въ поражающей роскоши, что отчасти еще болѣе способствовало ея сценическимъ успѣхамъ! Безусые офицеры и штатскіе франты начали сходить отъ нее

съ ума, и всякій разъ провожали ее на театральномъ подъѣздѣ, послѣ представленія, съ криками, и когда однажды, тронутая такимъ энтузіазмомъ своихъ поклонниковъ, она бросила имъ изъ кареты свой платокъ, они растерзали его на части, чтобы имѣть каждому хоть по маленькому лоскуточку этой драгоцѣнности и носили его потомъ на груди, зашивъ въ ладонку. Близкія сношенія внука милліонера съ пріѣзжею знаменитостію возвысили его значительно въ глазахъ многихъ петербургскихъ господъ; тѣ, которые прежде не хотѣли смотрѣть на него, начали даже заискивать его знакомство.... Это была самая блестящая минута его жизни; но въ то время, какъ нравственный кредитъ его поднялся до такой высоты, его денежный кредитъ начиналъ пошатываться. Со смерти своего дѣдушки онъ почти прекратилъ всѣ коммерческія дѣла и, какъ носились слухи, значительно тронулъ свои капиталы: на покупку домовъ и дачь, на постройку новыхъ зданій, меблировку и прочее, и прочее; при этомъ говорили, что передъ своими короткими сношеніями съ пріѣзжею знаменитостію, онъ долженъ былъ внести предварительно на ея имя въ какое-то кредитное учрежденіе до 300,000 р. серебромъ.

Пріѣзжая знаменитость, какъ оказалось впослѣдствіи, отличалась твердостію, настойчивостію и необыкновенною жадностію къ деньгамъ и брильянтамъ. Она въ домашней своей жизни была настоящая *Катарина дочь разбойника* и не имѣла ничего общаго съ Сильфидами, Ундинами, Жизелями и со всѣми этими восхитительными воздушными и идеальными существами, которыхъ она

такъ прекрасно олицетворяла на сценѣ. Положительность и разсчетливость руководила всѣми ея поступками въ жизни. Она выписала изъ-за границы мать, двухъ братьевъ, которыхъ пристроила въ циркъ и еще какого-то француза-*кузена*, молодаго и рослаго малаго, съ курчавыми, густыми волосами, съ большими усами, съ самодовольными и вполнѣ беззастѣнчивыми манерами, которому она отдѣлила двѣ комнаты въ своей квартирѣ... Вся эта орда содержалась, разумѣется, на счетъ Василья Прохорыча, а у кузена завелись даже собственные экипажи.

Кузенъ, говорятъ, производилъ очень непріятное впечатлѣніе на Василья Прохорыча. Его свободное обращеніе съ кузиной возбуждало въ Васильѣ Прохорычѣ чувство ревности — и онъ однажды рѣшился требовать, чтобы кузена отправили назадъ за-границу, но это требованіе возбудило такую страшную бурю, послѣ которой онъ ужъ окончательно и безусловно притихъ и подчинился новопріѣзжей знаменитости, убѣдясь, что съ знаменитостями нельзя обращаться, какъ съ обыкновенными женщинами, съ какими нибудь Луизами, корифейками и имъ подобными.

Увѣряли, что во время этой бури разбитъ былъ, между прочимъ, въ дребезги, превосходный севрскій сервизъ, стоившій рублей семьсотъ, который былъ поднесенъ Василіемъ Прохорычемъ пріѣзжей знаменитости въ день ея рожденія.

— Вы думаете, что я дорожу этой дрянью, которую вы дарите мнѣ? кричала она, принявъ угрожающую, трагическую позу...

И при этомъ драгоцѣнный сервизъ вмѣстѣ со

столикомъ изъ розоваго дерева, съ фарфоровыми медальонами во вкусѣ Буше, полетѣлъ съ громомъ къ ногамъ несчастнаго обожателя и черепки Севра разлетѣлись по всей комнатѣ...

— **Vous êtes un barbare! un monstre! un cosaque!**... Я не могу жить съ вами болѣе ни минуты... Я не хочу болѣе видѣть васъ, и прочее.

Василій Прохорычъ при мысли, что пріѣзжая знаменитость броситъ его, совершенно потерялся и упалъ передъ нею на колѣни, вымаливая прощенія за свои дерзкія слова; но прощеніе послѣдовало только тогда, когда поднесены были новые дорогіе сюрпризы и подарки. И такія сцены повторялись безпрестанно... Братья пріѣзжей знаменитости—также знаменитый эквилибристъ и клоунъ и не менѣе знаменитый наѣздникъ, разсыпавшіе въ разговорѣ черезъ слово: **Fichtre, parbleu, morbleu, diantre** и другія еще болѣе энергическія восклицанія, вмѣстѣ съ кузеномъ распоряжались самовластно въ домѣ своей родственницы: угощали своихъ пріятелей обѣдами и ужинами, распивали шампанское съ утра до ночи, метали ланскене, до котораго сама знаменитость была величайшая охотница, и кромѣ всего еще обыгрывали Василія Прохорыча на значительныя суммы....

Одинъ изъ старинныхъ знакомыхъ Василія Прохорыча, извѣстный петербургскій аферистъ и ростовщикъ, родившійся, если я не ошибаюсь, отъ молдавана и мордовки, что-то въ родѣ этого, съ необыкновеннымъ добродушіемъ разсказывалъ однажды при мнѣ на русскомъ языкѣ, съ какимъ-то страннымъ акцентомъ, о томъ, какъ онъ угощалъ у себя обѣдомъ пріѣзжую знаменитость съ брат-

цами и Василія Прохорыча. Я передамъ только одну сущность этого неподрожаемаго разсказа.

— Василій Прохорычъ, говорю я имъ, (и во все время разсказа ростовщикъ улыбался съ хитростію и изрѣдка подмигивалъ однимъ глазомъ)—мнѣ бы очень хотѣлось угостить вашу даму. Пріятная дама. Ухъ какой глазъ, а какъ ножками работаетъ — Боже мой!... Еслибъ она сдѣлала мнѣ такую честь, я счастливѣйшій въ мірѣ былъ бы человѣкъ!... А мнѣ ее, видите, больно хотѣлось заманить, потому, что вотъ какое обстоятельство: Василій Прохорычъ привелъ меня къ ней, отрекомендовалъ, я къ ручкѣ подошелъ и обѣдалъ у нее — все какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣда она подходитъ ко мнѣ—тонкій эдакій взглядъ, показываетъ на карты и спрашиваетъ меня: мусье, говоритъ, будете въ ланскенехтъ играть? Думаю, нельзя же отказаться. Первый разъ въ домѣ, неловко и такая барыня пріятная.—Я говорю: «Буду, буду, мадамъ.» А она мнѣ на это по русски: «Это корошо, корошо!» И сѣли мы... Метали ихные братцы, молодцы такіе на всякіе фокусы... я все вижу, молчу, не ловко же мнѣ, первый разъ въ домѣ. Дѣлать нечего, проигралъ 200 р., вынулъ и заплатилъ. Но я самъ себѣ не врагъ, я наверстаю эти деньги, думаю себѣ,—они не пропадутъ. Я и позвалъ къ себѣ откушать всю компанію, обѣдъ мнѣ стоилъ 300 р., вотъ и примѣтьте, стало быть эта барыня стоила мнѣ всего 500 р. Послѣ обѣда я подхожу къ ней, да и говорю также, какъ она мнѣ у себя дома: «мадамъ, я говорю, будете въ ланскенехтъ?» и высыпалъ на столъ все золотыя, такія новенькія, блестятъ. «Корошо, мосье, гово-

ритъ, хорошо,» а у самой глазъ на золото такъ и разгорѣлся... И всѣ съ охотой усѣлись къ столу... Я и началъ метать, а я вотъ видите хоть и не умѣю по ихнему фокусы дѣлать, а своимъ манеромъ дѣлаю чисто, *сансы* ужъ всѣ на моей сторонѣ, я это знаю заранѣе. Барыня все проигрываетъ и горячится и куши надбавляетъ. Тысячу пятьсотъ рублей проиграла. Я бы могъ съ нее десять, двадцать тысячъ сорвать, но не хотѣлъ. Думаю довольно, надо и совѣсть знать. Василій Прохорычъ вынулъ полторы тысячи изъ кармана и тутъ же заплатилъ мнѣ за нихъ.... Ну, а за чтоже я буду даромъ угощать, сами скажите, и своихъ денегъ вынимать изъ кармана! На деньги можно получить удовольствіе, тогда деньги не жалко... Но опять же такія дѣла дѣлать, какъ Василій Прохорычъ, безъ разсчета, это себѣ во вредъ, это опять не годится. Что онъ посадилъ въ эту даму денегъ — никто повѣритъ не можетъ... Еще годикъ-другой такъ, можетъ случиться дурно и кредитъ свой подорветъ... и честь потеряетъ, банкротъ будетъ. Что же хорошаго? Мнѣ жаль его, сердце у него славное, все на широкую ногу любитъ, но деньга не щепка; деньга — счетъ любитъ. Скопить милліоны трудно, а прожить — ничего не стоитъ. Ну теперь ему покуда деньги даютъ.... теперь еще можно: у него еще женнинъ капиталъ не тронутъ, а скоро придется, если все такую жизнь вести будетъ, и за женнины денежки приняться....

Ростовщикъ скорчилъ печальную гримасу, вздохнулъ и покачалъ головою.

Дѣйствительно черезъ годъ послѣ этого пронеслись слухи въ Петербургѣ, что дѣла Василія

Прохорыча въ величайшемъ разстройствѣ, что его дома, дровяныя двора и подвалы въ гостинномъ дворѣ и на биржѣ, все въ залогѣ; что онъ уже взялъ значительную часть денегъ изъ капитала своей жены и сверхъ этого ищетъ еще занять тысячъ до пятидесяти. Въ тоже время говорили будто пріѣзжая знаменитость пріобрѣла два дома въ Парижѣ, въ послѣднюю свою поѣздку за-границу.

Отношенія къ ней внука милліонера, по увѣреніямъ его близкихъ, становились съ каждымъ днемъ тягостнѣе, сцены между ними чаще и чаще. Не было никакой возможности боротся съ ея ежедневно увеличивающимися капризами и съ беззастѣнчивостью ея родственниковъ.

Капризы эти доходили до мелочей невѣроятныхъ. Несмотря на то, что у нее былъ поваръ-французъ, съ блестящей репутаціей, которому платились огромныя деньги, она увѣряла, напримѣръ, что онъ не умѣетъ приготовлять бульона, а что она безъ бульона ничего кушать не можетъ; сердилась, выбѣгала изъ-за стола (это было только въ тѣ дни, когда Василій Прохорычъ у нее обѣдалъ) и внучекъ милліонера долженъ былъ самъ рыскать по всему городу за бульономъ, но когда онъ являлся съ бульономъ, у нее пропадалъ аппетитъ и она выгоняла отъ себя своего обожателя вмѣстѣ съ бульономъ.

Такого рода ежедневныя сцены, приводили въ страшное раздраженіе Василія Прохорыча, и гнѣвъ его ни чѣмъ не удержимый, разражался обыкновенно дома. Онъ вымѣщалъ на своей женѣ всѣ оскорбленія и непріятности, которыя покорно и молчаливо выносилъ отъ своей возлюбленной...

Сестра моего товарища (вышедшая за мужъ за человѣка, котораго она давно любила) и ея мужъ, узнавъ положительно о разстройствѣ дѣлъ Василья Прохорыча и о томъ, что Ольга Петровна отдала уже ему значительную часть изъ своего капитала, поняли, что для спасенія ее надо дѣйствовать неотлогательно и рѣшительно — и они уговорили ее остальныя принадлежащія ей деньги отдать въ полное ихъ распоряженіе....

Василій Прохорычъ не подозрѣвалъ этого. Ему понадобилось тысячъ десять на покупку брилліантоваго колье, которое онъ хотѣлъ поднести пріѣзжей знаменитости въ день ея бенифиса, надѣясь такимъ подаркомъ смягчить нѣсколько ея строптивость.

Василій Прохорычъ обратился за этими деньгами къ женѣ, увѣренный вполнѣ, что отказа не будетъ, но когда Ольга Петровна объявила ему, что она уже не можетъ располагать своими деньгами и что она отдала ихъ, онъ сначала остолбѣнѣлъ отъ удивленія, какъ будто не вѣря своимъ ушамъ, потомъ пришелъ въ совершенное бѣшенство....

— Я знаю, кто тебѣ даетъ эти совѣты! кричалъ онъ... Я все понимаю... Это твой другъ, твоя пріятельница!... Да я имъ не позволю вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла! Я твой мужъ, но знаешь ли ты, что жена, по закону, должна во всемъ безпрекословно повиноваться мужу. Ты хочешь идти противъ закона? Я тебя заставлю повиноваться мнѣ... Отъ сегоднишняго дня я требую, чтобы нога твоя не была въ домѣ той госпожи, которую ты считаешь своимъ другомъ!

Василій Прохорычъ махалъ руками, топалъ ногами, принималъ угрожащія позы, и стучалъ кулакомъ по столу.

Но когда Ольга Петровна рѣшительно и твердо объявила ему, что она скорѣй оставитъ его, чѣмъ свою пріятельницу, Василій Прохорычъ вдругъ, удивленный такимъ неожиданнымъ отпоромъ, присмирѣлъ.

Онъ понималъ, что если она оставитъ его въ эту минуту, онъ потеряетъ совершенно кредитъ: Василій Прохорычъ попросилъ у нее извиненія за свою горячность и поцаловалъ ея ручку. Онъ не былъ золъ и если бы жена его въ самомъ дѣлѣ вздумала оставить его, онъ навѣрно огорчился бы этимъ и можетъ быть пролилъ бы даже нѣсколько слезъ объ ней въ тайнѣ, хотя вообще онъ не питалъ къ ней ни малѣйшей нѣжности, рѣдко видѣлся съ нею и не могъ не сознать, что она даже нѣсколько мѣшаетъ его разгулу.

Когда я однажды спросилъ у сестры моего товарища:

— Какимъ образомъ такая женщина, можетъ жить съ такимъ мужемъ?—она отвѣчала мнѣ, что Ольга Петровна нѣсколько разъ сознавалась ей въ томъ, что ея положеніе очень тяжело, что она не любитъ его, но между тѣмъ, невольно чувствуетъ къ нему что-то въ родѣ жалости, потому что у него *доброе сердце*...

Деньги на колье Василій Прохорычъ досталъ черезъ добродушнаго ростовщика молдавана болѣе 50 на 100 и подарокъ былъ поднесенъ пріѣзжей знаменитости послѣ перваго акта балета, вмѣстѣ съ огромнымъ и великолѣпнымъ букетомъ.

Но ни угодливость, ни покорность, ни подарки ничто не смягчало ея суроваго сердца и строптиваго нрава. Она безпощадно продолжала обирать и терзать своего несчастнаго обожателя. Василій Прохорычъ, какъ настоящій русскій человѣкъ, съ горя запилъ. *Сулеечки* уже перестали удовлетворять его, онъ приступилъ къ болѣе солиднымъ винамъ, и началъ колебаться между **eau de vie de France**, то есть коньякомъ и очищенной.

Онъ напивался почти каждый вечеръ въ своемъ задушевномъ кругу и въ нетрезвомъ видѣ начиналъ обнаруживать буйство.

Однажды князь Ртищевъ, который послѣ нѣсколькихъ лѣтъ снова возобновилъ знакомство съ Василіемъ Прохорычемъ, уговорилъ его устроить у себя вечеринку съ цыганами.

Вечеринка эта по своимъ неожиданнымъ трагическимъ послѣдствіямъ, произвела важный переворотъ въ жизни внука милліонера, и надѣлала большаго шуму въ городѣ. Объ ней разсказывали потомъ различнымъ образомъ, но я сообщу здѣсь объ ней достовѣрный разсказъ одного изъ присутствовавшихъ.

IX.

Вечеринка была устроена въ большой парадной столовой. Кромѣ задушевныхъ пріятелей Василія Прохорыча, неизбѣжныхъ лицъ, на всѣхъ его пирахъ—Ивана Петровича, купеческаго сынка Мыльникова, жида-фактора, актера, капельмейстера и другихъ, присутствовало еще нѣсколько пріятелей князя Ртищева.

Цыгане явились къ 11 часамъ и тотчасъ же началась попойка.

Въ одномъ изъ антрактовъ между пѣснями, когда уже было порядочно выпито, кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ другому, отказывавшемуся отъ вина, что онъ боится пить оттого, что находится подъ башмакомъ у жены. Князь Ртищевъ подхватилъ это и, потрепавъ по плечу внука милліонера, обратился ко всѣмъ, улыбаясь, и сказалъ:

— А вѣдь какъ вы думаете, господа, нашъ амфитріонъ тоже подъ башмакомъ у своей супруги!

— У которой? вскрикнулъ кто-то.

— Я говорю про законную, отвѣчалъ князь: — у другихъ-то батюшка, мы всѣ подъ башмаками!

Василій Прохорычъ нѣсколько обидѣлся.

— Ну, что не правда, что ли? спросилъ его князь.

— Нисколько, съ чего ты это взялъ? возразилъ Василій Прохорычъ: — я ссылаюсь на всѣхъ васъ (онъ обратился къ своимъ друзьямъ), кто хозяинъ въ домѣ, кто распоряжается всѣмъ, я или она?

— Еще бы! разумѣется — ты, закричали ему друзья въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ужъ этого никакъ нельзя сказать про Василія Прохорыча, *они* точно, что глава въ домѣ, прибавилъ Иванъ Петровичъ, обратившись къ Ртищеву.

Ртищевъ взглянулъ на Ивана Петровича, какъ на прожужжавшаго комара, или на пролетѣвшую муху, повернувъ чуть-чуть голову въ его сторону.

— Я повторяю, что ты подъ башмакомъ у жены, сказалъ онъ, обращаясь къ Василію Прохо-

рычу: — полно, не притворяйся. Ты думаешь, что я повѣрю этимъ (князь Ртищевъ кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Иванъ Петровичъ и жидъ-факторъ), свидѣтельство людей подчиненныхъ нельзя принимать. Ну докажи, что ты господинъ у себя въ домѣ и что не ты находишся подъ властью у жены, а жена подъ твоею властью.

— Хорошо, но какъ же это доказать?

— Очень просто, отвѣчалъ князь Ртищевъ, если Ольга Петровна явится сюда къ намъ теперь, хоть на минуту, я беру свое слово назадъ, и сознаюсь, что я ошибался.

Василій Прохорычъ призадумался, выпилъ залпомъ стаканъ вина и потомъ произнесъ рѣшительно и торжественно:

— Черезъ пять минутъ она будетъ здѣсь.

— Браво! воскликнулъ князь.

— Браво! крикнули вслѣдъ за нимъ другіе.

Черезъ нѣсколько времени Василій Прохорычъ явился дѣйствительно съ Ольгою Петровною.

Только что она переступила порогъ комнаты, какъ грянуло оглушающее «ура!» повторившееся троекратно.

— Здоровье Ольги Петровны! закричалъ князь Ртищевъ, взявъ бокалъ и подходя къ ней.

— Здоровье Ольги Петровны! повторило все собраніе.

— Я пью ваше здоровье, сказалъ ей князь Ртищевъ тихимъ голосомъ.

Передавшій мнѣ эту сцену замѣтилъ, что появленіе этой несчастной женщины, въ полупьяной и дикой компаніи, середи разрумяненныхъ и наг-

лыхъ цыганокъ, при щолканьи пробокъ и при неистовыхъ, оглушающихъ крикахъ, произвело на него страшное впечатлѣніе.

— Мнѣ вдругъ стало стыдно за себя, что я попалъ въ это общество, говорилъ онъ, — я почувствовалъ презрѣніе и негодованіе ко всѣмъ этимъ господамъ, и тутъ же далъ себѣ слово прекратить съ ними всякія сношенія. У меня сердце обливалось кровью, глядя на эту бѣдную женщину!

Когда она вошла, въ первую минуту, лицо ея выражало не то испугъ, не то недоумѣніе, а когда князь Ртищевъ подошелъ къ ней и заговорилъ съ нею, она вся помертвѣла.

— Величанье Ольгѣ Петровнѣ! закричалъ Ртищевъ, подставляя стулъ и садясь возлѣ нее.

Когда цыгане пропѣли величанье, онъ наклонился къ ней и что-то началъ нашептывать ей. Лицо ея въ это время быстро мѣнялось, она, то краснѣла, то снова блѣднѣла.... вдругъ онъ взялъ ее за руку, но она отдернула отъ него руку судорожно.

Въ эту минуту мужъ ея, который не могъ уже твердо держаться на ногахъ, постоянно слѣдивщій за нею и за княземъ Ртищевымъ, посматривая на него мрачно и озирая его съ ногъ до головы, ко всеобщему удивленію выступилъ впередъ.

— Милостивый государь, началъ онъ, обратившись къ Ртищеву,—я не позволю вамъ волочиться за моею женою. Слышите ли? Вы опять за старое, я все зналъ, все видѣлъ, и молчалъ только потому, что не хотѣлъ говорить, а мнѣ все равно, что вы князь. Вы говорите, что я у нее подъ башмакомъ, такъ я же вамъ докажу, что я не подъ башмакомъ у нее,—я не потерплю, что-

бы она позволяла вамъ за собой волочиться. Я ей этого не позволю, я съ ней могу все сдѣлать, и изъ дому ее выгнать, потому, что я мужъ!...

— Василій Прохорычъ, полноте... что это вы?... заговорили въ одинъ голосъ пріятели, испуганные такою неожиданною выходкою. Князь Ртищевъ сердито посмотрѣлъ на нихъ и только проговорилъ сквозь зубы:

— Оставьте его, онъ пьянъ! Съ нимъ можно будетъ говорить только тогда, когда онъ проспится.

— Я пьянъ?... Съ этимъ словомъ внукъ милліонера хотѣлъ было броситься на князя, но его удержали.

Ольга Петровна въ эту минуту вскочила со стула, но вдругъ вскрикнула и упала на полъ. Ее подняли и вынесли, а Василій Прохорычъ началъ послѣ этого рваться къ ней, колотить себя въ грудь и плакать. Князь Ртищевъ грозилъ убить его, всѣ остальные старались успокоить его и разошлись въ величайшей тревогѣ.

Говорятъ, что внучекъ милліонера просилъ потомъ прощеніе у князя и что князь по великодушію своему не только простилъ его, но даже вслѣдъ затѣмъ роспилъ вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько *сулеекъ* шампанскаго.

Черезъ два дня послѣ этой сцены, о которой мнѣ разсказывали на другой день, мой товарищъ заѣхалъ ко мнѣ часу въ седьмомъ вечера. На немъ, какъ говорится, лица не было. Я испугался, взглянувъ на него.

— Я у тебя нечаянно... сказалъ онъ: — возлѣ тебя живетъ докторъ, котораго я ищу... я не за-

сталъ его дома. Мнѣ сказали, что онъ воротится черезъ четверть часа...

— Что ты боленъ? спросилъ я:—что сь тобой? Ты страшно измѣнился.

— Я совершенно здоровъ,—это я не для себя. Бѣдная Ольга Петровна умираетъ. Она у моей сестры уже два дня. Сестра перевезла ее больную къ себѣ и сегодня ей сдѣлалось хуже. Я зналъ, что это должно кончиться трагически рано или поздно, такъ и случилось... Ея докторъ сказалъ, что у нея начинается нервическая горячка... Въ сію минуту она въ бреду.

Товарищъ мой, говоря это, ходилъ въ безпокойствѣ по комнатѣ и безпрестанно смотрѣлъ на часы.

— Ни я, ни сестра не слишкомъ довѣряемъ ея доктору, потому я и хочу пригласить твоего сосѣда. Его всѣ хвалятъ... Неправда ли, онъ хорошій докторъ?... Да ты ничего не слыхалъ, спросилъ онъ, остановясь вдругъ противъ меня: — ты не знаешь, какую сцену перенесла она?...

— Я знаю, отвѣчалъ я: — мнѣ обо всемъ разсказывалъ одинъ изъ свидѣтелей.

— Этотъ пьяный негодяй — мужъ ея, силою притащилъ ее на свою грязную пирушку и съ пьяна вдругъ началъ ревновать ее къ Ртищеву, хотя прежде онъ радовался, что Ртищевъ волочился за нею и даже хвасталъ этимъ. А Ртищевъ-то хорошъ!... Онъ нагло приставалъ, надоѣдалъ, не давалъ покоя этой несчастной женщинѣ втеченіе цѣлаго года, компрометировалъ ее. Она все передавала моей сестрѣ, ты знаешь ихъ дружбу. Ольга Петровна, несмотря на свою доброту и кротость, не могла никогда говорить объ этомъ человѣкѣ

безъ отвращенія.... И если бы ты могъ представить себѣ какія мѣры употреблялъ этотъ господинъ,— и вѣдь онъ еще отецъ семейства!—для достиженія своей цѣли, съ какою безсовѣстностью онъ велъ себя относительно ее, и какъ онъ потомъ мстилъ ей, когда убѣдился, что ему ничто не удается; что онъ наговорилъ ей въ этотъ вечеръ при первой встрѣчѣ съ нею послѣ нѣсколькихъ лѣтъ!.. Если бы это передалъ мнѣ кто нибудь другой, если бы я слышалъ это не отъ сестры моей, которая слышала все отъ самой Ольги Петровны, — я не повѣрилъ бы этому. И онъ позволялъ себя все это потому только, что онъ князь, а она жена купца. Что такое для него, князя, жена купца? Онъ хоть всю жизнь возится съ барышниками и съ пьяными цыганами, хоть у него больше лошадиная, чѣмъ человѣческая природа — не смотря на это онъ съ ногъ до головы все таки проникнутъ своимъ аристократическимъ достоинствомъ.... И такого господина я считалъ своимъ пріятелемъ и называлъ добрымъ малымъ!... Но прощай, однако, мнѣ пора.... Ну что, если я опять не застану этого доктора? Что я буду дѣлать?... Сдѣлай мнѣ дружбу, поѣдемъ вмѣстѣ—мнѣ надо сію же минуту во что бы то ни стало достать доктора.... надо спасти ее во что бы то ни стало!...

Товарищъ мой былъ въ такомъ волненіи и безпокойствѣ, что и безъ его просьбы я не оставилъ бы его одного....

Жизнь Ольги Петровны втеченіе нѣкотораго времени подвергалась величайшей опасности, такъ что доктора теряли надежду на ея выздоровленіе и потомъ сами признавались, что она спаслась ка-

кимъ-то чудомъ. Во все время ея болѣзни, которая продолжалась четыре мѣсяца, сестра моего товарища не отходила отъ ея постели и товарищъ мой все это время почти жилъ у сестры.

Ольга Петровна начала выздоравливать къ началу весны. Доктора для окончательнаго поправленія ея здоровья посовѣтовали ей ѣхать за-границу и она отправилась вмѣстѣ съ сестрою моего товарища и ея мужемъ на первомъ пароходѣ.

Черезъ два мѣсяца послѣ ихъ отъѣзда, товарищъ мой объявилъ, что онъ выходитъ въ отставку и также намѣренъ отправиться за-границу.

— Я чувствую, говорилъ онъ мнѣ, что мнѣ необходимо оторваться на время отъ всѣхъ моихъ пошлыхъ воспоминаній, которыя не даютъ мнѣ покоя и пробуждаются здѣсь невольно на каждомъ шагу; отдохнуть отъ всѣхъ оскорбленій, огорченій, обманутыхъ надеждъ, забыть всю эту жизнь, даже всѣ эти улицы, зданія, обычаи и въ-особенности лица — которыя я не могу видѣть безъ раздраженія и отъ каждаго слова которыхъ у меня разливается жолчь.... Тяжело провести полжизни безсознательно, безсмысленно, въ какой-то страшной пустотѣ и въ чаду и потомъ, утративъ половину энергіи, половину способностей, одурѣвъ нѣсколько отъ этой жизни, сознать все это; но еще тяжелѣе, ощутивъ потребность серьезной дѣятельности, горячее желаніе принести хоть крупицу пользы, сдѣлать хоть что нибудь доброе и порядочное въ жизни, чтобы искупить свое прошлое, — дойдти наконецъ опытомъ до сознанія, что все это мечта, что рутина и предразсудки еще такъ сильны, что изъ борьбы съ ними не возможно выйдти побѣ-

дителемъ.... Я бился больше трехъ лѣтъ, какъ рыба объ ледъ и что же изъ этого вышло? Люди, и очень значительные люди, которые оказывали мнѣ величайшую благосконность и даже подталкивали меня впередъ, когда я ничего не дѣлалъ и велъ пустѣйшую и безпутнѣйшую жизнь, которые называли меня тогда «славнымъ и добрымъ малымъ« и даже удостоивали мнѣ протягивать свои руки, — отвернулись отъ меня, когда я принялся за дѣло горячо и серьезно, не отступая ни передъ кѣмъ отъ своихъ убѣжденій и не продавая ихъ. Всѣ эти значительныя люди говорятъ обо мнѣ теперь, что я «или дуракъ, или человѣкъ безпокойный и вредный....» Когда я обратился по одному вопіющему дѣлу къ одному изъ такихъ значительныхъ лицъ, оказывавшихъ мнѣ свое высокое благоволеніе, — онъ мнѣ приходится еще и родственникъ немного, — и разсказалъ ему все дѣло въ подробности и роль, которую я въ немъ принялъ на себя, и просилъ его содѣйствія и помощи, онъ сказалъ мнѣ: »ты дѣйствуешь благородно и честно. Мѣшать я тебѣ не буду, но на мою помощь не надѣйся. Мое имя тутъ не должно быть вмѣшано.. » И мнѣ остается теперь на выборъ — или измѣнить своимъ убѣжденіямъ, то есть, сдѣлаться подлецомъ—и продолжать съ успѣхомъ подвизаться на служебномъ поприщѣ, получая потомъ черезъ два года награды, какъ это обыкновенно водится,— или бросить все и уѣхать куда нибудь подальше. Я ужь во всякомъ случаѣ послѣднее предпочитаю первому ... А и то сказать—нельзя же безусловно складывать все на другихъ и оправдывать самого себя. Изъ всего нашего поколѣнія кажется ника-

кого толку не выйдетъ. Мы не приготовлены для борьбы и большая часть изъ этого поколѣнія, — я говорю о самыхъ замѣчательныхъ и лучшихъ людяхъ, — теряютъ всякую энергію и падаютъ духомъ при малѣйшемъ препятствіи. А ужъ если лучшіе люди таковы,—такъ чего же ожидать отъ насъ. У насъ нѣтъ ни терпѣнья, ни силы воли, ни ловкости, чтобы взяться за дѣло!... Мы представляемъ какое-то печальное и жалкое зрѣлище и въ общественной и въ частной жизни. На словахъ мы мыслители, герои, а чуть до дѣла, то при малѣйшемъ препятствіи, при малѣйшей опасности, — и даже недоразумѣніи, сейчасъ на попятной дворъ и потомъ увѣряемъ себя, что истощили всѣ силы въ борьбѣ, сдѣлали все, что можно—вотъ такъ какъ я себя теперь увѣряю; а другой на моемъ мѣстѣ можетъ быть и преодолѣлъ бы препятствія и не отсталъ бы отъ дѣла такъ скоро....

Товарищъ мой остановился на минуту, грустно улыбнулся и прибавилъ:

— Впрочемъ, такого героя я думаю найдти трудно. Давидъ побѣдилъ одного Голіафа, но съ десятками Голіафовъ онъ все таки не выдержалъ бы борьбу.... Нѣтъ, за-границу, поскорѣй за-границу!...

— Слушая эти рѣчи моего товарища, я думалъ: —какъ самые прямодушные и откровенные люди иногда при объясненіи своихъ поступковъ забавно стараются обманывать и другихъ и самихъ себя! Не препятствія и непріятности по служебной дѣятельности, а совсѣмъ другое обстоятельство, которое разгадать было не трудно, манило

его за-границу, но онъ какъ будто самому себя боялся признаться въ этомъ....

Передъ самой минутой разставанья, онъ обнялъ меня и еще двухъ своихъ пріятелей, которые провожали его и сказалъ намъ сквозь слезы:

— Ну, прощайте друзья! Врядъ ли мы скоро увидимся. Здѣсь, мнѣ нечего дѣлать. Я убѣдился въ этомъ. Жизнь моя вообще какъ-то дурно устроилась. Я никому не нуженъ, да и самъ себѣ становлюсь въ тягость. Прощайте....

Мнѣ говорили (я однако не ручаюсь за это), что внукъ милліонера очень раскаявался въ своемъ поступкѣ съ женою и даже (это ужъ непонятно) нѣсколько дней скучалъ безъ нее.

Пріѣзжая знаменитость также оставила его вскорѣ послѣ этого. Она съ кузеномъ отправилась за границу, потому что дирекція театровъ не возобновила съ нею контракта.

Внукъ милліонера близился къ банкротству. Дома и дачи его были проданы съ аукціоннаго торга и люди знающіе говорили, что за уплатой всѣхъ долговъ, у него должна остаться весьма небольшая сумма денегъ. Переѣздъ Ивана Петровича къ купеческому сынку Мыльникову яснѣе всего обнаруживалъ, въ какомъ печальномъ состояніи находятся дѣла Василія Прохорыча.

Черезъ три года послѣ отъѣзда за-границу его жены, существованіе его совсѣмъ изгладилось.... Онъ, какъ въ воду канулъ, и нигдѣ не показывался.

X.

Съ отъѣзда моего товарища за-границу прошло уже четыре года. Я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, хотя онъ вообще по своей лѣнивой природѣ писать письма не охотникъ, даже къ друзьямъ, и я не обвиняю его за это. Онъ пишетъ только тогда, когда у него накипаетъ въ груди и когда онъ чувствуетъ уже неопреодолимую потребность высказаться. Такого рода друзья (по моему мнѣнію) гораздо пріятнѣе и удобнѣе тѣхъ, которые вмѣсто писемъ посылаютъ вамъ обыкновенно цѣлые трактаты и диссертаціи, если не еженедѣльно, то ужь навѣрно ежемѣсячно. Какую бы пламенную дружбу вы не питали къ человѣку, но читать груду тонкихъ почтовыхъ листовъ мѣлко исписанныхъ, хотя бы дружескою рукою — это величайшее изъ наказаній.

Письма моего товарища изъ-за границы (всегда очень короткія) постепенно становились все грустнѣй и грустнѣй. Въ концѣ ихъ онъ всегда прибавлялъ нѣсколько строчекъ объ Ольгѣ Петровнѣ. Изъ нихъ можно было заключить, что сначала теплый климатъ подѣйствовалъ на нее благодѣтельно и ни товарищъ мой, ни сестра его не сомнѣвались въ томъ, что она совершенно поправится; потомъ надежды эти по немногу слабѣли; она начинала чувствовать припадки болѣзни неизцѣлимой и наконецъ обратились въ боязнь за ея жизнь. Вотъ отрывокъ изъ послѣдняго письма моего товарища:

«Я пишу къ тебѣ въ той комнатѣ, въ котор лежитъ наша больная и боюсь, чтобы скрипъ моего пера не потревожилъ ее. Изъ этого ты можешь заключить, въ какомъ положеніи она находится... Боже мой! еслибы ты могъ вообразить, какъ она измѣнилась, какъ похудѣла! Но несмотря на всѣ страданія болѣзни, она сохранила вполнѣ свою прежнюю привлекательность, то милое выраженіе, которое ты вѣрно помнишь и которое съ перваго взгляда привлекало къ ней всякаго порядочнаго человѣка. Еслибы ты зналъ сколько жолчи, негодованія и презрѣнія во мнѣ въ сію минуту къ самому себѣ, къ непростительной дряблости моего характера, смѣшанной съ возмутительнымъ легкомысліемъ!

«Ты вѣрно догадывался, что я люблю ее. Несмотря на наши дружескія отношенія я никогда тебя не говорилъ объ этомъ, потому что я самъ только объ этомъ *догадывался*! Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что я не былъ до сей минуты человѣкомъ вполнѣ, а догадывался только, что я человѣкъ.... «Развѣ было, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь человѣческое въ моей прежней дикой, безпутной жизни?... Только увидѣвъ въ первый разъ ее, я созналъ что внутри меня есть все то, что отличаетъ человѣка отъ животнаго, и чувство и мысль и сердце, не въ смыслѣ куска мяса, а способное къ благороднымъ движеніямъ и готовое биться для возвышенныхъ ощущеній. Я ей обязанъ всѣмъ этимъ. И знаешь ли, если бы я до этого не былъ избалованнымъ, пустымъ и отупѣвшимъ барченкомъ, празднымъ кутилою безъ смысла и воли,—еслибы я былъ человѣкомъ съ само-

стоятельностію, съ разумной силой воли, съ энергіей.... я могъ бы быть счастливъ, безконечно счастливъ. Я ей не былъ противенъ, она питала ко мнѣ даже нѣкоторое расположеніе, и въ сію минуту, когда смерть стоитъ между ею и мною, теперь я убѣдился, что она и любитъ меня — и только теперь я ощущаю въ себѣ силы человѣка и готовъ на все для ея спасенія, когда уже для нее нѣтъ спасенія!

«А счастье было въ моихъ рукахъ... Развѣ съ любовію въ сердцѣ, вполнѣ сознанной; съ энергіей, свойственной всякому разумному существу, я не преодолѣлъ бы для нее всѣ препятствія, какъ бы онѣ не казались неопредолимыми, и не предупредилъ этотъ несчастный бракъ, который сводитъ ее теперь въ могилу?... Какъ ни былъ дикъ, грубъ и упоренъ ея отецъ,—онъ все таки любилъ ее.... Но я, какъ презрѣнный трусъ, увидѣвъ препятствіе тотчасъ свернулъ въ сторону, сталъ увѣрять себя и успокоивать тѣмъ, что я не способенъ къ семейной жизни, что я не могу составить счастія этой дѣвушки, что наконецъ если бы я рѣшился жениться на ней, то это огорчитъ *мою маменьку*... Я тебѣ признаюсь во всемъ въ сію минуту.... я не боюсь теперь твоего презрѣнія, потому что я самъ презираю себя: упрекая мою мать въ предразсудкахъ касты, я самъ, обвиняющій, былъ до того зараженъ этими предразсудками, что въ иныя минуты, не смотря на неопреодолимое мое влеченіе къ Ольгѣ Петровнѣ, мысль, что она дочь купца, смущала меня. Я краснѣлъ отъ этого, сознавая все безобразіе этого смущенія, но однако съ трудомъ побѣждалъ его въ себѣ....

«Когда она вышла замужъ, и Ртищевъ — *мой другъ* началъ наглымъ образомъ ухаживать за нею и хвастать своимъ волокитствомъ, я, человѣкъ — любившій ее, молчалъ и только внутренно озлоблялся.... Я не зажалъ рта этому наглому господину и не назвалъ его въ глаза подлецомъ, какъ я ни порывался на это. Я оправдывалъ себя тѣмъ, что это еще болѣе можетъ повредить ей, надѣлаетъ скандала.... Но въ сущности я боялся скандала не за нее, а за себя.... Пойми же ты всю безконечность, всю постыдную неизмѣримость такаго безсилія!...

«Куда же и на что же мы годны послѣ этого?.. Что же добраго можемъ мы сдѣлать? .. И теперь еще, написавъ это *мы*, я вѣдь утѣшаю себя, что не одинъ *я* таковъ, что *все наше поколѣніе* такъ ничтожно и слабо.

«Не смотря на всѣ мои прошлыя безпутства и теперешнія внутреннія муки,—я здоровъ: у меня широкая грудь, которая отъ камня не разобьется, какъ у знаменитаго Раппо; я дышу такъ полно и свободно, а у нее осталось легкихъ можетъ быть только на мѣсяцъ!..... Спрашивается, для чего природа наградила меня такимъ здоровьемъ и къ чему мнѣ оно?...»

Много времени прошло послѣ этого письма, но съ тѣхъ поръ я не получалъ отъ него ни одной строчки и ни отъ кого не слыхалъ ни объ немъ, ни объ ней. Мать его давно переселилась въ деревню, а къ петербургскимъ своимъ пріятелямъ онъ не писалъ больше полугода.... Гдѣ онъ и что съ нимъ?

Недавно вечеромъ я шелъ по ораніенбаумской дорогѣ. Верстахъ въ двухъ не доходя до Петергофа, на лѣвой сторонѣ къ морю, недалеко отъ большей дороги, стоитъ особнякомъ въ пескѣ, двухъэтажный безобразный домъ съ мезониномъ, окрашенный темно-желтой краской, съ тремя торчащими передъ нимъ небольшими соснами. На этомъ домѣ полинялая и облупившаяся вывѣска, на которой золотыми буквами изображено: «Трактиръ **Traiteur Tracteur.**» Въ серединѣ дома крыльцо съ шестью ступеньками; влѣво отъ крыльца окна, въ которыхъ видны грязныя и оборванныя кисейныя занавѣски; верхній этажъ кажется необитаемъ. Я всегда недоумѣвалъ для чего существуетъ этотъ «**Tracteur.**»

Проходя въ этотъ разъ мимо этого непонятнаго заведенія, я увидѣлъ у крыльца его новыя запыленныя дрожки, запряженныя тройкой; извозчикъ, малый лѣтъ подъ тридцать, красивый собой, въ синемъ тонкомъ армякѣ и въ шляпѣ на бекрень, принадлежавшій къ тому роду извозчиковъ, которыхъ обыкновенно называютъ *лихачами* и которые отъ аничкина до полицейскаго моста запрашиваютъ не менѣе двухъ цѣлковыхъ, — сидѣлъ подбоченясь и нѣсколько развалившись на сидѣньи для сѣдоковъ.... Одинъ мой литературный другъ — человѣкъ очень наблюдательный и остроумный, замѣтилъ однажды, что къ самому наглому и безнравственному классу петербургскаго народонаселенія принадлежатъ баньщики, швейцары, лакеи аристократическихъ домовъ и извозчики-лихачи. Это очень вѣрно, особливо относительно послѣднихъ. Извозчикъ-лихачъ что-то кричалъ, посматри-

вая на господина одѣтаго франтовски, но въ поистершемся платьѣ и въ фуражкѣ также на бекрень. На крыльцѣ стоялъ половой, а не подалеку отъ господина въ фуражкѣ другой господинъ, съ сѣдой небритой нѣсколько дней бородой, въ оборванныхъ пестрыхъ штанахъ съ фестонами, въ истертомъ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ и въ зимней фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ. Издалека было замѣтно, что господинъ въ фуражкѣ, который былъ пьянъ, уговаривалъ о чемъ-то лихача-извозчика, и что извозчикъ не соглашался.

Лихачъ былъ также на веселѣ.

Я подошелъ поближе.

Черты пьянаго господина, уговаривающаго лихача, показались мнѣ какъ будто знакомыми. Это меня удивило нѣсколько и я началъ въ него пристальнѣе вглядываться. Оказалось, что это былъ г. Пивоваровъ, внукъ русскаго милліонера, что меня нисколько не удивило.... Несмотря на то, что онъ совершенно отекъ и что лицо его, все испещренное жилками, приняло багровый оттѣнокъ, я, вглядѣвшись въ него, узналъ его тотчасъ.

— Ну, послушай Ваня, говорилъ внукъ милліонера, обращаясь къ лихачу съ убѣдительными жестами, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать всѣ пьяные: — ну, сдѣлай ты мнѣ это одолженіе.... я тебя прошу, понимаешь ты это.... я тебя прошу.... мы, братецъ, переночуемъ въ Петергофѣ, кутнемъ вмѣстѣ, а завтра въ городъ....

— Да на что кутить-то? возразилъ лихачъ, — прыти-то въ васъ много, да толку-то мало. Вѣдь гроша въ карманѣ нѣтъ.... а еще кутить!

— Ваня.... послушай Ваня.... я тебѣ клянусь— и внукъ милліонера поднялъ руку къ небу и потомъ размахнулъ ею:—вотъ всѣ они свидѣтели....

— Мы свидѣтели, перебилъ господинъ въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ, приподнявъ фуражку двумя опухшими пальцами и съ заискивающей улыбкой посмотрѣвъ на внука милліонера: — мы свидѣтели! повторилъ онъ.

Лихачъ презрительно улыбнулся.

— Они всѣ свидѣтели, продолжалъ внукъ милліонера:—ты мнѣ только дай пятнадцать рублей—я завтра отдамъ тебѣ, ей-Богу отдамъ.... ужъ ты мной будешь доволенъ, я тебѣ говорю, что угощу. Ваня, ей-Богу, то есть такъ угощу—вотъ ты увидишь.

— Угостишь на мои деньги-то! хорошо угощеніе! Да что тутъ толковать? Нечего тутъ балясыто по пусту точить. Ѣдемъ сейчасъ въ Петербургъ.... Что въ самомъ дѣлѣ?

— Ваня, ну смотри, Ваня! И внукъ милліонера погрозилъ ему пальцемъ.... я тебѣ сколько передавалъ денегъ.... Вспомни ты это одно! Я милліонами братецъ ворочалъ; у меня деньги есть, я отдамъ тебѣ пятнадцать рублей.... Честное слово. Что мнѣ пятнадцать рублей — наплевать.

— *Они* отдадутъ, непремѣнно отдадутъ! прохрипѣлъ господинъ въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ.

— Вотъ слышишь? онъ мнѣ вѣритъ... Эй, половой! подай ему за это стаканъ водки... Вотъ тебѣ четвертакъ—возьми!—и онъ бросилъ монету на песокъ.

Половой долго рылся, отъискивая ее, наконецъ нашелъ и отправился за водкой.

Господинъ въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ взялъ стаканъ дрожащей рукой.

— Ну пей за мое здоровье! вскрикнулъ внукъ милліонера, обращаясь къ господину въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ: — пей и поклонись мнѣ въ ноги. Слышишь?

— Слушаю, благодѣтель, слушаю! вскрикнулъ господинъ въ желтыхъ мерлушкахъ, разомъ выпилъ стаканъ, крякнулъ съ неописаннымъ наслажденіемъ, прокричалъ: ура! и потомъ бухнулся въ ноги промотавшаго милліонера.

— Кто это? спросилъ я у половаго...

— Этотъ, что въ ногахъ-то валяется? Это такъ, пьянчужка петергофскій мѣщанинъ, отвѣчалъ онъ презрительно.

— Ну, а этотъ господинъ зачѣмъ остановился тутъ у васъ?

— Пива спрашивали, пить захотѣлось, — изъ Рамбова ѣдутъ, извозчикъ говорилъ, что они всю ночь тамъ прокутили....

Я не дождался конца этой грязной сцены и побрелъ къ морю....

Это была моя послѣдняя встрѣча съ внукомъ милліонера.

Мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно. Здѣсь этотъ спившійся купчикъ, въ нѣсколько лѣтъ промотавшій милліоны, перешедшій черезъ всѣ степени безпутства и оканчивающій свое поприще у грязной харчевни на большой дорогѣ, и *тамъ* далеко за моремъ, загубленная имъ умирающая женщина — и мой бѣдный другъ... Какія странныя сближенія!..

и кого винить во всемъ этомъ — судьбу, случай, отдѣльныя лица, общество?...

Я подходилъ къ морю.

Широкая и чудная картина развертывалась передо мною... На безконечномъ водяномъ пространствѣ не было замѣтно ни малѣйшей зыби. Море не дышало. Оно было гладко, какъ стекло, отражая на своей поверхности вечернее зарево ярко розовыми и блѣдно-палевыми полосами, которыя удаляясь отъ заката, блѣднѣли, принимая опаловый цвѣтъ... На этой бѣловатой поверхности рѣзко чернѣлись двѣ недвижныя рыбачьи лодки и въ нихъ также два недвижныхъ человѣческихъ силуета. Далѣе къ востоку море исчезало въ синеватой мглѣ. Ни одинъ листокъ не шевелился на прибрежныхъ деревьяхъ, ни малѣйшаго звука и движенія не слышно было въ воздухѣ. Я подошелъ къ самой окраинѣ моря и долго стоялъ, смотря на эту картину и боясь пошевельнуться, чтобы не нарушить торжественнаго спокойствія, въ которое погружена была въ эту минуту природа.... Я начиналъ дышать легче, вдыхая въ себя морскую свѣжесть вмѣстѣ съ запахомъ, только что скошенной травы; я чувствовалъ какъ постепенно гасли всѣ мои мысли, замирали всѣ вопросы внутри меня и блѣднѣли всѣ образы, вызванные моимъ воображеніемъ... Эта тишина природы съ каждой минутой все болѣе и болѣе сообщалась мнѣ и охватывала всего меня... Я ужъ ничего не могъ думать, голова моя была какъ въ туманѣ, я не могъ оторвать глазъ отъ моря и начиналъ ощущать какое-то безсознательное, но безконечное наслажденіе....

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ

III-го тома.

—

СТРАН.

Великосвѣтскій хлыщъ 1

Провинціяльный хлыщъ 163

Хлыщъ высшей школы. 275

Внукъ русскаго милліонера . - 347

R.
Ed. Reunis
D.Nr. 18820

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Panaev, Ivan Ivanovič,

Sočinenija Ivana Panaeva Izd. gr. Kuševela-Bezborodko [Grigorij Aleksandrovič graf Kušelev-Bezborodko]

Bd.: 3

S.-Peterburg 1860

P.o.russ. 64 u-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610106-0